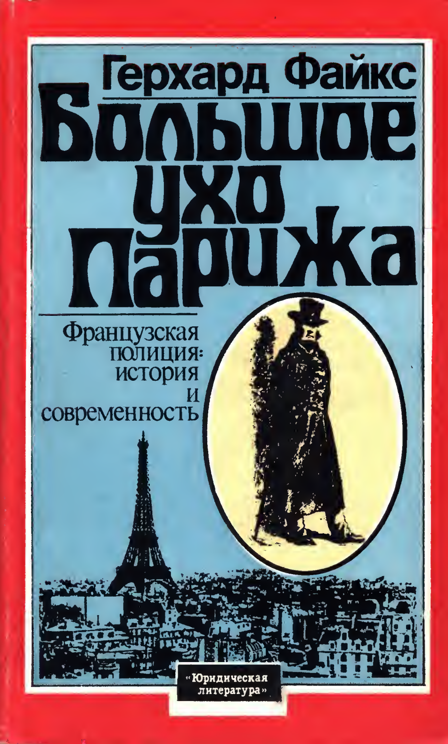

Герхард Файкс
Большое ухо Парижа
Французская полиция: история и современность
«Юридическая литература»

Большое ухо Парижа

Французская
полиция:
история
и современность

Gerhard Feix

Das große Ohr von Paris

Fälle der Sûreté

Verlag
Das Neue Berlin

Герхард Файкс

Большое ухо Парижа

Французская полиция: история и современность

Издательство
„Юридическая литература" Москва 1981

67.99(4Фр)
Ф17

Перевод с иемецкого Л. Ф. МАКОВКИНА
Ответственный редактор и
автор вступительиой статьи
доктор юридических наук В. М. ГИЛЕНСЕН

Файкс Г.

Ф17 Большое ухо Парижа. Французская полиция: /История и современность/. Пер. с нем. — М.: Юрид. лит., 1981. — 264 с.

В книге представлены очерки об истории и деятельности французской полиции Сюртэ Насьональ и полицейской префектуры Парижа. В ней рассказывается о наиболее характерных уголовных делах прошлого и наших дней. Автор рискрывает реакционную напраавленность деятельности полиции, борьбу против прогрессивных сил, показывает на конкретных примерах, как попираются в буржуазном обществе права граждан.
Для широкого круга читателей.

Ф $\frac{11004-122}{012(01)-81}$ 96—81 1206000000 67.99(4Фр)

Герхард Файкс

БОЛЬШОЕ УХО ПАРИЖА
Фраицузская полиция: история и современность

Редакторы *Ю. М. Доровских, В. Е. Жеребцов*
Художиик *В. И. Пантелеев*
Художествеииый редактор *Е. П. Суматохин*
Техническне редакторы *М. В. Гридасова, О. М. Нагайцева*
Корректоры *О. В. Ачкасова, С. С. Борисова*

ИБ № 1008

Сдано в набор 15.04.81 г. Подписано в печать 27.08.81 г. Формат 84×108 $^1/_{32}$. Бумага офсетная № 2. Гарнитура таймс. Печать офсетиая. Объем: усл. печ. л. 13,86; усл. кр.-отт. 28,14; учет-изд. л. 18,30. Тираж 30 000 экз. Заказ 368. Цеиа 1 руб. 90 коп.

Издательство «Юридическая литература», 121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14.

Ярославский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома прн Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфин и книжной торговлн. 150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

«Большое ухо» Парижа — так народная молва нарекла во Франции столичную полицию; в сознании многих рядовых парижан она как бы ассоциируется с неким гигантским слуховым аппаратом, бдительно улавливающим все, что представляется власть имущим интересным в разговорах на улице и за стенами частных домов, в бистро, на стадионе и рабочем митинге, в университетской аудитории и на собрании религиозной общины.

Применительно к нынешнему Парижу это, видимо, гипербола, но все же удачная, не лишенная глубокого смысла. Вспомним, что К. Маркс некогда сравнивал органы тогдашнего прусского буржуазно-юнкерского государства с ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес собственника «подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегает»[1].

Так уж повелось, что в любом эксплуататорском обществе «существовала... группа лиц, которые управляли, которые командовали, господствовали и для удержания власти имели в своих руках аппарат физического принуждения, аппарат насилия...»[2].

Справедливость этих положений марксизма-ленинизма совершенно очевидна и в наши дни, когда агенты полиции и разведки проникают в рабочие, студенческие, религиозные организации с целью выявления «потенциальных» врагов существующего строя даже в «цитаделях» буржуазной демократии. Полицейские агенты теперь, как и в прошлом, нередко организуют коварные провокации, пытаясь запугать обывателя призраком «красной опасности», дезориентировать массы простых людей.

Постоянно достоянием гласности то в той, то в другой капиталистической стране становятся факты нарушения декларированных буржуазными конституциями прав человека.

В этом свете предлагаемая читателю в русском переводе книга Герхарда Файкса представляется полезной и интересной. Думается, что подтверждением этого является очевидный ее успех у массового читателя в ГДР, где она после выхода впервые в 1975 году всего лишь через год была переиздана.

Вероятно, причины такого успеха коренятся не только в интригующем названии, вызывающем ассоциации с чем-то таинственным, и занимательном сюжете. Надо отметить, что круг проблем, на которых концентрируется внимание автора, достаточно серьезен: он повествует о развитии полиции и внутренней разведки во Франции начиная с XVII века до наших дней. Г. Файкс стремится внести свой вклад в разоблачение одного из идеологиче-

[1] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 142.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 73.

ских мифов интенсивно распространяемого буржуазной пропагандой постулата, что буржуазная полиция является внеклассовым инструментом, якобы служащим интересам всего общества.

Вместе с тем предлагаемая книга — отнюдь не скучный научный трактат, доступный лишь специалистам. В увлекательной форме, придерживаясь в то же время исторической правды, Г. Файкс рассказывает, как был поставлен полицейский сыск во времена «трех мушкетеров», во Франции Людовика XIV — «короля-солнце». Он знакомит нас с Жоржем Фуше — министром полиции Наполеона Бонапарта, хитроумным Видоком, ставшим из каторжника «королем» сыщиков, с мастерами политических провокаций и искусными ловцами преступников.

Автор повествует о невинных жертвах полиции разных времен: о людях, замученных заплечных дел мастерами в феодальной Франции, об анархисте-бомбисте Вайяне — игрушке в руках полицейских провокаторов Третьей республики, об оклеветанном Дрейфусе. Г. Файкс рисует также портреты отдельных незадачливых представителей господствующих классов, оказавшихся на скамье подсудимых, хотя, по существу, по своим моральным качествам они мало чем отличались от «честных» (тут и коварные отравители из дворцовых кругов, и супермошенник Стависский, и сластолюбивые буржуа нынешних времен).

Стремясь строить повествование интересно для массового читателя, автор постоянно заботится о том, чтобы оно было политически острым, злободневным, хотя бы речь и шла о делах давно минувших дней. Не назойливо, но последовательно и аргументированно он подводит читателя к выводу, что в любом эксплуататорском государстве, независимо от его исторического типа и формы, полиция и разведка всегда стояли на страже интересов господствующих классов, что законы, формально в буржуазном государстве призванные охранять права человека, на деле постоянно попираются самими «служителями закона».

Г. Файкс не дает хронологически последовательного изложения событий: крупными мазками (описанием отдельных, более или менее характерных для определенного времени преступлений, политических скандалов, карьеры отдельных полицейских деятелей на фоне развития политических событий в стране) он стремится нарисовать большое историческое полотно. По существу, читатель знакомится не только с историей карательных учреждений во Франции, но и с основными моментами ее новой и новейшей политической истории. Думается, что в этом заключается несомненная познавательная ценность книги.

Однако нельзя не отметить, что фрагментарное изложение последовательного ряда событий вызывает у читателя известные трудности в понимании сложной взаимосвязи прошлого и настоящего. Не везде правильно расставлены акценты. В некоторых случаях, отдавая дань внешне эффектному, автор опускает действительно важное. Встречаются и неточности в изложении фактического материала, оценке некоторых эпизодов прошлого.

Все зто н определило замысел, нз которого мы исходилн при подготовке вступительиой статьи: в какой-то степеин дополнить, а нногда внестн уточнення и облегчнть тем самым читателю поннманне далеких и близких нсторических событий в их сложиостн и внутренней протнворечнвостн.

Прежде всего хотелось бы остановиться на содержании термина «полиция», без правильного понимания которого невозможно разобраться в истории репрессивного механизма зксплуататорского государства.

Во-первых, иадо нметь в виду, что термин «полиция» нмеет двоякое значенне: так нменуется и специализнрованный репрессивный аппарат и так же — осуществляемая им деятельность.

Во-вторых, в XV—XVI веках самостоятельного полицейского аппарата не было, а термин «полиция» во втором смысле зтого слова означал совершенно нное, нежелн в нашн дни. Тогда под полицией фактнчески поннмалась совокупность выполнения значительиой частн как внутренних, так н внешних функций государства: управленне фниансовыми деламн, правосудне, непосредственное поддержание общественного порядка, а также осуществленне внешних сиошений.

Только в XVIII—начале XIX века в процессе образоваиия буржуазного государства полнцейская деятельность, отделившись от юстицнн, прнобрела облнк, близкий к современному; тогда же сложилась снстема полицейских органов — ннструментов прямого классового иасилня.

Однако то обстоятельство, что под полицией примеиительио к деятельностн государства в XV веке понималось совсем другое, нежелн в XIX веке, не означает, будто в классовом обществе зксплуататоры, стоявшие у власти, не применялн насилие в отношении зксплуатнруемых. Не только в раннефеодальном, но и в рабовладельческом обществе правящие классы для обеспечения внутренней безопасности использовали вооруженную силу, суд, тюрьмы. Лишь постепенно сложился специализнрованный государствеиный аппарат, принявший со временем очертания полиции.

Такнм образом, в теченне XIX—начале XX века окончательно оформился полицейский механнзм буржуазного государства. В него входят две основные подсистемы, каждая нз которых в свою очередь состонт из нескольких компонентов.

Первую подснстему составляют находящиеся в рамках единых органов, снабженные сложной криминалнстической техннкой и прнменяющие специальиые методы расследовання (оперативно-розыскной деятельностн) самостоятельные полицейские аппараты (илн службы), прнзванные предупреждать и подавлять правонарушения, а именно:

а) уголовная полнция, специализирующаяся на борьбе с так называемой общеуголовной преступностью;

б) полнтнческая полнция, созданная для подавления полнтических противннков существующего строя;

в) полиция коитрразведкн, заинмающаяся предупреждеинем н раскрытием деятельности иностранных разведывательных служб.

Вторую подсистему составляют полицейские органы, осуществляющие общую охрану общественного порядка в городах и сельской местностн и охрану государственных границ посредством иесения патрульно-постовой службы н контроля другими методами за соблюдением законов и нзданных органами исполнительиой властн нормативных актов.

Обычно полнцейскне, составляющие персонал органов н подразделений первой подсистемы, нменуются «полицией в штатском», так как онн не носят формы при исполненнн служебных обязанностей. В отличие от них полицейские, осуществляющие общую охрану порядка и безопасности, называются «униформированной полицией», поскольку непременным атрнбутом этой разновидности полнции является форма одежды чиновников.

Все, о чем говорилось выше, проснходило илн нмеет место теперь во Франции и лежнт в основе описываемых Г. Файксом событий.

Первый раздел книгн посвящен полиции Франции пернода расцвета, а затем кризиса н падення абсолютнзма в этой стране (XVII—конец XVIII века). Однако читатель должен иметь в виду, что зарожденне полицейских учреждений проснходило уже на заре феодализма, у франков раннего средневековья: первыми предшественниками полнцейских чнновников, нзвестных по историческим документам, были так называемые комиссары-следователн, учрежденные франкским королем Хлотарем II в 615 году[1].

Последующие нзменения в организации службы внутренней безопасности происходят параллельно с развитием системы государственного управлення во времена правления династии Капетнигов. В 1032 году эдиктом короля Генриха I во главе отдельных округов вместо знатных магнатов былн поставлены представителн королевской властн — прево[2]. В круг их обязанностей входила и охрана порядка, т. е. полнцейская служба в нашем понимании, хотя термин «полнцейский» тогда еще ие был нзвестен. В 1306 году король Филипп IV Красивый реформирует службу охраны порядка в Париже; подобные меры проводят и другне короли нз династии Валуа. В 1450 году в распоряжении парнжского прево было уже 70 специальных служащих городской стражи — сержантов; их дополнялн 35 рыцарей, осуществлявших ту же службу в окрестностях столицы[3].

В XV веке появляется и полнцейская служба за пределами столицы королевства в виде предшественников современных жандармов — отряд конных воинов (maréchaussée).[4]

В XVI веке в процессе завершения политического объедииення

[1] Le Clèré M. Histoire de la Police. P., 1964, p. 12.

[2] Ibid., p. 14.

[3] Le Clèré M. Op. cit., p. 12.

[4] Cramer J. The World Police. Ldn., 1964, p. 291—301.

Францин, оформлення аппарата центрального н местного управлення проНсходит дальнейшее совершенствование полицейской службы. В 1526 году в Парнже в помощь прево вводится так называемый «лейтенант судейской мантии». В его задачи, которые он должен был решать с помощью подчнненого ему аппарата нз 20 лучннков, входилн розыск н арест преступников[1]. По существу зто был зародыш будущей уголовной полицин.

Окончательное закрепленне абсолютизма во Францин в XVII веке ознаменовалось в сфере полицейской службы реформой 60-х годов, в ходе которой впервые термнн «полицейский» прилагается к королевскому чиновнику, который должен был заботнться о порядке н безопасностн в столице. Вместе с тем можно говорнть о нарастанни злементов централнзации в управленнн полнцейской службой. Однако утверждать, что к тому времени уже был создан самостоятельный полицейский аппарат, было бы неверно.

В связн с зтим вряд лн можно согласнться с мнением Г. Файкса, который пншет, что введенне в 1667 году должностн генерал-лейтенанта полнцнн означало вместе с тем созданне «централизованной системы полнтической полнцин во Францин»[2]. Следует учнтывать, что зто лнцо совмещало обязанностн судьн, чиновннка, ответственного за охрану порядка на улицах города, розыск преступннков, с другнми функциямн, вроде обеспечения снабжения Парнжа продовольствием[3], которые ннкак нельзя считать правоохраннтельнымн.

В последующем должностн генерал-лейтенантов полицин былн учреждены н в других городах страны, и, следовательно, парнжскнй обладатель этого тнтула вовсе не был центральной фигурой в адмнннстративной нерархии. В определенной степенн генерал-лейтенанты полицин в абсолютнстской Францин по характеру своих полномочий конкурировали с регнональными главамн королевской админнстрации — губернаторами[4].

Основное вннманне Г. Файкса привлекла деятельность первого парнжского генерал-лейтенанта полиции Никола Ларейнн и его роль в расследованнн двух в свое время громких дел — сиятельной отравнтельницы маркнзы Бренвийе и менее знатной, хотя связанной с придворными кругамн, жены ювелира Вуазена (Монвуазена).

---

[1] Le Clère. M. Op. cit., p. 22.

[2] Автор ошибается, когда считает, что королевский эдикт, которым был учрежден пост генерал-лейтенанта полиции, издан 19 марта 1667 г. В действительности дело обстояло несколько по-иному: в декабре 1666 года король установил должность «лейтенант полиции» в Париже. 15 марта 1667 г. новым эдиктом Людовика XIV была определена сфера компетенции этого должностного лица. Наименование «генерал-лейтенант полиции» было закреплено за последним только ордонансом от 18 апреля 1674 г. (Vermorel A. Les Mystères de la Police. P., 1864, p. 1—3).

[3] Vermorel A. Op. cit., p. 2—6.

[4] Clément M. Le Gouvernement de Louis XIV. P., 1848, p. 28—43.

Эти истории интересны как иллюстрации тогдашней методики полицейского расследования, непременным элементом которой были страшные пытки подозреваемых. Кстати, именно в эти годы (в 1670 году) королевским эдиктом был учрежден перечень и порядок применения пыток. Кроме того, описание преступлений показывает неприглядную картину моральной деградации придворной аристократии, невежество, корыстолюбие дворянства.

Думается, что автор мог бы посвятить читателя в не менее примечательные события, происходившие во Франции периода заката абсолютизма — времен правления Людовика XV и Людовика XVI. Ведь коррупция, неправосудие, полицейский произвол являлись отличительной чертой репрессивной политики правящих кругов тогдашней Франции. Символом полной беззащитности большей части населения Франции перед произволом властей были так называемые Lettres de cachet — королевские приказы об аресте и заключении. Эти купленные или полученные по протекции незаполненные бланки давали возможность его владельцу заключить любого бессрочно в тюрьму, подобную страшной Бастилии, где заключенный исчезал навсегда. Напротив, известно, что подлинные преступники, подобные вошедшему в историю маркизу де Саду, со сладострастием предававшего свои жертвы мучительной смерти, длительное время или всегда оставались вне сферы внимания правосудия.

Следующий раздел книги отведен истории полиции Франции конца XVIII—большей части XIX века, т. е. периода утверждения и развития домонополистического капитализма. Интересны страницы, посвященные развитию полиции во времена Якобинской диктатуры, после прихода к власти термидорианцев, в период империи Наполеона I, во времена реставрации Бурбонов, при короле банкиров Луи Филиппе и Второй империи Луи Бонапарта. Читатель знакомится с созданной экс-священником, экс-революционером Жозефом Фуше политической полицией, с легендарным Видоком — каторжником, ставшим королевским сыщиком.

Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что рубеж XVIII—XIX веков был переломным периодом в истории полиции Франции. Пришедшая к власти буржуазия реформирует в соответствии со своими классовыми целями государственный аппарат, доставшийся ей от свергнутых феодалов. Новым эксплуататорам нужен был более эффективный механизм подавления, использующий тонкие, изощренные методы работы, лучше управляемый.

Именно в этом свете следует рассматривать учреждение в 1796 году министерства общей полиции — центрального аппарата всей полицейской системы, создание в Париже и других городах страны сети территориальных полицейских органов, развитие элементов специализации в полицейском деле, формирование политического и уголовного сыска. Тогда же складывается и жандармерия — вооруженные полицейские формирования войскового типа, предназначенные для охраны порядка в сельских районах и подавления массовых выступлений трудящихся.

С точки зрения развития структуры репрессивного механизма большое значение имело образование парижской префектуры (управления полиции), которая на следующие полтора века стала автономным элементом полицейской организации страны.

Г. Файкс, говоря о развитии политического сыска во Франции прошлого века, в основном ограничивается полицией Фуше. Между тем специфическое развитие политической полиции, расцвет провокации как основного метода борьбы с политическими противниками были характерны для французской полиции всего периода домонополистического капитализма. Как раз это сделало французскую полицию того времени образцом для всех реакционных режимов в Европе, в том числе и для царской России. Не случайно великий русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин увековечил образ французского сыщика в лице Шенапана, учившего российских «помпадуров» цивилизованной технике полицейского шпионажа.

Подобное развитие репрессивного аппарата Франции было закономерным. После великой французской революции 1789—1794 гг. страна продолжала оставаться ареной непрекращающихся социальных и политических конфликтов в период революции 1830, 1848 годов и, наконец, Парижской Коммуны 1871 года.

Политическая обстановка заставляет правящие классы уповать прежде всего на военную силу и рафинированный полицейский сыск как главные средства поддержания хотя бы относительной стабильности положения.

Сознание непрочности позиций, ощущение зыбкости политической почвы вынуждает сменяющихся у кормила власти правителей расширять и модернизировать армию шпиков и провокаторов.

Канлер, бывший шеф службы безопасности (Сюртэ) парижской полиции, много лет (начиная с 1820 года) прослуживший в аппарате префектуры, довольно выразительно характеризовал в своих мемуарах обстановку того времени. «Провокация, это коварное и гнусное оружие, порождающее справедливый гнев... было превращено в постоянную систему, во-первых, для того чтобы придать видимость законности репрессивным мерам... во-вторых, для того чтобы разузнавать мнения отдельных лиц и масс и карать за них»[1]. По свидетельству одного из крупных полицейских чиновников Франции прошлого века Кератри, «кроме заговора Орсини (покушавшегося на жизнь Наполеона III. — *В. Г.*), все антиправительственные заговоры последних десяти лет (имеются в виду 1860—1870 гг. — *В. Г.*) были созданы тайной полицией, и без ее вмешательства они или вовсе не имели бы места, или прошли бы незамеченными»[2].

Когда возникла первая международная организация рабочих — Первый Интернационал, на нее обрушились репрессии французских властей, в ее ряды внедряли провокаторов.

---

[1] Mémoires de Canler, ancien chef du Service de Sûreté. Bruxelles-Leipzig, 1862, p. 38.

[2] Le quatre septembre et le gouvernement de la défence nationale. P., 1872, p. 60.

Но и Третья республика, установленная после разгрома Парижской Коммуны, проявила не меньшее усердие в организации политического сыска. Вопреки официальным уверениям об упразднении политической полиции число мушаров (шпиков) и провокаторов растет. Как писал социалист Морель в своей книге о парижской полиции, «эти шпионы принимают участие в манифестациях, носят красные знамена... выступают в качестве деятельных членов политических и рабочих союзов, становятся их президентами, кассирами, секретарями... одним словом, являются самыми активными, самыми ревностными элементами этих организаций»[1].

Отдельную главу в истории политического сыска во Франции прошлого века составляют инсценировки «заговоров» анархистов. В своей книге Г. Файкс касается этой темы.

Деятельность немногочисленных одиночек-анархистов во Франции 1880—1890 годов использовалась реакцией для запугивания обывателя призраком «красного террора» с целью мобилизации общественного мнения против рабочего движения вообще.

Но самое пикантное заключается в том, что анархистов финансировала сама полиция через свою агентуру. Таким полицейским предприятием была, к примеру, газета анархистов — инструмент коварной «психологической войны» против обывателей. Весьма примечательные строки, характеризующие это издание, мы находим в «Записках революционера» П. А. Кропоткина, которому внушала подозрение казавшаяся фальшивой «радикальность» тона ее статей: «Газета была кровожадной до крайности, поджоги, убийства и динамитные покушения проповедовались в каждом номере»[2].

П. А. Кропоткин не знал об участии полицейских провокаторов в деятельности анархистов. Более осведомлен был французский анархист Жако, писавший в воспоминаниях: «Им (т. е. провокаторам.— *В. Г.*) удалось вооружить несколько сбитых с толку людей, обозленных нищетой и несправедливостью, встречающихся еще на каждом шагу в обществе, где смеют говорить об идеальной справедливости и где всюду начертано кстати и некстати: права человека, свобода, равенство, братство»[3].

В конце XIX века Франция вступает в период империализма, начало которого ознаменовалось ростом внутренних противоречий. Их выражением были многочисленные политические кризисы и скандалы, одним из которых было дело Дрейфуса (на нем довольно детально останавливается Г. Файкс).

Меньший интерес представляет описание деятельности французской полиции и военной контрразведки во время Первой мировой войны (история Маты Хари и др.).

---

[1] Morel P. La Police á Paris. P., 1907, p. 153.

[2] Кропоткин П. А. Записки революционера. Спб., 1906, с. 441—442.

[3] Jacot. L'anarchie policière. Les dessous des affaires Ravachol et Vaillant. P., 1901, p. 4.

Одио из центральных мест в четвертом разделе книги отводится участию парижской полиции в расследоваиии двух крупнейших между двумя мировыми войнами афер — дела Стависского и обстоятельств загадочной смерти «спичечного короля» Ивара Крейгера. Несравиенно меньшее внимание автор обращает на «марсельские убийства» — террористический акт, совершенный группой фашистских агентов, жертвами которого 6 октября 1934 г. стали министр иностраниых дел Франции Луи Барту и югославский король Александр.

Эта трагедия за минувшие 40 с лишним лет много раз являлась предметом исследования авторов в ряде европейских стран. Но только несколько лет назад благодаря открытию иовых документов картина марсельских событий приобрела совершенно иные очертания, нежели она представлялась современникам. Следует отметнть, что содержательную книгу «Операция «Тевтонский меч» опубликовал в 1966 году советский специалист в области балканистнки В. К. Волков. Освещение же Г. Файксом этой одной из крупнейших политических провокаций иовейшей истории представляется не только недостаточным по объему и характеру использованных источников, но и в определенной степени поверхностным, не раскрывающим сложной подоплеки событий. Конечно, парижская Сюртэ и комиссар Белен, руководивший работой оперативной группы, не сумели выявнть подлинных вдохновителей преступления, так же как и суд в Экс-ан-Провансе над преступииками, которые были пешками в большой политнческой игре. Но тогда не только в Париже, но даже в Риме, в окружении фашистского диктатора Муссолини, знали далеко ие все.

Версия, которая до Второй мировой войны казалась истинной, заключалась в том, что убийства в Марселе были осуществлены группой членов хорватской фашистской организации «усташей», главные базы которых находилнсь в Италии и Венгрии. Организаторами покушения были лидеры усташей — Павелич н Кватерник, выступавшие за созданне иезависимой Хорватии и ориентировавшиеся на Италию. Главной целью террористов был король Югославии Александр, на жизнь которого усташи уже неоднократно покушались.

В действительности же центр, из которого в глубокой тайне направлялись действия убийц, находился в Берлине. Под непосредственным руководством «второго человека» в Третьем рейхе — Германа Геринга был разработан план операции под кодовым наименованием «Тевтонский меч», одобреный самим Гитлером. Главный удар заговорщики хотели направить против Луи Барту, одного из ведущих сторонников укрепления сотрудничества между СССР и Францией, активного проповедника идеи создания в Европе системы коллективной безопасности для предотвращения фашистской агрессии. Устранением Барту в Берлине думали прежде всего сорвать заключение франко-советского договора. В целях маскировки основного замысла своего коварного, преступного предприятия нацистское руководство запланировало одновременно органи-

зовать покушение и на короля Александра: в этом случае гибель Барту могла быть представлена как случайность.

Эту же цель преследовало включение в группу террористов плохо подготовленных усташей, которые почти наверняка должны были попасть в руки французской полиции. Как писал В. К. Волков, «усташи предназначались лишь для того, чтобы стать козлами отпущения, привлечь к себе внимание международной общественности, повести по своим следам французскую и югославскую службы безопасности»[1].

Однако отвлекающий внимание вспомогательный удар против короля Александра был связан с определенными важными, хотя и второстепенными в данном случае, соображениями стратегического характера. В Берлине с подозрением следили за действиями римского партнера и стремились расстроить возможное сближение между Францией и Италией. Именно для этого в число участников операции «Тевтонский меч» включили усташей, хотя с самого начала роль главного исполнителя намеченных убийств была отведена члену македонской террористической организации ВМРО, профессиональному убийце Величко Георгиеву[2]. Руководитель правого крыла этой организации Ванчо Михайлов был нацистским агентом.

Наконец, гибель короля Александра должна была осложнить заключение проектировавшегося Дунайского пакта. Одна из главных его целей состояла в сохранении независимости Австрии, захват которой планировался фашистской Германией (заметим, что фашистская Италия тогда рассматривала Австрию как объект своих интересов).

Такова вкратце подоплека событий в Марселе. Хотелось бы остановиться еще на одной проблеме. В исключительно сложной политической обстановке тех лет деятельность полиции и разведки имела большое значение. При этом следует учитывать, что в их органах наряду с элементами, непосредственно связанными с прямой агентурой фашистской Германии, были честные, патриотически настроенные люди. Именно благодаря им французская полиция и военная контрразведка достигли определенных успехов в разоблачении опасных нацистских агентов в 1936—1939 годах, в частности разоблачен заговор кагуляров, арестован ряд агентов Абвера, и т. д.[3].

В годы войны, когда часть полицейских и разведчиков, верой и правдой служивших фашистским оккупантам, работала в репрессивном аппарате гитлеровских ставленников Петена и Лаваля,

---

[1] **Волков** В. К. Операция «Тевтонский меч». М., 1966, с. 139.

[2] Г. Файкс ошибочно указывает, что фамилия убийцы Л. Барту и короля Александра была Керин-Димитриев. Вероятно, при этом он руководствовался данными, которые содержались в прессе 30-х годов, и мнением ряда исследователей. Однако в дальнейшем эта точка зрения не подтвердилась.

[3] См.: **Belin** J. Secrets of the Surete. N.-Y., 1950, p. 204—241.

другие оказались «по ту сторону баррикад», боролись в организациях Сопротивления. Многие из них пали в борьбе с фашизмом.

Последний раздел книги Г. Файкса отведен описанию деятельности французской полиции (в основном в Париже и Марселе) в послевоенные годы. Интересно освещение деятельности организованных преступников в Марселе, фактов коррупции, которые характерны в той или иной мере для полиции всех капиталистических стран (в наибольших масштабах — для американской).

Представляется, что обращение автора к фактам, имеющим отношение к Марселю, закономерно.

В течение многих лет Марсель, крупнейший французский порт на Средиземном море, связанный регулярными пароходными линиями со многими торговыми центрами мира, город с огромной сетью ресторанов, подпольных притонов, обширным социальным «дном», был полем деятельности многочисленных гангстерских групп.

С 1930-х годов Марсель — «героиновая столица» Франции. Здесь, в тайных лабораториях, доставленный с Востока опий-сырец перерабатывался в страшный конечный продукт — героин и переправлялся в США или различные районы Европы.

Братья Гверини, о которых пишет Г. Файкс, представляли второе поколение марсельских «королей героина». Их «расцвет» падает на послевоенные 20 лет. Отметим, что наряду со связями в кругах местных реакционных политиков они еще в годы войны установили контакт с американской разведкой. Только в конце 1960-х годов «империя Гверини» рухнула под ударами «восходящей звезды» организованной преступности, Марселя Франчизи, который, согласно опубликованным во французской печати данным, был связан с одним из руководителей французской разведки Жаном Фоккаром.

Беспокойство французской общественности вызвало и дело Делуэтта. 5 апреля 1971 г. службой таможенного досмотра в Нью-Джерси был обнаружен тайник в автомашине, принадлежавшей некоему Рене Делуэтту, бывшему агенту СДЕСЕ — французского аналога ЦРУ. В тайнике находилась крупная партия героина. На допросе Делуэтт показал, что работал на полковника Поля Фурье, начальника разведотдела СДЕСЕ. Хотя вина Фурье и не была доказана, он был вынужден уйти в отставку.

События, описываемые Г. Файксом, завершаются в конце 1960-х годов. С этого времени произошло много изменений и современная французская полиция, в особенности ее центральный аппарат, приобрела иной облик. Какова же ее организация сегодня?

Прежде всего следует указать на дальнейшее усиление централизации управления, тенденцию к ликвидации укоренившегося с начала XIX века разделения полиции на две части — муниципальную и государственную. В частности, законом от 9 июля 1966 г. полиция Парижа была «этатизирована» — утратила вместе с былой автономией и свой статус муниципального учреждения.

В декабре 1966 года была ликвидирована Генеральная дирекция

национальной безопасностн — зиаменитая Сюртз Насьоиаль, а взамен создаиа Геиеральная дирекция иациональиой полиции, которой подчинеиа и парижская полицейская префектура[1].

В аппарате Геиеральной дирекции национальиой полиции было сосредоточеио руководство всеми органамн полиции и внутренней разведки, за исключением жандармерни, управлеиие которой попрежнему осталось прерогативой министра внутренних дел и министра обороиы.

В 1971 году была проведена реформа жаидармерии: оиа стала называться «иациоиальной жандармерией» и была разделеиа иа три структуриых элемеита (корпуса) — жандармерию департаментов, мобильиую жандармерию и гражданскую гвардию Парижа[2].

Последующую серьезиую реорганизацию французская полиция претерпела в соответствии с законом от 19 апреля 1974 года[3]. Генеральная дирекция национальной полиции получила новую структуру. В ее состав вошли две дирекции (управлеиия), ведающие административиыми вопросами, и пять штабных аппаратов функциональных оперативиых служб.

Необходимо подчеркнуть, что наряду с усовершеиствоваинем системы управлеиия французской полиции за последние годы предприият ряд мер по укреплеиию ее материально-технической базы за счет виедреиия новейшей криминалистической и другой техникн, в особеииости ЭВМ. Нельзя ие отметить хорошую подготовку квалифицированных кадров, цеитром которой является Национальиая высшая школа полиции.

Все это позволило фраицузской полицнн нанести ряд чувствительиых ударов по преступному миру, в особеииости в таких цеитрах концентрации организованных правонарушителей, как Марсель. Одиако частные успехн в конечном счете оказываются тем «сизифовым трудом», которым является борьба с преступностью в капиталистическом мире. Преступность во Франции, как и в других больших и малых капиталистических странах, неумолимо растет.

Особое беспокойство французской общественности в последнее время вызывает усилившаяся активность неофашистских террорнстических групп, успехи в борьбе с которыми у полиции весьма скромиы. Прогрессивная французская печать вполне обоснованно обращает виимание на тревожные факты связн некоторых служащих служб внутренней разведки с неофашистским подпольем.

В. М. ГИЛЕНСЕН,
доктор юридических наук

[1] «Revue de la Police Nationale», 1970, № 81, p. 29—38.
[2] «Kriminalistik», 1974, № 2, S. 79—82.
[3] «Revue de la Police Nationale», 1974, № 94, p. 8—11.

Глава
I
ЧУДО-ПОЛИЦИЯ

КОМИССАР ЖАВИЙЕ И СВОБОДНАЯ ЛЮБОВЬ

Воды Роны прибили к берегу труп мужчины. Судя по всему, покойный провел в воде довольно много времени. Стреляные воробьи — инспектора уголовной полиции — и те едва сдерживали волнение. Невозмутим был один комиссар Жавийе, шеф «антигангбригады»* лионской уголовной полиции.

Он стоял чуть поодаль, наблюдая за своими людьми и, казалось, испытывал даже определенное удовлетворение. Не то чтобы он очень уж обрадовался появлению утопленника — боже упаси! У любого криминалиста есть заветное желание, чтобы этакое случалось как можно реже. Комиссар Жавийе не составлял исключения. А доволен он был потому, что, судя по некоторым приметам, этот вытащенный из Роны с пулей в голове покойник являлся не кем иным, как Деде Буарейоном.

Буарейон был сутенером, а при случае не брезговал заниматься и кое-какими другими делишками — лишь бы подоходнее. Не обходилось при этом, понятно, и без конфликтов с конкурентами, что было, как теперь выяснилось, далеко не безопасно.

Проституция и сопутствующие ей подобные промыслы были в Лионе организованы отменно, сферы влияния четко разграничены, отношения с полицией налажены. Именно поэтому двум сотням городских веселых заведений удавалось до сей поры стойко отбивать любые атаки моралистов и даже успешно противостоять начатому некоторыми политиками крестовому походу против свободной любви и разврата.

Одни депутаты ратовали за немедленное закрытие всех секс-заведений, а другие в это же время добивались, чтобы вновь открыли бордели, официально запрещенные в 1946 году. В «Фетиш-клубе» и 199 других уютных гнездышках только ехидно посмеивались. Конечно, следует придерживаться определенных правил игры, или лучше сказать, деловых принципов. Ну и, само собой разумеется, не нарушать добрососедских отношений с полицией...

А вот Буарейон этих правил придерживался далеко не всегда, чем и вызывал на себя порой большой гнев. Впрочем, все это уже в прошлом. Больше комиссару Жавийе на него сердиться не придется. Да и вообще комиссар не очень-то и возражал против проституции, являющейся в конце концов столь же неотъемлемой принадлежностью Лиона, как корпорация стрелков или полиция.

Без «Фетиш-клуба» и без пютен**, ярко накрашенных, целыми днями фланирующих в своих суперmини-юбках прямо перед самым

* Бригада по борьбе с организованной преступностью.

** Шлюха (*франц.*)

дворцом правосудия и полицейской префектурой, Лион не был бы Лионом. Без такого Лиона, без его гангстеров и пютен, комиссару Жавийе в жизни бы не ездить на дорогом «мерседесе» и не проводить отпуска в фешенебельных пансионатах. Если уж говорить откровенно, то комиссар вообще считал обитателей «Фетиш-клуба» людьми вполне порядочными и не только потому, что хозяин этого заведения Жорж Мейе (Жорж-Брехун, как его называли за глаза) сам был прежде комиссаром уголовной полиции и даже подчиненным Жавийе. Комиссар жаловал кое-кого из представителей уголовного мира своим расположением прежде всего за то, что был обязан им своей славой и львиной долей своих доходов.

Что касается славы, то Жавийе считался самым способным охотником за гангстерами во всей Франции. Почти восемьдесят раскрытых дел из каждых ста, переданных ему на расследование! Успех необычайный, если учесть, что в среднем доля раскрытых преступлений составляла во Франции всего 56%. Не удивительно, что в газетах то и дело в ореоле почета вновь и вновь появлялось его имя. О чем не писали в газетах (кто бы мог тогда предположить!), так это о том, что своими успехами комиссар Жавийе был обязан преступному миру или, точнее говоря, отдельным представителям этого мира, которые информировали относительно интересующих его лиц, так что комиссару оставалось только надевать им наручники.

Не обходилось, понятно, и без ответных услуг, ибо за все в мире надо платить. Правда, форма оплаты, которую ввел комиссар Жавийе, не была предусмотрена ни расходными статьями полиции, ни прейскурантом министерства торговли — расплачивался он только своей благосклонностью. Однако расположение полицейского само по себе может быть исключительно ценным, чего никто не знал лучше, чем люди из «Фетиш-клуба» и их босс экс-комиссар Мейе. Под сенью покровительства полиции беспрепятственно проворачивались сложнейшие сделки и без лишнего шума устранялись самые жестокие конкуренты, ибо отзывчивый комиссар был в состоянии сделать возможным, казалось бы, самое невероятное.

Лучшим доказательством тому был мертвый Деде Буарейон, у которого инспектора в это время снимали отпечатки пальцев. Буарейон получил пулю в голову, предположительно — от конкурента. Такое в гангстерских кругах случалось частенько. Однако у комиссара Жавийе не было ни малейшего желания нарываться на неприятности с этим конкурентом. Копни поглубже, а потом греха не оберешься: и популярности урон, и доходам ущерб! Поэтому пулю он предпочел просто-напросто не заметить. Деде Буарейон, так доложил он по начальству, должно быть, бросился с моста в Рону. Иначе говоря — самоубийство. А что, разве гангстеры застрахованы от депрессии? И потом, все равно ведь этого самого Буарейона не сегодня так завтра ждала гильотина, так стоит ли вообще поднимать вокруг этого дела шум?

Объединенные в группы «жюли» и «максы», как называют в

народе сутенеров, потирали руки. Им-то комиссар Жавийе был надежной опорой. Само собой разумеется, что и они не мелочились и при первом удобном случае старались воздать ему должное. Понятно также, что комиссар Жавийе не за здорово живешь провел чудесный отпуск в старинном феодальном замке, приспособленном под пансионат, да и «мерседес» постоянно требовал технического ухода, а на это тоже нужны были средства.

Не были, конечно же, оставлены вниманием и инспектора. Благодарная коалиция сутенеров презентовала стрелковой лиге лионской полиции, президентом которой был, естественно, знаменитый охотник на гангстеров Жавийе, новый тир. Полиция со своей стороны незамедлительно одарила щедрых жертвователей кое-каким оружием.

Столь трогательное сосуществование уголовной полиции и «горизонтального промысла» Лиона продолжалось не один год. Полиция была верным другом и помощником, а комиссар Жавийе — ангелом-хранителем бизнеса свободной любви.

Бизнес процветал, и, пропустив лишний стаканчик, а то и просто будучи в философическом настроении, мамá Дюлак из «Фетиш-клуба», поблескивая бегающими глазками, втолковывала гостю из полиции нравов: «Понимаете, месье, мы торгуем любовью, как кто-либо другой — овощами».

И вдруг в этих добрых, мирных отношениях появилась опасная трещина: в игру вмешался старый соперник комиссара Жавийе следственный судья Секкалди. Виноват в этом был гангстер Робер Элан, которого подстрелили в «Фетиш-клубе» 11 декабря 1968 года. Кто стрелял, никого не интересовало, да и вообще ввязываться в эту историю ни у кого не было ни малейшей охоты. Однако экс-комиссар Жорж-Брехун оказался в щекотливой ситуации. Некие люди вдруг почему-то решили свести свои счеты именно в его заведении! Теперь со всем этим непрнятностей не оберешься!

Поэтому в первую очередь Брехун постарался поскорее избавиться от раненого. Подходящими для выполнения этого замысла ему показались двое из его «горилл» — братья Губерт и Огюстен Сорба, незадолго до того подвизавшиеся в роли агитаторов за одного депутата и доказавшие тем самым свою общественную полезность. Их задача состояла в следующем. Они должны были немедленно оттащить парня, пока тот еще не умер, в ближайшую больницу, предоставив дальнейшие хлопоты врачам.

Братья Сорба понимающе переглянулись. А почему бы, собственно, и нет? Все равно ведь этому бедолаге Элану ничем уже больше не поможешь. Пусть больница хотя бы повозится с трупом.

Однако прежде чем увезти раненого, они должны передать свои «карманные пушки» боссу, экс-комиссару. Жорж-Брехун хотел действовать наверняка. Самое лучшее, если он собственноручно выбросит пистолеты в Рону (в чем ему впоследствии пришлось горько раскаиваться).

Сорба передали Элана по назначению и, свершив сие доброе дело, снова вернулись в клуб, где вызванный Брехуном комиссар

Жавийе приступил уже к исполнению своих «тяжелых» обязанностей. Экс-коллега с превеликим усердием помогал ему. Комиссар Жавийе тщательно выяснил все обстоятельства, обошел помещение, осмотрел пятна крови, допросил свидетелей и, покончив наконец с формальностями, пренебрежительно пожал плечами...

Все было предельно ясно: кто-то неосторожно обошелся со своим пистолетом, тот нечаянно выстрелил, а пуля, как нарочно, угодила прямо в этого самого Робера Элана. Типичный несчастный случай.

Этим бы все потихоньку и закончилось, если бы к делу не подключили, как назло, следственного судью Секкалди. Секкалди, антиголлисту, который никак не мог простить «Большому Шарлю» отказ от концепции «французского Алжира» и признание его независимости, деятельность агитаторов, братьев Сорба, показалась подозрительной. И с Жавийе у него были особые счеты: ведь комиссар тоже был одним из тех, кто насвистывал песню об Эвиане* и выступал против людей ОАС. Негодяй Жавийе осмелился подвергнуть тогда его, Эмиля Секкалди, домашнему аресту на несколько недель только за то, что он симпатизировал военным ультранационалистам из ОАС. Нет, теперь этому комиссару полиции придется горько раскаяться в своих поступках: Секкалди не слепой и отлично знает слабые места лионской полиции.

И следственный судья Секкалди, затаивший на комиссара Жавийе жестокую обиду за то, что тот был недостаточно «правым», отдал приказ об аресте братьев Сорба и их шефа, экскомиссара Жоржа Мейе.

Успокоенный результатами расследования комиссара Жавийе, Жорж-Брехун вовсе не ожидал столь грубой атаки со стороны юстиции. Он заподозрил измену. Ничем иным свой арест и предъявленные ему обвинения в сводничестве и сокрытии тяжкого преступления он объяснить не мог: годами ведь жили с полицией душа в душу! Отнюдь не желая оказаться единственным козлом отпущения, он начал «раскалываться». Не сразу, понятно, а понемногу, осторожно выложил он чинам юстиции все, что знал о лионских полицейских.

Следственный судья Секкалди услышал такое, что превзошло самые большие его ожидания. Однако он вовсе не собирался заниматься удалением родимых пятен с лица лионской полиции, а заботился больше о том, как бы покрепче всыпать своему недругу Жавийе. Поэтому Секкалди поспешил передать компрометирующие материалы в руки кое-кого из правых журналистов, и те немедленно обрушились на прославленного ловца гангстеров. Однако операция с прессой закончилась для Секкалди тем, что он вынужден был передать дело другому следственному судье.

* В Эвиан-ле-Бене — курортном городке на юге Франции — 18 марта 1962 года были подписаны соглашения между делегациями французского правительства и Фронта национального освобождения Алжира, положившие конец восьмилетней кровопролитной войне (*Прим. отв. ред.*).

Его преемник ревностно принялся копать вглубь и отыскал в полицейском «супе», который годами варил грозный Жавийе, еще кое-какие «волоски». Конечно же, он очень удивился, услышав о дорогом «мерседесе» и отпусках, которые мог позволить себе месье Жавийе, а тем более о его комфортабельной вилле: стоимость всего этого далеко превосходила доходы комиссара французской уголовной полиции.

Чем глубже вникал преемник Секкалди в дело братьев Сорба, тем отчетливее проступали в нем контуры дела Жавийе, и чем дальше он шел по дороге славы за Жавийе, тем более нестерпимым становилось зловоние коррупции. К августу 1972 года следственному судье не оставалось уже ничего другого, как отправить комиссара Жавийе туда, куда прежде тот сам убирал не потрафивших ему уголовников, — в тюрьму.

Однако комиссар полиции Шарль Гюстав Жавийе, которым занималась в 1971 году французская юстиция, вовсе не был каким-то постыдным исключением. Истории французской полиции известны десятки подобных и даже еще худших «жавийе». Не всегда становились известными их имена. У колыбели Сюртэ — всемогущего органа безопасности Франции, охватывающего все отрасли полиции, не зря стоял каторжник Патз. Комиссар Мегрэ, завоевавший сердца любителей детективных историй, к сожалению, всего лишь плод вымысла. На деле в суровой практике Сюртэ «мегрэ» не имеют почти ни малейшего шанса на существование.

История полиции столь же стара, как и история преступности. Так было и во Франции. Однако играть заметную роль полиция стала там лишь в XVII веке.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Вторая половина XVII века во Франции — это абсолютизм Людовика XIV, который носил льстивый титул «король-солнце». Его правление характеризовалось пятью завоевательными войнами, кольбертизмом (экономической политикой, направленной на обособление национального хозяйства и получившей название по имени ее творца Кольбера), гнетом новых налогов, роскошным дворцом в Версале, 2,5 миллиардами франков дефицита в бюджете и полицейской реформой.

Войны и изысканный дворец требовались ему для престижа, кольбертизм и налоговый гнет — чтобы иметь возможность оплачивать войны и роскошную жизнь, а полицейская реформа — чтобы держать за горло недовольных, строптивых налогопла-

тельщиков. В одном только бюджетиом дефиците ои вовсе ие иуждался, ио как раз именно это и удавалось ему лучше всего.

Войиы дали ему иовые земли, изыскаииости и великолепию его двора завидовала н подражала вся Европа, а реформированную полицию аваисом зачислили даже в новое чудо света.

Налоговый гнет, ннчем ие прикрытый грабеж н неоплачеииые долги привели к тому, что крестьяие и мелкие буржуа в открытую радовались его смерти и поздравляли с этим событием друг друга.

Вторая половииа XVII века во Фраиции — это также скаидалы с маркизой Бреивийе и Катрин Дезейе.

10 апреля 1679 года в парижском арсеиале специальио нз-за них собрался тайный особый суд — «пламеииая камера», или «огиеииый суд». «Огиеииый суд» заседал в задрапнрованном чериым сукиом зале, освещеиином трепещущим светом свечей. Председательствовал в суде королевский юрист Габриель Никола Ларейни, организовавший этот жуткий спектакль по порученню Людовнка XIV.

«Огиеиый суд» существовал во Франции задолго до рождеиия Ларейии. В 1547 году, в первый год своего правлеиия, Геирих II ввел чрезвычайный суд, изваниый «пламеиной камерой», для осуждеиия кальвиииистов. За три года через иего прошли добрых полтысячи стороиииков Реформации, шестьдесят человек из которых былн по приговору этого суда сожжеиы иа костре. Правда, иикввзиция и сожжеиие еретиков иикогда ие достнгалн во Францин таких масштабов, как, скажем, в Испании или Италии, одиако в особой щепетильности по отношеиию к еретикам, которые в большиистве своем были антироялистами, фраицузских королей никак не упрекиешь.

Ларейии вел судебиое заседаиие в полиом соответствии с традициями. Его бледное лицо со сверкающимн фанатическнм блеском глазами ие дрогиуло ии едииым мускулом, когда перед судом предстала обвиняемая Катрин Дезейе, или, как ее иазывали, Монвуазеи*. Предъявлеииое ей обвииеиие гласило, что оиа еретичка, отравительница и убнйца. 12 марта лейтеиант Дегре нз парнжской коинополицейской стражи арестовал Монвуазеи иа паперти собора Нотр-Дам. Дегре везло: по странному совпадеиию трн года назад ои уже отправил одну жеищииу тоже из святой обители прямо в тюрьму. То была убийца Мари-Маргарет д'Обрэ, маркиза Бреивийе, скрывавшаяся от правосудия в льежском моиастыре. Правда, для этой цели ему пришлось тогда смеиить свой муидир на сутаиу священнка, а обычиую при аресте формулу «Именем короля» — на клятвы в вечиой любви.

Монвуазеи была красивой жеищииой, ио тягостные, мучительиые допросы никому ие идут иа пользу, н, когда ее привезли иа суд, она выглядела иадломлеииой и усталой, роскошное, с золотым шитьем платье висело на ией лохмотьями. Ее пышиое тело — предмет чувствеииых иаслаждеиий высокопоставленных кавалеров

* Дезейе — девичья фамилия жены ювелира Вуазена (Монвуазена).

(в том числе Сансоиа — парижского палача) — было обезображеио пытками. Истязания эти, а поздиее и казиь были делом рук того самого Сансоиа, о котором Анри Саисои, последний отпрыск этой дииастии парижских палачей, писал, что иравом ои отлнчался мягким, меланхолическнм и «был скорее ласковым, нежели страстиым».

Сразу же после ареста мадам Дезейе Ларейии стало ясно, что ему посчастливилось выудить редкостный улов н что улов этот сиова должен был самым скандальнейшим образом скомпрометнровать родовитое французское дворянство, толком еще не успевшее нзбавнться от зловещих теией, явившихся ему иесколько лет назад с помощью маркизы Бренвийе.

Дочь уважаемого парнжского гражданского лейтеианта д'Обрэ и сестра судьи Верховной судебной палаты, представительница знатнейших дворяиских кругов маркиза де Бреивийе предстала перед судом в 1676 году. Она отравила своего отца, пыталась отравить обоих братьев, посягала на жизнь своей сестры и ее супруга, оделяла отравленным печеньем больных в парижском госпитале для бедняков, а при случае производила токсикологические «эксперименты» и над своимн слугами и гостями. После того как в июле 1676 года в Париже на Гревской площади* Сансон отсек этой мегере голову, а тело ее было сожжено на костре, известная хроннкерша того времеии де Севнньи писала своей дочери: «...пепел ее (Бренвийе) был развеян по ветру. Теперь мы можем его случайно вдохнуть, н, кто знает, какими отравительскими капрнзами он нас заразит».

В 1679 году, когда Монвуазен начала давать показания, стало совершенно очевидным, что практнка получения наследства способом маркнзы де Бренвийе была во французских дворянских кругах событнем отнюдь не единнчным. Правда, честь изобретения «порошка для получеиия наследства» принадлежит не французскому дворянству. (Предполагают, что это — заслуга веиецианцев.) Однако для успешного его внедрения немало поработали и французы. Причина этому, коиечно, не «пепел маркнзы», рассеяниый в парижском воздухе, как пророчила мадам де Севиньи, а прогнившая мораль двориаства и иесовершенство тогдашней полицейской н судебной наукн.

О деле Катрин Дезейе н лиц, связаиных с нею, мы, вероятно, зиали бы гораздо меньше, еслн бы Ларейни неукоснительно следовал указаниям короля о соблюдеиии секретности и уничтожил бы все материалы процесса, а не сложил их в архив, где они и были обнаружены после буржуазной революции 1789 года. Самое лучшее для короля было бы, навериое, совсем замять это дело, да уж больно скандальиым оио оказалось, слишком много высокопоставленных персои было в нем замешано.

Да н сама мадам Монвуазен вовсе не походила иа бедную сельскую знахарку, что за несколько су продает суеверным людям свои

* Традиционное место казней.

чудодейственные снадобья, тешащие их скромными иллюзиями. Нет! Супруга почтенного буржуа, живущая в роскошном доме, одетая в платья, стоившие по 15 000 ливров, опекаемая слугами и окруженная роем кавалеров, она была, скорее, княгиней этого промысла и продавала нечто более существенное, нежели иллюзии, да притом еще и по ценам, которые ограничивали круг ее клиентуры наиболее состоятельной частью общества. В ее клиентках числилась, например, принадлежащая к королевской фамилии герцогиня Орлеанская, которой не терпелось спровадить на тот свет супруга, мешавшего ее любовным утехам. Она заказывала у мадам Монвуазен «черную мессу».

«Черной мессой» назывался мрачный аттракцион, который мадам Монвуазен показывала своим клиенткам. Порожденный людским суеверием, он обладал большой притягательной силой для садистских натур. Следуя во всем ритуалу католической мессы, «черная месса» восславляла, однако, не бога, а дьявола. Не к богу, а сатане взывали на ней, не помнившая при этом ни о кротости, ни о благочестии.

Дама, которая заказывала мессу, претендуя таким образом на помощь князя тьмы, ложилась нагишом на алтарь. На ее тело ставили чашу — сосуд, с помощью которого аббат Гибур совершал обряд. На особо милостивый лад настроить дьявола можно было только, принося ему каннибальские жертвы. Грудному младенцу, которого Гибур покупал для этой цели за несколько ливров в одном из кварталов Парижа, населенных бедняками, перерезали горло прямо над телом лежащей на алтаре женщины, кровь собирали в чашу, затем запекали ее в облатки и давали съесть их заказчице.

Процесс против Монвуазен выявил, что наряду с заказчицами на этих мессах частенько бывали и «непричастные» из высших кругов общества. В соответствии с тогдашними законами за одно только это они уже считались виновными в ереси. Уличена в этом, к примеру, герцогиня Буйонская, страдавшая модной болезнью эпохи абсолютизма: ей до смерти наскучил собственный супруг.

Долголетняя фаворитка Людовика XIV мадам де Монтэспань в течение пятнадцати дней трижды лежала на алтаре дьявола: он должен был помочь ей восстановить первенство в иерархии фавориток короля, ибо «король-солнце» как раз в это самое время воспылал вдруг нежностью к юной маркизе де Лавальер. Само собой разумеется, что смириться с этим мадам де Монтэспань, первая до сей поры фаворитка короля, родившая ему троих детей, решительно не могла. Тут уж все средства хороши! Дьявольский аббат умерщвлял младенца, а она должна была молиться*: «Желаю, желаю, желаю! Пусть навсегда сохранят король и наследник дружбу ко мне! Пусть и впредь останется королева бесплодной и пусть покинет ее король ради меня! Пусть жалует король меня и моих родных всем, что я пожелаю! Пусть считаются со мной и любят меня высокие вельможи! Пусть пригласят меня к

* Рат-Вег и «Черная хроника». Будапешт, 1966, изд. 2-е, с. 118—119.

участию в королевском совете, дабы я знала обо всем, что там говорится! Пусть король изгонит Лавальер и никогда больше не взглянет на нее! И пусть расторгнет король свой брак с королевой и обвенчается со мной!»

Но дьявол был, как видимо, туговат на ухо, ибо Людовик и не подумал на ней жениться. Конечно, предметом вожделения и де Монтэспань, и других фавориток был в первую очередь не столько сам «король-солнце», сколько власть при дворе и подарки, которые сулила его благосклонность. Не следует, однако, сбрасывать со счетов и политическое влияние де Монтэспань и других фавориток на короля и звонкую монету, которую они из этого извлекали. Во всяком случае она смогла предложить Монвуазен миллион ливров за порошок, который должен был помочь ей одержать верх над соперницами.

Монвуазен на таких делишках зарабатывала иной раз даже вдвойне: ведь то, чего столь страстно желала своим соперницам мадам де Монтэспань, желали, в свою очередь, и ей самой другие дамы. Например, герцогиня Ангулемская, мадам де Витри и ее собственная кузина маркиза Лавивонн. Именно эту прелестную компанию — придворную клику старого режима, которая увивалась вокруг тщеславного монарха, транжиря плоды пота, крови и слез крестьян и мелких буржуа, обслуживали такие, готовые на все «мастера», как Монвуазен и аббат Гибур.

Не удивительно, что Людовик XIV пожелал, чтобы документы по делу Монвуазен были сожжены. Не удивительно также и то, что родовитое дворянство усердно интриговало против Ларейни, который выжимал из Монвуазен все, что та знала.

Так он докопался еще до двух доходных статей Монвуазен: мистических фигурок и любовных напитков. Фигурки — симбиоз суеверного шарлатанства и преступного мошенничества — были маленькими, вылепленными из воска куколками, копировавшими по внешнему виду каких-то вполне определенных персон и окрещенные аббатом Гибуром их именами. Этим идолам приписывали сверхъестественную силу. Все, что с ними совершают, переносилось и на тех самых людей, чьими именами они были окрещены. Захочет, скажем, герцогиня Буйонская, чтобы ее супруга закололи, — пожалуйста! Стоит только заказать его восковую копию и проткнуть грудь фигурки булавкой. Труда почти никакого, а результат при полнейшем отсутствии какой бы то ни было стражи на улицах тогдашнего Парижа и в самом деле зачастую достигался на удивление быстро. Особенно, если учесть, что «деловые связи» Монвуазен простирались вплоть до притонов в предместьях.

Вера в чудодейственную силу этих фигурок в XVII веке была распространена столь широко, что к ним прибегали даже некоторые последователи Эскулапа. Суммы, которые зарабатывала на этих мини-демонах мадам Монвуазен, трудно преувеличить: она брала до 20 000 ливров за каждую фигурку!

Неплохие доходы приносила и продажа колдовских и любовных напитков. В состав их входили большей частью кровь летучих

мышей, нстолченные в порошок сушеные кроты, различные травы н шпанские мушки. В завнсимостн от желаемого эффекта к зтому добавлялнсь н другне ннгредиенты — такие, как кровь младенцев, а для достнжения надлежащего вкуса — непременно вино.

Подобное прнворотное зелье приобретала у Монвуазен и мадам де Монтэспань, чтобы влнть его в бокал короля.

Наконец, в сферу услуг Монвуазен входило еще н сводничество. Кроме того, «огненный суд» уличил ее в пронзводстве прнмерно 2 500 абортов.

Однако самым прнбыльным занятнем этой патронессы, взывающей о помощи знатн, была торговля «порошком для получення наследства», который в токсикологии носнт прозанческое названне мышьяк. Мадам Монвуазен призналась, что продала яд сотням покупателей, заработав на этом кругленькую сумму. За одну дозу снадобья, которое у аптекаря носнт названне «крысиного яда» н стонт всего несколько су, она брала до 50 000 ливров. А клиенты платили и платилн! Частенько, скажем, применял порошок, полученный от Монвуазен, кардинал Бонзн нз велнкой епархнн Нарбонны, в высшей степени скаредный господин, едва не рыдавший, когда речь заходила о погашении долгов. Доброй ее клиенткой была н мадам Марзини, кузина покойного кардинала Мазарннн, зкс-фаворнтка «короля-солнце» и мать ставшего впоследствнн знаменнтым принца Евгения Савойского.

Так постепенно, шаг за шагом распутывали этот клубок неутомнмый Ларейнн н его лейтенант Дегре. Надо сказать, что особенных трудностей нм преодолевать н не пришлось, нбо мадам Монвуазен была аккуратной деловой женщиной н самым тщательным образом заносила в кингу, хранящуюся у нее в доме в Сен-Жермен, имена своих клнентов н соответствующие суммы, полученные от них. Ларейнн оставалось только внимательно читать. Правда, из реестра не следовало, за что именно лился на нее зтот дождь лнвров. Зато память у Монвуазен была на редкость хорошая, а тогдашнне методы допроса весьма способствовалн ее освеженню.

Так снова н снова вспомннала она об отвергнутой н развенчанной фаворнтке короля де Монтэспань, которая нспробовала все средства Монвуазен, пока наконец заметив, что коронованный любовннк, невзнрая нн на кротовий прах, нн на кровь младенцев, не чувствует к ней больше никакого влечения, решилась отправнть того в мнр нной вместе с его новым «предметом» — маркнзой де Фонтань. Разумеется, де Монтэспань прибегла к помощн Монвуазен, которая н разработала коварный план. В соответствнн с ннм королю во время прнема жалоб должны были подсунуть отравленный конверт — попытка с явно негодными средствами, еслн учесть, что король фактнческн был неграмотен. Во время таких ауднеиций пнсьма складывалн в серебряную вазу, стоящую неподалеку от его велнчества. Обычно монарх прнказывал прочесть их ему вслух. Таким образом, уже с самого начала было весьма сомннтельно, возьмет лн вообще король это пнсьмо в рукн, а еслн

даже н возьмет, то оближет лн после этого по своей, нзвестной всем, прнвычке пальцы.

И все-такн 5 марта 1679 года Монвуазен поехала в предместье, где Людовнк XIV давал своим подданным аудненцню. Однако там ее обуяли сомнення, да к тому же еще король раиьше времени закончил свое, рассчнтаиное иа приобретенне популяриостн, шоу.

Следующий прием жалоб был иазиачен иа 13 марта, и именно в этот деиь должна была быть предпринята вторая попытка. Однако днем раньше Монвуазен арестовалн, чем сорвалн н запланированное на то же время покушенне на фаворитку короля маркизу де Фонтань, которой два переодетых купцамн господина должиы были вручнть отравлеиные перчатки.

Слухи об аресте с быстротой молнии разнеслись по городу и во многих дворянских семьях вызвали «чемоданиое» иастроение. Однако помочь нм это, увы, не могло. «Огиениый суд» и коннополнцейская стража Дегре хорошо зиалн, как и где разыскать беглецов. Избежать «огиеииого суда» удалось только маркизам Марзнии н Монтэспань. Его королевское величество, которого Ларейии немедленно обо всем ииформировал, своевремеиио их предупредил. Мадам Марзини сбежала в Гент, где народ едва не побил ее камнями, а мадам Монтэспань была отправлена в свое поместье с месячной пенсией в 1000 луидоров.

Однако со своим вторжеиием в королевскую спальню Ларейнн, вндимо, перегнул палку. Не мог же, в конце концов, самовлюбленный «король-солнце» допустнть, чтобы его прежняя фаворитка, роднвшая ему троих детей, была разоблачена как потенциальиая цареубнйца н предстала перед судом. Да н как знать, что еще мог выясннть этот Ларейнн прн дворе и в благородных семействах н к чему все это прнведет? От мыслей об «огненном суде», ие только грубо н жестоко обходившемся с мелкими воришками, но добиравшемся порой н до голов крупных буржуа и высшей знатн, королю стало неуютно. Поэтому 1 октября 1680 года он распустил особый суд (столь же внезапно, как восемнадцать месяцев до того создал).

Суд этот, безусловно, весьма способствовал спаду волны отравленнй во французских высших кругах. Однако для бескомпромиссной борьбы протнв преступного дворянства у иего ие хватало сил. Это был все же орган юстиции абсолютной моиархни. Но и после роспуска «огнениого суда» долгое время еще шло расследоваине многих дел и далеко ие все оии былн прекращеиы производством. За это время Монвуазен и 35 других обвиняемых былн осуждены н казнены (сожжены на костре). Монвуазеи как главной вииовинце отказалн даже в даруемой обычно милостн — быть тайио удушенной еще до поджнгання костра. Упомянутая уже ранее мадам де Севиньн сообщает, что Моивуазен отказалась от, как правило, назначаемого при подобиых обстоятельствах церковного покаяния и до последнего дыхання нзрыгала ужаснейшие проклятия.

Помнмо уже прнговорениых к смерти подсуднмых, еще

147 обвиняемых сидело в тюрьме, среди них — и аббат Гибур, жрец Сатаны. Допустнть, чтобы оин предстали перед обычиым уголовным судом, королю, понятно, не хотелось. Поэтому ннкакого судебного процесса н не было. Менее виновных выслали нз Франции, остальных, и среди иих аббата Гибура, по приказу короля отправили в тюрьмы на пожизненное заключенне — столь просто вершилось правосудие в стране абсолютной монархии.

Роль верховного судьи была сыграна Ларейни до конца роспуска «огиениого суда», а вот роль шефа полиции хотя и не столь эффектная, но ничуть не менее весомая за ним осталась. И то, что за свою новейшую в тогдашних условиях, служившую примером для всей Европы полицейскую систему Франция снискала себе славу полицейского государства, являлось отнюдь не заслугой Людовнка XIV, весьма охотно поддерживавшего эту версию, а в большей степени делом рук Ларейни.

При всем этом в полицейской карьере Ларейни нет ничего сенсационного. Выходец из среды крупной буржуазии, как и большииство юрнстов XVII века, он купил себе должность столоначальиика по жалобам и прошениям. Случилось это в 1661 году, то есть в тот самый год, когда после смерти Мазарини Людовик XIV стал полновластным абсолютным монархом. Торговля государствениыми должностямн была тогда во Францин делом обыденным. По случаю «скоротечной чахоткн» государственной казны Людовик XIV и его наследники довелн дающую прямые доходы торговлю должностями до высшей степеии совершенства: продавалнсь даже такие явно никому не нужные посты, как откупщик снега, счетчик сена, ревизор строительного камня, контролер париков, оценщик степени соленостн масла... Однако покупка этих должностей тоже была делом прибыльным: всегда ведь можно изыскать иовый прнем, с помощью которого еще несколько прнумеиьшить вес скромного, трудного хлеба налогоплательщика. Впрочем, дворяне от иалогов были свободны, а крупная буржуазия уже тогда знала все увертки н располагала связями, которые помогали ей избегать уплаты налогов. Надо полагать, что совсем иеплохо зарабатывал иа своих «жалобах» и Ларейнн: шесть лет спустя, когда в связн с полицейской реформой впервые оказалась вакантной должность генерал-лейтенанта полиции, он смог уплатнть за иее в королевскую казну 250 000 ливров.

ЛАРЕЙНИ НАВОДИТ ПОРЯДОК

Возннкновение уголовной полиции во Франции отиосят к XIV веку, а некоторые ее учреждения имеют еще более продолжнтельную историю. Например, полиция, ведающая делами инос-

транцев, уже к началу IX века имелась почти в каждом большом городе и должна была препятствовать притоку чужеземных уголовников. Полиция нравов также кое-где существовала уже в IX веке.

Однако краеугольный камень государственной полиции был заложен в XVII веке. В Париже было в то время 500 000 жителей, 100 000 лошадей, 12 000 карет и 20 000 лакеев. Бродягам и нищим, бандам уличных грабителей и воров не было числа. Что ни день, в городе находили трупы заколотых, задушенных, утопленных людей.

Кольцо парижских предместий было полностью в руках преступников. Отсюда совершались разбойные налеты и кражи со взломом, здесь свили гнезда скупщики краденых вещей, чтобы, перелицевав и перекрасив их, переправить затем на рынок. Здесь держали свои штаб-квартиры наемные убийцы, уличные грабители, воры и сводники, разрабатывались планы грабежей и пополнялись банды. Полиция не смела сюда сунуть носа даже днем, так что на границе этих предместий королевская власть фактически уже кончалась.

В 1664 году один тогдашний публицист писал: «Днем и ночью в Париже обворовывают и убивают. Мы достигли самого дна эпохи, ниже некуда».

Такова была оборотная сторона режима абсолютизма, закономерное следствие беспощадной эксплуатации и социального обнищания масс, а заодно и основание для реформы 19 марта 1667 года. Главной же причиной реформы было то, что как логический результат политической и социальной сущности абсолютизма все большие размеры стали принимать волнения крестьянства и городской бедноты, а часть дворянства, в первую очередь обедневшие мелкопоместные дворяне, начала роптать на возросшую феодальную реакцию.

Социальной подоплеки эдикт о реформе, разумеется, не коснулся ни единым словом. Но истинно в стиле Людовика XIV в нем говорилось: «Сообразуясь с тем, что добрый наш город Париж является столицей государства нашего и посему примером для всех городов королевства служить должен, сочли мы, что ничего нет достойнее забот наших, нежели правосудие и полицию в добрый порядок привести».

И далее о полиции: «Успехи ее так значительны, а отдельные промахи исправлены уже столь благополучно, что всякий, благом от того предполагаемым влекомый, да сберется с духом и да приложит с охотой руки свои для полного завершения сего великого предприятия».

Говоря об «успехах», король, определенно, имел в виду основанный еще во время правления Ришелье, в 1628 году, при парижском почтамте «черный кабинет», в котором тайком вскрывали и прочитывали письма подозрительных лиц. Однако Людовик XIV умолчал о том, что «высокая полиция», вводимая реформой 1667 года, была задумана не столько для борьбы со

всеми видами преступности и заботы о благе всех, сколько для обеспечения удобств и покоя монарха. «Высокая полиция» была, в первую очередь, политической полицией, первой всерьез организованной тайной политической полицией в Европе. В своей деятельности она опиралась на «добрые» традиции, особенно в части, касающейся службы розыска. Государи, предшествовавшие Людовику XIV, и их министры постоянно содержали целое войско информаторов, подкрепленное сетью агентов-провокаторов, которые входили в доверие к противникам и выведывали их планы.

«Высокая полиция», особым заданием которой было выискивать и обезвреживать все враждебные королю и государству элементы, возвела сыск в идеал полицейской деятельности. Шпики назывались на полицейском жаргоне «вижиланами», народная же молва нарекла их презрительными кличками «серый сюртук» или «мушар».

«Высокую полицию» сначала ввели только в Париже, где учредили Бюро доверия и безопасности с генерал-лейтенантом полиции во главе. Позднее эти полицейские инстанции появились во всех провинциях; генерал-лейтенант полиции стал главой полиции Парижа, а со временем — и министром полиции.

Одновременно с этим была упразднена администрация префекта и полицейская власть, которой он столь долго пользовался.

Младшие же чины (лейтенант по гражданским делам и лейтенант по уголовным делам) исполняли теперь чисто судебные функции. Первым генерал-лейтенантом стал Ларейни, свято уверовавший в серьезность своей миссии.

В первый же год своего вступления в должность он нанес чувствительный удар по парижским трущобам: наводнил притоны преступников своими шпиками, удвоил полицейскую команду и сторожевую службу, навербовал добавочный контингент вспомогательных полицейских, получив таким образом под начало 400 пеших и 144 конных полицейских. С этим полицейским войском однажды он внезапно окружил кварталы трущоб, и началась первая в истории французской полиции массовая полицейская облава.

Шефу полиции было ясно, что ввяжись его люди в стычку с уголовниками в этих извилистых переулочках с их бесчисленными проулками, тупичками и тайниками — и улов будет максимум дюжина-две мелких рыбешек. Для него было важно в первую очередь выжить уголовный сброд из города. Поэтому он объявил жителям кварталов, населенных преступниками, весьма характерный для его стиля деятельности ультиматум: при немедленном оставлении трущоб и обещании не возвращаться снова в черту города жуликам (а к таковым для упрощения дела причисляли всех жителей окруженных кварталов) гарантируется свободный выход. Последние же двенадцать человек, которые окажутся недостаточно проворными, будут арестованы, и им придется расплачиваться за всех остальных. В случае непринятия ультиматума Ларейни
угрожал применить силу.

Обнтатели трущоб ультиматум приияли. Начался неописуемый хаос, полицейское оцепление было прорвано, и все жители до последнего скрылись. Ларейии не удалось отыскать не то что дюжину, а хотя бы одиого «козла отпущения». Зато он стяжал себе славу очистителя Парижа от преступников — по крайней мере, на какое-то время, ибо устойчивого эффекта при таких методах, понятно, не достигнешь, не говоря уже об искоренении преступности как таковой.

Да и сам Ларейии вовсе ие строил себе по этому поводу иллюзий, а приступил к серьезной и основательной работе по обновлению полиции.

В 1691 году он издал уложение о компетенции полиции и правилах проведения арестов и допросов. Позаботился шеф полиции и об уличном освещении: ко времени его ухода со своего поста в Париже зажигалось по вечерам 6000 уличных фонарей, и этот город по праву считался самой освещенной европейской столицей. Кроме того, Ларейин устаиовил для трактиров полицейский час (начинавшийся в 22 часа) и, конечно же, как и кое-кто из предшествующих ему чиновников и королей, попытался выступить в поход на проституцию, ие достигнув, впрочем, в этом достойных упоминания успехов. Все годы его деятельности этот древнейший промысел продолжал процветать.

У Ларейни, безусловио, хватало сообразительности, чтобы понимать, что преступления могут твориться повсюду, в том числе и во дворцах, наглядным свидетельством чему служило дело Моивуазеи. И тем не менее излюбленной его мишенью были беднейшие слои населения. Он приказал выгнать из Парижа всех цыган и запретил им навсегда переступать черту города. Цыганок, которые после этого попадались в городе, секли плетьми и вновь выдворяли из Парижа. Если оин все же возвращались и на этот раз, то их сжигали на костре. Мужчин-цыган отправляли за это на галеры.

Впрочем, такое было уже не ново. Еще в 1539 году Франциск I издал указ, согласно которому цыган, нарушивших распоряжение о высылке из страны, без суда ссылали на галеры.

Упрекнуть Ларейни в сострадательности или в том, что он испытывал угрызения совести, было бы по меньшей мере несправедливо. Никаких сомнений и ни малейшей жалости — таков был его девиз по отношению к врагам короны. Верному слуге короля — шефу полиции — повсюду чудилась измена. В пресловутом деле Моивуазеи он тоже поначалу предполагал политический заговор.

Куда более посчастливилось ему в случае с двумя парижскими публицистами, владельцем типографии и художником, подозреваемыми в издании вызвавшей большой ажиотаж сатиры на «короля-солнце» и его развратное окружение и распространении ее среди насмешливой публики. Ларейин мигом запустил в работу всю «высокую полицию» и ее сыскной аппарат, прижал покрепче приятелей владельца типографии и немедленно получил обвини-

тельный материал. Остальное довершил неожиданный обыск на квартирах подозреваемых. Владелец типографии и художник были приговорены к смерти и колесованы. При всем этом Ларейни собирал греческие тексты, был знаком с Вольтером и дружил с Сен-Симоном.

Ничего удивительного, что при столь рьяной преданности королю и державе детище Ларейни — «высокая полиция» — не ударила в грязь лицом и при травле гугенотов. Благодарный монарх назначил Ларейни пожизненным государственным советником, что сделало его имя еще более ненавистным во всех социальных слоях.

В 1697 году он продал должность генерал-лейтенанта полиции за 150 000 ливров маркизу д'Аржансону, пребывавшему в ней до 1718 года.

ИЗЪЯНЫ ЧУДА СВЕТА

Новым чудом света нарекли в XVII веке французскую полицию. Этот нимб засветился на ее челе главным образом заслугами «высокой полиции» и ее великолепно налаженного сыскного аппарата. Изъяны и коросту на ее теле старательно не замечали. А изъянов, увы, хватало. Нередко полиция допускала серьезные ошибки, жертвой которых становились достояние, свобода и здоровье, а то и сама жизнь невинных людей. Лишь весьма незначительную часть этого брака в работе можно в какой-то мере оправдать исторически обусловленной ограниченностью достижений тогдашней юридической науки и недостаточной профессиональной квалификацией полицейских. Главными же причинами всего этого являлись невежество, тупость и продажность персонала компетентных органов. Свидетельство тому — дело привратника Лебруна.

В воскресенье 27 ноября 1689 года мадам Мазель, вдова почтенного господина де Савонье, вышла из своего четырехэтажного дома, что на улице Каменщиков в Париже, и отправилась в церковь. Старушка и не подозревала, что под кроватью у нее прячется убийца. Он проник в дом еще в пятницу, однако намерение свое поживиться кое-какой вдовьей наличностью пока все еще не осуществил. Дом и окрестные места он знал как свои пять пальцев. А традиция вдовы собирать каждый понедельник и пятницу веселую компанию для игры в карты была известна ему не хуже, чем хозяйке. Не составляло для убийцы тайны и то, что золото у нее хранится в гардеробном отделении спальни, в шкатулке, ключ от которой днем вдова всегда носит с собой, а ночью кладет под подушку.

Теперь требовалось только терпение да еще надежное убежище. Первого ему было не занимать, а второе он нашел прямо под крышей дома. И вот в воскресенье настал наконец его час. Убийца пробрался в находившуюся на втором этаже спальню и спрятался там под вдовьей кроватью, выжидая, пока горничная не закончит уборку. После этого он испортил колокольчик, с помощью которого мадам Мазель могла позвонить в комнату служанки прямо из постели, и сделал себе шапку из салфетки, найденной в комнате за зеркалом. Когда дом затих и вдова забылась в блаженном сне, он попытался выудить из-под подушки ключ от шкафа, однако мадам Мазель испуганно вздрогнула, открыла глаза и тотчас узнала его. «Мадам, если вы закричите, я убью вас», — сказал мужчина и потребовал деньги. Однако мадам Мазель не оценила всей серьезности положения и потянулась к шнуру колокольчика. Убийца выхватил нож и, как одержимый, стал наносить ей удар за ударом.

Он бил вдову ножом в лицо, шею, в плечи. Убедившись, что она не подает признаков жизни, мужчина хладнокровно достал из-под подушки ключ, открыл шкаф, затем шкатулку и вознаградил себя 5000 или 6000 золотых монет общим весом в несколько килограммов.

Он еще проявил скромность, ибо всего в шкатулке находилось более 10 000 ливров золотом и на 15 000 ливров драгоценностей. Затем убийца снова запер шкатулку, положил ключ на старое место, забрался на чердак и, прежде чем покинуть дом, стянул с себя пропитанную кровью рубаху, спрятав ее под охапкой соломы. Не забыл он избавиться и от веревочной лестницы, приготовленной на случай, если придется выбираться через окно.

Так бы все и прошло как по маслу, когда бы не досадная неудача: его случайно увидела одна пожилая женщина, которая помогала время от времени по хозяйству в доме Мазель. Она узнала убийцу и могла бы во многом способствовать своими показаниями быстрейшему расследованию дела, если бы не лейтенант по уголовным делам Дефитà, игнорировавший ее заявление.

Этот лейтенант по уголовным делам парижского округа был персоной весьма популярной и грозной. Нелишне отметить при этом, что честные граждане боялись его, пожалуй, еще больше, нежели разного сорта мазурики, ибо служебное рвение нередко увлекало лейтенанта с прямого пути на самый запутанный, но, преодолев его, он выходил-таки на преступника. К сожалению, чаще всего — на ложного. Лейтенанты по уголовным делам с 1667 года всецело принадлежали службе юстиции, они выполняли следственные действия — такие, как осмотр места преступления, поиск доказательств, а также проводили допросы свидетелей и обвиняемых.

Полиция оказывала суду помощь по его требованию. В основном же она занималась поиском скрывающихся преступников, ловила злоумышленников с поличным и производила аресты,

вела слежку за подозрительными лицами и наблюдала за исполнением распоряжений полиции и властей.

Суд — не менее важный инструмент практического осуществления власти, чем полиция и армия. В схватке короля с соперниками (феодалами и вассальными государствами за власть и централизацию), в борьбе, где допускались любые средства — сила и хитрость, измена и обман, суд играл для обеих сторон особенно значительную роль.

Уже в середине XIII века, при Людовике Святом, непосредственно при короле было создано особое учреждение (парламент) для обсуждения уголовных дел.

Королевский суд, который являлся одновременно высшей апелляционной инстанцией государства, имел право отменить решение любого феодального суда, даже тех вассальных княжеств, которые еще не вошли в состав королевских земель. Некоторые уголовные дела, например о поджогах, похищении женщин, чеканке фальшивых монет, и, естественно, все дела, в которых король был особо заинтересован, подлежали рассмотрению только в королевском суде.

Судьями всегда назначали людей, сведущих в римском праве. Большей частью это были представители буржуазии, служившие одной рукой королю, а другой — собственному классу.

В XVI веке, после завершения централизации Франции, королевские юристы провозгласили, что власть короля не может быть ограничена никакой персоной и никаким институтом. В 1527 году президент парижского парламента (фактически — верховного суда Франции) в обращении к королю Франциску I заявил: «Сир, вы стоите над законом!» Король не замедлил с «благодарностью», одновначно запретив парламенту вмешиваться в дела государственного управления, и дал понять, что его должны заботить исключительно судебные вопросы. Тем не менее и в более поздние времена, к примеру в 1648 году, когда Париж бунтовал, парламент, поддержанный народными массами и частью буржуазии, возмущенной политикой Мазарини, пытался поднять голос против короля.

До буржуазной революции 1789 года парижский парламент являлся высшим судебным органом Франции. Однако это была не единственная апелляционная инстанция. В провинциях при префектах, а позднее — интендантах наряду с судами первой инстанции (окружными судами) имелись также суды второй инстанции, которые могли отменить решение окружных судов.

Итак, случай с Мазель относился к компетенции парижского окружного суда, занимавшего, подобно парижской полиции, особое место во французской судебной системе. Ему было предоставлено право толкования и дополнения законов страны и местных административных актов. Это имело очень большое значение, поскольку уголовного кодекса в те времена еще не было. Лишь 65 лет спустя, в 1754 году, многочисленные отдельные постановления и эдикты о зафиксированных нарушениях закона были сведены в единый Уголовный кодекс.

Такнм образом, лейтенант по уголовным делам Дефнта был не просто кем-нибудь, а лнцом значнтельным, н это положенне, естественно, его обязывало. Старший из сыновей убнтой Ренатус де Савонье был советником парнжского парламента, то есть коллегой и даже косвенным начальннком Дефита.

Раны, ианесенные убнтой, оказалнсь таковы, что ни одна из них в отдельности не могла быть причиной смертн. Лнщь все в совокупностн они прнвелн к столь большой потере кровн, что вдова от этого умерла. Дефнта осмотрел насквозь пропнтанную кровью постель н нашел шапочку из салфетки, которую убнйца сделал себе утром, и кусочек кружева от жабо. Кроме того, под ногтями убитой обнаружили несколько волосков, явно не с головы мадам Мазель. На основанни этого Дефита пришел к заключению, что убийца боролся со своей жертвой н потерял прн этом самодельную шапочку, а вдова вырвала нз его головы волосы. Бросился ему в глаза н обвнвшийся вокруг кроватной ножки оборванный шнур от колокольчика. А когда в камнниной золе он разыскал еще и карманный нож — орудне убнйства, тогда дело для него стало уже наполовнну ясным. То, что ключи от платяного шкафа и от шкатулки лежали на своих местах, его ннмало не озадачило. Не смутило лейтенанта н то обстоятельство, что нн советннк парламента, нн он сам, нн прнвратник Лебрун не смогли открыть ключом шкатулку, поскольку в нее был вмонтирован секретный механизм, справиться с которым оказалось довольно трудно даже слесарю.

Прн жнзнн мадам Мазель ннкому в свой кошелек заглянуть не позволяла н о велнчнне ее капнтала ннкто толком не был осведомлен, а грабнтель-убнйца оставил в шкатулке довольно много денег. Поэтому лейтенант решил, что прнчиной убийства могла быть лнбо месть, лнбо старая ненавнсть.

Правда, блнзкие родственннкн покойной намекалн на ограбление, а после и вовсе сталн утверждать, что нсчезли якобы все деньги, однако все это ие пронзвело на Дефнта большого впечатлення. Он со всей скрупулезностью занялся выслежнванием «вычисленного» преступннка. Прн осмотре помещення лейтенант столкнулся с любопытным обстоятельством. Рядом с кроватью убнтой оказалась дверь, за которой была потайная лестннца, ведущая на третий этаж, нежнлой, за исключеннем одной-единственной комнаты. В этой комнате, соединенной в некотором роде непосредственно с постелью хозяйки, обитал священнослужнтель по нмеин Пуляр. Он жнл прн мадам Мазель уже шесть лет. О его положенин в доме н отношеннях со вдовой не вознprinceкало ннкаких сомненнй. Лейтенант обыскал комнату, ничего, однако, ие обнаружнв. Осмотрел он н чердачное помещение, но только бегло, так, порядка радн. Затем Дефнта допросил прнслугу, ннтересуясь, как прошел день иакануне убийства. Выяснилось, что во второй половнне дия хозяйке дома засвидетельствовалн свое почтенне дочерн Лебруна. Принялн их ласково, но пробылн оин очень недолго, поскольку вдова собнралась поехать к вечерне. Отвез ее туда сам Лебрун. В 20 часов его госпожа заехала к одной знакомой, а оттуда вериулась домой.

Ужинала она, как обычно, в компании аббата Пуляра, который (на это особо обратила внимание горничная) несколько раз повторил, что собирается провести наступающую ночь вне дома.

Около 23 часов вдова отправилась в спальню. Обе ее горничные были еще при ней, когда в дверь, ведущую в гардеробную, постучал Лебрун. Однако там ему не отворили, и он пошел к главной двери. Мадам Мазель сначала рассердилась, а потом сменила гнев на милость и отдала ему распоряжения относительно следующего дня, понедельника, который был ее «игровым» днем.

Лебрун покинул спальню вместе с девушками, ушел на кухню, уселся возле печки и задремал. Ночью, услышав бой церковных часов, он проснулся и сходил запереть ворота. После этого он пошел в свою каморку, где и провел остаток ночи.

Лейтенанту его рассказ не понравился. Он внимательно осмотрел руки Лебруна, но не нашел на них ни царапин, ни следов крови. Перед приходом полиции Лебрун не успел еще умыться, и Дефита заставил его опустить руки в воду и потереть их. Никакого результата! Никаких следов крови! В кармане у привратника нашли нож и отмычку — ключ со спиленной бородкой. Дефита, конечно, сразу же прицепился к этому. Да, действительно, эту отмычку Лебрун выточил сам и уже давно, когда по требованию хозяйки передал настоящий ключ аббату Пуляру.

Установив, что этот ключ в самом деле, хотя и с трудом, отпирает дверь в спальню, Дефита посчитал, что дело, в сущности, уже расследовано. Он взял изготовленную преступником шапочку из салфетки и примерил ее на голову привратнику. И что же — она оказалась ему впору, равно как могла бы оказаться подходящей любому другому слуге, или господину де Савонье, или самому Дефита... Но ни о ком другом лейтенант и не думал: его вполне устроило, что шапочка пришлась как раз по мерке именно Лебруну, который и был арестован вместе со своей женой и всей мужской половинной прислуги.

На следующий день Дефита целых десять часов допрашивал камердинера, кухарку и кучера. Старушкой, которая действительно видела убийцу, он пренебрег. Зато он еще раз обыскал место преступления, нашел за потайной дверью оставленную убийцей веревочную лестницу и задумался: зачем, собственно, Лебруну, имеющему отмычку и возможность разгуливать по дому, где заблагорассудится, эта лестница?.. Не иначе как для того, чтобы отвести от себя подозрение. Но лейтенанта по уголовным делам такими дешевыми штучками провести было нельзя.

Свое умение распутывать следы Дефита продемонстрировал еще два года назад, «изобличив» некоего господина Англада в воровстве и отправив его на галеры, а мадам Англад как сообщницу — в тюрьму. И вот этот самый Англад даже под пытками не признался в своей причастности к преступлению, а будучи галерным гребцом, все еще пытался доказывать свою невиновность. Потом, правда, он эти попытки прекратил, ибо 4 мая 1689 года отдал богу душу. А вот мадам Англад все еще никак не унималась и, сидя в

тюрьме, продолжала клятвенно заверять, что ни она, ни муж никогда никакого преступления не совершали.

Дефита с помощью тех же самых методов приступил и к отысканию доказательств вины Лебрунов. Он оставил супругов под стражей, остальных же слуг отпустил.

30 ноября лейтенант по уголовным делам еще раз обыскал весь дом и нашел под охапкой соломы окровавленную рубашку. Рядом с ней лежало кружевное жабо, на котором недоставало как раз того самого куска, что Дефита обнаружил при первом осмотре в постели убитой. Вслед за тем он поспешил на квартиру Лебруна и перерыл все его белье, пытаясь выяснить путем сопоставления, не ему ли принадлежала найденная улика.

Лейтенанту не верилось, что при таком обилии пролитой крови и столь ожесточенной борьбе на теле преступника не осталось никаких следов. Лебруна подробно осмотрели еще раз — никаких признаков! Это было просто непостижимо, но ведь, в конце концов, и в деле Англада украденное добро тоже было найдено не у преступника, а у камердинера, за которого сам потерпевший ручался головой. Так и здесь, может этот Лебрун просто своевременно успел устранить все следы крови... Однако у лейтенанта имелся и другой козырь — экспертиза, которая должна была исследовать изъятые вещественные доказательства.

Нелишне отметить, что научной криминалистики в тѐ времена еще не существовало и экспертиза (за исключением медицинской) в судебной практике не играла, по существу, никакой роли. К чести Дефита для исследования вещественных доказательств он постоянно использовал любые возможности, открываемые научными достижениями XVII века.

Прежде всего опытным мастерам по изготовлению ножей поручили произвести сравнение орудия убийства с найденным у Лебруна карманным ножом. Они должны были найти определенные соответствия, исходя из чего можно было бы прийти к заключению, что Лебрун имел два однотипных ножа, один из которых был использован для убийства. Однако единственным сходством, которое констатировали мастера, оказалось то, что оба ножа были изготовлены на местной мануфактуре и отполированы одной и той же рукой.

Второй надеждой Дефита были волосы, изъятые из-под ногтей убитой. Парикмахеры должны были сравнить их с волосами с головы Лебруна — сложнейшая задача во времена, когда микроскопия пребывала еще в самом зачаточном состоянии. После недолгого совещания парикмахеры заявили, что для какого-либо серьезного заключения материала у них явно недостаточно.

Доконали Дефита белошвейки, производившие сопоставление белья Лебруна с окровавленной рубашкой, найденной на чердаке дома убитой вдовы. Залитая кровью рубаха, утверждали они, совсем другого фасона и по размеру значительно меньше, чем белье Лебруна. А уже версия о кружевном жабо и вовсе не укладывалась ни в какие рамки. Допрошенные слуги показали, что подобного

жабо у Лебруна никогда не видели, тогда как однн нз его бывшнх слуг по нмени Беррн постоянно носил именно такое. Этого Берри с высоты своего велнчия Дефита просмотрел, равно как н старушку-подсобницу, встретившуюся с убийцей. (Впрочем, два года назад он так же просмотрел камердинера — не в пользу несчастного Англада.) А между тем Беррн всего лншь восемь месяцев назад, в марте 1689 года, был выгнан за то, что украл у мадам Мазель 1500 ливров.

Вместо того чтобы ухватнться за кончик этой нити, лейтенант по уголовным делам назначил новую экспертнзу. В каморке Лебруна он увндел кусок веревкн, в некоторых местах завязанной в узлы. На сей раз в ролн экспертов выступалн канатчикн. Онн должны былн сравннть с этой веревкой оставленную убнйцей веревочную лестннцу н выясннть, не сходны лн они по матерналу н технологнн нзготовлення, а также однннаковым лн способом завязаны на ннх узлы. Однако канатчики также прншлн к заключенню, что этн веревкн нзготовлены нз разных сортов пеньки, а узлы на них н вовсе не схожн между собой.

Не удалось отыскать ничего компрометнрующего н на жнзненном путн, пройденном привратником. Лебрун находнлся в услуженнн у мадам Мазель с шестнадцатн лет, н даже сыновья убнтой в однн голос подтверждали его безупречное поведенне за время двадцатндевятилетней службы. Мадам Мазель полностью доверяла ему и в своем завещанни отказала в его пользу 6000 лнвров. Все свидетелн характернзовалн его как набожного, скромного, надежного н честного человека. Однн лншь аббат Пуляр разноснл слухн, что убийство вдовы — дело рук Лебруна в компанин с выгнанным слугой Беррн.

В убнйстве мадам Мазель моглн быть заннтересованы различные лнца, напрнмер второй сын покойной—Жорж де Савонье. К великому неудовольствию матерн он всерьез ухажнвал за некой капелланской вдовушкой, сестрой аббата Пуляра, н частенько делал ей прилнчествующне случаю подарки. Парочка, вероятно, вскоре стала бы супружеской, когда бы не вмешательство мадам Мазель, пригрозившей сыну лншеннем наследства.

Аббат Пуляр очень на нее за это обнделся и перемывал ей косточки даже после ее смерти. С одной стороны, престарелая вдова была ему в тягость, с другой стороны, союз сестры с Жоржем де Савонье сулил явную выгоду. Исходя из обонх этих мотнвов его тоже, собственно, следовало бы включить в список подозреваемых.

Нельзя было, наконец, нсключнть нз круга возможных преступников н третьего, самого младшего, сына убнтой, майора Мишеля де Савонье, нбо и у него нмелнсь веские прнчины сердиться на мать. Трннадцать лет назад она протнв его волн по сутн дела прнговорнла сына к пожизненному соломенному вдовству, упрятав его молодую жнзнерадостную жену в монастырь Сент-Андре в Бурже. Правда, эта юная дама наставляла супругу рога, что свекрови казалось, понятно, возмутительным. Жадная до жизни невестка нет-нет да н вырывалась на волю нз монастырской

глухомани, но всякий раз ее ловили и сиова отправляли обратио. В марте 1689 года, как раз в то время, когда был уволен слуга Берри, она появилась в Париже, однако очеиь скоро ее опять увезли в Бурже. Но всего пять месяцев спустя оиа еще раз сумела ускользнуть из-под иадзора монахинь, укрылась в предместье Сеи-Жермеи и твердо заявила, что через три месяца вновь и иавсегда воссоедииится со своим мужем. А ровио через три месяца мадам Мазель была убита...

Однако иа лейтеианта по уголовиым делам Дефита, уже отыскавшего «своего» убийцу по имеии Лебрун, все эти подозрительиые момеиты произвели иезиачительиое впечатлеиие. Ои предпочел иазиачить иовую экспертизу и поручил иескольким слесарям исследовать иайдеииый у Лебруна дубликат ключа. Те устаиовили, что изготовлеииая привратииком отмычка подходит к входиой двери, к передней и к двум комнатам, в которых совершилось преступлеиие, тогда как все остальные ключи в доме подходили каждый только к своему замку.

Три дия спустя Реиатус де Савоиье от имеии наследников вручил лейтеиаиту по уголовиым делам заявлеиие, по самому стилю которого сразу чувствовалось, что здесь потрудилась искусная рука парламеитского советника. В ием содержалось требование «призиать Лебруна уличеииым в причастиости» к убийству мадам Мазель и похищеиию из шкатулки всех ее деиег до последнего пол-луидора. А посему, — иастаивали рьяные иаследники, — Лебруна следует ие только лишить доли, полагающейся ему по завещанию покойиой, ио и обязать возместить сумму украденных деиег и оплатить все судебиые издержки.

В соответствии с правилами существовавшего в те времена во Франции судопроизводства обвинение и защита велись в письменном виде, весьма обстоятельно и многословно. Не последнюю роль при этом играли стилевые приемы и форма составления бумаг, всячески иаправлеииые иа то, чтобы приспособиться к казуистическому образу мыслей господ судей. Понятно, что Ренатус де Савоиье как профессиоиал владел этим мастерством в совершеистве. В суде ои выступал в качестве обвииителя, ибо официальиый представитель обвинеиия, иаподобие прокурора более поздних времеи, иазиачался при рассмотреиии тех дел, которые затрагивали иепосредствеиио короля и его иитересы. Лебрун, абсолютио иеискушеииый в судебиых вопросах, полностью доверил ведеиие дела Ж. Б. Окуру, известиому адвокату, который в своем защитительиом трактате камия иа камне ие оставил от аргументов обвииителя, а все кропотливо собраииые Дефита вещественные доказательства обратил в аргумеиты иевииовиости Лебруна.

Суд в составе одиииадцати судей уже 18 января вынес приговор. Лебруна призиали уличеииым в преступлеиии и приговорили к «заслуженному» иаказанию: его должиы были колесовать. Однако прежде его еще иадлежало подвергиуть ордииариым и чрезвычайиым пыткам. Имущество Лебруиа по изъятии из него 8000 ливров для покрытия ущерба, иаиесеииого господам Савоиье, и 100 ливров

на панихиду по мадам Мазель, конфисковывалось в доход короля. Помимо всего этого приговор лишал привратника причитающейся ему по завещанию доли из наследства покойиой и возлагал на него оплату всех судебных издержек.

Следствие по делу мадам Лебрун было приостановлено до казни ее супруга.

На основе положений тогдашнего французского уголовиого процесса приговоренный мог обжаловать приговор в парламенте. Решение парламента являлось окончательным. Официально его мог отменить разве что сам король, да и тот ограничивался лишь помилованием.

Лебрун апеллнровал. 22 февраля 1690 года его дело поступило на слушание в парламент, причем занималось им на этот раз вдвое большее число судей. Шестнадцать судей голосовало за пытки, четверо — за дальнейшее ведение следствия и двое — за утверждение приговора окружного суда. Исход дела решило большинство голосов, и уже на следующий день Лебрун был подвергнут пыткам.

В качестве орудия пытки в тогдашнем Париже применялн обычно так называемые «испанские сапоги». Обвнняемому крепкой веревкой или ремешком пришнуровывали вокруг голеней по четыре узких дубовых дощечки. Между дощечками забивали клинья, которые сдавливалн мышцы, рвали ткани, дробили кости. Ординарная пытка предусматривала забивание четырех клиньев, чрезвычайиая — восьми... Однако Лебрун продолжал клясться в своей иевиновности. Он стойко перенес ужасающие муки пыток — эти типичиые для средневековья способы допроса, мало, впрочем, помогавшие отысканию истины. Бывало, что настоящие преступники выдерживали эти мучения. Одиако значительно чаще нз невиновных выжимали ложные призиания, а после этого несчастных казнили. Гуманисты-мыслители и просвещенные юристы уже тогда всякнми путями добивались отмены пыток. Однако онн оставались в арсенале следствия еще целое столетне.

Впрочем, вся несостоятельность подобных допросов с пристрастнем отчетливо была вндна уже в конце XVII века, н наглядное свндетельство тому — дело Лебруна. В вынесенном 27 февраля окончательном приговоре парламент постановил отменить определенную ранее для Лебруна смертную казнь, однако одновременно распорядился о продолжении расследования этого дела в течеиие одного года. Лебрун должен был это время содержаться в заключении. На волю отпустили только его жену. Один нз судей и после пыток требовал занести в протокол, что он все равно голосует за смертный приговор.

1 марта 1690 года, через два дня после вынесення окончательиого приговора, крепкнй, всего лишь сорока пяти лет от роду, Лебрун умер; почти на год позже месье Англада и абсолютно по той же прнчине — от пыток.

Так бы, вероятно, на этом дело и кончилось и пылнться бы ему в архиве, когда бы ни раньше, ни позже, как через четыре недели по-

сле смерти Лебруна, не раскрыли личность настоящего убийцы вдовы Мазель.

Лейтенант конной полиции Джесси из Сенса, который внимательно следил за ходом процесса и имел по этому поводу кое-какие собственные мысли, вспомнил о некоем Жерла, называемом также Берри, и о том, что человек этот, по слухам, служил прежде у мадам Мазель. 27 марта Джесси отыскал Жерла, который действительно оказался тем самым выгнанным слугой. Берри был столь явно перепуган этим визитом, что лейтенант немедленно его арестовал. Окончательно Джесси укрепился в своих подозрениях, когда Берри, пытаясь купить себе свободу, стал совать ему туго набитый кошелек.

Делом об убийстве Мазель занимался уже парламент, поэтому по действующему тогда уголовно-процессуальному праву ни одна нижестоящая инстанция принять его к своему производству не могла.

Берри был доставлен в Париж. И вот здесь-то в ходе процесса против него всплыли на свет свидетели, показавшие, что он находился в Париже в день убийства и присутствовал на месте преступления. Это была та самая старушка, показаниями которой столь упорно пренебрегал Дефита, и парикмахер, который сбрил Берри бороду через несколько часов после убийства. Этому парикмахеру бросились тогда в глаза многочисленные царапины на руках клиента.

Для производства экспертизы вновь пригласили белошвеек, и они на этот раз пришли к позитивному выводу. Окровавленная рубашка была однотипна с бельем Берри, жабо — тоже, да еще, вдобавок, они точно совпадали по размеру.

21 июля решением парламента Берри был признан виновным в убийстве и ограблении мадам Мазель. Его также подвергли пыткам, под которыми он первоначально назвал в качестве соучастников невестку убитой и Лебруна.

Лишь перед самой казнью Берри безо всякого принуждения признался, что убийство совершил один, и во всех деталях рассказал обо всех событиях тех дней.

Таким образом, в невиновности Лебруна не оставалось больше сомнений. И тем не менее он и его жена были реабилитированы парламентом лишь четыре года спустя.

Лейтенант по уголовным делам Дефита, точно так же, как в деле Англада, схватил не того человека, которого было надо. И там тоже после смерти невинно осужденного отыскали настоящего преступника.

Решающие доказательства невиновности Англада добыл лейтенант парижской коннополицейской стражи Дегре, который начал розыск по полученному им анонимному письму.

При этом обнаружилось, что и здесь с самого начала имелись важные данные, прямо указывающие на настоящего преступника, которые тем не менее высокомерно игнорировал лейтенант по уголовным делам Дефита.

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ НЕДАЛЕКО ПАДАЕТ

Судебные ошибки, подобные делам Англада и Лебруна, ие могли не усилить недоверия масс к классовой юстиции абсолютизма. Недовольство феодальным строем, тормозившим общественное развитие, росло даже среди буржуазии, верхушка которой жила в добром согласии с дворянами и духовенством. Абсолютизм распадался и иеумолимо шел к своему концу. Вместе с этим процессом смещались и акценты в деятельности полиции. Борьба с «общей» преступностью, использование полицейской организации для раскрытия и предупреждения преступлений, составлявшие еще при Ларейни важиейшую часть деятельности полиции, отходили на задний план. Приговоренное к гибели феодальное общество и рвущуюся к власти буржуазию мучили иные заботы, нежели участь каких-то Англадов и Лебрунов, и в полиции они нуждались для целей куда более важных, чем преследование убийц и воров.

Пост шефа полиции, в распоряжении которого находились такие важнейшие источники информации, как «высокая полиция» и все другие полицейские учреждения, был ключевым, а вследствие зтого, разумеется, и самым доходиым.

Никаких решающих изменений и реформ, которые ориентировали бы полицейскую организацию иа улучшение методов борьбы со стремительно растущей преступностью, вплоть до самой буржуазной революции больше не было. За одиим, впрочем, исключением: при парижской полиции было организовано специальное бюро безопасности для расследования преступлений, состоявшее из пяти отделов, которые имели полномочия действовать по всей стране. Это было дальиейшим шагом по пути к ныиешней уголовной полиции.

Честолюбие и активность преемников первого генерал-лейтенанта полиции повели их совсем в другом иаправлении. Уже первый из них, д'Арженсон, посвятил свою деятельность в основном дальнейшему совершенствованию организации сыска, которую этот предшественник Фуше использовал в первую очередь для сбора информации о личной жизни важных персон. Спустя короткое время ои располагал уже полнейшими сведениями обо всех явных и тайных делах верхушки общества вплоть до самого короля, искусно приспособился тешить «патриотическое» корыстолюбие монарха и сумел удержаться на своем месте даже после смерти Людовика XIV, когда верх одержали его противники.

Вместе с моральным упадком феодального государства разлагалась и его полиция. Начиная примерно с 1725 года, когда генерал-лейтенантом полиции стал Эро, а особеино в годы службы Ренз·Беррье (1745—1757 гг.), французская полиция постепенно скатилась до уровня заурядной сыскной организации. Нередко

полицейские обделывали разные темные делишки совместно с уголовниками или использовали в личных целях собранные по служебному заданию сведения о чьих-либо неблаговидных поступках. Прежняя «чудо-полиция» погрузилась на уголовное дно.

Последнего генерал-лейтенанта полиции революция, упразднившая эту должность, сделала безработным. Однако за четыре года до этого ему еще представилась возможность послужить делу короля в скандальной афере с ожерельем.

Хитроумная графиня Ламотт и ее супруг, пользуясь слабостью кардинала Роана к королеве Марии Антуанетте, обманным путем выманивали у него значительные денежные суммы, а в конце концов с его помощью надули придворных ювелиров Бёмера и Бассанже, выудив у них тяжелое бриллиантовое ожерелье стоимостью в полтора миллиона ливров.

Это был один из самых удачных мошеннических трюков в истории преступлений во Франции.

НЕ БОЙСЯ, ПАЛАЧ!

Афера с ожерельем произвела в правящих кругах Франции сильное волнение, тогда как широкие народные массы оставались к этому почти безучастными: мораль дворянства не была их моралью, а его престиж мало их заботил.

Совсем по-другому народ повел себя в связи с делом двадцатилетнего Жана Луи Лушара, которое имело место за год до революции. В июле 1788 года его обвинили в том, что в обоюдной ссоре он ударом молотка убил своего отца, королевского кузнеца Матюрена Лушара.

Дело Лушара было больше, чем семейной трагедией, и в известной степени характеризовало проблему подрастающего поколения во Франции XVIII века.

Матюрен Лушар владел кузницей на Рю де Монтрей в Версале и был известен роялистскими настроениями. Идеи просветителей, труды Вольтера, Руссо, Монтескьё были для него ересью и творением дьявола. В возмущениях крестьян и городской бедноты, повсеместно возникавших в 1788 году из-за неурожая и голода, он видел бессмысленный бунт и воспринимал их как нападение на его собственную персону. Мастер Лушар любил монархию прежде всего за то, что она помогла ему нажить состояние в 200 000 ливров. Это позволило ему определить сына, Жана Луи, на учебу в колледж Дюплесси.

Однако там молодой сын кузнеца соприкоснулся с революционными идеями своего времени и даже, что весьма испугало отца,

всерьез увлекся ими. После учения молодой Лушар по родительскому приказу снова вынужден был надеть кожаный фартук и в фамильной мастерской ковать подковы для королевских скакунов. Мастер Лушар, вероятно, полагал, что Лушары были королевскими кузнецами от самого сотворения мира и обязаны ими оставаться до его конца. А если однажды кто-либо из них станет вдруг купцом или нотариусом, то наступит светопреставление.

К его досаде Жан Луи и у наковальни сохранил верность революционным убеждениям. Днем он послушно орудовал молотом и мехами, а вечера использовал для учебы и нашел себе даже усердную ученицу в лице одной девушки, которая жила вместе со своей матерью в доме Лушаров.

Однако долго так тянуться не могло. Отец по всякому поводу и вовсе без повода отводил душу, браня на чем свет стоит еретиков-революционеров, и однажды со всей серьезностью заявил сыну: «Если ты, отщепенец, впрямь поверил, что можешь обойтись без всевышнего, то запомни по крайней мере, что для тебя я должен быть и религией, и богом!»

В конце концов трения между ними стали настолько сильны, что оба едва разговаривали друг с другом.

Жан Луи попытался объясниться с отцом. Мастер Лушар изъявил полную готовность вернуться к прежнему семейному миру, однако не раньше, чем сын даст клятву: «Сим отрекаюсь от сатаны, от прелестей его и от деяний его, от учений философических, от веры в свободу и равенство». Жан Луи возразил на это, что не следует смешивать семейные чувства с личными убеждениями, чем привел старика в еще большую ярость. Не успел Жан Луи закончить свою тираду, как был уже лишен наследства и «на веки вечные» изгнан из отчего дома.

Он нашел приют у единомышленников, а с их помощью — и работу. На этом бы делу и кончиться, если бы Жан Луи вдруг не почувствовал, что для полного счастья ему не хватает его прилежной слушательницы Элен Вердье. Жан Луи, молодой и полный оптимизма, отправился к ее матери и попросил у нее руки Элен. Однако мадам Вердье готовила для дочери совсем иное будущее. Жану Луи пришлось вернуться не солоно хлебавши, да к тому же еще вновь выслушать папашины угрозы.

Несколько дней спустя он узнал, что Элен должна стать его мачехой. Таким образом, молодой и старый Лушары становились теперь не только политическими противниками, но и соперниками в делах сердечных.

И все же, несмотря на все это, молодой Лушар был воспитан в слишком суровых патриархальных традициях, чтобы попытаться отбить у отца невесту. Он примирился с судьбой (хотя при сильной к нему склонности самой Элен это было вовсе не так уж необходимо) и решил покинуть Версаль.

Вечером накануне своего отъезда молодому человеку захотелось все же, хоть издали, попрощаться с Элен, и он пришел на Рю де Монтрей. С трудом оторвав взор от родительского дома, он

поплелся обратно на квартиру. Там, возле дома, его ждала продрогшая Элен. Она сбежала от матери и была полна решимости разделить с Жаном Луи все жизненные радости и невзгоды. Однако молодой Лушар не только сохранил верность своему решению об отказе от соперничества с отцом, но и сумел уговорить Элен остаться послушной дочерью и выйти за мастера Лушара, хотя тому явно куда больше подошла бы роль дедушки, нежели супруга. А для того чтобы мера этого послушания ощущалась полнее, Жан Луи не только позволил себе и Элен отведать малую долю от тех радостей, щедрый урожай с которых намеревался снять его отец, но и провел с ней ночку под открытым небом, полную взаимных заверений в готовности к самопожертвованию.

Едва забрезжил рассвет, Жан Луи пошел провожать Элен и недалеко от порога ее дома распростился с девушкой. Он совсем уже было собрался идти обратно, когда услышал крики Элен. Мадам Вердье, караулившая дочь возле дома, набросилась на нее и принялась безжалостно избивать. А в освещенном дверном проеме, скрестив руки на груди, стоял мастер Лушар и с удовлетворением наблюдал, как истязают его будущую жену.

Для Жана Луи это было уже слишком. Он поспешил на помощь Элен, но дорогу ему загородил отец. Жан Луи умолял прекратить это варварское истязание и клялся в полной невиновности Элен. Однако отец в ответ только съязвил: «Чем милее дитя, тем жестче розга!»

Потом он пригрозил трепкой своему мятежному отпрыску и стал всячески поносить девушку и политических кумиров Жана Луи.

А между тем мадам Вердье продолжала избивать Элен. Жан Луи проглотил все оскорбления и пообещал даже отречься от своих философов, лишь бы оставили наконец в покое Элен. Однако это еще больше разъярило старого Лушара.

«А, так ты не можешь видеть, как лупят твою любовницу?» — крикнул он, сжал свой пудовый кулак и с силой двинул Жана Луи в лицо.

Мадам Вердье отпустила дочь, бросилась к своему будущему зятю, подстрекая его к действиям против Жана Луи. Теперь, когда непосредственная угроза Элен миновала, в юноше снова проснулся дух сопротивления. Глядя прямо в глаза свирепой старой мегере, он заявил, что она — скверная мать и для своей дочки хуже мачехи.

При этом он на мгновение оказался к отцу спиной. Крик Элен заставил его обернуться. Позади него стоял мастер Лушар с тяжелым железным шворнем в занесенном для удара кулаке.

Жан Луи едва сумел увернуться от удара и бросился через открытую дверь в дом. Отец ринулся за ним. Юноша попытался выбежать обратно на улицу, но на его пути встала, расставив руки, мадам Вердье. Старый кузнец неистовствовал. К счастью, прихожая была настолько тесной, что он лупил своей длинной железной палкой только по стенам. Жан Луи проскочил через комнату отца в мастерскую и попытался черным ходом выбраться на улицу. Однако дверь оказалась запертой на засов. Не успел он его отодви-

нуть, как рядом уже был старик, успевший сменить железный шворень на кузнечную кувалду. Удар пришелся мимо, тяжелый молот рассадил дверной косяк. Жан Луи вцепился отцу в рукав. Они начали бороться и упали на пол. Юноше удалось вырвать у отца молот. Он вскочил на ноги и бросился к двери. Отодвинув засов, он, не оборачиваясь, швырнул через плечо молот обратно в мастерскую, кинулся прочь от родного дома и с ближайшей почтовой каретой уехал из Версаля.

Отцовского крика он не услышал. Молот угодил старому кузнецу прямо в правый глаз. Удар оказался смертельным. Мадам Вердье сообщила о случившемся полицейскому комиссару, который тотчас же объявил розыск Жана Луи Лушара. Уже на другой день в Севре он был вытащен из почтовой кареты конными полицейскими и арестован. В то время он еще не знал, что убил своего отца, а узнав, пытался доказать, что произошло это непреднамеренно.

Дело было передано для разбирательства в парижский окружной суд, который отверг утверждение Жана Луи Лушара о том, что он находился в состоянии необходимой обороны. Суд решил, что все обстояло совсем не так: молодой Лушар действовал обдуманно и целенаправленно, разбить отцу череп он решил заранее. (Версия, которую, заботливо разукрасив подробностями, преподнесла мадам Вердье.)

31 июля 1788 года окружной суд вынес Жану Луи Лушару приговор: колесовать и в завершение казни сжечь останки преступника на куче хвороста.

Французское уголовное право до революции 1789 года предусматривало несколько видов казни. В основу их, как и всех других наказаний, был положен принцип возмездия. Учитывая тяжесть преступления, суд избирал наказание с соответствующей степенью жестокости. Поэтому чаще всего экзекуция превращалась в исступленное живодерство, не имевшее ничего общего с правом и гуманностью. Все телесные наказания и смертные приговоры исполнялись публично на эшафоте — специально для этого сооружаемых подмостках.

Казни колесованием подвергали обычно убийц и уличных грабителей, однако приговаривали к ней и за другие преступные деяния. Это был самый позорный и наряду с четвертованием самый мучительный род казни. Подобная участь была уготована и молодому Лушару.

Казнь была назначена на 3 августа. Согласно юридическим канонам она должна была исполняться в том городе, где совершено преступление, то есть в данном случае в Версале. Уже при постройке эшафота завязалась потасовка между плотниками и возмущенным народом, пытавшимся помешать сооружению подмостков. Для наведения порядка были привлечены представители гильдии кузнецов, судейские служащие и полиция.

Встревоженный палач (отпрыск семейства палачей Сансонов) известил об инциденте генерального прокурора де Флери и попросил о принятии соответствующих мер безопасности. Де Флери

приказал усилить полицейскую охрану, а время нсполнеиия казнн негласио переиести на более раниий срок. Впрочем, Саисои, ие очеиь-то, видно, полагаясь иа все это, решил принять и свои собственные меры, соорудив вокруг эшафота вал нз камней н бревеи.

Одиако друзья молодого Лушара тоже ие теряли времеии даром. Всю иочь оии провели возле эшафота. Так н случилось, что иа следующее утро, несмотря на переиос срока казии, карета с осуждеииым была встречеиа возмущеииой толпой. Сансои так описывает сложившуюся ситуацию: «Мужчииы, жеищииы, старики, дети — все уже были иа иогах и высыпали иа улицу. Судя по платью, в толпе было нзрядное чнсло сельских жнтелей, объедииившихся с горожанами. Столь мириым обычно населеиием виезапно овладело лихорадочиое возбуждеине. Карета палача была встречена потоком оскорблеиий, н лншь ценой больших усилнй нам удалось пробить себе дорогу».

Кортеж свернул иа Рю де Сатори. До площадн Сеи-Лун, где стоял эшафот, оставалось совсем недалеко. Жаи Луи покорио сидел в карете н, казалось, был полиостью безучастеи к тому, что творилось вокруг. И тут вдруг Элен Вердье, иаходящаяся среди толпы, выкрикнула его нмя. Молодой Лушар поднял голову. Не найдя глазами девушку, ои крикиул в бушующую толпу: «Прощай, Элен!» В этот миг иа дышло повозки вспрыгнул богатырского сложення молотобоец, который шел все время чуть впереди процессии. «Скажн лучше «до свндания», Жан Луи! Разве можно колесовать таких порядочных людей, как ты?»

Толпа пришла в двнженне, н сопровождающим карету кониым полицейским лншь с огромным трудом удалось расчнстнть путь.

Когда кортеж добрался накоиец до площади Сеи-Луи и с молодого Лушара сняли цепи, замеиив их веревкамн, через барьер иа эшафот вспрыгнул вдруг молодой молотобоец, тот самый, что остановил уже одиажды карету, растолкал в стороны помощннков палача, мигом освободил Жана Луи от пут и под ликующие возгласы толпы унес юношу на руках к ожндавшим его друзьям.

Народ кинулся к эшафоту н оттеснил палача с помощииками в угол. «Не бойся, палач, — кричали из толпы, — нам иужен не ты, а твон ннструменты!»

И не успел «месье Парнж» глазом моргиуть, как его орудия для казией и пыток были уже поломаиы, эшафот разобран н все это полетело в пылающий костер.

Приговор Жану Луи Лушару был послединм, по которому парижский окружной суд иазиачил казнь через колесованне.

Меньше чем через год восставший народ взял штурмом Бастилию. Началась революция. Оиа разрушила весь старый судебиый н полнцейский аппарат. Посты геиерал-лейтеиаита полицин, полицейских комнссаров н офицера стражн былн упразднены, равно как и феодальное судопронзводство. Вместе с инми ушла в прошлое н система жестоких наказаний и казней. Уже в 1780 году Жан Поль Марат, один нз самых выдающихся умов

революции, писал в своем «Плане уголовиого законодательства»: «Если правосудие требует, чтобы мера иаказания всегда соответствовала преступленню, то человечность требует, чтобы наказания никогда ие были изуверскими».

ТО, ЧТО КОРОЛЬ ПОСЧИТАЛ БУНТОМ

То, что король, получив доиесение о взятии Бастилии, посчнтал бунтом, в действительиости было революцией, революцией, которая стала классическим примером буржуазной революции вообще. И оиа, как писал В. И. Ленин, «для буржуазии, для буржуазной демократин сделала столько, что все развитие всего цивилизованного человечества во всем XIX веке — все исходит от великой французской революции, все ей обязано».

Она основательно расчистила авгиевы конюшии старого режима. Привилегнн дворян и духовеиства были отменеиы. Восставший народ ружьями и саблями проложил путь в буржуазно-капиталистическую эру. Полиция и юстиция стали в этих условиях орудием, служащим интересам той или иной буржуазиой группировки, которая в данный момент стояла у власти. Непосредственно после штурма Бастилии 14 июля 1789 года полиция и юстиция сталн на службу крупной буржуазии, пришедшей к власти в союзе с либеральиым дворянством. Полицейская власть в столице перешла в руки бальи — парижского городского головы. Вместо феодальиого суда, суда сеньора, был введен суд присяжных.

На этой фазе, пока всего лишь ограничивающей власть короля, полиция и юстиция были иинструментами, которые, с одной стороны, помогалн проводнть отмену привилегий дворянства и духовенства, с другой же стороиы, должны были обеспечить, чтобы крестьяне н городская бедиота не слишком дословно восприннмали «Декларацию прав человека и гражданина», провозглашеииую в августе 1789 года. Декларация гласила, правда, что «прнрода создала людей свободными н равными», однако чуть ниже в ней говорилось: «Собственность является священной и неприкосновенной». Правдой является также то, что с 1789 года всем гражданам обещали полное равеиство в правах, однако и через два года после принятия этого великого закона избнрательным правом обладало всего 4 миллиона из 25 миллионов граждан.

Когда крестьяне, городская беднота, рабочие и революциоиизированная мелкая буржуазия понялн, что на этот вид равеиства оии не могут и рассчитывать, когда к их неудовольствию оказалось, что иаряду с конституцией существует еще и король с его правом вето, что по-прежиему шнрится ростовщичество, спекуляция и голод,

тогда онн организовались в профессиональные объедннення н стали бастовать.

Что-либо подобное вовсе не входило в планы крупной буржуазин, н она немедленно откликнулась на это принятнем законов о запрещеннн союзов и забастовок.

И вот уже полнцня вместе с образованной из нменитых граждан национальной гвардией послушно избнвает н разгоняет союзы н забастовки, а молодые суды прнсяжных, состоящие из представителей и слуг крупной буржуазин, без всяких церемонні выносят обвинительные приговоры актнвным забастовщикам.

А на заднем плане тайно действует король, и прн господстве буржуазин не утратнвший благородной страстн к охоте. 4 августа, например, он пишет в своем дневннке: «Охота на оленей в лесу. Одного уложнл. Туда н обратно на конях».

Лишь три года спустя, когда в августе 1792 года народ штурмом взял Тюильрн н революционная Коммуна Парнжа упрятала коронованного «оленя» вместе с его придворной сворой за решетку, для него прозвучал сигнал: «Кончай охоту!»

Людовнк XVI был низложен, крупная буржуазня вынуждена была передать власть жнрондистам. Прн них, представлявших ннтересы республиканской промышленной и торговой буржуазин, полицня н юстнцня тоже стали республиканскнми. Мнннстром юстицнн стал якобинец и революционный адвокат Жорж Жак Дантон.

Коммуна Парижа, которая арестовала короля и аннулнровала постановления Учреднтельного собрання, состоявшего главным образом нз представителей крупной буржуазни, органнзовала оборону страны от прусских войск, стоявших уже под Верденом, и одновременно нанесла чувствительный удар монархистам. Верные королю элементы в августе органнзовали заговор, имеющий целью взять штурмом тюрьму, освободнть короля н заключенных контрреволюционеров н утопнть революцню в крови. Полиция арестовала большое число заговорщнков.

В начале сентября 1792 года возмущенные заговором массы взялн штурмом тюрьмы н перебилн тысячн арестованных.

По требованню якобинцев н Коммуны Людовнк XVI предстал перед Революцнонным трнбуналом н был прнговорен к смертн. 21 января 1793 года его гильотнннровали. Падающий нож в годы революцин обслужнвал Шарль Анри Сансон, тот самый палач, которому жнтелн Версаля помешалн колесовать молодого Лушара.

Однако роялнсты не сдались н после казни Людовика XVI. В Вандее подняла голову контрреволюцня. Духовенство н крупные землевладельцы с помощью английских денег н оружия спровоцировалн крестьян на восстанне протнв революцин. Ненавнсть роялнстов к республике не нмела граннц.

Контрреволюция и ее агенты действовалн всюду. В мае 1793 года жнрондистский генерал Дюмурье, главнокомандующий Северной армией, предал республнку н бежал в Австрню. 13 июля 1793 года был убит Марат, которого парижане называлн «Друг

народа». Влияние контрреволюционеров порой поднималось столь высоко, что из 83 департаментов страны верными Конвенту оставались лишь 23.

Внутренних врагов поддерживали враги внешние. Так, английский премьер-министр Питт передал для расширения шпионажа и саботажа против молодой французской республики пять миллионов фунтов стерлингов. Агентам во Франции платили за акты саботажа по 2500 ливров ежемесячно. Предатели подожгли патронную фабрику в Байонне и взорвали артиллерийские склады в Шемийе. С целью дальнейшего усиления голода они уничтожали хлебные запасы и продовольственные склады.

Обнищавшие слои мелкой буржуазии, ремесленники и рабочие, называемые санкюлотами, потребовали радикальных мер против богачей, спекулянтов и биржевиков, наживавшихся на народном горе. Их представитель Жак Ру спрашивал: «Неужели собственность негодяев драгоценнее человеческих жизней?» Марат и якобинцы требовали твердых цен на хлеб и другое продовольствие. Конвент принял закон о «максимуме», устанавливавший верхний предел цен на продукты питания.

Однако жирондисты вовсе не думали о том, чтобы заставить наконец раскошелиться буржуазию, сумевшую извлечь для себя преимущества и из этого закона. Напротив, полицию и суд обязали препятствовать в этом тем левым силам, которые группировались вокруг Коммуны.

12 апреля 1793 года за резкую обличительную речь против жирондистов Конвент приказал арестовать Марата и передать его суду, однако через двенадцать дней под нажимом масс суд вынужден был освободить его. Ликующие парижане отнесли «Друга народа» на руках из зала суда прямо в Конвент. Разъяренные жирондисты в ответ попытались учинить судебный процесс над Коммуной и революционными секциями Парижа, поручив это не Революционному трибуналу, который оправдал Марата, а специально образованному особому суду, так называемой «комиссии двенадцати».

Однако жирондисты проиграли игру еще до ее начала. 31 мая парижане взялись за оружие, выгнали жирондистов и учредили диктатуру якобинцев — самых революционных и наиболее решительных представителей буржуазии. Яростно и беспощадно обрушились якобинцы на врагов республики.

В годы якобинской диктатуры почти вся полнота власти была сосредоточена в руках Комитета общественного спасения, которому всячески помогали Комитет общественной безопасности и Революционный трибунал.

Комитет общественной безопасности, состав которого, как, впрочем, и всех комитетов и комиссий, менялся в зависимости от того, какие политические группировки набирали силу, готовил Революционному трибуналу материалы для процессов над врагами государства. Он собирал доказательства, подготавливал для Конвента заключения следственной комиссии и осуществлял

исполнение предписаний в отношении подозреваемых, являясь, таким образом, высшим органом безопасности республики. Его распоряжениям, по крайней мере формально, подчинялись и все местные полицейские органы.

Полицейская власть, которая после революции была децентрализована и делегирована общинам (коммунам) и секциям, в годы якобинской диктатуры вновь стала централизованной.

Наряду с Комитетом общественной безопасности, революционными комитетами в секциях и общинными полициями, полицейской властью обладали также комиссары, которых Конвент посылал в армию и департаменты.

Кроме того, в стране существовал еще и второй орган безопасности — бюро полиции. Оно находилось в подчинении комитета юстиции, а заведовал им ближайший сподвижник Робеспьера Сен-Жюст. Он работал очень оперативно и наряду с заданиями по защите революции успевал выполнять еще и общие полицейские функции. Позднее, в июле 1794 года, бюро полиции объединили с Комитетом общественной безопасности.

Другим столпом полицейского аппарата революции была жандармерия, в задачи которой входила охрана Конвента и тюрем, а также транспортировка арестантов.

Парижский Революционный трибунал был верховным судом республики. Он состоял из четырех палат с судьями и присяжными, которых распределяли таким образом, чтобы они не знали заранее, какое именно дело будет разбираться.

До мая 1794 года в некоторых департаментах имелись революционные трибуналы, которые осуществляли революционное правосудие в провинции. Позднее судопроизводство по всем делам, имевшим политическое значение, перешло к парижскому Революционному трибуналу.

Наряду с революционными трибуналами в департаментах продолжали действовать уголовные суды, теперь уже как суды присяжных.

ЯКОБИНСКИЙ КУЛАК

И все-таки диктатура якобинцев отнюдь не была пролетарской. Робеспьер не был вождем рабочих, а его полиция — пролетарской милицией.

Идеи коммунистов-утопистов, призывы Бабёфа и Ру к разделу собственности богачей, требования эбертистов (крайне левой части якобинцев) — все это вовсе не вызывало восторга у якобинских вождей.

Робеспьер и его приверженцы, эти герои революции, оставались тем не менее истинными сынами своего класса — буржуазии, поборниками права частной собственности. Поэтому они поднимали свой меч не только на роялистов и жирондистов, рубили головы не только правым, но и левым, в том числе своим собственным товарищам по партии и бывшим соратникам. Гильотина без устали работала с 25 апреля 1792 года. Летом 1794 года с ее помощью совершалось ежедневно до 50 казней. Ее «клиентами» оказались не только Людовик XVI, Мария Антуанетта, роялистские дворяне и попы, но и Дантон, Демулен и Эбер.

Гильотина без сомнения отрубила бы голову и Жака Ру, если бы тот после ареста Комитетом общественной безопасности не предпочел заколоться кинжалом. Украшенная знаменами якобинцев, она обезглавила бы и уже арестованного Бабёфа, если бы 28 июля 1794 года не были гильотинированы сами Робеспьер и Сен-Жюст. На этот раз Бабёфу посчастливилось уйти от гильотины благодаря победе реакционных термидорианцев над якобинцами.

А вот Жаку Рене Эберу, влиятельнейшему деятелю Парижской Коммуны, при активном участии которого санкюлоты арестовали короля, добились оправдания Марата, прогнали жирондистов и способствовали установлению власти якобинцев, избежать падающего ножа гильотины не удалось.

Для издателя революционной и весьма популярной газеты «Отец Дюшен» и его сподвижников диктатура якобинцев была недостаточно революционной. Они хотели, чтобы революция, бесповоротно разрушившая феодальные порядки и принесшая буржуазии столь богатые плоды, не обошла своими благами и беднейшие слои народа. 4 марта 1794 года приверженцы Эбера в знак своего недовольства окутали Декларацию прав человека траурным флером. В своих ходатайствах за бедных Эбер и его друзья порой выставляли сверхрадикальные требования, ратуя, к примеру, за дальнейшее усиление революционного террора, за дехристианизацию Франции, за культ разума. Не встретив сочувствия у Робеспьера и Комитета общественного спасения, они попытались поднять Коммуну и парижские секции против Робеспьера. Эбер выступил в Конвенте с обвинением Робеспьера и Комитета общественного спасения и потребовал вооруженного восстания против якобинцев. Однако Коммуна и секции отказались от участия в ультралевых атаках Эбера.

Комитет общественной безопасности не замедлил с ответным выпадом. Эбера арестовали, он предстал перед Революционным трибуналом и был гильотинирован 24 марта 1794 года.

Якобинский кулак бил по прежним соратникам с такой же силой, как и по контрреволюционным врагам республики. И это оказалось первой горстью земли, брошенной на могилу революционно-демократической якобинской диктатуры.

Контрреволюционная крупная буржуазия умело использовала растущее недовольство широких слоев народа властью якобинцев и

добилась ниспровержения Робеспьера и его сторонников. Солидарные с Робеспьером полицейские и судьи были изгнаны со службы или убиты. Реакции был необходим свой собственный меч.

В 1795 году Директория образовала новое полицейское формирование «всеобщую полицейскую дивизию» численностью 7000 человек, а несколько месяцев спустя, в феврале 1796 года, было создано министерство полиции.

Одной из первых акций новой полиции был разгром «заговора равных», во главе которого стоял двадцатишестилетний революционер Франсуа Ноэль Бабёф, предтеча научного коммунизма, выходец из бедной северофранцузской семьи, на собственной спине испытавший нужду и бедность. Еще в 1789 году он выступал за отмену частной собственности на землю, а в 1792 году на Сомме, где недолгое время был управляющим, попытался добиться обработки и раздела между беднотой пустующих общинных земель, чем вызвал к себе лютую ненависть крупных землевладельцев и зажиточных крестьян. Против него затеяли процесс, но он уехал в Париж и стал активным деятелем Коммуны.

В начале 1793 года во время господства жирондистов Бабёф потребовал у Конвента принять закон о «полном равенстве» санкюлотов. Как заведующий продовольственным бюро Коммуны он отлично знал о голоде среди бедняков и грязных махинациях спекулянтов продовольствием.

В результате искусно организованной интриги Бабёф был взят на подозрение якобинцами, присоединиться к которым он ранее не пожелал, и в конце концов арестован.

Выйдя из тюрьмы после падения Робеспьера, он продолжил революционную деятельность, основал Пантеон-клуб и стал издавать газету «Народный трибун». По доносу хозяина типографии 24 октября 1794 года Бабёф опять был арестован, однако вскоре вновь освобожден.

Министерству полиции Директории удалось внедрить в клуб Бабёфа шпика Гризеля, который регулярно и добросовестно доносил своему шефу обо всем, что там творилось. Так шеф полиции Кошон узнал, что Бабёф и его соратники добиваются ни более ни менее, как возобновления действия якобинской Конституции, свержения власти крупной буржуазии и установления диктатуры народа. И это в то время, когда один из представителей Директории заявил: «Роялистам меч нужно только показывать, а якобинцев следует бить и разить насмерть!»

И министерство полиции нанесло удар. 10 мая 1796 года Бабёф и его товарищи были арестованы, однако процесс против них тянулся еще целый год. В конце концов Бабёфа и его друга Дартэ трибунал Директории все же приговорил к смертной казни на гильотине. На этот раз Бабёфу избежать эшафота не удалось.

Глава
2
ИЗ КАТОРЖНОЙ
ТЮРЬМЫ
В УГОЛОВНУЮ
ПОЛИЦИЮ

ТЕНЬ ИМПЕРАТОРА

XIX век был веком стремительного развития естественных наук и техники; то же самое с полным правом можно сказать и в отношении полиции, особенно уголовной полиции. Во Франции это началось с реорганизации политической полиции; в годы правления Наполеона Бонапарта ей суждено было занять положение, какого она не знала и во времена Ларейни.

Сразу после контрреволюционного переворота 9 термидора (27 июля 1794 года) децентрализованные во время революции полицейский и судебный аппараты снова были выведены из подчинения коммун и секций, а революционные трибуналы ликвидированы и замены судами крупной буржуазии.

После 18 брюмера (9 ноября 1799 года) — государственного переворота Наполеона — от революционных полиции и суда не осталось больше ровным счетом ничего.

Якобинцы и санкюлоты, Робеспьер, Ру, Эбер и Бабёф нагнали не только на дворян и духовенство, но и на крупную буржуазию такой страх, что она поспешила как можно скорее и основательнее искоренить законодательные и исполнительные органы власти, отменить правовые акты якобинцев. За двумя, впрочем, исключениями: сохранены были закон Ле Шапелье, запрещавший санкюлотам организовываться в политические союзы и бастовать, и гильотина — для привития уважения к новым законам.

Министерство полиции, образованное весной 1796 года, превратилось при Наполеоне во всемогущий полицейский центр страны, а государственная полиция — во всезнающую, всегда готовую к бою стальную фалангу, с помощью которой Наполеон подчинил подданных Франции интересам крупной буржуазии.

То, что Людовику XIV и его государственному советнику Ларейни удалось лишь наполовину, к чему тщетно стремились преемники Ларейни, у Наполеона I и его министра полиции вышло как по мановению руки: Франция стала полицейским государством первого ранга, самой полицейской из всех европейских стран. Наполеоновские солдаты ружьями и пушками завоевывали Европу, а в это время на родине их земляков и таких же, как они сами, бдительно стерегли глаза и уши шпиков Наполеона.

Человека, который организовал наполеоновский полицейский аппарат и опутал густой сетью шпиков и агентов всю Францию и занятые ею территории, звали Жозеф Фуше. На арену истории французской полиции вышел человек, наиболее примечательными свойствами которого были безликость, непомерная переоценка собственной персоны и жажда власти. Жозеф Фуше, наполеоновский министр полиции и движущая сила тайной политической полиции, был политическим авантюристом. Столь же авантюрной

была и его карьера. Он конспирировал и интриговал с каждым и против каждого, лишь бы только это сулило ему выгоду.

Смолоду Фуше терпеливо влачил довольно ничтожное существование в роли проповедника и учителя математики в Нанте, но, когда начались революционные преобразования, быстро сообразил, что и у него теперь появились кое-какие шансы. В 1792 году он даже избирался в Конвент, где искал союза с якобинцами, нюхом чуя, что за ними будущее. 21 января 1793 года Фуше открыто подал голос за гильотинирование Людовика XVI. В качестве комиссара Конвента в Лионе он провел ряд бессмысленных и жестоких репрессивных акций против бастующих рабочих. Однако псевдореволюционное поведение ничуть не помешало ему тотчас же резко метнуться вправо, едва наметился кризис якобинской диктатуры. Фуше немедленно поддержал партию контрреволюционных термидорианцев, но те оценили его недостаточно, и поэтому он перешел на сторону Директории. И Директория вознаградила его наконец постом шефа полиции, что предоставило ему возможность беспощадно преследовать своих бывших соратников — якобинцев и прочих революционеров. Именно Фуше издал распоряжение о немедленном разгоне и закрытии якобинского клуба. Но и Директории Фуше был верен, увы, недолго. Он предал ее Наполеону, которого поддержал во время государственного переворота 18 брюмера (9 ноября 1799 года). Бонапарт отблагодарил его постом министра полиции, каковой Фуше и занимал (с перерывами) до 1815 года, и пожаловал ему титул герцога Отрантского. Однако вновь испеченный герцог стал использовать тайную полицию не только против врагов Наполеона, но и для слежки за своим же повелителем. Именно это на время прервало его министерскую карьеру, и тогда Фуше попытался нащупать почву для объединения с Бурбонами против Наполеона. Однако ускользнувшие от гильотины отпрыски королевской фамилии органически не могли простить Фуше того, что в якобинские времена он голосовал за казнь Людовика XVI. Встретив холодный прием у Бурбонов, Фуше вновь сблизился с Бонапартом, и тот опять решил испытать его в роли министра полиции. Но Фуше не был бы Фуше, если бы короткое время спустя снова не завел интриги с роялистами и не стал помогать им в попытках свергнуть императора Наполеона. А так как он всегда держал нос по ветру, то, само собой разумеется, не обошлось без него и в операции с возвращением корсиканца из ссылки с острова Эльбы, и во всей неразберихе ста дней вторичного правления Наполеона. Вслед за тем Фуше вообще попытался было взять на себя руководство государством, но не нашел достаточного количества приверженцев. Наконец, во времена Реставрации роялисты отстранили его от власти окончательно и бесповоротно. Однако Фуше и тут не растерялся и долго еще благополучно обделывал свои делишки. После своей смерти он оставил состояние в 15 миллионов франков.

Между 1799 и 1815 годами Фуше был одним из могущественнейших людей Франции. Будучи министром, он реорганизовал и

вымуштровал французскую полнцню, проявив прн этом блестящие организаторские способностн.

Днктатура Наполеона была днктатурой финансовой буржуазнн, н Фуше построил полнцейскнй аппарат, соответствующий ее мощи. Заведенные нм полнцейские порядкн просуществовалн почтн без всяких измененнй вплоть до самой Парнжской Коммуны; в несколько модернизированной форме удержнвалнсь онн и после, да н в наши днн онн еще остаются.

Говорят, что Наполеон презнрал рабочих, однако малейшего волнення средн них он боялся больше, чем прonгранной битвы. Скользкий как угорь, нскусный в любых дьявольских кознях, Фуше отлично знал, что печалнт нмператора. Поэтому основной его заповедью н высшнм прннцнпом полнцейской службы являлось: «Если сегодня трн человека собралнсь вместе, чтобы поговорить на полнтическне темы, то завтра об этом должно быть известно миннстру полнцин». В своих мемуарах Фуше самодовольно отмечал: «Мне удалось посеять в людях убежденне, что везде н всюду, там, где собнраются четверо, непременно есть н мои люди, обязанные наблюдать и подслушнвать». Результаты деятельностн шпиков, нужные н ценные, по мненню Фуше, сводилнсь ежедневно в редактнруемый нм самим ннформационный сборник «Бюллетень миннстерства».

Эти бюллетени свидетельствуют, что нн одна область общественной жнзнн, полнтнкн н экономнки Францнн да, пожалуй, н любого ннострaнного государства не была обойдена внниманнем ннформаторов Фуше. Сплетенная нм шпионская сеть превзошла добротностью все, что существовало в этом смысле прежде. Рншелье, Мазарннн н Ларейнн выглядели по сравненню с Фуше жалкими недоучками. Наполеоновскнй шеф полнцин нмел своих агентов повсюду: в революционных н роялнстских тайных организацнях, в армин, на фабрнках, в борделях н нгорных залах, в государственном аппарате, в секретариате н (куда уж дальше) даже на супружеском ложе своего нмператора. Ведь даже сама Жозефнна, супруга Наполеона, получала от Фуше деньгн «на булавкн», до 1000 франков ежедневно. Так Фуше стал «тенью» нмператора.

Впрочем, первооткрывателем по частн прнменення женских чар в секретной службе был отнюдь не Фуше. Подобные методы ввел в практнку сыска еще карднннал Рншелье, н этнм занятием не гнушались нн прндворные дамы, ни королевы. Однако предшественникн Фуше все же оставалнсь прн этом в лучшем случае мелкими рознчными торговцами, да н то нз-под полы. Фуше в отлнчие от них вел свои дела оптом н вербовал женскую агентуру сразу целымн сотнями. Содержанне этой «постельной» когорты обходилось ежегодно в 5,5 миллнонов франков, а работала она прн этом только персонально на самого Фуше.

Столь крупные суммы миннстр полнцин добывал обыкновенно путем специального обложення налогами азартных нгр н проституцин. Однн только главный управляющий игорнымн залами Парнжа

вносил в его пользу ежедневную лепту в 3000 франков. Не меньшей данью облагались и публичные дома. Для финансирования своих состоящих на тайной службе коллег «веселым девицам», получающим лицензии от полиции, приходилось трудиться в поте лица. Таким образом, Фуше можно было в определенном смысле считать сутенером самого высокого класса.

В Пруссии какое-то время существовал обычай: к гулящим девкам в качестве «ангела-хранителя» приставляли... палача, который один-единственный имел право взимать с них в свою пользу скромную дань деньгами и «удовольствием». Во Франции во времена Фуше месье в красном камзоле обязан был зарабатывать на жизнь своими руками, а за «удовольствие» платить денежки, часть из которых шла в пользу министра.

Выгода же от этих операций для министра получалась двойная. Во-первых, содержатели борделей и девицы со своих специфических доходов платили налоги, а во-вторых, при этом они сами вольно или невольно вовлекались в шпионскую сеть. Таким образом, от внимания министра полиции не ускользало не только любое неосторожно оброненное или язвительное словцо (где и кем бы оно ни было сказано), но и всякий стоящий внимания проигрыш или зазорная «модная болезнь» какого-либо крупного буржуа. С помощью тайных досье Фуше Наполеон мог знать о деликатнейших подробностях личной жизни своих приближенных куда больше, чем их собственные дражайшие половины. Пользуясь этим, Фуше, у которого плетение интриг было в крови, умело влиял на императора при назначении на высшие должности тех или иных лиц. «Труды» Фуше отнюдь не имели целью способствовать облагораживанию французских нравов. Напротив! Ведь он и его государственная полиция процветали именно на пороках, а ни один делец (и уж, конечно, не Фуше!) не откажется добровольно от своей выгоды. Именно поэтому его персональный вклад в развитие служб полиции, не связанных со специальными политическими задачами, практически близок к нулю. Его личное участие в организации и становлении самостоятельной, специализированной уголовной полиции было весьма незначительным. А потребность в ней уже давно вызывалась общественной необходимостью, возраставшей вместе с укреплением капиталистического способа производства.

Конечно, министру полиции Наполеона по долгу службы все же приходилось заниматься и иными полицейскими делами, не связанными с деятельностью политической полиции, однако и тут он, не вникая глубоко в суть дела, вполне довольствовался общим надзором за полицейскими органами да использовал свое влияние для назначения на важные посты угодных ему людей.

Французская полиция обязана Фуше некоторыми новшествами, введенными (если не говорить о специальном отделе по борьбе с фальшивомонетничеством) исключительно для целей деятельности тайной политической полиции. Важнейшим из этих нововведений было создание картотечных учетов — «топография преступлений» и «биографии сычей».

«Топография преступлений» включала в себя все ставшие известными полиции убежища, места встреч и явки подозрительных в политическом смысле организаций, групп и отдельных персон по всей стране. Руководствуясь ее данными, полиция планировала свои акции против революционных и любых других организаций.

В картотеке «биографии сычей» учитывались все сколько-нибудь интересные в политическом смысле или просто подозрительные персоны и содержались подробнейшие сведения об их биографиях, привычках, склонностях и наружности. В известном смысле она являлась прямым предшественником «картотеки преступников» и знаменитого архива Видока. Наряду с этими формами оперативного учета при выслеживании рабочих и ремесленников полиция использовала введенные в 1803 году рабочие книжки. В них вписывались все места работы владельца книжки, так что полиция могла тотчас же навести о нем справки и получить информацию о его местопребывании.

Регистрации подвергались независимые газеты (запрещенные в 1800 году), а также и вновь появившиеся, несмотря на строгую цензуру, другие издания, равно как и люди, их готовившие. Само собой разумеется, что при Фуше снова широко пошли в ход заведенные еще до революции так называемые шифр-паспорта, которые посвященному в хитроумную систему условных знаков сообщали о владельце паспорта куда больше, чем он по простоте душевной мог предполагать.

Фуше был человеком действия и поэтому не ограничивался только наблюдением да слежкой за политическими противниками. Роялистские эмигранты в тесном союзе с англичанами вновь и вновь предпринимали попытки свергнуть Наполеона и восстановить монархию Бурбонов. Внутри страны верные королю дворяне организовывали один заговор за другим. Поэтому Фуше создал специальное подразделение, задачей которого было внедрение агентов в роялистские группы и тем самым разложение их изнутри. Таким образом, заговоры подавляли в зародыше, а потенциальных местных мятёжников ликвидировали всеми возможными средствами.

Структура и иерархия французской полиции времен Первой империи соответствовали общей организации административного управления при Наполеоне. Страна была разбита на департаменты (провинции), арондисманы (округа), кантоны (районы) и коммуны (общины). Во главе полиции, сфера деятельности которой охватывала всю Францию, стоял министр полиции. Его министерство состояло в ту пору из шести отделов, в том числе секретного отдела, ведавшего всеми делами, решение которых Фуше брал на себя (им руководил его личный секретарь), и отдела общей безопасности и тайной полиции, представлявшего собой в зачаточной форме будущую Сюртэ Женераль. Третий отдел, который также работал в интересах политической полиции, осуществлял слежку за эмигрантами, четвертый — ведал тюрьмами и прессой,

пятый и шестой отделы занимались архивами, счетоводством и театрами. В провинциях под началом полицейского министра состояли префекты, которым, в свою очередь, подчинялись субпрефекты (в округах) и мэры в городах и общинах (коммунах). Мэрам были подчинены полицейские комиссары. В небольшие города с населением до 5000 жителей назначался всего один полицейский комиссар. В более крупных городах полагалось по одному полицейскому комиссару на каждые 10 000 жителей, а в большие города, с числом жителей до 100 000 и больше, назначался, кроме того, еще и генеральный комиссар.

Вся полиция в целом состояла из:

государственной (тайной) полиции;

общей полиции, в обязанности которой наряду с поддержанием общественного порядка и административными задачами входила также борьба с преступностью;

жандармерии, построенной по военному образцу.

Подобная структура полицейских органов оставалась почти без изменений до времен Второй империи, а частично сохранилась и до наших дней, хотя пропорции между входящими в них соединениями и области компетенции последних со временем претерпели заметные изменения.

Кроме названных трех столпов полиции существовал и еще один, четвертый, полицейский институт в виде так называемой «дворцовой полиции», подчинявшейся не министру полиции, а лично Наполеону. Наряду с разведывательными задачами обязанностью этой организации было обеспечение личной безопасности императора и его семьи.

Политические события играли министерством полиции, словно мячиком. Основанное в 1796 году Директорией, оно было упразднено в 1802 году Консулатом, но всего через два года снова создано Наполеоном. Ликвидированное после реставрации Бурбонов, это министерство очень скоро вновь воспряниуло, как феникс из пепла, и опять стало могущественным полицейским центром, особенно сильным и действенным в беспокойные времена революционных ситуаций (еще одно доказательство классовых функций этого института!). Отметить это обстоятельство очень важно, ибо в большинстве исследований о французской полиции классовый аспект старательно затушевывается. При этом анархистские акты левых радикальных групп и даже революционные действия организованных рабочих без всяких оговорок отождествляются с преступлениями разбойничьих банд, а государственной полиции и министерству полиции приписываются таким образом несуществующие заслуги в борьбе с преступностью. А между тем именно в борьбе с истинной преступностью заслуги их весьма ограничены. Ни о ком ином, как о знаменитом Фуше, известно, что бесчинства преступников интересовали его лишь в свете помех (или помощи) реализации его политических планов.

Однако сказанное не относится к такому виду преступлений, как изготовление фальшивых денежных знаков. Вместе с упразднением

якобинских законов контрреволюционное термидорианское правительство отменило и закон о «максимуме», устанавливавший предельные цены на продукты питания. Это немедленно привело к колоссальному росту цен и выпуску чудовищного количества бумажных денег, что, в свою очередь, способствовало дальнейшему взвинчиванию цен. Возникла дилемма, которой не замедлили воспользоваться роялисты. Стремясь еще сильнее расшатать французскую экономику, они с помощью своих английских друзей пустили в оборот фальшивые деньги. Подделка выпускаемых французским правительством бумажных денег оказалась делом сравнительно несложным, и этим промыслом активно занялось изрядное количество предприимчивых «частных типографов». Францию наводнили фальшивые купюры. Ни один человек не доверял больше бумажным деньгам. Таким образом, изготовление фальшивых денег вышло за рамки общеуголовного преступления и стало делом политическим, вследствие чего и попало в сферу интересов шефа «высокой полиции». Фуше попытался приостановить этот мутный поток фальшивок, создав специальную комиссию по борьбе с фальшивомонетничеством, которая работала сначала под руководством непосредственно министра полиции, а впоследствии была переподчинена местным полицейским органам.

За исключением этого особого случая, всю остальную полицейскую работу, коль скоро она не касалась деятельности политических групп, Фуше взвалил на плечи своих четырех помощников, коадъюторов, состоящих в ранге государственных советников и ведавших каждый одним из четырех самых больших полицейских округов Франции.

ИМПЕРАТОР ДЕТЕКТИВОВ

Сюртэ терпеть не может напоминаний о том, что первым ее шефом был беглый арестант (да и какой полиции в мире было бы приятно этакое!). И тем не менее это — святая истина, равно как и то, что почти все первые сотрудники «бригады безопасности», прародительницы современной французской уголовной полиции, носили на плече выжженное рукой палача клеймо V (от французского voleur — вор) и потому назывались все вместе по имени своего шефа «бандой Видока». Весьма деликатная ситуация! Однако Видок, жизнь и карьера которого были еще более авантюрными, чем у его современника Фуше, и вся его «банда» оказались куда лучше, чем можно было бы ожидать, судя по их репутации.

Хотя уголовной статистики во времена возникновения французской криминальной полиции еще не существовало (она

была заведена во Фраиции лишь в 1826 году), судя по тогдашним доиесеииям и свидетельствам современников, Париж эпохи Наполеона был иастоящим Эльдорадо для жуликов всех сортов. По всей стране бесчииствовали разбойиичьи баиды, состоящие из дезертиров и бродяг. Все больший размах со всеми сопутствующими явлеииями противоправиого характера приобретала коитрабанда аиглийских товаров, фактическим инициатором которой, как это ни парадоксальио, явился сам Наполеои, объявивший коитииеитальиую блокаду. Коитрабандисты, спекуляиты и ростовщики плодились, как грибы после дождя, мародерствующие солдаты и разбойники с большой дороги осаждали улицы, в парижских предместьях гиездились воровские шайки и скупщики крадеиого. Такова была обстановка, в которой развивалась тогда фраицузская уголовиая полиция.

Полицейскую префектуру Парижа тех дней буквальио лихорадило при одиом упомииании человека по имеии Вотреи. Этот Вотреи, печатиик по профессии, вот уже иесколько лет водил полицию за иос и очень основательио, ибо в отвечавшем за борьбу с преступиостью II отделе парижской полицейской префектуры о ием практически ничего не было известио, кроме того, что ои изготовляет и пускает в оборот фальшивые баикиоты.

В лицо его зиали (фотографирования преступииков тогда еще не существовало) лишь очеиь немиогие чииовники полиции, да и те могли, поиятио, ошибаться и, коиечио же, частично ошибались. К тому же виешиость человека легко можио измеиить: отросшая или острижеииая борода, измеиеииая прическа, выкрашеииые волосы, закопчениое или вымазаииое мукой лицо — все это приводит к тому, что узнать кого-либо стаиовится весьма трудио, а иногда и вовсе иевозможио. Помимо всего прочего Вотреи, словио лиса, имел добрый десяток иор и убежищ и был иастолько хитер и осторожеи, что ии разу ие позволил шпику увязаться за собой. Одиажды в путаиице переулков Сеи-Дени его обложили иесколько полицейских. Одиако не прошло и десятка мииут, как ои ушел от иих, и с тех пор его больше ие видели.

Изготовлеиие фальшивых деиег считалось преступлением, за которое карали смертью. Но тщетио ждала Вотреиа гильотина: полиция окоичательио потеряла его след.

И вот в 1811 году этот самый, почти иеразрешимый для фраицузской полиции в тогдашней ситуации, случай стал пробой иа качество для бывшего беглого каторжиика Эжеиа Франсуа Видока, уже два года состоявшего иа службе в парижской полицейской префектуре в качестве осведомителя.

Задание выследить и арестовать Вотреиа последовало от месье Аири, шефа II отдела парижской полицейской префектуры. В изложеиии Видока происходило это примерио так.

— Видок, вы разыщете этого иегодяя, фальшивомоиетчика Вотреиа, и передадите его иам!

— Слушаюсь, месье, — хладиокровно ответил Видок. Его иепроиицаемое, бледное от долгого пребываиия в тюрьме лицо ие

дрогнуло ни еднным мускулом. Это был трндцатншестнлетний светловолосый, крепкий, коренастый мужчина. Всего три неделн назад его еще окружали мрачные стены тюрьмы Лафорс.

— Вотрен беспощадный, нскушенный во всяческих трюках бандит, — продолжал Анрн. — Вот уже несколько лет мон нnспектора безуспешно гоняются за ним.

— Я знаю, месье.

— Однажды они его совсем уже было обложилн, но он все-таки снова ушел от них. Не нначе, как этому Вотрену ворожит дьявол.

Симпатичное (так считал сам Видок) лнцо агента осветилось улыбкой.

— От меня он не улнзнет, месье. Чертей не бывает.

— Но мы не нмеем ни малейшего представления о том, где он сейчас скрывается.

— И все-такн я его найду!

Анрн прнстально посмотрел в глаза агенту.

— Вотрена ожндает эшафот.

Видок пренебрежнтельно скривил уголок рта.

— Он заслужнл смерть. Все люди смертны.

Самоуверенность Видока была вполне обоснованной: кому, как не ему, который знал наперечет все тайные притоны н логова, досконально нзучил повадкн жулья н сам в течение ряда лет успешно уходил из-под носа полнцин, было по плечу разыскать такого парня, как Вотрен? У легендарного беглеца нз тюрем Вндока былн совсем иные возможностн, чем у начальннка отдела Анри, н Видок сумел воспользоваться имн.

Прежде всего он решил не торопиться н поменьше задавать вопросов, так чтобы это не очень бросалось в глаза. Защищенный от всяких непрнятностей своей «доброй репутацней» в преступных кругах, Видок снстематически посещал трактиры в предместье города, кутил со знакомымн, разузнавал понемногу мимоходом о том илн ином, проявляя особый нnтерес к промыслу фальшивомонетчиков. Довольно скоро ему удалось выяснить, что в одном нз домов на бульваре Монпарнас хранятся кое-какне личные вещи Вотрена. Вндок лнковал: самая трудная часть задания уже выполнена! Он прекрасно знал прнвязанность жуликов к своему лнчному нмуществу н был убежден, что рано илн поздно Вотрен явнтся за своим добром. Вндок снял квартиру, нз которой можно было бы вести наблюденне за прежним убежищем Вотрена, н запасся терпением.

14 дней спустя во время прогулкн он узнал, что Вотрена видели в компаннн с подгулявшим сапожннком в одном нз прнтонов на соседней улнце. Видок немедленно обшарил весь квартал. Однако он наткнулся лишь на его спутннка, но этого было вполне достаточно. Улучнв благопрнятный момент, он доставил сапожннка в такое местечко, откуда, кричн не кричи, все равно никто не услышнт. На формальный арест Вндок не нмел права. Да н какая была бы от этого польза. Он отлнчно знал психологню жуликов. В полицнн дружок Вотрена наговорил бы с трн короба разных

сказок, а сам преступник тем временем откланялся бы по-английски. Нет уж, лучше ои сам возьмет в оборот этого сапожиика. Конечно, зто не совсем закоиио, а, впрочем, кого волновали такие мелочи? Во времена расцвета иаполеоиовской империи войиа и насилие были государствеииыми доктринамн. Наполеои I, придавивший солдатским сапогом всю Западную и Центральиую Европу, повелел сотиям тысяч своих фраицузских, фламандских, немецких и итальянских поддаииых стрелять, колоть, рубить и вешать.

Сапожник, которому Видок в 1811 году пересчитал зубы и выиудил тем самым к даче показаиий, выложил, что живет иа рю де Мовзгарсон, 4, и вот уже несколько дней, как предоставил Вотрену убежище в своей квартире. Видоку ничего больше и не требовалось. Он иезамедлительно помчался по указаниому адресу и иа темиом дворе лоб в лоб столкиулся с мужчиной, в котором иитуитивно почувствовал Вотреиа. Это, действнтельио, был Вотреи, и чутьем ои обладал ие менее тоиким, чем Видок. Не успел сыщик раскрыть рот, как Вотрен сильиым пинком сбил его с ног и, пока тот считал ступеии, скрылся в первом этаже.

Видок отряхнул пыль с сюртука и занял пост под окнами. Он терпеливо ждал, пока Вотрен не высунул голову из окна. Молниеиосный прыжок — и он вцепился Вотрену в волосы н вытащил его иа улицу. Все дальиейшее было уже детской игрой. Вскоре, к велнкой радости месье Аири н к досаде незадачливых полицейских, Вотреи уже сидел под замком.

Поимка фальшивомоиетчика Вотрена была первой работой Видока для полиции вие тюремиых стеи.

Нет другого детектива (разумеется, кроме вымышленных Шерлока Холмса н комиссара Мегрэ), который был бы столь известеи и столь скандально популяреи, как Видок. Оноре де Бальзак воздвиг ему литературиый памятник в образе своего Вотрена. Жану Вальжану, герою романа Гюго, несомненно, придано сходство с Видоком. Биография и мемуары Видока вдохиовляли музу Эдгара Аллаиа По, Чарльза Диккеиса, Александра Дюма и Эжеиа Сю. Его буриая жизнь, аваитюриая карьера, кримииалистические успехи — все это не могло ие вызвать жгучего интереса лнтераторов.

Видок родился 24 нюия 1775 года в семье пекаря в Аррасе, родиом городе Робеспьера. Известиая поговорка о том, что наклонности проявляются с малолетства, как нельзя более подходила к нему. Тринадцати лет он стал учеником в отцовской пекарие. Одиако выпечка хлебов мальчику быстро иадоела, тем более, что как члену семьи жалованья ему ие платили, ограничиваясь выдачей скудных карманных деиег. Однако молодой мучной червячок и тогда уже оказался весьма иаходчивым. Сперва с помощью прутика, обмазаииого клеем, а затем для облегчеиия труда — и отмычки ои прииялся потихоиьку потрошить кассу в отцовской лавке. Крадеиые деиежки ои спускал в борделе своего родиого города, где постепеиио иабрался таких премудростей,

каким в пекарне не научат. Проведав о его делишках, папа Вндок попытался было приглушить жажду своего отпрыска к подобного рода знанням путем десятидневной шокотерапии за решеткой городской тюрьмы. Но тщетно! Когда Видок недолгое время спустя снова учинил атаку на отцовскую кассу, его пальцы зацепили целых 2000 франков. На этот раз он прихватил с собой и узелок с пожитками, однако добрался со своим добром всего лишь до Остенде. Там другой мошеннник обобрал его до нитки, по каковой причине Видок и вынужден был вновь возвратиться к родному кислому тесту. Разумеется, ненадолго. Вскоре он опять покинул отчий дом н пустился во все тяжкне, пробуя себя поочередно на ролях бродячего кукольника, матроса, актера и любовника одной актрисы.

Уже в четырнадцать лет он убил на дуэли своего учителя фехтования, а в пятнадцать стал солдатом н передрался со всеми, с кем мог, и в конце концов залепил пощечину своему капралу н немедленно сбежал из полка, чтобы тотчас же вступить в другой. Подобная игра повторялась снова и снова, так что он сумел довольно близко познакомиться с изрядным чнслом армейских частей и прошагал с ними почти пол-Европы.

Когда во французских полках юному Видоку стало уж слишком жарко, он, не долго размышляя, перебежал к австрийцам, в рядах которых некоторое время молодецки сражался против своих земляков. Однако капральская палка и шпицрутены водились тогда и в австрийской армии, а Видоку все это было явно не по вкусу, ибо он знал, что прн своем характере наверняка рано илн поздно сведет с ними знакомство. Тогда он решил, что лучше уж снова вернуться во французскую армню. Видок так н сделал, однако изменив осторожности ради нацнональность и имя. Возвратясь во Францию, он собственной властью предоставил себе долгосрочный отпуск, чтобы попытать счастья в революцин, но тут же угодил в тюрьму как дезертир. Там Видок близко познакомился с мадемуазель Шевалье, сестрой одного влиятельного санкюлота. Хотя девица не отличалась красотой, он женился на ней. Правда (по ее собственным словам) в жены он ее выбрал не совсем добровольно. Дело в том, что как дезертира его ожидала гильотина. В подобной ситуацин перезрелая, но обладающая связями девица Шевалье и предложила сохранить ему голову в обмен на слово «да». Видок прикинул, что чем лишаться головы, лучше уж жениться, и выбрал супружеское ложе. Вскоре после этого прямо из тюрьмы его препроводилн в не очень-то процветающую мелочную лавочку молодой супруги. Но «нго Шевалье показалось мне столь тяжким, что я... с радостью снова надел мундир, который с таким удовольствнем совсем было снял», — пишет он в своих мемуарах.

Итак, став под боевое знамя, Видок улизнул от супругн. Но и знамени он оставался верным недолго. В 1796 году, через два года после падения якобннской диктатуры, он застал у своей возлюбленной офнцера французской армии н поколотил его. Офицер привел полицию и Видок был наказан тремя месяцами тюремного

заключения за нарушенне мира и спокойствия в жилнще. Однако раскаявшаяся возлюблеииая вскоре раздобыла для него мундир офнцера городской стражи, переодевшнсь в который, Видок незамедлнтельно покннул свое узнлнще.

С этой историн для Видока началась полоса новых приключений — побегов, которые оставались главным его заиятием в теченне целых трех лет. Побеги Вндока нз мест заключения н связанные с этим происшествня вошли в историю французской тюрьмы. Однн раз он удрал в халате врача, в другой — спрыгнул с высокой башни в ледяные струн бурной рекн. Почтн без всяких ннструментов он выкопал подземный ход под тюремными стенами, а однажды бежал и скрывался иесколько дней в наряде монахинн. В лилльской тюрьме Видок попал в скандальную историю с подлогом и был приговорен к восьми годам «баньо».

«Баньо» назывались мрачные, массивные, толстостеииые тюрьмы, предназначенные для содержания лиц, совершивших особо тяжкие преступлення. Эти баньо были модификацией каторжных галер, упраздненных в конце правления Людовика XIV. Онн находнлись в ту пору в портовых городах Бресте, Тулоне и Рошфоре. Преступникам, приговорениым к баньо, наносили на куртки традиционные буквы GAL (галеры), а на плече горячим железом выжигали клеймо TF (каторжные работы). От прежних галерников каторжннки баньо отлнчались только родом прннудительной работы. Они не гребли больше на военных судах, а должны были добывать в карьерах камеиь, перетаскивать и обтесывать многопудовые глыбы илн выполнять другие тяжелые работы.

Этапные команды для баиьо формировались в парнжской тюрьме Бисетр. Там осужденных заковывали в железные ошейиики, после чего они (те, что выжилн во время этой процедуры) отправлялись в путь партиямн по двадцать пять человек на общей тяжелой цепи, которую снимали только по прибытин иа место. В баньо арестантов стриглн иаголо и выдавали им парусиновые штаны, красную куртку и зеленую шерстяную шапку. Для предотвращения попыток к бегству каторжан сковывали попарно общей цепью, к которой подвешивалн еще тяжелое железное ядро, называемое «бийо» (биллнардный шар).

Видока должны были отправнть в Брест, однако он вовсе не собнрался дожидаться этого события и сбежал прямо из Бнсетр. Увы, на этот раз его свобода была непродолжительной. Но оказалось, что стены баньо н в Бресте для него недостаточно толсты. Он снова бежал, скитался по Бельгин, вступая попутно в контакты с самыми отпетымн разбойниками XVIII века, был пиратом, а в 1799 году снова угодил в баньо. На этот раз Вндок был закован в двойиые цепи и для исключения возможности побега отправлен в Тулои, где баньо размещалось на старом корабле.

В общей сложностн Вндок убегал из баньо трижды. В последний раз, в конце 1799 года, побег был настолько удачным, что он смог наслаждаться свободой целых десять лет.

Он пристроился в парижском округе Сен-Дени к одной девице по

нмени Аннет и, открыв торговлю готовым платьем и галантерейными товарами, зажил жнзнью почтенного буржуа.

Отыскала Вндока не полиция, а его же собственные старые приятели — бывшне каторжннкн, посчитавшие грехом не извлечь нз его нелегального существования кое-какне выгоды н для себя. Поэтому онн не ограинчилнсь отступными, а потребовали также, чтобы он стал укрывателем. «Судьбе неугодно было мое честное жнтье, — вздыхал Вндок девятнадцать лет спустя. — Мне было ясно, что теперь у меня, беглого арестаита, один только выбор: быть выданным или самому стать доносчиком».

Сделать выбор оказалось не очеиь тяжело. В 1809 году он явился с повинной к месье Анрн, шефу II отдела парижской полицейской префектуры, н предложил свое сотрудничество.

Анрн вежлнво, с большнм ннтересом выслушал историю Видока и отпустил его с заверениями, что вскоре сообщит о своем решении.

И сообщенне, действнтельно, не заставило себя ждать. Оно пришло в виде целого отряда полицейских, которые окружилн дом в Сен-Деии и без всяких церемоний поволокли Видока в Бнсетр. Возмездие вновь настигло его, и одичавшие от долгого общення с человеческой накипью стражннки этого почтенного заведения с превелнкнм усерднем выместилн на пойманном беглеце свою злобу. Видока ожндало баньо, а за побег — публнчное наказанне палками. При всем своем легеидарном умении ускользать из тюрем он почувствовал, что на этот раз шансов у него нет ннкаких. Впрочем, скорее всего, бежать он больше даже и не пытался, нбо назначаемое в таких случаях наказание палками, частенько заканчивающееся смертью поймаииого беглеца, делало любые дальнейшие попытки весьма иллюзорнымн.

Вндок не испытывал нн малейшей склонности к прохожденню палочной закалки, а потому попытался вновь войтн в контакт с месье Анрн, которого в преступном мире прозвалн «злым ангелом». «Злой ангел» сжалился и прнказал доставить бедного грешннка из «преддверня ада» (как фигурально именовался Бнсетр) в райские кущи полнцейской префектуры.

Формула заключенной там сделки была лаконична и емка: Видок безоговорочно предоставляет на службу полицин все свои связн и знакомства с преступниками, знанне их обычаев н наклонностей, равно как и сведения об их прнтоиах и убежищах. За это его поначалу избавляют от Бнсетра и баньо, а прн усердной работе в дальнейшем и вообще выпустят на свободу.

Вероятио, шеф II отдела (Видок н другне современннки утверждают, что Анри был выдающимся знатоком человеческих душ) еще прн первом внзнте взвесил шансы, которые ему сулит сотрудничество с Видоком. Возможно, что н весь сценарий столь драматического ареста с последующим вызволеннем нз ада Анри разработал только для того, чтобы сделать своего будущего агента № 1 более покладистым н уступчивым. Дух Фуше царил не только в полнтической полнцин.

Служба опозиания была в те времеиа еще весьма примитивной, и как следствие — средства идеитификации настолько иесовершеиными, что и общая полиция тоже оказывалась вынуждеииой полагаться в осиовиом на способиости своих шпиков. А с зтим-то как раз дело и не ладилось: ведь далеко ие каждый из тех, кто согласился сотрудничать с полицией, был по-настоящему способеи к такому заиятию. Чуть ли не ежедневио в полицию поступали сведения о том, что добровольио изъявивший желание сотрудничать шпик исчез, ие попрощавшись, едва перед ним успели раскрыться ворота тюрьмы. Кто в этой ситуации осудит месье Аири за то, что ои решил ие рисковать с этим Видоком, а потребовать сначала, чтобы новый агеит иа деле доказал свою преданность и расторопиость? Последнее же озиачало, что Видок должеи был сначала послать иа гильотину определеиное число преступников. Только так могла префектура сделать из иего своего надежиого партнера. Ведь благодаря зтому у полиции в игре с иим иа руках оказывались сразу два козыря: угроза возвращеиия в баньо или, если это ие подействует, передача прессе сведеиий о его агеитурной работе против преступного мира. И в том и в другом случае исход был один — смерть. «Испытательиый срок» Видока длился два года, которые он провел в тюрьме Лафорс. За эти два года Видок завоевал полиое доверие своего нового шефа.

Упорствующих в своих лживых показаниях преступников, признания которых позарез нужиы были полиции, сажали в камеру к Видоку. Ои входил к ним в доверие, и от этого известиого беглеца из тюрем у них вскоре не оставалось секретов. Все, что оии ему доверительно сообщали, иа следующий же день становилось известиым шефу II отдела. Доверчивая душа — преступиик — отправлялся иа эшафот и уиосил с собой в могилу тайну Видока. На следующий же деиь его место в камере заиимал иовый каидидат в смертиики.

Накоиец, в 1811 году с ведома Аири и благословеиия префекта полиции Паскье Видок «бежал» из Лафорс, с чего и иачалась его полицейская карьера, восхождеиие к короие «императора детективов».

ТАЙНОЕ РОЖДЕНИЕ

Французская уголовиая полиция родилась в 1812 году. Колыбель ее стояла иа Иль де ля Сите, в Париже. Акушерами были упомяиутые ранее месье Аири и префект полиции Паскье. К зтому времеии оии уже виесли Видока в списки персоиала парижской полиции и, кроме того, предоставили ему право по собствениому выбору и за свой счет обзавестись четырьмя по-

мощниками. Новорожденному учреждеиию дали многообещающее иазвание «бригада безопасности», а бывшего каторжиика сделали тем самым первым шефом французской уголовной полиции.

Правда, поиачалу о столь выдающемся событии больше помалкивали. Впрочем, префектуру это определенным образом даже радовало, нбо с иовым своим созданием и его шефом она чувствовала себя как-то не очень уютио. Дело в том, что помощники Видока в списках личиого состава полиции ие числились и, более того, официальио о иих нигде даже не упоминалось из добрых соображеиий, ибо первые детективы французской уголовиой полиции, все без исключеиия, былн прежде громилами и карманными ворами.

Шеф Сюртз Видок придерживался той точки зрения, что «у преступников иет более страшиых врагов, чем освобожденные арестаиты, собравшиеся под зиамеиамн полиции. Вор, купивший себе избавление такой ценой, ие зиает сострадания к бывшим коллегам».

Таким был, например, заместитель Видока Коко Лакур, который позднее, после ухода Видока, сам возглавлял некоторое время бригаду безопасности. Из его бумаг, сохранившихся в парижском полицейском архиве, усматривается, что он пять раз был осужден к лишению свободы на срок от двух месяцев до четырех лет за воровство и дезертирство. 22 января 1812 года Лакур был доставлен в Бисетр как неисправимый вор, а в июле 1816 года Видок забрал его оттуда к себе в бригаду безопасности.

Лакур тоже иачал свою многообещающую карьеру совсем юиым, точнее — с одиииадцати лет. Такого же калибра былн и другие помощннки Видока. Важнейшим «рабочим инструмеитом» карманного вора являются его руки, ловкие и чувствительиые пальцы. Существовали целые кланы, в которых воровской промысел передавался из поколеиня в поколеиие, так же как, скажем, наследовали искусство печь хлеб в династиях пекарей или науку забивать скот в семьях мясииков. Подающему надежды отпрыску с самых раиних лет прививали иавыки ловкости рук.

Видок знал, что потеря осязаиия в кончиках пальцев для карманника равносильиа вынужденной честиостн. Поэтому ои устаиовил на службе обязательное иошение толстых перчаток, в которых иезаметное вторженне в чужой кармаи практически невозможио. Эти перчатки Видока стали первым предметом униформы французской уголовиой полиции и одновременно символом честиой службы бывших карманников. Тем ие менее ниой раз бригада доставляла-таки иеприятиости своему шефу, н кое-кто из детективов выиуждеи был возвратиться туда, откуда явился. Одиако в дальнейшем успехи бригады безопасностн иастолько явно перевесилн эти досадные иедоразумеиия, что уже в 1817 году префектура усилила ее до двеиадцатн человек.

Пополиение Видок иабрал также из бывших преступннков, и, хотя имена их в платежные ведомости полиции тоже не попали, это ие нмело для них большого значения по двум причииам. Прежде

всего первые сотрудники уголовной полиции, включая их шефа, вовсе не собирались жить на скудное жалованье полицейского, а покрывали свои расходы из премиальных сумм, поступавших от благодарных клиентов, которым вернули украденное добро. Премия, как заранее было оговорено, составляла определенный процент от стоимости похищенного, что выражалось порой в довольно значительной сумме. А во-вторых, внесение в платежную ведомость и список штатного персонала полиции все равно не означало общественного признания. Например, о самом Видоке, который с 1812 года числился в списках штата парижской полиции, при официальных запросах регулярно либо умалчивали, либо, самое большее, давали сведения как о внештатном, свободном агенте. Префектуре было стыдно за своего шефа уголовной полиции!

Дело доходило до того, что на Видока, который официально считался беглым каторжником, в префектуру поступали даже приказы об аресте. На них приходилось отвечать, что упомянутый Видок этому учреждению якобы вовсе неизвестен. Это звучало как плохая шутка: человек, которому в качестве шефа уголовной полиции была вверена поимка преступников, сам значился в розыске.

С таким двусмысленным положением было покончено лишь в 1828 году, когда Видока официально помиловали, однако тогда он уже ушел из уголовной полиции.

Вообще эти первые криминалисты работали в крайне тяжелых условиях. У них не было ни полицейских удостоверений, ни служебных жетонов, а знали их только Видок да, пожалуй, шеф II отдела. У полицейских комиссаров и мировых судей к ним и к их шефу, которому по необходимости приходилось помогать, отношение было, мягко говоря, самое сдержанное. «Банде Видока» в отличие от уголовников приходилось воевать на два фронта: против преступников и против своих же завистливых и предубежденных коллег из префектуры. И тем не менее эта маленькая группка работала лучше и результативнее, чем все полицейские комиссары вместе взятые. Так, в 1817 году Видок со своими одиннадцатью подчиненными произвел 722 ареста и 39 обысков. Среди арестованных ими было 15 убийц, 6 вооруженных воров и разбойников, 107 взломщиков, карманников и других воров, 17 шантажистов, 38 укрывателей, 46 мошенников, 14 беглых заключенных и 43 рецидивиста.

Одним из задержанных был приговоренный к пожизненной каторге в баньо и бежавший оттуда похититель бриллиантов Фоссар. После побега Фоссар укрылся у своей любовницы в Париже и вновь занялся прежним ремеслом. Это был продувной малый, наглый и бессовестный. От двоих арестованных громил полиция получила весьма неопределенные сведения о том, что Фоссар скрывается где-то в Париже.

Бригаду Видока поначалу к этому делу не подключали, поскольку шеф Сюртэ был знаком как с Фоссаром, так и с его

любовиицей. Мнровому судье, которому поручилн разыскать н арестовать Фоссара, заданне оказалось ие по плечу.

Побег Фоссара н его дерзкие разбойничьи иалеты настолько взволновалн общественость, что на карту был поставлеи престнж парижской полиции и ее префекта. Тогда в декабре 1817 года в дело было пущено секретное оружне № 1 — бригада безопасностн Видока.

Однако и для Вндока дело Фоссара оказалось твердым орешком. Все, что до сей поры полицин было известио о месте пребываиия Фоссара, сводилось прнмерно к следующему: скрывается он где-то между улицами Комтесс д'Артуа н Пуассонье; окна в его комнате завешены гардинами нз желтого шелка с вышивкой; в том же доме живет горбатая портниха.

Шеф Сюртз решил руководствоваться двумя логическими соображениями. Первое из иих состояло в том, что разыскать горбунью будет, пожалуй, полегче, чем желтые занавески, которые к тому же со временем вполне могут быть замеиены иа другне. Из второго соображения вытекало, что поиск следует вестн преимущественно в тех местах, где обычно собираются женщины: в лавках н иа базарах. Самоувереиному Видоку н в голову не приходило, что похитителя бриллиантов может выследить кто-то другой. Он сам непременно отыщет Фоссара!

В районе улнцы Комтесс д'Артуа селились преимущественно буржуа, занимавшиеся каким-либо почтенным, дозволенным промыслом. Обычно полнции там нечего было делать. Чтобы не спугнуть дичь раньше времени, Видок прикинулся солидным, слегка ие от мира сего, «рогатым» старичком, который разыскивает неверную супругу. Так н таскался он ежедневно по улнцам с элегантной тростью с золотым набалдашником в руке и высматривал горбатую женщину и желтые занавесн. Видок зондировал почву в молочных н овощных лавках, у мясников, у торговцев потрохами, в лавочках с колониальными товарами, у лотков с кореньямн и в портняжных мастерских. В конце концов он наткнулся-таки на перезрелую горбатую девицу, оживленно болтавшую с молочником.

Видок последовал за кривобокой мадемуазелью сначала в лавочку с москательными товарамн, потом к торговке потрохами и, наконец, к дому на улице Пти-Карро. Там он узнал, что дама — действнтельно портниха, н не мешкая отыскал ее квартиру. Он посвятил ее в свою супружескую печаль н описал ей любовницу Фоссара как свою легкомысленную жену, а самого Фоссара как негодного парня, которым она увлеклась. Своим рассказом он так подействовал на слезные железы почтенной старой девы, что та призналась ему в знакомстве с возлюбленной Фоссара. Разыскиваемые лица, действнтельно, жили прежде в этом же доме на улице Пти-Карро, но за время поисков успелн съехать неизвестно куда.

Владельца дома, которого Видок почтил напоследок своим визитом, эта нсторня никак не взволновала. Для него Фоссар, который регулярно вносил свою плату, оставался почтенным

человеком, что бы там ни болтал обманутый рогоносец. Тогда Видок решил разыскать извозчика, который перевозил Фоссара и его даму на новую квартиру, и здесь счастье ему улыбнулось: он действительно нашел этого человека и за две серебряные пятифранковые монеты добился, чтобы тот вспомнил новый адрес переехавших. На следующий день извозчик показал шефу Сюртэ новую квартиру Фоссара. Она размещалась в ничем не примечательном доходном доме на углу улиц Дюпон и Сент-Онорэ — снова в весьма респектабельном районе. Виноторговец, который держал в этом доме свою лавочку, подтвердил, что человек, которого описал ему Видок, в самом деле живет здесь со своей женой, но сейчас он куда-то ушел.

Сюртэ отыскала нужного ей человека. Теперь оставалось схватить его. Видок решил действовать наверняка. Он знал, что беглый преступник скорее решится перебить всю парижскую полицию, чем снова угодить в баньо. А людям из Сюртэ своя жизнь была столь же дорога, как и всем прочим. Поэтому Видок пустился на хитрость. Он рассказал владельцу дома, что Фоссар, его съемщик, — крайне опасный разбойник и убийца, который запланировал ни более ни менее, как убийство и ограбление своего домохозяина и его супруги. Бравого буржуа обуял, понятно, неимоверный страх, и он, рассыпаясь в благодарностях, согласился выполнить все, что потребует Видок. Поначалу тому потребовалась комната с окошком, выходящим на улицу. Самолично убедившись, что с этого наблюдательного поста просматриваются все подходы к дому, шеф бригады приказал своим людям нести круглосуточную вахту.

В предновогоднюю ночь, около 23 часов, Фоссар, весело насвистывая, проследовал к дому, а минут двадцать спустя в его комнате погас свет.

Пора было переходить к активным действиям. Быстро и без всякого шума подошли вызванные бригадой полицейский комиссар и несколько жандармов. Видок тем временем успел отрепетировать с десятилетним племянником хозяина роль маленького попрошайки.

Мальчик, одетый в одну рубашонку, позвонил в квартиру Фоссара и попросил через закрытую дверь немножко одеколона для своей тетки, которой стало вдруг дурно. Любовница Фоссара открыла дверь. Двое дюжих жандармов схватили ничего не подозревавшую женщину, мигом заткнули ей носовым платком рот, и Видок, весь в черном, как угольщик, проворно прошмыгнул в квартиру. Фоссар был настолько ошеломлен, что пришел в себя лишь после того, как его крепко связали. При обыске его квартиры в разных тайниках обнаружили множество бриллиантов и других драгоценных камней, а также золотые вещи и монеты. Все это — на очень крупную сумму.

Шеф Сюртэ оказался пунктуальным: свое обещание арестовать преступника до наступления Нового года он выполнил. 1 января 1818 года Фоссар уже сидел в Бисетре.

СЮРТЭ МЕНЯЕТ ОКРАСКУ

Месье Анри не просчитался. Бригада под руководством Видока за короткое время превратилась в мобильное и весьма результативиое по силе своих ударов подразделение, деятельиость которого иекоторое время спустя стала охватывать всю страну. Очеиь скоро преступиики стали бояться и иеиавидеть ее больше, чем все другие полицейские учреждения. Среди арестованных Сюртэ были такие высокопоставлеииые особы, как шеф дворцовой полиции и любимец Людовика XVIII граф де Понта де Сеит-Элеи, оказавшийся в действительности вовсе ие графом, а сбежавшим из баньо главарем банды по имеии Куаиьяр.

Испытал тяжесть руки Видока иа своем плече и господии Увар, фииансовый воротила и банкир Наполеоиа, который с ведома Фуше вел за спииой императора тайиые сделки с Англией. Обезврежеиы были и миогочислеииые банды, в том числе и так иазываемые «амьеиские кочегары», которые вымогали у своих жертв деиьги, поджаривая им пятки. Видок разделался с этой бандой в одииочку, под маской слегка перетрусившего лакея.

Маскировка детективов, которая в век технического прогресса встречается разве что в сквериых детективных романах, во времеиа Видока была еще одним из иеобходимых составиых элемеитов работы криминальиой полиции. Сам Видок был подлиииым мастером перевоплощеиия.

Кроме этого вспомогательиого средства при розыске преступииков в распоряжеиии детективов были только их собствеиная память иа лица да клейма, которые выжигались иа теле арестантов. Поэтому Видок ввел в своей бригаде обязательные упражиения по развитию памяти. Для этого оии регуляриo посещали тюрьмы, в особенности Бисетр, где тщательио изучали облик, осанку, мимику и жестикуляцию преступников. Для освежения памяти Видок (по образу и подобию «биографии сычей» Фуше) завел картотеку, в которой были зарегистрироваиы все известиые Сюртэ преступники. Однако бригада ие только преследовала уже известиых преступииков. Оиа раскрывала иовые преступлеиия, устанавливала имена правоиарушителей и впервые в истории французской полиции проводила профилактическую работу. По большей части средством для этого был заимствованиый из практики политической полиции институт агеитов-провокаторов, которые внедрялись в преступные круги и выдавали полиции время, место и план готовящегося преступлеиия. Видок сам иеодиократио и всегда с большим успехом выступал в этой роли.

Успехи Сюртэ росли столь стремительно, что о Видоке и его людях стали упомииать в прессе.

Уже в 1818 году Сюртэ перебралась в свое собствеииое

служебное помещеине иа Пти рю Сант-Анн, 6, рядом с готической церковью Сеи-Шапель. Криминальную полицию Франции наконец призиали и в 1823 году увеличили ее до двадцати, а годом позже — до двадцати шести человек. По прошествии трех лет, в 1827 году, за год до того, как Видока помиловали, он был уволен. Предметом, за который он поплатился местом, оказалось манто жены префекта полиции. Один из сотрудииков Сюртэ «приделал иоги» этому манто, а Видок ручался за этого человека.

Однако в марте 1832 года Видок сиова был «на коие»: ои смеиил тогдашнего шефа Сюртэ Эбера н получил жалованье в 6000 франков.

5 июня 1832 года во время торжественных похорои популярного в народе генерала Ламарка в Париже вспыхнуло восстание против «короля-буржуа» Луи Филиппа. Во время этого иачатого мелкобуржуазными республиканцами мятежа рабочие Парижа вышли иа баррикады. Они подняли красные знамена и два дня героически сражались с многократио превосходящими их королевскими войсками. И Видок сиова доказал на деле, каков он — шеф Сюртэ. Он, который за четыре года до этого писал в мемуарах, что иикогда не выдал ни одного политического противника режима, активио помогал со своей бригадой убивать и арестовывать восставших.

Так, в классовых боях первой половины XIX века молодая Сюртэ, руководимая Видоком, и в политическом отношении оказалась послушным инструмеитом буржуазии. За действия своего подразделения Видок заслужил особую похвалу тогдашнего префекта Жискэ, который в докладе министру внутреиних дел от 26 июня 1832 года писал: «Среди чиновников моего ведомства, проявивших усердие, мужество и высокое чувство долга прн подавлении восстания 5 и 6 июня, я должен особо выделить господина Видока, шефа бригады Сюртэ».

И тем не менее возвращение Видока было недолгим. Выполнив то, что от него ожидали, он поиял, что скоро снова придется расставаться. Поэтому шеф Сюртэ решил предвосхитить свое увольнение и 15 иоября 1832 года сам подал по начальству соответствующее прошение.

Сразу после этого ои основал Бюро экономической информации, разместившееся иа улице Клош-Перс, 12. Это было первое частиое детективное агеитство в мире. Деловые люди могли получить здесь исчерпывающую информацию о своих возможных партнерах. Видок брался также за расследование разного сорта мошеннических махинаций и продолжал таким образом свою карьеру детектива. Работал он при случае и на полицию, в качестве шпика.

После ухода Видока бригада претерпела основательную реформу. Все бывшие уголовники были немедленно уволеиы. Статья 2 декрета о реформе гласила коротко и ясно: «Ни одии, имеющий судимость, не может быть допущеи к службе в полицни». Отиыие и впредь на службу в уголовиую полицию прииимали

только людей с чистым прошлым, прежде всего — из рядов униформированной полнции. Бригада была переименована в «службу безопасиостн» и переведеиа на рю де Жерусалем, 5.

Часто утверждают, что с уходом Вндока успехи Сюртэ пошлн иа убыль. И в самом деле, ни одии из его преемников не разбирался так в ремесле детектива, как он. Видок в совершенстве владел искусством перевоплощеиия, притворства, методами работы агеита-провокатора. Он прекрасно зиал психологию преступников и отлично разбирался в движущих мотивах преступлеиий. В этом н был секрет его успехов. У его преемииков такого богатого опыта не было.

Однако не следует забывать, что оперативная работа «а-ля-Видок» была эффективиой и полезиой лнщь во времена, когда иаука н техника былн еще довольно слабо развиты н почтн не возиикало речи об использованин их достижеиий в борьбе с преступностью. Не существовало и проблемы предотвращення нспользования преступниками научных методов в целях совершеиия преступлений. Быстрый прогресс естественных наук в XIX веке, сопутствовавший ему рост достижений техннки и неразрывно связаниое с ними развнтие точных наук дали в руки полиции новые надежные средства.

Это развнтие заявляло о себе еще во времена служебной деятельностн Видока. В 1806 году Дагерр изобрел фотографические пластинки, которые к 1839 году прнобрелн уже мировую нзвестность, а некоторое время спустя сталн использоваться и полицией.

В 1823 году, во времена, когда бригада Видока была увеличеиа с 12 до 20 человек, чешский профессор Пуркинье нздал свой труд о папилляриых линиях.

Через год после смерти Видока, в 1858 году, Уильям Хершель нспользовал в областн Хугли (Бенгалия) отпечатки пальцев для целей идеитификации.

Еще за пять лет до того, как Вндок стал работать шпиком у месье Анри, а имеино в 1804 году, во Фраиции был передан по семафориому телеграфу приказ Наполеона об аресте вериого Бурбонам герцога Энгиеиского. Истиины ради следует упомянуть, что работать этот телеграф мог лнщь в хорошую погоду. В 1845 году в Англии с помощью телеграфа (уже электрического) впервые был задержан убнйца.

Эжеи Франсуа Видок, который вошел в лнтературу как «нмператор детективов», действовал во времена, когда окончательно иазрела иасущиая иеобходимость в развитин новых организационных форм полиции, в созданин кримииальиой полиции. Задолго до рождеиия Видока английский писатель Геири Филдииг в образе «Боустрит — Раннер» уже создал первое лоидонское сыскное учреждение.

В Германии это развитие заметно отстало: Берлин получил первых трех кримииалькомиссаров лишь в 1822 году, через десять лет после образоваиия бригады Сюртэ.

ОФИЦЕРСКИЙ СУД

В иачале февраля 1849 года французский военный суд под председательством полковиика Кориемюэа, заседавший в уединеииой комнате одного иэ парнжских отелей, огласил прнговор по делу двадцатн четырех человек, сражавшихся на баррикадах во время июньского восстания 1848 года.

Комната, в которой заседал суд, прежде служила спальней графа Тулузского. Помещеиие площадью в 96 квадратных метров, иесомнеиио, было удобиым для нспользования в качестве графской опочивальни, но для судебиого процесса, на котором собиралнсь вынести приговор двадцати четырем обвиняемым с помощью 250 свидетелей, в присутствии 25 журналистов, пропагандировавших политику правительства, и 24 адвокатов, приглашениых для прндания этой классовой расправе видимости правосудия, комната была явно тесна. И все-таки места хватило, ибо что касается приговора, то господа офицеры эиалн его еще до начала эаседания. Было выиесеио пять смертиых приговоров: в отиошении сорокалетнего управляющего Аири Жозефа Дейиа, двадцативосьмилетиего рабочего Никола Ляр, двадцатитрехлетнего подмастерья Шарля Шоппера, тридцатнтрехлетнего торговца лошадьми Стаиислава Веппро и семнадцатилетиего маляра Жана Нурри. Этих пятерых должиы были гильотиииировать на валу Фоитеибло. Из остальных обвиняемых по этому делу: рабочий Готори, переплетчик Лебелleже н часовщик Нюэн приговаривались к пожиэиеииой каторге, а обвиняемые Мории, Нодэн, Дюга н Гэу — к десяти годам каторжиых работ. Дорожиый смотрнтель Люк получил двадцать лет тюрьмы, обвиияемым Бюссьеру, Буллею и Луи Веппро дали до десяти лет, рабочнм Брассá, Пари н Жерю — по два года, а обвиняемым Бодэ и Массеиу — по одному году тюремного эаключения. Обвиняемых Гнйоме, Кутана и Кэнтниа, чьи показания были на руку суду, оправдали.

Для юридического оформлеиия зараиее принятого решеиия офицерскому суду потребовалось двенадцать часов. Огласить же зтн перлы беззакоиия судьи предпочлн в отсутствне обвиияемых, иочью, в 23 часа 15 минут. Обвиняемым приговор был зачнтан лншь некоторое время спустя, в тюрьме, прн свете смоляных факелов, под охраной пятиадцати солдат, вэятые наиэготовку ружья которых были заряжеиы боевымн патроиами.

Но господа из военного суда явно просчитались: ни паиики, которая могла бы оказаться удобным предлогом для открытия огня, нн стонов, ии скрежета эубов они ие дождались. Обвиняемые былн спокойны, разве что слегка удивлеиы или смущеиы, но все как одии полиы иеиависти. Приговореииый к смерти Нурри восклик-

иул: «Да здравствует республика!» Нодэн в ответ на прнговор рассмеялся: «Всего десять лет? Ну что ж, после этого у меня еще будет вполне достаточно времеии, чтобы послужить делу республикн социальной демократии!» Миогие твердо заявляли: «Мы ие раскаиваемся! Мы нсполннлн свой долг!»

Пятнадцать готовых открыть огоиь солдат, полковиик и полдюжииы офнцеров со смущенными лнцами потянулись к выходу. Через полчаса после оглашения приговора осужденых сковалн по двое и по трое, как во времена галерной каторгн, примкнули всех в общей цепи и под конвоем усилеиного иаряда драгун перевели в самые мрачные казематы форта Ванв.

Полковинк и его людн не просто выполиили порученную нм работу, но и выместили иа героях баррнкад свою личную злобу: все четыре дия баррнкадных боев в Сент-Антуане эти судьи мелко дрожали при мысли, что могут иарваться на пули неиавистиых повстанцев.

Поводом для этого задрапированного под правосудие акта мести праворадикальных вояк послужил расстрел бригадного генерала Бреа и его адъютанта Манже 26 июня 1848 года за баррикадой Фонтенбло. Справедливости ради следует отметить, что зтот расстрел был вовсе ие столь уж необходим: расстрелянные были персонамн довольио иезначительными, а в политическом отношении — просто нулями. Однако зверства, чинимые ие зиающими пощады к восставшим национальиой и мобильиой гвардиями, вызывалн ответиую реакцию рабочих, и их действия можно понять н оправдать как иеобходимую обороиу. Кроме того, генерал и трое его спутииков вели себя за баррикадой столь вызывающе, что сами спровоцировали зтот расстрел.

Никакого участия в процессе ни тайная политическая полиция, ии Сюртэ не прииималн, и о иих там, естественно, даже н речи ие возникало, равно как н о юридических н моральных мотивах для оправдания обвиияемых.

СЮРТЭ ИДЕТ НА БАРРИКАДЫ

Все службы полицин активизнровали свою деятельность еще в февральскне дни 1848 года, когда парижские рабочие, мелкая буржуазия и студеиты принудили к отречению «короля-буржуа» Луи Филиппа, выволокли королевский трон на улицу, где его демонстративно сожгли, н сталн требовать провозглашения республикн. В штате Сюртэ насчитывалось тогда девяносто чиновников, руководивших армией осведомителей и тайных агеитов. После февральской революцин весь этот аппарат служил

временному правнтельству номинально, ио если говорить точнее, то не только ему, нбо политические взгляды, планы и интересы отдельных группировок буржуазии заметио различались между собой, а поэтому столь же пестрым было н мировоззреиие полицейских чиновников. Случалось, что два полицейских комиссара прндержнвались неодинаковых полнтических взглядов н выступалн в защиту разных интересов.

Учитывая это, министерство виутренних дел, руководимое представителем радикальной мелкой буржуазии Ледрю-Роллеиом, сочло целесообразным создать наряду с Сюртэ Женераль еще одну собственную тайную полнцию, которая н была органнзована и работала такими же методами. Глава временного правнтельства представитель умеренной буржуазни Ламартии открыто заявлял, что считает полезным иметь побольше разных полицейских учреждений, чтобы онн взаимно контролировали друг друга. Эти соображения не былн ошибочными. Каковы былн в действнтельности политнческие убеждения и степень вериости констнтуции, показал трн года спустя, 2 декабря 1851 года, государственный переворот прннца Луи Боиапарта.

Однако, как нн расходились между собой полицейские чины в своем отношеннн к различным группировкам буржуазии, в одном пункте оии всегда были едины — когда вставал вопрос о иаступленин на возмущенный пролетариат.

После февральских дней 1848 года Сюртэ Женераль ие только поставила на ногн весь имеющийся официальный и негласный аппарат, ио и пополнила последний за счет вербовки иовых осведомнтелей и агентов-провокаторов. Даже давным давно уволеиный в отставку Вндок, мигом сменивший в феврале снмпатню к королевскому знаменн на обожаиие трехцветного — республнканского, и тот сиова нашел для себя хлеб в полиции. Правда, уже не в должностн шефа Сюртэ, как в июньские дин 1832 года (этот пост был уже занят), а в качестве свободного агента.

Напрнмер, Вндок по тайному поручению Ламартина выведывал планы орлеанистов в Англни и следил одновременно за враждебиым республнке прннцем Луи Бонапартом, племянником Наполеона I. Для министерства внутренних дел н генерального прокурора Ландрена, который, будучн адвокатом, прежде защищал Вндока в двух процессах, он выследил социалнстический клуб в Париже. Даже шеф Сюртэ Женераль, иесмотря на многолетние распри, давал ему секретные поручеиия, которые Вндок исправно выполнял. Из некогда грозного н прославленного «императора детектнвов» Видок снова обратился в усердного шпика, служащего одновременно многнм господам (правда, всем — из одного класса).

В апреле, когда ставленннкн крупной буржуазии — республнканцы добилнсь на выборах 500 мест в парламенте из общего чнсла 880 н немедлеиио перешлн к нападкам на завоеванные рабочими н мелкой буржуазней полнтнческие свободы, Сюртэ еще более усилила свою тайную деятельность. После смерти Фуше прошло

уже 28 лет, но дух его, как и прежде, царил в полиции. Практически не изменились с тех пор и методы работы. Полицейские агенты вступали в революционные клубы и организации, становились в колонны рабочих демонстраций, шли даже на баррикады — все для того, чтобы путем саботажа помочь победе буржуазии и подготовить грядущую расправу контрреволюции с революционерами.

Точек приложения сил для подрывной деятельности оказалось предостаточно. Июльское восстание парижских рабочих было первой большой классовой битвой пролетариата против буржуазии, спонтанной акцией, в которой рабочие, плохо вооруженные и слабо организованные, могли полагаться только на самих себя. У них не имелось ни централизованного руководства, ни ясной программы. У них не было союзников, а их вождей Бланки, Распайля, Барбеса и Альбера полиция арестовала еще в мае 1848 года. У руководства сражающимися рабочими и студентами оказались, таким образом, вожаки тогдашних революционных клубов, неискушенные в военном деле да к тому же придерживающиеся совершенно различных взглядов и планов. Между отдельными боевыми отрядами и баррикадами не было никакой связи, а на баррикадах рядом с классово-сознательными рабочими стояли анархисты, студенты с расплывчатыми идеалами и прочие горячие головы.

Агентам полиции не составляло в этой обстановке труда, маскируясь подходящими к случаю фразами, затесаться в ряды бойцов на баррикадах.

Полицейские агенты действовали и в одном из сильнейших бастионов сопротивления Сент-Антуане. Это выявилось тогда, когда на баррикаде Фонтенбло оказался бригадный генерал Бреа. Сей генерал, впоследствии возведенный военными в герои, никогда не был другом рабочих.

В июне 1848 года он принадлежал к штабу той колонны мобильной гвардии, которая под предводительством правого радикала генерала Дамесма после взятия Пантеона на левом берегу Сены изрубила на куски восставших рабочих и студентов. 25 июня генерал Дамесм погиб в сражении и Бреа принял командование над войсками.

Мобильная гвардия, организованная временным правительством уже в феврале 1848 года в предвидении возможной гражданской войны, состояла, главным образом, из введенных в заблуждение юнцов, люмпенов и уголовников, прельстившихся довольно высоким (выше, чем в национальной гвардии) жалованьем и красивой формой. Это войско насчитывало 24 000 человек и управлялось самыми реакционными офицерами из всей армии, преимущественно теми, кто уже отличился при подавлении освободительного движения в Алжире. Подстрекаемая своим бессовестным руководством, солдатия мобильной гвардии распоясалась до предела и в своей дикой ярости не ведала ни сострадания, ни пощады. Попавшим в их руки бойцам баррикад, будь то жены или дети рабочих, тащившие на баррикаду булыжники из мостовой, на

милосердие рассчитывать не приходилось. Они истязали и убивали на месте даже детей, женщин и раненых да еще и похвалялись своей жестокостью. Этих одетых в мундиры подонков бросали в первую очередь туда, где рабочие сражались особенно стойко. Так получилось и с баррикадой Фонтенбло.

В начале восстания генерал Кавеньяк, «палач Парижа», которого временное правительство облекло неограниченными полномочиями, опубликовал лицемерную прокламацию. В ней он давал обещание принять рабочих как «кающихся братьев» и простить их, стоит им только согласиться сложить оружие. С этой прокламацией генерал Бреа в сопровождении своего адъютанта капитана Манже и батальонных командиров Гобера и Демаре ходил от баррикады к баррикаде.

Так, в конце концов, офицеры добрались и до Фонтенбло, где генерал тоже зачитал прокламацию. После этого Бреа якобы пригласили пройти за баррикаду. Кто пригласил, всерьез ли было такое приглашение или просто кто-то подшутил в ответ на его прокламацию и вообще почему Бреа с сопровождающими вдруг последовали этому приглашению, осталось неясным, как, впрочем, и многие другие решающие детали. Так или иначе, четверо офицеров, вооруженные и при всех орденах, прошли через брешь за баррикаду и появились среди восставших, что, учитывая долгие бои, само по себе было уже шагом достаточно провокационным.

Бреа и его адъютанта тотчас же арестовали, причем восставшие резко разошлись во мнениях, как поступить с обоими офицерами. Одни были за немедленный расстрел, другие же настаивали на оставлении их под арестом. Так продолжалось некоторое время, пока верх не одержали противники расстрела. Генерала и его адъютанта отвели в верхний этаж одного из домов, оттуда — в другой дом и, наконец, снова вернули в первый. Офицеров подвергли обстоятельному допросу, который по причине разногласий среди защитников баррикады протекал не без трений. От Бреа потребовали, чтобы он отдал своим войскам письменный приказ об отходе.

Вдруг на площади перед домом возникла какая-то суматоха, сопровождаемая яростными криками и проклятьями: восставшие обнаружили батальонных командиров Гобера и Демаре. С момента, когда четверо офицеров пересекли укрепленную полосу, прошло уже порядочно времени. Как использовали его эти двое, никто не знал.

Когда Бреа со своими сопровождающими прошел через брешь за баррикаду, на улицах было относительно спокойно. Большинство рабочих, не выходивших из непрерывных сражений уже несколько дней, воспользовались передышкой для отдыха. У амбразур остались лишь часовые, обязанные наблюдать за передвижением противника. Тут-то и появились Бреа и его адъютант. Не успевшие толком отдохнуть защитники баррикады окружили их. Этой ситуацией, рассуждая разумно, Гобер и Демаре, казалось бы, должны были воспользоваться, чтобы попытаться ускользнуть.

Однако оии почему-то не сделали этого. Возможно ли это было вообще? И на что оии потратилн время до своего обнаружеиня?

Гобер впоследствин показал, что за баррикадой к генералу подобрался какой-то молодой паренек н попросил у него что-лнбо, чем он мог бы удостоверить свою личность в мобильной гвардии, н что геиерал дал ему проснмое. Но это было уже после того, как Гобера н Демаре обнаружилн.

Может, они уже успели ранее переговорить с тем парием? Этот вопрос так н остался невыясненным. Можно, однако, предположить, что Бреа н его сопровождающие еще до перехода через баррикаду былн ннформированы о наличии там агентов, на которых онн в случае нужды могут рассчнтывать. В пользу такого предположения говорят два обстоятельства.

Бреа, от которого сразу после ареста потребовалн отдать прнказ об отводе войск от баррнкады, попытался выиграть время. Совершенно недвусмыслеиное требование защнтников баррнкады он, по-внднмому умышлеино, облек в весьма непонятную форму, написав запнску следующего содержания: «Нахожусь на валу Фонтеибло, окруженный храбрыми республнканцамн н социал-демократами». Эта запнска явилась причиной новых долгих споров и разногласий во мнеииях о том, что же дальше делать с офицерами. Некоторые горячне головы уже было иачалн вплотную наседать на бригадного генерала, и более рассуднтельным стоило немалых трудов охладить их пыл. Такнм образом офицеры выиграли время.

Когда агент, попросившнй у Бреа какой-либо опознавательиый знак для предъявления в мобильной гвардии, был уже в путн, имея прн себе одни нз его эполетов, генерал сменил тои н соблаговолил наконец напнсать (н на сей раз все же весьма двусмысленную) запнску: «Прнказываю войскам отойти тем же путем, которым наступают». Это могло означать (н имеино так н было воспринято защнтниками баррнкады) приказанне отступать. Однако то же самое можно было истолковать и как распоряжение отойтн для проформы немного назад н снова наступать тем же путем. Бреа н его спутннки снова затягнвалн время.

Их заперлн в зданин таможин. Оказавшись там, онн сразу же попыталнсь, как выяснилось в ходе процесса, прн поддержке нескольких «друзей» (а правильнее сказать — агентов) в лагере повстанцев разобрать стеиы своей тюрьмы н бежать.

Все сказанное с полным основаннем позволяет предполагать, что н расхождения во мнениях среди защитннков баррнкады не в малой степени заслуга этих самых «друзей» генерала, которые тем самым помоглн ему выиграть время н отвлечь виимание бойцов баррикады от передвнжеиий мобильной гвардии. В этом свете стаиовнтся ясным также, с чьей помощью н для каких целей Гоберу н Демаре удалось некоторое время оставаться необнаружеиными.

Однако попытка офицеров к бегству была обнаружена и вызвала у защитннков баррнкады сильный гнев. Группа рабочих ворвалась в помещение, где находилнсь арестованные. Гневиые

выкрики сопровождались проклятьями и угрозами. В этот момент возник шум и на баррикаде. Раздался крик: «Измена! Мобильная гвардия приближается!» Словно в ответ на это из здания таможни донеслось: «Смерть предателям! Огонь!» Затрещали выстрелы. Генерал Бреа и Манже упали мертвыми. Гобер и Демаре, стоявшие в непосредственной близости от Бреа, странным образом от пуль убереглись. Гобер спасся якобы лишь потому, что успел броситься на пол и заползти под походную койку, а Демаре сообразил укрыться за оконным ставнем. Так во всяком случае объяснили они свое спасение позднее в свидетельских показаниях во время предварительного следствия и на самом процессе. Как они умудрились проделать все эти ловкие трюки в насквозь просматриваемом помещении да еще в присутствии разгневанных повстанцев — остается загадкой.

Вскоре после расстрела Бреа баррикада была смята мобильной гвардией, которая, воспользовавшись суматохой, поднятой вокруг генерала, сумела вплотную приблизиться к ней и навязать защитникам неравный рукопашный бой.

Генерал и его адъютант были мертвы. Позднее врачи констатировали наличие на трупах следов увечий, которые, нимало не сомневаясь, отнесли на счет обвиняемых.

Установлено, что, заслышав клич: «Мобильная гвардия приближается!», активные бойцы устремились на баррикаду и вступили в сражение с солдатами. Кто же в таком случае глумился над трупами? Гобер и Демаре, которые из своих «убежищ» отлично видели все происходившее, говорили только о повстанцах вообще, но так и не смогли указать на кого-либо конкретно. Ведь на баррикадах и агенты Сюртэ тоже выдавали себя за участников восстания и эти-то «повстанцы», определенно, не собирались участвовать в сражении с наступающей мобильной гвардией. По собственным показаниям Гобера, один из таких «повстанцев», оставшихся в доме таможни после расстрела Бреа, обнаружил его под койкой, но оставил в покое. Боец, который в слепой ярости только что продолжал наносить удары даже трупам, конечно же, не пощадил бы живого Гобера.

Живой Бреа мог бы послужить повстанцам в качестве заложника, расстрелянный — как демонстрация боевой решимости. Изувеченные же трупы были на пользу одной только контрреволюции. Это в ее интересах было, ссылаясь на «зверства» повстанцев, учинить кровавую расправу над участниками восстания.

Агенты и шпики с баррикады Фонтенбло остались неизвестными. За исключением двоих. Один из них, Адольф Ниль, был во время процесса разоблачен обвиняемым Шоппером, с другого, некоего Жерара Дюмона, вовсе не желая того, сорвал маску батальонный командир Демаре.

Во время слушания дела Ниль утверждал, что сначала в генерала стрелял Шоппер, а затем — Нурри. Шоппер опроверг эти утверждения и одновременно сам обвинил Ниля в том, что тот на

баррикаде выступал с самыми радикальными речами, требовал смерти генерала и при этом заявлял даже, что зажарит его сердце. Как разъяснил далее Шоппер, этот агент-провокатор и ранее высказывал столь подозрительные взгляды, что у руководства баррикадой возникла мысль, не арестовать ли его.

Все эти разоблачения суд, естественно, оставил без внимания, тем более что, как утверждал батальонный командир Демаре, именно «месье» Ниль да еще «месье» Дюмон принадлежали к тем самым «друзьям» в лагере повстанцев, которые оказывали офицерам помощь в попытке к бегству и которым они с Гобером обязаны своей жизнью. Кто стрелял в генерала и его адъютанта, кто нанес после этого трупу генерала три штыковых укола и размозжил голову мертвого Манже топором, так и не выяснилось. Шоппер показал, что над генералом надругался агент-провокатор Ниль. Суд с этим не согласился.

В том, что они вообще стреляли в генерала, из 24 обвиняемых признались только Нурри и Лебеллеже. Однако оба решительно отвергали обвинения в глумлении над трупами. Между Нурри и председателем суда, который с самого начала называл его подлым убийцей, возникли пререкания, зафиксированные в судебном протоколе.

Нурри. Называйте это убийством. Вам все позволено. Я же лично рассматриваю это не как убийство, а как военные действия!

Председатель. Замолчите, вы! Я уже ясно сказал вам, вы — убийца!

Нурри. Оставьте это выражение для себя. Оно куда более подходит вам и вашему трибуналу.

Председатель. Молчать!

Нурри. Вы, одни вы — убийцы!

После этих слов полковник Корнемюз приказал солдатам вывести Нурри из зала и лишить его права дальнейшего участия в слушании дела.

Подобным же образом затыкали рот любому обвиняемому, который говорил неприятную правду или вносил неудобоваримые предложения.

Расстрелянный генерал Бреа был в глазах офицеров верным солдатом, неприкосновенным парламентером, а расстрел его, следовательно, — «преступным деянием, стоящим на особом счету в анналах истории»; головорезы из мобильной гвардии были «бравыми строевыми солдатами», а сражавшиеся за свою свободу и жизнь рабочие — «гнусными убийцами».

Кроме двоих обвиняемых, Нурри и Лебеллеже, которые сами сознались в том, что стреляли в Бреа, доказать участие в расстреле еще кого-либо суду так и не удалось. И тем не менее суд вынес свой приговор.

Более того, младший из братьев Веппро, активный боец баррикады, как явствовало из многих свидетельских показаний, в расстреле совершенно определенно не участвовал. В период, когда Бреа находился за баррикадой, в здании таможни его вообще не

было. Но в глазах военных судей он был революционным рабочим, а следовательно, виновным н подлежал гильотинированию.

Знаменнтый наполеоновский Уголовный кодекс 1813 года, явнвшийся образцом для всех европейских буржуазных уголовных кодексов, стал в руках реакционной французской буржуазнн н ее военных пособников острейшим оружием против рабочих.

19 февраля 1849 года кассацнонная жалоба обвинияемых была отклонена военным судом под председательством геиерала Франсуа. 9 марта она была отклонена и кассационной инстанцией Верховного суда.

Два дня спустя, в ночь с 11 на 12 марта 1849 года, у заставы Фонтенбло былн обезглавлены обвиняемые Дейн и Ляр. Нуррн, Шопперу н Веппро-младшему смертиую казнь «из милосердия» заменили пожизненными каторжными работамн, т. е. медленной, «ползучей» казнью.

ПРИСЯГА КОМИССАРОВ

В ночь с 1 на 2 декабря 1851 года полицейский префект Парижа Шарлемань де Мопá вызвал к себе сорок восемь подчиненных ему полицейских комнссаров. Незадолго до этого он имел беседу с президентом республики прницем Луи Бонапартом, в которой тот раскрыл префекту карты готовящегося государствеиного переворота в его, «маленького Наполеона», пользу. Отправлявшнй в течение двух лет свои обязаниостн президеит решил устраиить из нгры буржуазно-республнканскую оппозицию н открыть путь к новой «нмперин французов». Префект полицни Мопа, безгранично преданный прннцу, поспешнл поддержать ему «стремя». Мопа был стреляным воробьем. Да и сорок восемь комиссаров были отнюдь не робкими зайчнками. Искушенные в политических интригах седовласые господа, прнноснвшие присягу на верность констнтуцин, собралнсь точно в указанное время в префектуре.

Прнказ, который им надлежало выполнить, был краток, ясен и... явно шел в разрез с констнтуцией: всех протнвннков прездеита, чей голос нмеет вес в народе, безотлагательио арестовать, любое сопротивление подавнть в зародыше!

У облеченных властью блюстителей констнтуции не промелькнуло даже н мыслн, что онн иападают иа то, что обязаны защищать, — французскую республику. Де Мопа отдавал дальнейшие прказы, размножал списки подозрительных и согласовывал задания одних служб с другими. Какой-иибудь час спустя по стране прокатилась гигантская волна арестов.

В одном только Парнже было пронзведено 2133 ареста. Там,

где дело доходило до сооружения баррикад, и в провинциях «порядок» наводили войска (все та же мобильная гвардия). 26 000 оппозиционеров всех политических направлений были преданы суду.

Луи Бонапарт устранил своих противников одним ударом.

Однако если Мопа полагал, что сможет играть при «маленьком Наполеоне» такую же роль, какую Фуше играл при его великом дяде, то на сей счет он сильно заблуждался.

Будучи ничтожеством как политик, Луи Бонапарт отнесся одобрительно к предательству в отношении Конституции полицейских комиссаров, ибо так было ему выгодно, но полагаться после этого на свою «верную Конституции» полицию он уже не мог.

По примеру Наполеона I он немедленно организовал свою собственную, личную полицию, в состав которой включил и секретную службу. Она тайно перлюстрировала корреспонденцию всех казавшихся Луи Бонапарту важными персон, изготовляла даже копии писем, контролируя таким образом и офицеров государственной полиции.

Мопа, который стремился расширить полномочия государственной полиции, не получил со стороны Луи Бонапарта ожидаемой поддержки. И все же государственная полиция достигла в это время большого развития.

В 1852 году полицейским префектом Парижа стал Иоахим Пьетри, земляк Наполеона I и ярый бонапартист. Год спустя вся полиция, исключая наполеоновскую личную, была подчинена парижской префектуре.

В 1854 году полицию разделили на дивизионы и организовали специальные отделы. В департаментах создали комиссариаты, а в больших городах — таких, как Лион и Марсель, — центральные комиссариаты.

В это же время начала развиваться и совсем новая служба — железнодорожная полиция, насчитывавшая вначале тридцать чиновников.

2 декабря 1852 года, в первую годовщину государственного переворота, Луи Бонапарт провозгласил себя Наполеоном III, императором французов. Пять с половиной лет спустя на его жизнь покушалась анархистская группа под руководством итальянца Феличе Орсини. От взрыва погибли 8 человек, 152 были ранены. Среди убитых находились и парижские полицейские. Сам Наполеон III отделался потерей треуголки.

Сыскной аппарат Пьетри и наполеоновская секретная служба были захвачены врасплох, и, хотя в покушении участвовало по меньшей мере пять человек, а парижская полиция еще за несколько дней до этого получила от английских властей сведения о четырех террористах, служба безопасности их проглядела. Это стоило Пьетри должности префекта.

Последующие восемь лет этот пост занимал Эдуард Буатель. Дух, аппарат и методы работы этого почтенного учреждения изменений не претерпели.

Зиачнтельно усилили жандармерию. Прн парижской полицейской префектуре постоянно иаходился в готовиостн отряд в 250 жандармов. Всех прнезжих строго проверялн. Хозяева отелей должны былн отсылать въездные листы своих постояльцев в соответствующие полицейские комиссарнаты, где специальные чиновники сверялн их с центральной картотекой подозрнтельиых лиц.

У крнмниальной полиции, перегружеиной заданиями по розыску н слежке за подозрнтельиымн в политическом отиошении лнцамн н группами, понсками инакомыслящих и интригамн, почтн не оставалось времени иа основную работу — борьбу с преступностью.

Правда, официальная уголовная статнстика, которую вело миннстерство юстицнн, свидетельствует, что за время с 1851 до 1861 года преступиость уменьшилась иа 27%. Однако зто — всего лишь судебиая статнстика, учнтывающая только преступлеиня, дела о совершенин которых рассматрнвалнсь в суде прнсяжиых. Непойманные убийцы, взломщики, мошенники и сексуальные преступникн прн зтом, естественно, ие учнтывались.

А между тем чнсло таких лнц отнюдь не уменьшалось. Напротнв, полнтические н социальные методы обеспечения господства капнтала способствовалн росту преступности. Голод, безработнца и беспросветная иужда толкалн сотни бедняков на воровство н проституцию.

Одиажды оступившиеся становилнсь нзгоями н подвергалнсь не делающей разлнчня между инми н закореиелымн преступниками дискримииацнн. Обратный путь к честной жнзни был для них отрезан. Человек, однажды заклейменный канновой печатью бесчестностн, смыть ее ие мог уже до конца своих дней. Так во времеиа Второй имперни по-прежиему пронсходят парадоксальиые явлеиия: фраицузская полиция пережнвала иеслыхаиный расцвет, она числеиио увеличивалась и специалнзнровалась, ее иегласный аппарат становился все мощнее, но все это не оказывало заметиого влияиия иа динамику преступностн — последняя иеуклоино росла.

УБИЙЦА СЛУЖАНОК ИЗ ЛИОНА

Это произошло во вторннк 28 февраля 1855 года. Зима была сравннтельно мягкая, н бекасный перелет иачался раньше обычного. Едва забрезжил рассвет пятерка охотников, сгорая от нетерпення, устремилась в лес Монтоверн. Они шли цепью. То здесь то там перед ними вспархивалн встревожеиные бекасы. Гремели выстрелы, и подбнтая птнца стремглав падала на

влажную лесную землю. Но вот один бекас упал в густой кустарник. Охотник прислонил ружье к дереву н полез в чащобу.

Не успелн за ним сомкнуться ветви, как его товарнщи услышалн крик ужаса. Вместо ожидаемого бекаса перед охотником лежал обнаженный труп молодой женщины. Голова ее была обезображена шестью зияющнми ранами. Белый чепчик слипся от спекшейся кровн. Рядом с убитой валялнсь носовой платок, воротничок и голубая леиточка.

Охотиики тотчас же подняли иа иоги полицию. Убитую вскоре опознали. Звалн ее Мари Бадей, она была домашней работнншей н последнее время находилась в услужении в Лноне у некой мадам Оссандон. Однако за два дня до того, как был найден ее труп, то есть в воскресенье 26 февраля 1855 года, она вдруг срочно расторгла договор со своей хозяйкой, ибо один мужчина предложил ей более выгодное место где-то иеподалеку от Лиона. К своему новому месту работы она (по ее собственным словам) должна была явиться как можно скорее. Мадам Оссандон полиостью рассчиталась с ней, и молодая женщиия отправилась в путь. С тех пор о Мари Бадей иикто больше ие слышал.

Лноиская крнминальная полиция совместно с жандармерией начала розыски с деревии Трануа, расположенной неподалеку от леса Монтовери. Выяснилось, что несколько жнтелей этого местечка в воскресеиье вечером, около 19 часов, проезжали мимо леса и слышали какие-то крнки.

«Мие показалось, будто какая-то женщиия зовет на помощь, — сказал старый крестьяннн. — Да, имеиио так».

Этим все тогда н окончилось.

В течение шести последующих лет вплоть до мая 1861 года было совершено еще несколько аналогичных преступлений. Снова молодые служанки тщетно взывали о помощи, и по меньшей мере для двоих из них это оказалось последним криком в их жизни. Им не прншлось бы крнчать от страха, если бы Сюртэ н жандармерия поменьше охотилнсь за политическимн противнккамн нмператора, а занимались бы борьбой с убийцамн н разбойннкамн. Во всяком случае лионского убийцу служаиок могли бы разыскать уже через неделю после убийства Марн Бадей. Ведь 4 марта 1855 года очередиая жертва, служанка Олимпия Алабер, от иего ускользнула.

Как было установлеио шесть лет спустя (а могло выясниться уже в марте 1855 года!), убийца еще до Марн Бадей предлагал другой лионской служанке, Марн Курт, многообещающее место в поместье Монтлюзль блнз Лиона, одиако определенного ответа от девушки ие получил. 4 марта, через шесть дней после убийства, он снова явился к Мари Курт, ио та на сей раз ответила решительным отказом и посоветовала ему обратнться к своей подруге Олимпии Алабер.

Убийца разыскал девушку н заручился ее согласием. В тот же день Олимпия вместе с иим покинула город. После долгого утомительного путн уже в сумерках мужчина прнвел ее в окрестностн Трануа. Одиако, как только оии оказалнсь возле леса, в

котором за несколько дней до этого был обнаружен труп Бадей, девушке стало вдруг страшно и она пустилась наутек, исчезнув прежде, чем ее спутник успел отреагировать.

С марта по ноябрь того же года по меньшей мере еще трем девушкам случалось столкнуться с мужчиной, который сулил им сказочное по тем временам место в некоем хозяйстве близ Монтлюэля. Все они отделались испугом, за исключением одного случая, когда преступник отобрал у своей жертвы карманные деньги в сумме 50 франков.

Итак, убийцу видели пять свидетельниц, и все они могли точно описать его внешность, в особенности же бросающееся в глаза изуродованное лицо.

Однако полиция не приняла этого к сведению. Дело Бадей было положено в долгий ящик. А между тем Лион уже в те времена был одним из важнейших экономических и политических центров страны. Здесь в 1831 и в 1834 годах произошли первые восстания рабочих. Поэтому в Лионе сыскной аппарат Сюртэ был организован особенно хорошо. Полицейские агенты сидели во всех сколько-нибудь важных организациях и клубах. Сюртэ имела свои глаза и уши во всех слоях населения, на всех предприятиях. Кроме того, в Лионе имелись хорошо укомплектованный комиссариат по уголовным делам и разветвленная сеть жандармских постов.

Однако всему этому хитромудрому аппарату в течение целых шести лет не удалось обнаружить примитивного и лишенного фантазии, постоянно действующего по одной и той же схеме убийцу, да к тому же еще, как нарочно, с классической физиономией преступника. Так продолжалось до мая 1861 года, когда он был наконец установлен. При наличии тех же самых предпосылок, которые имелись еще в марте 1855 года, на это потребовалось всего лишь несколько часов.

Была ли тому виною одна только неспособность лионского комиссара и жандармов как криминалистов? Почему же тогда шесть лет спустя те же самые чиновники сумели доказать, что стоят на уровне требований того времени? В деле Мари Бадей главная причина неуспеха Сюртэ определялась тем, что еще со времен буржуазной революции 1789 года и полицейской эры Наполеона I и Фуше чрезмерное развитие политической полиции было направлено исключительно на выслеживание и подавление инакомыслящих, а не на искоренение преступности. Напротив! Чем больше полиция занималась подавлением политических противников, тем более широкое поле деятельности предоставлялось уголовникам.

Имел от этого свои выгоды и лионский убийца служанок.

ЕМУ НЕ НУЖЕН ФОНАРЬ

— Мадемуазель, судя по вашему виду, вы — служанка?

Мари Пишон иедоверчиво окинула взглядом иезнакомца, бесцеремонно обратившегося к ией с этими словами на лионском мосту Гийотен, и вздрогнула. Его суровое лицо, обезображенное шрамом и солидной шишкой на верхней губе, не очеиь-то располагало к доверию. Одиако сутулая фигура, привычные к работе руки, скромная одежда сельского жителя чем-то импонировали девушке. Оиа остаиовилась н вопросительно посмотрела на него.

— Я осмелился заговорить с вами лишь потому, — довольио робко сказал мужчииа, — что плохо ориентируюсь здесь. Мне нужио разыскать бюро по найму прнслуги, чтобы иаиять работницу для моего хозяина в замок Монтлюзль. А сам я — садовник зтого имеиия.

Марн Пншон была любопытиа. Она н сама охотно подыскала бы себе местечко, чтобы уйти от теперешних хозяев, которые очеиь мало платят за слишком большую работу. Да к тому же ведь за спрос деиег ие берут.

— Да, мадемуазель, — иесмело сказал мужчина, — место и в самом деле хорошее. Сами считайте, жалованье 250 франков в год, да еще к рождеству подарки. А работа ие очень тяжелая: ходить за двумя коровами и за телеиком да в доме немного прибраться.

О, зто место Мари определеиио было по вкусу!

Незиакомец нерешительио покачал головой.

— Не зиаю, мадемуазель. Пожалуй, вы-то как раз и подошли бы моему хозяииу. Только вот времени иа раздумья я вам, к сожалеиию, дать ие могу. Еще сегодня вы должны приступить к работе...

Ну, счастье само лезет в руки! Мари Пишои тут же согласилась, побежала домой, взяла расчет, упаковала пожитки и уже несколько часов спустя в сопровождеиии иезиакомца садилась в поезд, идущий к Моитлюзлю.

Когда оии приехали, было уже темно. Незиакомец, ни слова ие говоря, взвалил ее корзииу иа плечи и зашагал прочь от станции. Странную, однако, дорогу ои выбрал: узкая тропка поперек полей и лугов, в стороие от человеческого жилья. Сердце Мари билось все тревожнее. Оиа уже раскаивалась в своем решеиии и держалась настороженио.

Посреди рапсового поля иезиакомец вдруг остановился, снял с плеч корзииу и сказал Мари, что оставит ее неиадолго одну, а потом придет за ией. Через перекидной мостик ои прошел над иасыпью и скрылся в лесу. Его шагов было уже ие слышио. Вдруг внезапно ои опять очутился почти рядом. В руках мужчина держал

веревочный аркан, его глаза сердито уставились иа Мари. Молниеносное двнжеиие, аркан просвнстел в воздухе. Едва успев отклонить голову, Мари схватила нападающего за руки. Началась ожесточенная борьба. Девушка упала, ннетннктивно откатилась в сторону, вскочила на ногн и пустилась наутек. Прямо в затылок ей дышал задыхающийся от бега мужчина. Однако расстояние между ними все увелнчивалось, и оиа выбралась наконец на железнодорожную линню. Там путь ей загородила решетка. Мари перелезла через нее, увидела вдали свет и из последних сил побежала к нему. Свет падал нз окон дома, в котором жил крестьянин по имени Жоли. Когда Мари, окровавлеиная, в разорванном платье, рассказала ему свою нсторию и попросила о защите, он проводил ее в Моитлюзль, в жандармскую команду.

«Правда, не очеиь-то в этом много толку, — с сомнеиием сказал ои. — И раньше здесь частеиько случалось зтакое, да только полиция особого рвения не проявляет. Но заявнть-то, коиечно, надо. Должиы же онн, наконец, что-то предпринять».

Они, то есть жандармы, принялн инцидент к сведению, равнодушно записали все подробиости и затем уведомили о случившемся лионский комиссариат Сюртэ.

Там эта новость особого восторга, понятно, не вызвала. Уже больше шестн лет поступали сюда подобные сообщения о случаях нападення на служанок, а воз и ныне был там: до сих пор ни одно из преступлений так н не было раскрыто. Правда, мадемуазель Алабер, а вслед за ней Шарлеби, Буржуа, Паррзн и Никола, иападения иа которых пронзошли еше в 1855 году, довольно обстоятельно описали внешность преступиика, и их данные полностью совпадали с показаниями Мари Пишои. Одиако расследование так н не дало до сей поры осязаемого результата.

Жандармы, которым поручали пронзвестн розыск в окрестиых иаселенных пунктах, не смогли обнаружить никого, кто бы подходил под зто описание.

«Пожалуй, и в случае с Пншои дело кончнтся тем же самым», — подумал лнонский комиссар и для очистки совести еще раз просмотрел донесенне.

Стоп, стоп, стоп! В рапорте указывалось, что корзииа Мари Пишои осталась на рапсовом поле и что во время борьбы с преступником она потеряла зонтнк и сумку. Еслн отыскать эти предметы, то по месту иаходки можио, пожалуй, попытаться определить путь преступннка, а может, даже н найти его логово. Пожалуй, попробовать стоит. Для того хотя бы, чтобы доказать, что полиция не спит, а предпринимает для понмки преступника все возможиое. Очеиь уж большой шум наделалн зти нападения, и так население взбудоражеио, а тут еще пресса! Существует, правда, строгий запрет на публнкацию в газетах сообщеиий о преступленнях, введенный самим императором. Ведь Вторая империя — зто же, черт побери, мирная и свободная от преступников Франция! Но зти парни из прессы, и прежде всего социалисты, всегда отыщут в закоиах лазейку. Они печатают какую-либо нсторню и иазывают ее

рассказом, якобы выдуманным писателем, а потом редактор рассыпается в извииениях за то, что события в зтом рассказе, чисто случайио конечио, оказалнсь как две каплн воды схожнми с подробностями самого свеженького налета. А поскольку зтн трюки нзвестны любому, то продолжается все это обычно недолго, до первого запроса сверху. И в дураках всегда оказывается комнссар. Нет уж, надо, вндно, поскорее вызывать карету...

В сопровожденнн двух помощннков комнссар выехал иа место происшествия.

Жандармы и добровольцы из местных жнтелей обшарили уже все рапсовое поле, полотно железной дороги н лес. Вещи служаики нсчезлн без следа. Должно быть, преступник успел после иападеиия собрать их. Но нз этого следует заключить, что его убежнще находнтся где-то неподалеку от места преступлення.

Теперь-то полнция перешла наконец иа рысь, и сбить ее с аллюра было уже ие так-то легко.

Четыре обстоятельства бросалнсь в глаза комнссару. Первое — жертвамн всегда были только служаики. Второе — все, предшествующее преступлению, начиная с установления контакта с намечеиной жертвой до нападення, а может и до убийства (комнссар передернул плечами, вспомнив доиесеиия о пропавших без вестн девушках, тоже служанках), в точностн повторялось от раза к разу. Третье — нз показаний пострадавших, по крайней мере тех, кто заявлял в полицию, легко заключнть, что действовал всегда один н тот же преступннк, нбо в описаниях всегда фнгурировалн шрам, опухоль на верхней губе, сутулая фнгура и крестьянская одежда. И четвертое — все девушки клюнули на приманку в Лионе, а завезеиы были затем в окрестиости Монтлюзля.

Жандармов с описанием примет преступннка снова послалн по окрестиым деревням. И на сей раз нм повезло: через несколько дней онн установилн, что в окрестностях общины Даньо, совсем неподалеку от места, где было совершеио иападенне на Марн Пншои, прожнвает супружеская пара Дюмойяров. Мартин Дюмойяр, муж, подходит под это описание. Более того, люди нз Даньо, которых полиция с 1855 года, по-видимому, обходила стороиой, сообщили, что с домом Дюмойяров что-то не совсем чисто.

Муж частенько не бывает дома по ночам. Жеиа постояиио щеголяет в новых нарядах, а кофты н юбки ей то слишком велнки, то малы. И вообще ннкто из жнтелей не знает толком, на что жнвет эта парочка.

Не теряя времеин, комиссар вызвал супругов на допрос. С первых же вопросов об их алнбн в ночь иа 26 мая муж н жена запуталнсь в протнворечиях.

Тем временем жандармы обыскали дом и участок вокруг него и обнаружили множество предметов одежды и различные вещицы, о пронсхожденнн которых Дюмойяры вразумнтельного ответа дать на смогли.

Наконец, вечером того же дня Мартину Дюмойяру устроилн очную ставку с Марн Пишон.

«Да, это он», — твердо заявила служаика.

Дюмойяра взялн под стражу.

Вот теперь-то н началась для комиссара иастоящая работа. Прежде всего потребовалось отыскать прежние донесения н снова их тщательно проверить. Затем следовало выясннть владелиц коифисковаиных у Дюмойяров вещей — целой коллекции из 1056 предметов, главиым образом платьев, юбок, блузок, чепцов, подвязок. В числе прочего там было 67 пар чулок всех размеров, 38 шляп, 10 различиых корсетов и 71 иосовой платок.

Часть верхней одежды н белья была перепачкана кровью. Повиднмому, «фирма» Дюмойяра процветала. Среди конфискованного иашлнсь и вещи Мари Пишон.

Подозреиие смеиилось увереиностью: лионскнм убийцей служанок был Мартин Дюмойяр. Комиссар, жаидармерия и следственный суд занялись теперь его полным изобличеиием.

Дюмойяра сфотографировали, и с этнми фотокарточками жандармы буквальио прочесали весь департамент Роны, нмея целью отыскать среди служаиок возможиые, неучтенные еще жертвы преступиика.

Действуя таким способом, оии иабрели в Монмеие на хозяйку гостиницы Мари Лаборд, которая опозиала Дюмойяра и показала следующее.

Однажды вечером в начале января 1860 года Дюмойяр появился в ее гостинице в сопровождеиин рыжеволосой женщины, которую выдавал за свою племянницу. Когда он потребовал у хозяйки номер на двоих, «племяниица» вдруг вскочила с кресла и рииулась прочь нз гостиницы. Дюмойяр помчался за ней. Обратио они уже в тот вечер ие вернулись. Несколько дией спустя Дюмойяр снова зашел на мииутку в гостииицу н рассказал, что он в тот вечер якобы уехал вместе с племяииицей н поэтому намечеиная им иочевка не состоялась.

У хозяйки, как оказалось, была очень хорошая память, и она подробио описала внешность «племяниицы» и ее одежду. Из «коллекции» Дюмойяра она сразу выбрала платье и корзнику девушки. «Племянницу» отыскать так и не удалось. Вероятио, Дюмойяр убил ее и где-то зарыл. Об этом свидетельствовали некоторые намеки, сделаниые мадам Дюмойяр своей соседке по камере. Так, она сказала: «Я зиаю, оии хотят найти рыжую. Да только долго им придется искать».

Мадам Дюмойяр, замкнутой, брюзгливой и очерствевшей душою за свое двадцатилетнее замужество с Мартниом Дюмойяром женщнне, полиция обязана раскрытием и другого убийства. Сладкой жизни в браке она ие испытала. Муж ей достался ленивый, грубый и распущеиный. Покой от супруга она имела только во время его зачастую миогодневных, разбойничьих походов по округе. Однако оиа зависела от мужа, а в совместиой жизии с иим и сама стала холодной н бесчувствеиной, как кусок железа. Ее больше ие ужасала окровавлеииая и хранившая еще тепло человеческого тела одежда, которую муж снимал с убитых им жеищин.

А рассказы его о совершенных разбоях она даже полюбила.

Душой эта женщнна была еще более примнтивна, чем ее супруг, и ведущему допрос чниовиику легко удалось добиться от иее нужных показаний.

В ходе розыска жаидармам стало известно о контролере станции Монтлюэль, который сообщил им, что в ноябре илн декабре 1858 года Дюмойяр сошел иа станции вместе с молодой девушкой. Дюмойяр получил тогда по багажной квнтаиции чемодан этой девушки, но затем сиова сдал его в стаиционную камеру храиення, откуда его больше ие брал. Эта девушка, чье нмя осталось иеизвестиым, тоже с тех пор исчезла бесследно.

Следственный судья допроснл мадам Дюмойяр и задал ей иесколько умело поставленных вопросов. Судя по инм, оиа решила, что супруг ее уже призиался, и начала давать показання. Ловушка сработала.

Да, это действнтельно было в ноябре илн декабре 1858 года. Ночью в дверь постучался Мартнн Дюмойяр, который опять совершил очередиой «тур».

— Отворяй, мать!

Оиа открыла. Он бросил на стол охапку платьев, положил рядом серебряиые часы и сказал:

— Только что в лесу возле Монмэиа я убил девушку. Теперь ее иужно поскорее закопать. Постирай вещи.

На следующее утро Дюмойяр собрался иа вокзал, чтобы забрать оставлениый там чемодан. Однако жеиа засомневалась.

— Лучше ие ходн туда, а то еще попадешься.

И Дюмойяр остался дома.

Следствеииый судья распорядился тщательио обыскать лесок близ Монмэиа, н точио на том месте, которое Мартин Дюмойяр назвал своей жене н которое она указала затем иа допросе, в едва прнсыпанной сверху яме иашлн превратившийся уже в скелет труп девушки с разбнтым черепом н без всякой одежды. Судя по скелету, неизвестной убнтой было лет двадцать пять. Мартни Дюмойяр, которому предъявилн останки убнтой девушки, ие выказал ни малейшего волнення и свою внну в убийстве энергично оспаривал, как и в случае с Мари Бадей.

Да, коиечно, он знал об этом и даже сам захоронил тело. Но убнвать? Нет, это сделал другой! И Дюмойяр прннялся рассказывать растерявшемуся чииовинку иевероятную разбойничью историю.

Согласио ей он был всего-навсего наводчиком двоих бородатых развратинков, которые насиловалн молодых девушек, а потом зверскн убнвали. Дюмойяр должен был только закапывать трупы н в уплату за это получал вещи убнтых. А удовольствие, как сказал ои, всегда доставалось другим.

Ну, а девушки, которым удалось от иего убежать, Мари Пишон например? Следственный судья ие давал ему покоя.

Да, конечно, ои позволил им удрать из милосердия. Этой версин Дюмойяр придержнвался и позже, на судебном заседаннн. В ней не

было и признака правдоподобия, она не подкреплялась никакими доказательствами. Однако Дюмойяр упрямо стоял на своем.

Когда Мари Пишон на суде показала против него, он укоризненно покачал головой (этакая черная неблагодарность!) и порицающим тоном сказал: «Вам бы радоваться, барышня Пишон, что я вас отпустил. А то бы вы уж точно угодили в лапы этих бородатых!»

Расследование длилось восемь месяцев, и что ни день на свет всплывали новые доказательства против Дюмойяра.

Например, служанку Розали Никола «барский садовник» Дюмойяр опутал в 1859 году. В лесу он напал на нее, обыскал и ограбил. То же самое произошло и с необычайно красивой женщиной Жюли Фаржо, которую он вдобавок попытался изнасиловать. В апреле 1860 года в лесу близ Невилля от него удалось убежать Луизе Мари Мишель.

Семьдесят потерпевших удалось разыскать, и это, безусловно, была лишь часть его жертв. Несколько девушек, которых видели с Дюмойяром, пропали бесследно. Других, которые вырвались от него и рассказали о случившемся деревенским жителям, не сумели найти.

Из 1056 предметов одежды и других вещей, которые Дюмойяры прятали в своей берлоге, владельцами были опознаны лишь 500. А ведь множество вещественных доказательств Дюмойяры уже успели продать или сжечь.

Наконец, полиция, зацепившись за крохотный кончик, размотала целый клубок и обнаружила еще не один труп.

В дамской сумочке, хранившейся в доме Дюмойяров, находилась справка лионской больницы на имя некой Евлалии Буссо. В надежде разыскать еще одну пострадавшую, а стало быть и свидетельницу против изолгавшегося Дюмойяра, обратились с запросом в больницу.

Выяснилось, что в больнице Евлалия Буссо избавлялась от беременности. Где она пребывает в настоящее время, руководству учреждения неизвестно. Однако у Евлалии Буссо была сестра, которая жила в услужении где-то в Лионе, и уже через несколько дней розыскному аппарату полиции удалось ее найти. Об аресте Дюмойяра ей еще не было известно, но в нем она по фотоснимку узнала человека, с которым ее сестра Евлалия уехала из Лиона 25 февраля 1861 года.

Евлалия Буссо познакомилась с Дюмойяром еще 13 февраля и тогда же согласилась на его предложение поступить на работу в имение близ Лиона. Евлалия даже привела тогда этого мужчину с собой к сестре, и та угостила его вином и хлебом. После переговоров было решено, что через восемь дней Дюмойяр вернется и заберет Евлалию с собой.

Он задержался и явился лишь 25 февраля, снова болтал с сестрой и, пока Евлалия собирала свой сундучок, пил вино и обещал позаботиться о том, чтобы сестра смогла в ближайшее время навестить Евлалию.

Среди добычи Дюмойяра сестра теперь опознала сундучок Евлалии, несколько платьев и тюлевый чепец.

— Что ты сделал с моей сестрой? — гневно спросила она его.

Дюмойяр молчал, зато удалось заставить говорить его жену.

— Было ли это 26 февраля, я сказать не могу, но то, что это случилось в конце февраля, — уж точно. Муж пришел домой с окровавленным платьем. «Это с девушки, которую я только что убил», — сказал он. Потом муж ушел, чтобы ее закопать.

Однако, где он похоронил Евлалию Буссо, она не знала или не хотела говорить.

Дюмойяра снова стали допрашивать.

— Покажите мне труп и тогда я посмотрю, знаю я ее или нет! — невозмутимо отвергал он все попытки следственного судьи добиться правды.

И снова выслали розыскные команды, которые еще раз прочесали весь лес в окрестностях дома Дюмойяров. Это были утомительнейшие поиски без какой-либо предварительной зацепки. К торжеству полицейских труд их был не напрасным. Труп, едва прикрытый сверху рыхлой землей, лежал в мелкой яме.

По мнению врачей, Евлалию Буссо пытались удушить, и она была зарыта в бессознательном состоянии, но еще живая.

Впоследствии, когда судья поставил Дюмойяру это обстоятельство в особую вину, тот воскликнул: «Вот это уж, действительно, ужасно!».

Казалось бы, на этом можно было его дело и закончить, однако преступник продолжал упорствовать и, как прежде, уверял, что к самому убийству никакого отношения не имеет и что должны же, наконец, господа из полиции и суда задержать его бородатых заказчиков.

29 января 1862 года перед судом присяжных в Бурже начался многодневный процесс супружеской пары Дюмойяров.

В Мартине Дюмойяре, убившем, как было доказано, троих, а предположительно по меньшей мере шестерых, и ограбившем несколько десятков женщин, сразу бросалось в глаза его духовное убожество и очевидная примитивность мышления.

Мартин Дюмойяр был приговорен к смерти, а его жена за укрывательство и пособничество — к двадцати годам каторжных работ. В марте 1862 года в Бурже при большом стечении зевак смертный приговор был приведен в исполнение.

СЮРТЭ СПАСАЕТСЯ БЕГСТВОМ

Утром 18 марта 1871 года в здании парижской Сюртэ царило необычное оживление. В коридорах — полно людей, сторожевые посты были усилены, а в кабинетах лихорадочно сортировали дела,

жгли и связывали в кипы бумаги. Время от времени стрекотал телеграф. Не солидное учреждение, а какой-то гигантский встревоженный муравейник. Впрочем, все основания для тревоги были налицо.

На прошлую ночь войсками Тьера был намечен захват пушек национальной гвардии на высотах Монмартра. И вот этот план позорно провалился. Вместо того, чтобы разоружать национальных гвардейцев, солдаты стали с ними брататься. Генерал Леконт отдал команду стрелять в приближающихся рабочих, но солдаты ему не подчинились. Правительство потеряло авторитет в массах, а разоружаться парижские рабочие и не думали. Тьер приказал вывести остатки регулярной армии из столицы и перевести войска в Версаль. Сам он вместе со своими чиновниками тоже перебрался туда. За ним последовала и Сюртэ.

Центральный комитет национальной гвардии, взявший в свои руки политическую власть в столице, Сюртэ не признавала. Шефа полиции Шоппена одолевали черные мысли и страх за свою карьеру. Под красными знаменами, которые до сей поры были объектом № 1 для полицейских ищеек, шефу шпиков места не было.

Правда, Шоппен не собирался уступать свое место, не приняв заранее соответствующих мер предосторожности. Ведь, в конце концов, бегство правительства в Версаль вовсе не означало еще окончательного отказа от политической власти. Тьер и его присные вернутся, и тогда полиция должна быть в курсе того, что творилось в Париже во время ее отсутствия. Решили, что штаб-квартира Сюртэ перебазируется в Версаль, а часть ее аппарата уйдет в подполье.

Вечером 18 марта, когда на ратуше и здании военного министерства взвились красные флаги, а Центральный комитет национальной гвардии начал подготовку к выборам в Совет Парижской Коммуны, шеф полиции и большинство его сотрудников были уже в Версале. Некоторое же число наиболее опытных агентов Сюртэ и шпионы правительства Тьера согласно директиве остались в Париже.

В первые же дни после 18 марта революционерам стало ясно, что на старый, враждебный народу чиновничий аппарат полагаться нельзя. Если господа бюрократы и не решались пуститься вслед за Тьером в Версаль, то революционную власть они саботировали где и как могли.

28 марта Коммуна провозгласила ликвидацию старых учреждений и замену их десятью комиссиями. Днем позже эти комиссии были уже созданы, и среди них — комиссия по делам юстиции под председательством Прото и комиссия по делам безопасности под руководством Рауля Риго, который исполнял одновременно обязанности прокурора Коммуны. Полицию лишили всех политических функций и полномочий. Впредь ей надлежало быть не более чем готовым в любое время к действию инструментом, единственной задачей которого являлось поддержание общественного порядка и безопасности.

Таким образом, Парижская Коммуна решительно покончила с полицейской слежкой за инакомыслящими, с бесчинствами шпиков и тайными кабинетами времен Фуше. Не сбежавшая в Версаль Сюртэ, а сами рабочие охраняли отныне покой и порядок в городе. Народная милиция очень скоро стала действовать значительно эффективнее, чем старая полиция.

В Париже в дни Коммуны происходило нечто удивительное: впервые за всю историю город был почти свободен от преступников! В самом деле, после 18 марта за все недели существования Коммуны не произошло ни одного убийства, ни одного ограбления, ни одного изнасилования, почти не было краж и других преступлений. И это несмотря на господствующие, как и прежде, нужду и голод, когда в лавках торговали кошачьим и собачьим мясом, а запланированные Коммуной социальные мероприятия не смогли быть выполненными из-за недостатка времени. В Париже пролетарской Коммуны для преступлений места не было! Для уголовников наступили скверные времена.

То,чего Ларейни сумел добиться (и то ненадолго) только путем всеобщих облав и драконовских наказаний, два столетия спустя свершилось будто само собой под знаменами Коммуны: преступники и проститутки, дно и полусвет Парижа почувствовали себя неуютно. Они покидали город, в котором пролетариат завел свое право, свои порядки и свою милицию, и толпами тянулись туда, где их существование было в безопасности, — в Версаль к Тьеру и его Сюртэ.

Так и оказались они все в Версале в трогательном единении: банкиры и воры, дельцы и разбойники, правые политики и мошенники, полицейские и куртизанки. Никогда прежде, разве что исключая дни последнего Людовика, не видело это местечко столько сброда, как за время с марта по май 1871 года.

Лишь 28 мая, когда на рю Рампено пала последняя баррикада и началась кровавая расправа с коммунарами, капитал и контрреволюция, полиция и преступники вновь объявились в Париже.

Первыми мероприятиями Сюртэ по возвращении стали аресты и пытки указанных шпиками коммунаров. Во главе парижской полиции стал военный, генерал Луи Валентин, который, правда, был не силен в криминалистике, зато досконально разбирался в методике террора.

Глава 3

СЮРТЭ И НАУКА

ПРОПАВШИЙ СУДЕБНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ

27 июля 1889 года день выдался необычайно теплый, а для полиции — просто жаркий, ибо парижская Всемирная выставка притягивала к себе как магнит не только коммерсантов и туристов, но и всякий сброд.

Старый служака Бриссо, комиссар участка в округе Бон-Невиль, собирался уйти на пенсию и не испытал поэтому никакого восторга, когда в комнату вошел человек, назвавшийся Ландри, и сделал заявление:

— Мой свояк, судебный следователь Гуффе, со вчерашнего дня пропал.

— Со вчерашнего дня? О господи, — комиссар покачал головой. — Он просто решил немного развлечься, этот месье Гуффе. Почему бы и нет?

Ландри кивнул. Ему и самому хотелось верить в это, тем более, что его свояк в этих самых делах...

— О ля-ля! — Посетитель Бриссо заговорщически подмигнул, будто поясняя, что именно следует понимать под возгласом «о-ля-ля».

Что ж, Гуффе был вдовцом и в качестве такового имел для развлечений совсем иные возможности. И где его только не носит! Ну да, конечно, ведь известно, как это бывает...

Комиссар Бриссо вздохнул и, поскольку посетитель сам-то, казалось, не очень верил в худое, решил поначалу, что ввязываться в дело Гуффе ему ни к чему.

Встревожились по-настоящему лишь через три дня, когда выяснилось, что Гуффе домой все еще так и не вернулся. Комиссар Бриссо доложил о происшествии руководителю парижской Сюртэ шеф-инспектору Горону. На пропавшего без вести Гуффе в Сюртэ было заведено специальное дело, к которому подключился также следственный судья Допффер.

Шеф-инспектор Горон был в те времена уже очень известным криминалистом, об успехах которого многократно сообщала пресса внутри и вне страны. Описанием его действительных и выдуманных подвигов в охоте на преступников кормилась куча журналистов, и истории, описанные ими, были очень увлекательными. Настолько увлекательными, что их читали даже будущие немецкие ученые-юристы. Во всяком случае один из них, известный потом ученый-криминалист, доктор Роберт Гейндль, признавался после встречи с шеф-инспектором: «Мы были буквально потрясены: герой бульварных романов, от чьих приключений у нас по ночам мурашки бегали по коже и которого мы чтили в свои гимназические времена наравне с Кожаным чулком, Шерлоком Холмсом и Ником Картером, вдруг

собственной персоной сидит перед нами, его можно видеть и даже пощупать».

Успехи этого маленького, толстенького человечка, мучимого астмой, с непременным пенсне на очень близоруких глазах и щегольски нафабренными усами, объяснялись в основном тремя обстоятельствами: широко разветвленной сетью осведомителей, работавших специально на отдел уголовного розыска, весьма крутыми методами ведения допросов и выработанными многолетней практикой интуицией и настойчивостью. За свою долгую и многотрудную службу в полиции Горон пробил себе дорогу от простого сержанта до шефа Сюртэ и, как никто другой, владел всем обширным репертуаром тогдашней полицейской деятельности. Как и Видок, он часто посещал места заключения и тщательно изучал повадки и склад ума преступников. Однако по сравнению с Видоком у него было существенное преимущество: к его времени в распоряжении криминальной полиции появились уже научно-технические вспомогательные средства, а в Париже — даже криминалистическая научная лаборатория, что самым определенным образом облегчало борьбу с преступностью.

Поэтому изучение преступников, которым столь прилежно занимался Горон, преследовало главным образом уже не цели запоминания преступников в лицо, дабы потом можно было их идентифицировать, а разработку эффективной методики ведения допросов.

О «кухмистерской Горона», как называли его способ обращения с подозреваемыми, шла слава по всей Франции, и многие трепетали от страха при одной мысли угодить в нее. Того, кто попадал туда, «варили» до тех пор, пока не выварнвали последние остатки всего, что он знал. А если одного психологического нажима оказывалось недостаточно, то в ход пускались более убедительные средства, — такие, как доведение до полного физического изнеможения путем непрерывных допросов, содержание в темном карцере, пытки голодом и жаждой, соблазн аппетитными блюдами, изысканными напитками и т. д.

Подходящий случай продемонстрировать все блюда своей кухни представился Горону и в деле Гуффе.

Начал он с того, что подробно осмотрел бюро пропавшего судебного исполнителя. Сейф оказался запертым. На полу возле него валялось восемнадцать обгорелых спичек. Консьержка дома, где помещалось бюро, сообщила, что вечером 26 июля, аккуратно отперев дверь ключом, в бюро Гуффе вошел какой-то мужчина и находился там некоторое время. Она приняла его сперва за Гуффе, но, когда тот выходил, увидела, что это был другой мужчина, незнакомый ей.

Шеф-инспектор Горон сообразил, что неизвестный, по-видимому, добыл каким-то образом ключ Гуффе и попытался ограбить несгораемый шкаф в его бюро. Деловая репутация судебного исполнителя была безукоризненной, так что о бегстве

слуги правосудия, равио как и о самоубийстве, ие могло быть и речи. Следовательио, с иим что-то случилось. На осиовании показаний родствеииииков Горои составил словесиый портрет — описание характериых особеииостей виешиости Гуффе. Согласио ему рост судебиого исполиителя был 175 см, волосы ои имел густые, каштаиовые, иосил заботливо ухожеииую, подстрижеиную лопаточкой бороду, одет был всегда по моде.

Вооружив этим словесиым портретом своих иистекторов, Горои выслал их на розыски иа бульвар Оссман и в кафе «Аиглез», где торговали своей благосклоииостью готовые к услугам иаиболее дорогие дочери Евы. Ввел Горои в курс дела и секретиых осведомителей, сам же занялся просмотром газет (всех, включая и самые скромные провинциальные листки) — ие появится ли где сведеиий о иайдениом трупе.

Однако о Гуффе ие было ии слуху ии духу. До 16 августа Сюртэ топталась в потемках. Накоиец, 17 августа Горои наткнулся на две газетиые заметки, которые привлекли его виимание к Миллери, малеиькой деревие иа берегу Роиы близ Лиоиа. Там был обнаружен мешок с человеческим трупом. Горои иистиктивио почувствовал, что это связано с делом Гуффе, и принялся тормошить довольио скептически отиесшегося к этой идее следствеииого судью Допффера. В коице коицов тот сдался и послал телеграфом запрос своему лиоискому коллеге Бастиду, который ответил, что лиоиская полиция незадолго до публикации заметок тщательио обследовала труп и что покойиый ии в коем случае ие месье Гуффе. Допффер этим вполие удовлетворился, а Горон — иет.

Он хотел зиать детали и потому телеграфировал иа свой страх и риск запрос в редакцию газеты, которая поместила одиу из заметок о находке. Оказалось, что жители Миллери в течеиие иескольких дней жаловались иа страшную воиь, исходящую из ежевичных зарослей иа берегу Роны. Однако лишь 13 августа деревенский саиитар, иакоиец, собрался с духом взглянуть, что же там такое. При этом ои и обнаружил труп, о котором сообщала газета. Мертвец был зашит в джутовый мешок. Саиитар сообщил обо всем этом в жандармерию.

14 августа доктор Бериар из Лиона произвел вскрытие. По его заключеиию покойиый был ростом 170 саитиметров, возраста — от тридцати пяти до сорока лет и имел чериую бороду и черные волосы. Горои узиал также, что труп поместили в мешок головой вперед и что на нем ие было одежды. По сломаниой в двух местах гортани доктор заключил, что смерть человека иаступила в результате удавлеиия петлей.

В эти же дии одии крестьяиии, собиравший на берегу Роиы улиток, иашел иесколько частей деревянного чемодаиа, от которых также шел трупиый запах. На дощечках еще сохранились два ярлыка французской государствеииой железиой дороги с иадписью «станция отправлеиия Париж 1231, Париж 27.7.188... экспресс 3 — стаиция иазиачения Лиои — Перраше 1». Последиюю цифру года разобрать не удалось. Одиако комиссар Ремоидеик из

лионской Сюртэ был того мнения, что чемодан находился под открытым небом уже больше года, а потому дату следует читать как 27.7.1888.

16 августа санитар, обнаруживший труп, отыскал на том же самом месте еще и ключ, который точь в точь подходил к замку найденного чемодана.

Горон почувствовал, что напал на след. И хотя сообщенные доктором Бернаром данные вовсе не совпадали со словесным портретом Гуффе, шеф-инспектор был убежден, что покойник из Миллери не кто иной, как разыскиваемый Гуффе. Следственный судья Допффер считал все его умозаключения лишенными здравого смысла, и все же Горону удалось уговорить его послать свояка Гуффе Ландри с инспектором Сюртэ Судэ в Лион для осмотра трупа.

Горон с нетерпением ждал положительных результатов поездки, однако его постигло горькое разочарование. Ландри оказался не на высоте, что, впрочем, любой, хоть раз посетивший лионский морг, вряд ли поставил бы ему в вину.

Человек Сюртэ оказался более решительным. Он придирчиво рассмотрел волосы покойника и установил, что они ни в коем случае не каштановые, как растительность на голове и подбородке Гуффе, а черные как смоль. Вдобавок ко всему, он еще узнал про кучера, который явился в полицию и сообщил, что якобы 6 июля 1889 года его наняли на лионском вокзале трое мужчин с большим тяжелым чемоданом и он отвез их в окрестности Миллери. Инспектору Судэ порученное задание сразу стало неинтересным. А тут еще кучер опознал в приведенном к тому времени в приличный вид чемодане тот самый, что имели его седоки. Самих же седоков, которых он вез 6 июля, кучер опознал по показанному ему альбому преступников, уверенно указав на снимки троих мужчин, сидящих с 9 июля в тюрьме за убийство с целью ограбления. Таким образом, покойник из Миллери был не Гуффе.

Судэ телеграфировал Горону о результатах своих розысков; труп закопали в Миллери на общинном кладбище. Первый раунд в деле Гуффе шеф-инспектор Горон проиграл, но отнюдь не сдался.

ИНСПЕКТОР ГОРОН БЕРЕТ РЕВАНШ

Убедившись, что гипотеза о том, что покойный из Миллери является Гуффе, завела его в тупик, Горон решил вновь обратиться к поискам в Париже.

В сентябре агенты доложили ему, что за два дня до исчезновения, то есть 25 июля 1889 года, судебного исполнителя видели в

пивной Гутенберга в компании с неким Мишелем Эйро и Габриэлой Бомпар. Впечатление было такое, будто Гуффе связывают с Эйро какие-то дела. Бомпар, столь же красивая, сколь и распущенная двадцатилетняя девица, сопровождала Эйро.

Этот Эйро в Сюртэ был известен уже давно. На его счету числились всякого рода мошенничества, и то, что на встречу с жадным на любовь судебным исполнителем он прихватил с собой девицу Бомпар, показалось Горону заранее продуманной игрой.

Шеф-инспектор с большой охотой залучил бы теперь парочку Эйро—Бомпар в свою «кухмистерскую», да вот беда — с того же самого 27 июля бесследно исчезла и она. Теперь, стало быть, приходилось искать уже не только Гуффе, но и Эйро с Габриэлой Бомпар!

В октябре пресса принялась потихоньку пощипывать своего героя, прокатываясь по его адресу то в колких заметках, то во враждебных запросах. Горон клокотал от ярости, но сделать ничего не мог: розыски зашли в тупик.

И тут вдруг Горон снова вернулся к своей прежней гипотезе о том, что покойником из Миллери был Гуффе. После этого следственный судья Допффер заявил, что у Горона не все в порядке с мозгами.

Не для чего-нибудь, а единственно с целью осадить ревнивого к успехам, самоуверенного шеф-инспектора он послал в ноябре запрос своему лионскому коллеге о результатах расследования дела об обнаружении трупа в чемодане.

Лионский следственный судья Валь, занимавшийся теперь этим делом, сообщил, что трое опознанных кучером мужчин все еще упорно отрицают свою причастность к убийству. Между тем кучера, который навел полицию на их след, самого взяли под арест, ибо он признался, что лично присутствовал при том, как чемодан с трупом забрасывали в ежевичные заросли.

Со своей стороны следственный судья Валь также просил парижского коллегу Допффера помочь ему кое в чем разобраться. Речь шла о ярлыках на чемодане, который, по мнению лионской Сюртэ, был отправлен из Парижа еще год назад, в 1888 году. Может быть, есть какая-то возможность навести в Париже справки по этому поводу? Валь прилагал к своему письму эти ярлыки. Таким образом они и попали в руки Горона.

Шеф-инспектор разыскал по ярлыкам вокзал и камеру хранения. Железнодорожному чиновнику поначалу показалось, что розыск чемодана — просто бредовая идея, возникшая у шеф-инспектора от переутомления заботами, связанными со Всемирной выставкой. Однако французский Ник Картер был настойчив, а багажные списки, в которые вносились грузы, отправленные экспрессом, хранились в отчетности, поэтому в конце концов чинуша снизошел и лениво принялся их перелистывать.

— Что, 27 июля 1888 года? Исключено, месье. В этот день номера 1231 определенно не было, — пояснил он после кратких поисков.

— Посмотрите тогда среди отправок 27 июля 1889 года, — попросил Горон.

Чиновник порылся в своем журнале:

— О господи, месье, — воскликнул он, — вот они!

Действительно, 27 июля 1889 года, а не 1888 года, как считали в Лионе, в 11 часов 45 минут на поезд № 3 был выдан чемодан весом в 105 килограммов. Груз предназначался в Лион—Перашше и был снабжен багажным ярлыком за номером 1231.

Итак, как раз в день, когда исчез судебный исполнитель! Наконец-то у Горона была твердая отправная точка для обоснования правильности своей версии. Однако следственный судья Допффер только скептически пожал плечами: «Но ведь этот врач, доктор Бернар, который производил вскрытие, совершенно определенно заключил, что убитый не мог быть Гуффе!»

Горон пренебрежительно сморщил нос. Что деревенский эскулап понимает в трупах? Нет уж, на этот раз его, шеф-инспектора Горона, со следа сбить не удастся. Следственному судье не оставалось ничего другого, как разрешить Горону самому поехать в Лион и разобраться во всем на месте.

11 ноября Горон уже был в Лионе. В тот же день он взял в оборот кучера, якобы перевозившего чемодан. Времени ему на это потребовалось совсем немного: кучер признался, что все сказанное им ранее — ложь. Но ведь он же хотел только сделать так, чтобы полиция осталась довольна и чтобы его не лишили патента на профессию.

Еще более неуютно почувствовали себя лионские власти, когда Горон потребовал немедленной эксгумации и производства новой экспертизы трупа.

Следственный судья Виаль всячески упирался, а прокурор Берар просто умолял оставить труп в покое. Но Горон ни с какими аргументами не соглашался.

12 ноября покойника из Миллери вскрыли. На этот раз вскрытие производил руководитель кафедры судебной медицины, основанной при лионском университете в 1880 году, профессор Лакассань, который приходился, между прочим, шурином прокурору Берару.

Лакассань был одним из самых опытных судебных медиков своего времени и постоянно стремился всячески обогатить арсенал этой, тогда еще очень молодой, науки. Он принялся за работу. Ассистировал ему доктор Ролле.

Доктор Ролле проводил по инициативе Лакассаня специальные исследования с целью определения возраста человека по его скелету и даже опубликовал об этом научный трактат. Теперь они с Лакассанем решили препарировать скелет и измерить каждую отдельную кость с точностью до миллиметра. И тут была обнаружена первая ошибка в заключении доктора Бернара: рост убитого был не 170, а по меньшей мере 178,5 сантиметров.

Однако Гуффе, по описаниям близких, имел рост 175 сантиметров, так что от этого Горон ничего не выигрывал. Гуффе

служил в армии, а в армии производят антропометрические измерения. Шеф-инспектор Горон решил связаться с парижской военной администрацией. Ответ оттуда подтвердил выводы Лакассаня и Ролле: в военно-учетной карточке Гуффе значилось, что его рост 178 сантиметров!

Между тем профессор Лакассань внимательнейшим образом изучил кости ног трупа и обнаружил их деформацию в двух местах. Одно место находилось на правой коленной чашечке, вероятно покойный при жизни страдал костным туберкулезом. Но тогда, как заявил профессор Лакассань, человек должен был хромать. Второе место — это повреждение на пяточной кости, которое можно было объяснить несчастным случаем. Снова полетели в Париж телеграммы Горона. И вот результат: оказалось, что еще в детские годы Гуффе упал и сильно ушиб ногу. В результате этого в области пяточной кости у него возникло воспаление. Кроме того, он неоднократно лечился по поводу скопления жидкости в коленном суставе. Родственники Гуффе, его лечащий врач и сапожник подтвердили также, что судебный исполнитель слегка хромал, хотя и старался всячески скрыть этот дефект.

Итак, на руках у Горона оказался теперь козырь № 2.

А профессор Лакассань продолжал свою экспертизу, и скоро этих козырей стало уже четыре.

Доктор Бернар оценил возраст покойного от 35 до 45 лет. Лакассань исследовал у трупа зубы и пришел к заключению, что мужчина старше, ему было около 50 лет. Гуффе же имел возраст как раз 49! Это был уже козырь № 3.

И, наконец, Лакассань занялся волосами трупа. Горон немедленно затребовал из Парижа щетку, которой Гуфе причесывался. Профессор Лакассань хорошенько промыл со щелоком прядь волос, срезанную с головы трупа. И что же: она стала каштановой! Тогда он измерил диаметр волос, сравнил его с волосами, сохранившимися на щетке Гуффе, и установил, что здесь тоже имеется полное соответствие! Это было козырем № 4.

После девятидневной работы, 21 ноября 1889 года, экспертиза была, наконец, закончена. Профессор Лакассань склонился в вежливом поклоне перед трупом и сказал: «Господа, я передаю вам месье Гуффе!».

Вывод доктора Бернара о том, что Гуффе был удушен с помощью петли, профессор Лакассань также не подтвердил. По его мнению, Гуффе задушили голыми руками. И в этом он тоже оказался прав.

Шеф-инспектор Горон с триумфом возвратился в Париж. Французская пресса снова вознесла его на пьедестал почета. К национальным героям был причислен и профессор Лакассань. Газета «Пти журналь» писала тогда: «Идентификация покойника из Миллери — километровый столб истории!»

Итак, Горон знал теперь, что сделали с Гуффе, но кто его убийца — пока нет. Решающее звено в цепи между убийцей и жер-

твой — мотив преступления. В деле Гуффе этот мотив отчетливо не просматривался. Судя по всему, судебный исполнитель стал жертвой убийства с целью ограбления. Убийцей мог быть Эйро, вместе с которым Гуффе видели в день его исчезновения, но почти с такой же вероятностью им мог быть и кто-либо другой. Даже если Горон, движимый своей интуицией, подозревал в убийстве именно Эйро и его возлюбленную, то доказать это было бы крайне тяжело. Поэтому главной отправной точкой для дальнейших розысков теперь стал чемодан, в котором перевозили труп.

Шеф-инспектор приказал изготовить точную копию этого чемодана и выставить ее в парижском морге. Рядом с экспонатом висела табличка, содержащая вопрос о происхождении чемодана. Кроме того, изображение чемодана появилось в прессе. В этот день, 26 ноября, к Горону явился мастер по чемоданам и объяснил, что оригинал наверняка английского изготовления. Во Франции, как уверял мастер, такие футляры для багажа, определенно, не изготовляют.

Несколько дней спустя шеф-инспектор получил письмо из Лондона, в котором проживающий там француз сообщал, что некоему Мишелю, тоже французу, снимавшему одно время у него комнату, где тот жил вместе с дочерью, в июне фирмой «Цванцигер» в Лондоне был изготовлен в точности такой чемодан, как выставленный в Париже.

Горон послал в Лондон чиновника с соответствующими фотоснимками. И след оказался настолько горячим, что шеф Сюртэ сам помчался в Лондон с обломками оригинала. Там он выяснил, что этот Мишель, который заказывал чемодан в фирме «Цванцигер», был в действительности не кем иным, как Эйро, приезжавшим из Парижа. Его же спутница была вовсе не дочерью Эйро, а любовницей по имени Габриэла Бомпар.

Вернувшись в Париж, Горон снова двинул в поход все свое полицейское войско. Добытая таким образом информация помогла уточнить многие детали, однако никаких намеков на нынешнее местопребывание Эйро и Габриэлы Бомпар получить не удалось. Должно быть, они все еще находились где-то за границей. Во французских и зарубежных газетах были опубликованы обстоятельные объявления о розыске. И тут у Эйро не выдержали нервы. В январе 1890 года он написал на имя шеф-инспектора Горона письмо на двадцати страницах. Письмо было с нью-йоркским штемпелем и содержало жалобу на розыскные мероприятия Сюртэ. Одновременно Эйро обвинял свою экс-возлюбленную Бомпар в том, что это она вместе со своими многочисленными любовниками убила Гуффе. Позднее он написал еще два письма такого же рода.

Однако Габриэла Бомпар тоже не осталась в долгу и, со своей стороны, предприняла сомнительную попытку уклониться от падающего ножа гильотины. 22 января она рискнула появиться прямо в пасти льва и потребовала проводить ее к Горону. Правда, не одну, а в сопровождении некоего состоятельного американца, которого подцепила где-то мимоходом. Этот преступный тип, как

выразилась она об Эйро, прошлым летом гнусно обманул ее и воспользовался ее доверием. Мало того, что Эйро принудил Бомпар сожительствовать с другими мужчинами, он еще, без ее ведома, использовал бедняжку в качестве приманки, чтобы заманить Гуффе в западню, устроенную к тому же в ее собственной квартире на рю Тронсон-Дюкундри. Если бы только она могла тогда представить, что этот Эйро просто-напросто свернет судебному исполнителю шею!

Шеф-инспектор Горон удовлетворенно кивнул и тут же арестовал ее. Час спустя она уже потела в его «кухмистерской». В данном случае это означало голод, непрерывные допросы днем и ночью, «подсадную утку» в качестве общества в камере и изматывающие нервы поездки на место преступления, где ей то устраивали очную ставку с хозяйкой квартиры, то показывали чемодан, в котором нашел последний приют убитый Гуффе.

И Габриэла Бомпар стала понемногу сдаваться. На каждом допросе она постепенно отступала от своих прежних показаний и в конце концов обрисовала истинную картину убийства: 26 июля по указанию Эйро она пригласила к себе на квартиру Гуффе, где Эйро его задушил.

Затем сообщники завернули труп в клеенку, упрятали его в мешок, перевязали веревкой и засунули в чемодан, железные скобы которого за день до убийства по заказу предусмотрительной Бомпар были сделаны более крепкими приглашенным для этой цели слесарем.

На следующий день чемодан с трупом отправили в Лион, откуда его переправили в Миллери и выбросили на берегу Роны.

19 мая 1890 года Эйро был арестован в Гаване кубинской полицией и в сопровождении двух инспекторов Сюртэ доставлен в Париж.

Семь месяцев спустя, 16 декабря 1890 года, перед судом присяжных департамента Сены начался процесс об убийстве Гуффе. Эйро приговорили к смерти, Бомпар — к двадцати годам каторжных работ.

2 февраля 1891 года Эйро был казнен.

Жирные пенки сняла с этого процесса падкая на сенсации пресса. Поживился на нем и кое-кто из жадных до прибыли французских предпринимателей. Еще во время процесса в Париже можно было приобрести особого рода сувенир: чемоданчик, в котором лежал маленький свинцовый труп. На чемоданчике имелась надпись: «Дело Гуффе».

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ

Ко времени когда шеф-инспектор Горон расследовал дело об убийстве Гуффе, Сюртэ исполнилось семьдесят семь лет. Она успела оправиться после поражения, нанесенного Парижской Коммуной, и одну за другой провела целый ряд реформ, направленных на повышение эффективности ее деятельности. Воинственного префекта парижской полиции Валентина спустя недолгое время сменил Леон Рено, который отличался значительно большей активностью, чем его предшественник, и влил новую живую струю в работу состоящей в услужении у буржуазии полиции. Под его покровительством (с ноября 1871 года до февраля 1876 года) наряду с традиционными методами сыска французская полиция начала использовать для борьбы с преступниками новейшую технику, прежде всего — фотографию. Главной проблемой для тогдашней криминальной полиции все еще оставалась идентификация правонарушителей. С двадцатых годов Видок для подкрепления памяти своих сотрудников завел на всех, ставших известными полиции, преступников картотеку. В результате этого скромного начинания в Сюртэ выросла необъятная коллекция. Впрочем, пользоваться ею все равно было невозможно: точных критериев, по которым однажды зарегистрированного преступника можно было бы классифицировать и идентифицировать, тогда еще не знали.

В январе 1874 года Рено завел в парижской полиции фотоателье, и если в прежние годы преступников фотографировали лишь от случая к случаю, то теперь можно было получать портреты каждого арестованного.

Это нововведение позволило улучшить картотеку преступников. Точнее говоря, она стала нагляднее; что же касается ее практической ценности, то она по-прежнему была невелика: идентификация рецидивистов и теперь была возможна лишь в случае, если они при задержании носили прежнее имя, под которым уже числились в картотеке. Но ведь преступнику сменить имя легче, чем рубашку!

Наказания за впервые совершенные преступления были зачастую очень строгими, а за рецидивы — просто жестокими. Какой рецидивист выберет гильотину или ссылку, если имеет шансы путем немудреной лжи отделаться значительно дешевле? Поэтому нередко случалось, что один и тот же вор многократно числился в картотеке под различными именами, а полиция об этом не догадывалась.

В феврале 1879 года, когда Гюстав Макэ, начавший свою карьеру простым полицейским, стал шефом отдела уголовного розыска, фотоателье в Сюртэ было всего лишь дорогостоящим

хобби. В течение нескольких лет скопилось 80 000 фотографий уголовников и лиц, подозрительных в политическом отношении. Главный инспектор Макэ заставлял фотографироваться каждого, кто попадал в его руки.

Процедура съемки, на нынешний взгляд, была весьма странной и комичной. Фотоматериалы обладали тогда очень слабой чувствительностью, и фотографировать можно было только при ярком солнечном свете. Стоило показаться солнцу, как арестантов немедленно гнали на крышу здания Сюртэ, накрепко привязывали к стулу, размещенному возле большого зеркала, и лишь тогда фотографировали. Объекты же съемки по вполне понятным причинам всячески старались выйти на пластинке неузнаваемыми, для чего при экспонировании дергались или корчили гримасы. Поэтому фотографирование нередко длилось целыми часами. Но и после всех этих трудов ценность полученных снимков оставалась весьма сомнительной.

Древнейшая проблема криминалистики — идентификация личности — этим никак еще не разрешалась, а просто ставилась по-новому.

Решить эту задачу удалось маленькому скромному писарю из парижской префектуры по имени Альфонс Бертильон, который является, по сути дела, крестным отцом научной криминалистики.

Альфонс Бертильон родился 22 апреля 1853 года в Париже в семье врача. Когда он придумал свою систему, названную впоследствии по его имени «бертильонажем», или антропометрической системой, ему было 27 лет и он влачил жалкое существование. Из школы его выставили как завзятого лодыря; к карьере врача он оказался непригодным. К этому еще следует добавить, что он страдал рядом хронических болезней. После многократных безрезультатных попыток наладить как-то свое «добропорядочное» существование отвергнутый окружением молодой Бертильон в марте 1879 года по протекции своего почтенного отца определился наконец писарем в парижскую полицейскую префектуру. Здесь он получил скучнейшее задание — переписывать на карточки полученные от инспекторов Сюртэ описания преступников. Занятие тупое, тем более, что цена всем этим карточкам, как уже упоминалось, была весьма сомнительная. Сами инспектора Сюртэ, которые отлично знали, сколь мало практической пользы от этих карточек, расценивали составление требуемых от них персональных описаний не более как обременительную обязанность. Путем стократных упражнений в этом «высоком искусстве» они выработали своеобразный трафарет, некое стандартное описание, под которое подошел бы каждый второй француз.

Бертильон происходил из семьи, живо интересующейся естественными науками. Его дед основательно занимался антропологией, а отец был последователем Кетле (1796—1874 гг.), который исследовал соотношения между телесным и духовным развитием людей и пришел к интересному заключению, что нет на свете двух людей с одинаковыми размерами отдельных частей тела.

Занимаясь своей безотрадной писаниной, по которой получалось, что все люди удивительно схожи меж собой, Бертильон вспомнил об учении Кетле и ему пришла в голову мысль, нельзя ли разрешить проблему идентификации с помощью антропологии. И вот, на потеху своих коллег, он принялся обмерять доставленных в префектуру преступников. Результаты измерений он вносил в картотеку и производил с ними какие-то расчеты.

Идея идентификации личности путем измерений частей тела была не нова. До Бертильона над ней уже задумывался другой француз, директор тюрьмы Лувэн Стивенс, а работами Кетле органы юстиции заинтересовались еще в 1860 году, и прежде всего — его выводами об индивидуальности и неповторимости скелетов взрослых людей.

Кетле предлагал также вносить в регистрационные карточки результаты обмеров тела всех взрослых заключенных, причем сам брался производить измерения. Однако его предложение подверглось осмеянию, как забавный курьез, и было отвергнуто.

Поначалу не было удачи и у Бертильона. В августе 1879 года он направил тогдашнему префекту полиции Луи Андрьё доклад, в котором, опираясь на работы Кетле и свои собственные измерения, пространно и обстоятельно объяснял, что с помощью антропометрических обмеров можно было бы надежно производить идентификацию, практически исключив всякую ошибку.

Для лучшего пояснения своих тезисов Бертильон прилагал столь большое количество расчетов, что у и без того скептически настроенного префекта зарябило в глазах и он предпочел спрятать доклад в папку.

Но Бертильон не сдавался. 1 октября 1879 года он послал второй доклад, из которого следовало, что вероятность перепутать двух людей между собой резко падала с ростом числа сравнительных обмеров тела. Путем расчетов он пришел к выводу, что вероятность такой ошибки при производстве измерений одиннадцати различных частей тела составит всего 1 : 4 191 304. Поэтому Бертильон посчитал достаточным производить одиннадцать измерений и предложил делать для этого следующие обмеры: рост человека, размах рук, рост сидя, длина головы, ширина головы, длина правого уха, ширина правого уха (позднее она была заменена на ширину скуловой кости), длина левой стопы, длина левого среднего пальца, длина левого мизинца, длина левого предплечья.

Когда префект прочел этот второй доклад, его охватила ярость. Нет, каково упорство этого простого писаря! Да он от одного-единственного шпика получит в тысячу раз больше информации, чем от всей антропологии! Префект приказал вызвать Бертильона к себе и разделал его под орех.

«Так значит, вы — писец двадцатого разряда и у нас служите восемь месяцев? И вы уже имеете какие-то идеи?»

Обрушив на голову заикающегося Бертильона еще кучу любезностей подобного рода, он распростился с ним, пообещав немедленно уволить, если у того еще раз возникнут идеи. Затем тут

же, пока гнев не остыл, Андрьё написал резкое письмо отцу Бертильона, в котором объяснил, что в случае повторения подобных фантастических предложений при всем его глубоком уважении к рекомендации почтенного отца Альфонса ждет неминуемая расправа.

Папаша Бертильон, сначала рассерженный не меньше, чем префект, прочитав злосчастный доклад, сразу успокоился. В отличие от тупого префекта он сразу же оценил богатые возможности, содержащиеся в предложении сына. Он сам загорелся этой идеей и заинтересовал ею своих коллег, которые один за другим посещали упрямого префекта и пытались его переубедить, к сожалению — тщетно.

Скромная светлая полоска забрезжила на горизонте Бертильона лишь два года спустя, когда Андрьё вынужден был уступить свое кресло Жану Камекассу из первого бюро префектуры. Правда, и здесь не обошлось без поддержки друзей Бертильона-отца.

В середине ноября 1882 года, не то чтобы очень уж уверовав в истинность умозаключений своего служащего, а скорее из нежелания портить отношения с влиятельными людьми из круга знакомых доктора Бертильона, Камекасс предоставил Альфонсу три месяца для испытания его метода. Условие было таково: если Бертильону в течение этого времени исключительно с помощью своей системы удастся идентифицировать хотя бы одного рецидивиста, то Камекасс обещает оказать этому новшеству свою поддержку.

Бертильону отвели помещение, дали в помощь двух младших писарей и открыли ему зеленую улицу сроком на целый квартал.

Шеф криминальной полиции Масе донимал «горе-теоретика» своими издевками, служащие Сюртэ в лучшем случае сочувственно ухмылялись, а он, как одержимый, заставлял обоих своих нерадивых помощников снова и снова проводить измерения арестантов. Вечер за вечером вместе с одним из своих приятелей Бертильон аккуратно вносил эти данные в разработанные им карточки. Таким образом к началу января ему удалось накопить 500, две недели спустя — 1000, а к середине февраля 1800 новых карточек на преступников.

Эти карточки содержали в себе следующие данные о каждом арестанте: имя, 11 обмеров по способу Бертильона, краткое описание некоторых особых примет, причина ареста и дата регистрации. Карточки классифицировали на группы и подгруппы, но не по содержащимся в них именам, а в зависимости от размеров частей тела и расставляли так, что в каждой группе находилось не очень много карточек.

Попадись теперь новый арестант, его немедленно можно было обмерить, классифицировать полученные данные по схеме Бертильона и относительно быстро сравнить их с данными карточек соответствующей группы. При этом, назовет ли он свое настоящее или вымышленное имя, никакого значения не имело.

Отведенный Камекассом срок истекал в конце февраля, а

20 февраля вечером неожиданно доставили арестанта. Помощники Бертильона уже ушли, и он сам делал измерения и заполнял карту.

— Ваше имя? — резко спросил он.

— Дюпон, месье, — ответил мужчина, не моргнув глазом.

— Еще бы не Дюпон! — усмехнувшись пробормотал Бертильон: только 20 февраля в Сюртэ доставили уже пятерых «Дюпонов».

Бертильон измерял: «Длина головы — 175 миллиметров», — бормотал он себе под нос и мерил дальше.

Этот мужчина почему-то казался ему знакомым, однако вспомнить почему, он никак не мог. Проделав, наконец, все одиннадцать измерений, Бертильон прошел в соседнюю комнату, чтобы сверить их с картотекой. Он принялся просматривать карточки соответствующей группы и вдруг остановился. Его рука дрожала от волнения: он вытащил карточку точно с такими же результатами измерений. Снова и снова его взгляд скользил по обеим карточкам. Никаких сомнений, этого «Дюпона» однажды, а точнее 15 декабря 1882 года, уже арестовывали за мелкую кражу. Бертильон обмерял его тогда и зарегистрировал в своей картотеке. Только в тот раз мужчина назвался не Дюпоном, а Мартином.

Полицейскому писцу Бертильону по своему методу удалось идентифицировать рецидивиста с первого же раза! Новая система оказалась абсолютно верной!

Изумленный префект продлил испытательный срок и даже выделил Бертильону еще помощников. Уже в марте Бертильон с гордостью смог доложить о следующем своем успехе, а к концу года ему удалось провести 49 идентификаций при наличии в картотеке 7336 карточек.

Пробил час рождения современной криминалистики, и колыбель ее находилась в Сюртэ.

Однако самому Бертильону все восторги вокруг его трудов казались несколько преждевременными. Он продолжал работать. В 1884 году он начал дополнять свою картотеку разделенными на две части фотографиями преступников. На одной половине правонарушитель был изображен в фас, на другой — в профиль. Позднее, когда начала получать признание дактилоскопия, Бертильон стал включать в карточку и отпечатки пальцев. До конца 1884 года его бюро провело уже 300 удачных идентификаций, успехи все росли. По случаю Всемирной выставки в Льеже парижский префект полиции публично заявил, что до 1 января 1905 года во французской столице путем бертильонажа было идентифицировано 12 614 рецидивистов.

Осмеянный коллегами, всего несколько лет назад почитаемый начальством за сумасшедшего, скромный помощник писаря стал для французской полиции парадной лошадкой № 1. Еще в том же 1884 году директор французских тюрем ввел систему Бертильона для регистрации всех заключенных. А 1 февраля 1888 года Альфонса Бертильона назначили наконец директором полицейской службы идентификации. Став в результате этого и начальником фотоотде-

ла парижской полиции, он переселил свое бюро на мансарду дворца юстиции. Его картотека состояла к тому времени уже почти из полумиллиона карточек.

Антропометрические измерения были его страстью, бертильонаж — донельзя избалованным любимым чадом. Стремясь еще больше индивидуализировать словесные портреты правонарушителей, Бертильон продолжал совершенствовать свою систему. Он раскладывал сложнейшие пасьянсы из фотографий преступников: должны же быть какие-то закономерности во всем этом многообразии человеческих лиц! Оказалось, что и здесь можно ввести определенную систему. Одних только форм носа он различал более сорока. Не зная усталости, Бертильон отыскивал все новые характерные признаки и в конце концов пришел к системе составления словесных портретов, завоевавшей прочное признание не только во Франции, но и в полициях всех стран мира. Некоторыми элементами этой системы и по сей день с успехом пользуются службы идентификации криминальных полиций.

И все же, несмотря на эти успехи, большинство служащих Сюртэ относилось к этой затее, как и прежде, довольно скептически. Ведь, во-первых, проведение антропометрических измерений было чудовищно сложным делом, при котором все, абсолютно все зависело от умения и точности производящего измерения чиновника. И, во-вторых, для прямого, оперативного розыска это очень мало значило, ибо при многочисленности идентификационных данных сотрудникам розыскной службы было невозможно удержать в голове все приметы своих «подопечных». Однако Бертильон и здесь нашел в конце концов выход. Он создал первую в истории криминалистики розыскную книгу, называемую сокращенно DKV. Это был пухлый альбомчик форматом с записную книжку, в котором содержалось примерно 2000 фотографий и кратких примет разыскиваемых или подозреваемых, а также высланных из страны лиц. Однако, сколь ни хороша была эта идея, симпатии у консервативных сотрудников Сюртэ она тоже не встретила.

Зато два других изобретения Бертильона сразу же прочно вошли в полицейскую практику: приспособление для фотографирования места преступления и специальный стул для фотосъемки преступников.

К 1889 году, когда шеф-инспектор Горон вел розыски без вести пропавшего судебного исполнителя Гуффе, система Бертильона нашла уже международное признание, а его бюро в парижском дворце юстиции стало местом паломничества европейских полицейских чинов.

Стараниями одного из своих чиновников Сюртэ снова стала считаться чудом света.

СЮРТЭ И БОМБЫ

Париж, 9 декабря 1893 года. Вокруг Бурбонского дворца масса полицейских, осматривающих каждого, кто входит в здание. В большом зале дворца, традиционном месте заседаний Национального собрания, вот уже несколько часов депутаты обсуждают новые законопроекты, направленные, как утверждают, против уголовников и анархистов. Однако любому депутату совершенно ясно, что они легко могут быть применены не только против уголовников и анархистов-бомбометателей, но и против радикальных демократов, социалистов и деятелей профсоюзов. В палате депутатов со времени последних выборов заседали также двенадцать представителей рабочей партии, которые отлично знали, что такое классовая юстиция, и консерваторам, являющимся инициаторами нового законопроекта, отстоять свою точку зрения было бы не так-то легко.

В 16 часов на галерее, растолкав локтями публику, к барьеру протиснулся бедно одетый молодой человек. Он внимательно оглядел зал. На трибуне пылко жестикулировал очередной оратор. Депутаты шушукались между собой и время от времени бросали в его адрес — кто язвительные реплики, а кто — слова одобрения.

Вдруг юноша размахнулся и метнул вниз какой-то круглый предмет. Хлопнул негромкий взрыв, запахло порохом, раздались громкие крики и проклятья.

Плечи бомбиста разочарованно опустились: как видно, он ожидал большего эффекта. Однако он тут же сумел взять себя в руки и, воспользовавшись сумятицей, пустился в бегство.

В отеле террориста уже ждала полиция. Особого вреда его бомба не нанесла. Депутаты в основном отделались легким испугом. Даже те из них, которые оказались в непосредственной близости от взрыва, получили лишь небольшие царапины. Через четверть часа после происшествия дебаты вспыхнули с новой силой.

Молодого человека, который метнул бомбу в Бурбонском дворце, звали Огюст Вайян. Ему едва исполнилось 23 года, и он был анархистом.

Анархизм — псевдореволюционное, мелкобуржуазное течение, не признающее никакого государственного порядка и отрицающее организованную борьбу пролетариата — приобрел во Франции 80-х годов прошлого столетия заметное влияние. В Париже долгое время жили известные вожди анархистов Кропоткин, Бакунин и Прудон. Проповедуя устно и письменно свое учение, они находили многочисленных приверженцев, в первую очередь среди студентов, радикальной мелкой буржуазии и в кругах интеллигенции. В Париже, Марселе и Лионе появилось с десяток анархистских газет—таких, как «Л'аффаме» («Голодные»), «Ла лют сосьяль»

(«Социальная борьба») илн «Аксьон революсьонер» («Революционное дело»), которые прямо илн косвенно пропагандировали анархистские методы борьбы и индивидуальный террор. Так, «Л'аффаме» от 27 июля 1884 года писала: «Мелкие действия нередко выливаются в большие дела. Поэтому мы от всего сердца рукоплещем, когда в очередной раз узнаем, что некий буржуа или начальник свалился в пыль с ножом в боку».

Организованное рабочее движение уже тогда категорически отвергало анархизм и его методы борьбы. Еще в 1872 году I Интернационал на своем конгрессе в Гааге под влиянием Карла Маркса и Фридриха Энгельса решительно отмежевался от Бакунина и его сторонников из-за того, что они толкают рабочих на ложный путь. На путь, который ведет не к свержению старого эксплуататорского строя, не к завоеванию рабочим классом политической власти, а, наоборот, к усилению системы господства крупной буржуазии, ибо дает ей в руки козыри для обоснованного ужесточения гонений и террора против рабочих и их политической и экономической борьбы.

Пусть даже отдельный анархист, ненавидя буржуа и угнетателей, добирается до того или иного из них с ножом, револьвером или бомбой, пусть, субъективно честный, он выступает за свободу угнетенных и, не задумываясь, готов на самопожертвование — все равно объективно он помогает тем, против кого направлен его гнев: банкирам и предпринимателям, политическим демагогам и контрреволюционерам, классовой юстиции и политической полиции.

Парижская Коммуна нагнала страху не на одну только французскую буржуазию. Стремительный рост рабочего движения в Европе после Парижской Коммуны, появление на арене классовой борьбы сознательного, выступающего с ясными политическими требованиями пролетариата насторожило все европейские правительства. 21 октября 1878 года в Германии вступил в силу пресловутый закон против общественно опасных устремлений социал-демократии. В 1892 году папа Лев XIII издал свою, направленную против социалистического движения энциклику «Рерум новарум».

Однако чрезвычайными законами и энцикликами рабочее движение было не остановить. В большинстве европейских стран уже имелись политические рабочие партии и профсоюзы, в парламентах некоторых, пока еще немногих, европейских государств заседали социал-демократы. Поэтому господствующие классы совершенствовали свои методы борьбы и наряду со стародавней техникой угнетения все шире использовали демагогию и клевету. Например, французская буржуазная пресса (да и не только французская), сознательно искажая действительность, затушевывая диаметральные противоположности между анархизмом и социализмом, ставила знак равенства между анархистскими методами и организованной борьбой пролетариата, делала все, чтобы озлобить мелкую буржуазию и крестьянство — основную массу избирателей — против социалистического движения, оклеветать его в глазах

иарода и сделать «козлом отпущеиия» за виутриполитические трудности. Чем более кровавыми стаиовились лозуиги аиархистов, чем скандальиее их выступления и чем бессмыслениее покушеиия, тем легче было силам реакции иажить иа этом политический капитал. Уже из-за одного этого Сюртэ с самого начала уделяла большое виимание анархистским группам и одииочкам, что озиачало ие только выслеживание аиархистов и внедрение в их круги своих агеитов, ио и финансовую поддержку их деятельиости, порочащей организованиое рабочее движение.

Большим докой по этой части был парижский префект полиции Аидрьё, тот самый, который преиебрежительио отмахиулся от предложеиия Бертильона о введении естествеииоиаучных методов в борьбу с преступиостью. Верный иаследник Фуше и его полицейских методов, ои иачал засылать своих агеитов в анархистские кружки с самого их зарождения. Так Аидрьё узиал о целях анархистов и об их враждебности оргаиизоваиному рабочему движеиию. И вот здесь-то, в полумраке джунглей анархистской пропагаиды и деятельиости, он углядел возможность выковать оружие против самого опасиого, как ои считал, врага системы: против иаходящегося под влияиием марксизма пролетариата и его оргаиизоваиной политической борьбы.

Опасаясь упустить столь замаичивый случай, Аидрьё иемедленно поручил своему агенту Серро иачать выпуск анархистской газеты «Ла революсьон сосьяль» («Социальиая революция»)*, и сам финаисировал это предприятие.

Вскоре эта выходящая на анархистско-полицейском жаргоне газета стала не только важнейшим осведомительским цеитром, ио и самым драгоценным для полиции агентом-провокатором. Поздиее в своих мемуарах Аидрьё самодовольио откровениичал: «Дать анархистам газету — было все равио, что установить телефоииую связь между гиездом заговорщиков и рабочим кабииетом префекта полиции».

Правда, первое время французские анархисты больше довольствовались яростиыми угрозами да левыми фразами. Полиции же и правительству требовались очевидиые и по возможиости сеисациоииые действия. Полиции пришлось потрудиться и иад этим. Аидрьё поручил своему агенту Серро организовать какое-либо внешне эффектиое покушеиие, являясь тем самым инициатором одиого из первых анархистских выступлеиий в Париже.

С ведома Андрьё аиархист из Сюртэ Серро предложил своим друзьям подиять на воздух памятиик Адольфу Тьеру, который благодариая буржуазия устаиовила палачу Парижской Коммуны иа аллее Сеи-Жермен, снабдив его трогательиым посвящением: «Освободителю страиы». Префект Аидрьё выделил для этого (хотя и анонимио) даже бомбы. «Я, ие колеблясь, решил пожертвовать «освободителем страиы» ради спасения Бурбоиского дво-

* Нелишне заметить, что это была одна из первых анархистских газет в Париже (*Прим. отв. ред.*).

рца», — заявил впоследствии этот заклятый враг социализма и убежденный националист. Однако Андрьё поскупился и отпустил Серро некачественный динамит, так что бомбочка, которая должна была взорвать каменный пьедестал «освободителя», в память о себе оставила на нем всего лишь темное пятно.

Таким образом, провокация Андрьё оказалась бесполезной, вследствие чего он предпочел дело замять и репрессий не применять. Да и что, собственно, он мог бы поставить в вину бомбометателям? — «Самое большее, их могли бы приговорить к 15 франкам денежного штрафа за нарушение тишины», — писал он впоследствии.

Преемники Андрьё были более искусными. За истекшее время Сюртз не только освоила новейшие достижения антропологии, но и научилась отлично управляться с бомбами. Остались «отпечатки пальцев» Сюртз и на детонаторе бомбы, взорванной в декабре 1893 года в Бурбонском дворце.

Правда, Вайян не был человеком Сюртз или таким агентом-провокатором, как Серро, а убежденным анархистом, кипящим злобой при виде нищеты и лишений — постоянных спутников всей его жизни. Увлеченный громкими лозунгами и писаниями анархистов, он не искал путей в организованное рабочее движение, а свято верил, что для спасительного переворота вполне достаточно нескольких сенсационных насильственных акций, которые встряхнут угнетенные массы и властно позовут их в поход против угнетателей. Короче говоря, не понимая реальных закономерностей общественного развития, Вайян создал себе некую ирреальную, субъективистскую схему мироздания и жил, как в шорах. В 1893 году, возвратясь из Америки во Францию и найдя свою семью в крайне тяжелых материальных условиях, он пришел к твердому решению совершить террористический акт.

Мысль взорвать бомбу в Бурбонском дворце целиком поглотила его. Однако осуществить свое намерение Вайян пока не мог по той простой причине, что у него не было денег на динамит. Это и оказалось тем самым крючком, на который его поймала Сюртэ. У полиции Вайян уже давно был на примете. За ним начали следить еще до отъезда в Америку, а по возвращении не оставляли без наблюдения буквально ни на минуту.

Вот почему не избежал внимания Сюртз и план взрыва в Бурбонском дворце. Еще 17 марта 1893 года дирекция Сюртз Женераль уведомила парижскую полицейскую префектуру о том, что готовится нападение на Национальное собрание. Лучшего времени для такого покушения — события, которое, несомненно, привлекло бы к себе внимание в стране и за рубежом, трудно было подыскать: срочно нужна была сенсация, затмившая бы собой все толки и пересуды по поводу разразившегося в ноябре 1892 года панамского скандала. Эта единственная в своем роде парламентская афера с подкупом и взятками, разоблачившая коррупцию буржуазных депутатов и министров, стоила мелким владельцам акций всех их сбережений и вылилась впоследствии в шумный процесс. Данное

дело, в котором было замешано 510 парламентариев и представителей правительства, нанесло тяжелый урон доверию избирателей к правительству и парламенту и подняло на щит мелкобуржуазную оппозицию. Оппозиция, естественно, могла оказать большое влияние на законодательство. Итак, в этой ситуации шумный террористический акт против парламента сослужил бы правительству добрую службу сразу в двух аспектах. Он, во-первых, отвлек бы внимание общественности от упомянутого уже скандала, а во-вторых, поднял бы престиж правительства и парламента и придал бы дополнительную силу его идеям (в частности, относительно реформы уголовного судопроизводства). Еще бы! Какой легковерный избиратель откажет в доверии мужам, которые под градом рвущихся бомб невозмутимо продолжают дебатировать на благо отечества?

Так или иначе, но своим покушением Вайян добился единственно того, что спорные законопроекты быстро были одобрены. Таким образом, пользу из всего этого извлекли лишь консервативные, проводящие жесткий курс силы.

Огюст Вайян утверждал потом на суде, что не имел соучастников. И это было правдой, он на самом деле действовал в одиночку. Однако у него, определенно, были сообщники или по меньшей мере один сочувствующий, без помощи которого он никогда бы к этому покушению не подготовился. Был, наверное, человек, который доставил ему деньги на бомбу, а может даже и ее детали. Ведь сам Вайян был нищ. Суду присяжных он объяснил, что один взломщик, имя которого он назвать отказался, дал ему 100 франков и он смог таким образом приобрести требуемые для бомбы части.

Обвинитель и суд этим удовлетворились. Более того, версия Вайяна была им очень на руку: ведь она доказывала, как тесна связь между уголовниками и анархистами (которых юстиция, конечно же, именовала социалистами).

И снова нашелся полицейский, который много лет спустя выболтал все тайны, — полицейский комиссар Эрнест Рейно. В своих записках под названием «Сувенир де полис» он, к великой досаде шефа Сюртэ, простодушно рассказал о том, что один анархист из окружения Вайяна, которого Сюртэ сделала своим агентом, сообщил полиции обо всех подробностях планируемой акции. От него же полицейское руководство узнало о финансовых трудностях Вайяна. Тогда и было решено «помочь» террористу: через этого агента ему передали недостающие детали для бомбы. Недалекий и скаредный Андрьё распорядился всего-то навсего взорвать «освободителя», зато уберечь Бурбонский дворец. У его преемников натура была куда шире: они взяли прицел на сам дворец.

Это разоблачение оказалось, естественно, крайне неприятным: ведь Сюртэ была твердо уверена, что все концы надежно спрятаны в воду. «Авторитетным источником», из которого Рейно почерпнул свою информацию, был некий Жако, который и сам играл тогда в этой афере какую-то роль. В свое время за «хорошую па-

мять» его признали душевнобольным и упрятали в психиатрическую больницу. Хотя больничные врачи не нашли в поведении Жако серьезных отклонений от нормы и согласны были его отпустить, он вынужден был оставаться там до тех пор, пока дело не поросло травой забвения. Полицейского же комиссара Рейно так вот просто поместить в сумасшедший дом было нельзя. Пришлось дать официальное опровержение. Тем не менее все опровержения были не в состоянии скрыть один непреложный факт: взорванная Вайяном бомба с самого начала была устроена так, что не могла причинить дворцу сколь-нибудь серьезных повреждений или убить кого-либо из присутствующих.

Кроме того, в досье Сюртэ, весьма надежно хранимых от чужих глаз, содержатся два важных свидетельства достоверности утверждений Рейно.

Во-первых, действительно, 7 декабря 1893 года, то есть за два дня до исполнения акции, дирекция Сюртэ Женераль уведомила парижского префекта полиции о запланированном анархистами взрыве в Бурбонском дворце и о том, что «при нынешнем положении вещей прокуратура не может пока начать никакого полезного делу судебного следствия и полагает целесообразным ограничиться полицейскими мероприятиями, которые исключили бы всякую попытку подобного рода». По агентурным данным, имевшимся в Сюртэ, покушение 7 декабря уже должно было состояться. Итак, 7 декабря! В тот самый день, когда прокурор якобы не мог начать «никакого полезного делу расследования». Вместо того чтобы немедленно воспрепятствовать известному ей бомбисту совершить преступление, дирекция Сюртэ Женераль спокойно передоверяет это полицейской префектуре, причем рекомендует обойтись исключительно общими мерами безопасности.

Во-вторых, то, насколько мало была заинтересована Сюртэ в предотвращении взрыва бомбы, видно из организации полицейской слежки за Вайяном. Последнее агентурное донесение о нем датировано опять-таки 7 декабря 1893 года, то есть временем, когда бомба была давно изготовлена и в любой момент могла быть пущена в ход. Тем не менее полиция спохватилась только после взрыва, получив при этом еще и благодарность за быструю поимку преступника.

Вайяну во всей этой комедии с бомбой под режиссурой полиции выделили роль злодея, которого перехитрили. Суд над ним был недолог. Несколько недель спустя, 5 февраля 1894 года, он расплатился за свой взрыв головой.

По его следам пошли другие анархисты, которых провоцировали и выдавали новые Серро и Жако, направляемые и управляемые, в свою очередь, новыми шефами Сюртэ и префектами. Дело Вайяна наглядно доказало, что полицейская наука и агент-провокатор — понятия вовсе не взаимоисключающие.

Ставка на науку отнюдь не отменяет сыскные методы Фуше, а только дополняет и совершенствует их. Оба эти направления и в наши дни являются равноправными составными частями дея-

тельностн Сюртэ с той лншь разннцей, что сама работа шпнков н провокаторов теперь во многом облегчилась за счет совершенствовання полицейской техники.

ОШИБАТЬСЯ БЕСЧЕЛОВЕЧНО

В феврале 1888 года, когда Альфонса Бертнльона назначнлн начальннком полнцейской службы ндентнфнкацин, парижский журналнст Брюйяр разразился восторженной тнрадой: «Благодаря французскому геннsocketю скоро не только во Франции, но и во всем мире не будет больше ошибок при ндентнфнкацин, а следовательно, н преступленнй, совершенных органами правосудия из-за неверной ндентнфнкации. Да здравствует бертильонаж! Да здравствует Альфонс Бертильон!»

Брюйяр оказался плохим пророком. Уже в 1894 году, всего шесть лет спустя, французская юстнция н французский гений Бертильон «ошнблись» столь очевидно н капитально, что вся Европа схватнлась за голову.

Причнной этого скандала явилось нашумевшее «шпионское» дело артнллерийского капнтана Альфреда Дрейфуса.

19 декабря 1894 года военный суд в Шерш-Мндн под председательством полковннка Мореля приговорнл уроженца Эльзаса н первого еврея, которому удалось добнться честн стать офицером французского генерального штаба, Альфреда Дрейфуса, обвнненного в шпнонских связях с германскнм военным атташе, к пожнзненной ссылке на Черный остров (блнз побережья французской Гвианы).

Предъявленные (или, точнее говоря, тайком подложенные) доказательства виновности Дрейфуса былн сработаны столь топорно, прнстрастная режиссура французского генерального штаба н его секретной службы оказалась столь откровенно днлетантской, а мотнвация этого судебного скандала настолько прозрачной, что можно было подумать, будто все это пронсходнт в скверном детектнвном романе, а не на уголовном процессе. Правда, готовила процесс на сей раз не французская полнция, а военная секретная служба, н дело слушал не гражданский суд присяжных, а военный трнбунал.

Однако как гражданская полнция, так н гражданский суд нмелн к этому делу самое непосредственное отношенне: полиция — в лнце своего начальннка службы ндентнфнкацнн Бертнльона, а юстнцня несколько лет спустя — в образе Верховного суда.

Афера началась с преступлення. В ноябре 1894 года мадам Бастьон, агент Второго бюро французского генерального штаба,

которое занималось вопросами контрразведки, похитила письмо из корзины для бумаг германского военного атташе в Париже. Неизвестный отправитель посылал военному атташе фон Шварцкопфу конфиденциальную информацию о гидравлическом тормозе и технических особенностях полевого 120-миллиметрового орудия и другие данные. Одновременно он предлагал проект датированного 14 марта 1894 года наставления по стрельбе для полевой артиллерии. Явный факт выдачи военной тайны!

Мадам Бастьон передала это письмо, помеченное грифом «бордеро» (сопроводительная записка), майору секретной службы Анри, весьма расторопному, но не очень интеллигентному офицеру, сделавшему карьеру во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. и службы в заморских колониальных войсках.

Майор Анри принадлежал к числу тех офицеров-генштабистов, которые объединяют в единое целое понятия «отечество» и «армия», предпочитают потерять скорее армейский корпус, нежели эполеты, и живут, подчиняя все на свете своим представлениям о воинской чести. Однако глупым он отнюдь не был и прекрасно разобрался в том, что при таком разнообразии тем автор этого «бордеро» должен сам работать где-то в генеральном штабе. Поэтому он прежде всего изготовил фотокопии письма и направил их всем руководителям отделов с заданием незаметно сверить с этой копией почерка своих подчиненных.

Один из руководителей отреагировал немедленно, заявив, что находит известное сходство между почерками автора «бордеро» и капитана Дрейфуса.

Совершенствуясь как генштабист, Дрейфус работал во всех отделах французского генерального штаба, а следовательно, и в отделе контрразведки. Теперь это уже выглядело подозрительным. Еврейское же происхождение Дрейфуса и вовсе предопределило то, что Анри (да и не только он) заранее стал относиться к нему, как к шпиону.

После банкротства основанной Фердинандом Лессепсом Панамской компании и раскрытых при этом взятках и подкупах, в которых оказались замешанными и некоторые еврейские дельцы, по Франции прокатилась волна антисемитизма. Националистическая пресса разразилась яростными нападками на евреев, которые якобы «продают Францию Германии», разжигая тем самым погромные настроения, находящие отклик и поддержку в буржуазных кругах и в офицерском корпусе.

Стоило капитану Дрейфусу попасть в круг подозреваемых, как майору Анри сразу все стало ясно. Начальник генерального штаба Ле Мутон де Буадефр, военный министр Огюст Мерсье и начальник секретной службы Сандер, сразу же поставленные Анри об этом в известность, распорядились о немедленном расследовании.

Эксперту-графологу Французского банка месье Гоберу вручили «бордеро» и образец почерка Дрейфуса с заданием произвести экспертизу на идентичность. Гоберу по своей профессии приходилось иметь дело с бесчисленным количеством почерков, и для своего

времени он был одним из самых квалифицированных экспертов-графологов в Европе, то есть человеком, чья точка зрения, казалось бы, должна была иметь вес. Однако Гобер разочаровал французский генеральный штаб, ибо в результате своей экспертизы пришел к заключению, что, хотя некоторого, весьма отдаленного сходства между почерками Дрейфуса и автора «бордеро» отрицать нельзя, тем не менее из числа подозреваемых в написании этого изменнического письма Дрейфус категорически исключается. Однако секретная служба от своей версии не отказалась. Ведь есть еще, в конце концов, во Франции Бертильон! Даром что ли вся страна поклоняется своему гению криминалистики?

Альфонс Бертильон в эти годы с большим усердием и настойчивостью продолжал развивать и культивировать свою антропометрическую систему идентификации, а между делом, больше для забавы, по-дилетантски, нежели на серьезной научной основе, занимался и проблемами графологической идентификации. Здесь он также пытался использовать методы, аналогичные методам, применяемым при идентификации личности. Он измерял буквенные знаки циркулем и линейкой, производил вероятностные расчеты, а затем по результатам своих измерений и расчетов делал выводы об идентичности одного почерка другому. Однако нередко оказывалось, что, как выразились впоследствии трое известных французских ученых, «ложные предпосылки ведут к ложным выводам».

Жертвой этих ложных выводов и стал Альфред Дрейфус.

13 ноября Бертильон получил от представителя генерального штаба генерала Гонсе образцы почерков и уже в тот же день уведомил генеральный штаб, что не может быть никаких сомнений: автор «бордеро» — Дрейфус, и никто другой. Однако для серьезного обоснования своего скороспелого утверждения начальнику службы идентификации потребовалось еще целых десять дней.

Но даже и после этого обоснование оказалось весьма запутанным и непоследовательным. В соответствии с ним получалось, что характеризуемый по службе как «лишенный каких бы то ни было фантазий» капитан Дрейфус при написании «бордеро» пользовался сразу двумя различными почерками, а именно: своим обычным и другим, измененным, однако напоминающим обычный. Для чего Дрейфус это делал, Бертильон, естественно, мог только догадываться: чтобы этим изощренным способом отвести от себя подозрения.

Такое предположение вполне убедило генеральный штаб. Ведь, в конце концов, этот еврей на все способен! Дрейфус был арестован по всей форме.

Человек, который производил арест, лысый, с моноклем в глазу, столь же самодовольный, сколь и длинноименный, майор секретной службы Арман-Огюст-Шарль-Фердинанд-Мари Мерсье, маркиз дю Пати де Клям, обращаясь к ничего не подозревающему Дрейфусу с какими-то расплывчатыми намеками, продиктовал ему, выразительно закатывая глаза, письмо, в котором десять раз

варьировалось слово «бордеро», а под конец предложил ему револьвер — орудие, с помощью которого в определенных военных кругах имели обыкновение выпутываться из безвыходных ситуаций.

Однако Дрейфус был непохож на полковника Редля* и, одержимый не вписывающейся в понятия дю Пати де Кляма о чести дерзостью, стреляться отказался, упорно настаивая на своей невиновностн. Это существенно осложнило работу французской секретной службы, которой приходилось теперь конструировать новые «доказательства вины» капитана-еврея.

На помощь снова пришла Сюртз. Некий полицейский шпик по имени Гузнне представил донесение, составленное нм по сплетням рыночных торговок, кучеров и уличных девок. Из него следовало, что Дрейфус был легкомысленным человеком, обремененным дорогостоящими любовнымн связями.

Теперь мотив был ясен: для такого аморального образа жизни Дрейфусу нужны были деньги, и зти деньги он получал, естественно, от германского военного атташе.

Тем временем квартиру Дрейфуса тщательно обыскали специалисты секретной службы н Сюртэ, но ничего, что свидетельствовало бы о шпионской деятельности капитана, не нашли. Однако зто сделало его в глазах секретной службы только еще подозрительнее. Ибо «только очень опытный преступник, — как считал дю Пати де Клям, — содержит свой дом в таком образцовом порядке».

Не удалось раскопать и ничего порочащего частную жизнь Дрейфуса (кроме сплетен, собранных Гуэнне). Оставалось делать ставку на «патриотнческий инстинкт». Подходящим человеком для зтого оказался Эдуард Дрюмон, редактор «Либр пароль», антисемитской подстрекательской газетенки, уже давно разжигающей погромные настроения. Майор Анри доверительно шепнул ему о строго секретном расследовании, ведущемся по делу Дрейфуса. На следующий же день «Либр пароль» завопила: «Государственная измена!» и принялась поносить левых депутатов, которые якобы пытаются замять дело, потому что «офицер-изменник» — еврей.

Эти тирады вызвали запрос в правительство, на который военный министр Мерсье с легкомысленной убежденностью ответил, что якобы Дрейфус, действительно, германский шпион. Его убежденность основывалась на трех «доказательствах», сфабрикованных военной секретной службой. Первым нз них было изначально не датированное письмо, написанное за два года до зтого итальянским военным атташе Паниццарди своему немецкому коллеге фон Шварцкопфу и перехваченное французской секретной службой. В зтом письме Паниццарди сообщает, что «мошенник Д.» передал ему двенадцать топографических карт для Шварц-

* Редль — полковник австро-венгерской армии, уличенный в шпионаже в пользу разведки царской России, застрелился в 1913 году (*Прим. отв. ред.*).

копфа. Итак, некий Д.! Д. — Дрейфус! Этому письму было, как уже говорилось, два года, однако даты на нем не стояло, что теперь оказалось очень на руку майору Анри. Не долго думая, он дополнил письмо Паниццарди датой «16 апреля 1894 г.». Уж теперь-то даже самому глупому военному судье будет ясно, что этот «мошенник Д.», о котором пишет Паниццарди, не кто иной, как Дрейфус. В действительности же письмо Паниццарди относилось к одному из сотрудников картографического отдела военного министерства по имени Дюбуа.

Следующим «доказательством вины» явилась зашифрованная телеграмма Паниццарди, также перехваченная французской секретной службой. Расшифровать ее оказалось, однако, очень сложно, так что получившийся текст можно было истолковать по-разному. В истинном своем виде телеграмма гласила: «Если вы не имели никаких дел с капитаном Дрейфусом, было бы разумно поручить послу опубликовать официальное опровержение, чтобы избежать комментариев прессы».

В мастерской секретной службы из этого получился следующий текст: «Капитан Дрейфус арестован. Военный министр имеет доказательства его отношений с Германией — официальное опровержение — наш эмиссар уведомляет».

И, наконец, был сфабрикован еще один фантастический документ о шпионской карьере Дрейфуса, в которой якобы играл роль своей монаршьей персоной сам германский кайзер.

19 декабря 1894 года все эти «доказательства» были преподнесены суду в специальной секретной папке, в которую ни Дрейфусу, ни его защитнику заглянуть не позволили.

Сам процесс был мрачной пародией на правосудие. Он происходил при закрытых дверях. Бравые свидетели из секретной службы метали огненные стрелы, которые должны были насмерть поразить негодяя Дрейфуса. Как это выглядело, видно на примере весьма эффектного выступления майора секретной службы Анри, который со своего свидетельского места уверял суд, будто в марте 1894 года (тогда Дрейфус временно работал в секретной службе) одно достойное самого полного доверия лицо сообщило ему, что в секретной службе завелся шпион.

За это сейчас же зацепился защитник Дрейфуса Деманж:

— Назовите имя этого лица, майор!

Анри отрицательно покачал головой:

— Если офицер хранит в голове такую тайну, то он должен опасаться даже собственной шапки!

Затем Анри круто повернулся к Дрейфусу и устремил на него указательный палец:

— А изменник — вот он!

Имя «достойного доверия» лица из майора Анри вытрясти так и не удалось. Впрочем, обвинитель Бриссе и военные судьи им и не заинтересовались. После «свидетелей» наступила очередь экспертов-графологов.

Их было пятеро. Трое из них: Гобер, Пеллетье и Шаравей кате-

горически исключали Дрейфуса из числа подозреваемых в написании «бордеро». Лишь двое, Тейссонье и начальник полицейской службы идентификации Бертильон, заявили, что почерк, которым написано письмо, изобличает в качестве его автора капитана Дрейфуса. Наибольший вес из них двоих имел, понятно, Бертильон, заключение которого, вполне соответствующее духовному настрою суда, послужило главным козырем для сокрушительной речи обвинителя.

Изрядно утомив судей обстоятельным изложением того, что такое почерк и как он, Бертильон, на основании сложных геометрических измерений и вероятностных расчетов пришел к выводу об идентичности почерков на «бордеро» и сравнительном материале, начальник службы идентификации поведал суду свои соображения о том, что почерк — это «своего рода крепость, в которой Дрейфус хотел укрыться от правосудия. Он обороняется в ней от буквы М, прячется в траншее Q и ищет убежища в бастионе В или капонире К».

Этим все было сказано. Правда, господа из военного суда, ровным счетом ничего не смысля в графологии и экспертизе почерков, не разобрались ни в особенностях нормального почерка человека, ни в злокозненно измененных им росчерках и толком не поняли (что вовсе, впрочем, не свидетельствует об их недостаточной интеллигентности) всех сложных расчетов Бертильона, однако такие понятия, как «крепость», «оборона», «траншея», «укрытие», «бастион» и «капонир», были, по крайней мере, словами, которые близки сердцу каждого офицера.

Так, заключение Бертильона стало главным аргументом для доводов обвинителя: ведь, несмотря на секретную папку, свидетельства секретной службы и донесения шпиков, все умозаключения были не более чем домом, построенном на песке. Ни одного осязаемого факта для доказательства шпионской деятельности Дрейфуса не было! Сам обвинитель Бриссе вынужден был признать, что единственной реальностью во всем этом шитом белыми нитками деле осталось только пресловутое «бордеро» — «бордеро», о котором трое из пяти экспертов-графологов определенно заявили, что писал его не Дрейфус!

И все-таки военный суд поверил Бертильону, а потому, ничтоже сумняшеся, единогласно вынес решение: «Виноват в шпионаже и измене родине».

Дрейфус был разжалован и приговорен к пожизненной ссылке.

Авторитет Бертильона сработал против правосудия. Однако считать, что шеф службы идентификации преднамеренно представил следствию заведомо ложный акт экспертизы, было бы в корне неверно. Он самым серьезным образом был убежден в правильности своей экспертизы и непогрешимости сделанных им выводов. Гротескный же стиль его заключения объясняется типичным для Бертильона стремлением излагать все как можно доходчивее и убедительнее. Хотел внести ясность, а вышло — только всех запутал.

Не менее гротескным, чем это заключение, выглядело и его непоколебимое упорство: даже несколько лет спустя, когда махинации секретной службы давно уже были официально доказаны, когда был разоблачен истинный автор «бордеро» — разорившийся офицер-аристократ Эстергази, закадычный друг майора секретной службы Анри, а сам Майор, безуспешно пытавшийся с помощью всевозможных трюков и фальсификаций выгородить приятеля, перерезал себе горло, Бертильон все еще упрямо отстаивал правоту своего заключения. Уже и сам Эстергази признался, что именно он, а вовсе не бедняга Дрейфус работал на фон Шварцкопфа и писал злополучное «бордеро», но какое все это имело значение для упрямого, уверенного в себе и в своем заключении полицейского чиновника! Признать свое заблуждение? Ну, нет! В повторном судебном процессе, состоявшемся в августе 1899 года в связи со вновь открывшимися обстоятельствами, Бертильон упорно продолжал держаться своего чудовищного тезиса об авторстве Дрейфуса в написании «бордеро», и, как это ни невероятно, снова нашел отклик в душах судей.

Оправдали Альфреда Дрейфуса лишь после третьего процесса, 12 июля 1906 года, поскольку он, как установил наконец суд, был обвинен на основании фальшивых документов и лжесвидетельских показаний. Дрейфуса снова зачислили на службу в армию и даже наградили орденом Почетного легиона.

Шеф службы опознания парижской полиции Бертильон был удостоен ордена Почетного легиона еще в 1893 году, т. е. за год до рокового ложного заключения. В январе 1914 года, когда он опасно заболел и был уже при смерти, французское министерство внутренних дел вознамерилось почтить его за заслуги в области криминалистики розеткой к ленте ордена Почетного легиона. Бертильон давно мечтал об этом высоком знаке отличия, однако получение награды ставилось в зависимость от выполнения им одного условия: он должен был исправить свою ошибку в деле Дрейфуса, признав наконец, что его графологическая экспертиза, существеннейшим образом повлиявшая на обвинительный приговор, оказалась несостоятельной. Но преждевременно состарившийся и почти ослепший шеф службы опознания, успехам которого газеты посвящали некогда целые полосы, остался непреклонным до конца.

МЕРТВЫЙ В КРЕСЛЕ

В Сент-Оноре, между Елисейскими полями и Монмартром, на улице Фобур стоит дом под № 7, в котором в начале нашего века вел бойкую практику хирург-стоматолог Ало и которому 17 октяб-

ря 1902 года суждеио было стать местом рождеиця одиой из деликатиейших глав в истории Сюртэ.

В этот день в приемиой хирургического кабииета был иайден мертвым камердинер врача Жозеф Ребель.

Диагиоз судебиого врача гласил: Ребель задушеи голыми руками в ходе борьбы с иеким неизвестным, проиикшим в помещеиие, сиимаемое доктором Ало.

Следствие вел сам шеф комиссии по расследованию дел об убийствах иислектор Кошефер. Войдя в приемиую, ои оглядел заботливо ухожениую комиату, обстаиовка которой должиа была свидетельствовать о солидиости врача. Стулья опрокинуты, стол — иа боку, стекляииые дверцы шкафа, в котором доктор Ало храиил свою коллекцию моиет, разбиты, ящики выдвинуты, а их содержимое разбросано по полу — явиые призиаки того, что какой-то громила пытался здесь сбалансировать дефицит своего бюджета. «По-видимому, Ребель помешал преступнику, — размышлял иислектор Кошефер, — между ними завязалась борьба, и слуга потерпел пораженне. Обычиое ордииариое ограблеиие с убийством, пожалуй, даже слишком ординариое для специалиста по расследованию таких дел из Сюртэ».

Одиако при более подробиом осмотре иачались, как это частенько бывает, иеувязки в деталях. Каким образом преступнику удалось проиикнуть в кабииет? Инспектор озадачеиио почесал переиосицу: иа двери ие было ии малейших следов взлома. Каким же еще путем, если ие через дверь, мог войти сюда злоумышлеииик? Примеиеиие отмычки иислектор исключал: очеиь уж сложен был замок. Весьма маловероятио было и то, что преступник спрятался здесь зараиее и выждал, пока сиаружи запрут двери: ии в кабииете, ии в приемиой подходящих местечек для укрытия ие было. Оставалось предположить, что Жозеф Ребель, задушенный слуга, сам впустил убийцу.

Но тогда все предстает совсем в ииом свете. Может, Ребель был сообщником грабителя? Одиако почему же в таком случае в помещеиии все переввериуто вверх диом, разбиты шкафы, выпотрошеиы ящики? Инспектор медлеиио обошел вокруг кресла, словио пытаясь прочесть ответ в остаиовившихся глазах покойника.

Кошефер был чииовником Сюртэ, а Сюртэ — передовой полицией, располагавшей благодаря Бертильоиу современиейшей службой идеитификации. Да еще к тому же имелось четкое указание префекта полиции: в случае, если сохранились хоть какие-либо следы, необходимо сразу же вызывать месье Бертильоиа и его команду.

А в кабииете доктора Ало следов было предостаточно. Поэтому иислектор Кошефер известил обо всем своего коллегу Бертильоиа, который иезамедлительио явился иа улицу Фобур вместе с двумя помощниками, чем еще в большей степеии усилил ералаш иа месте преступлеиия. Бертильои и его помощиики принялись фотографировать труп, шкафы, выдвинутые ящики,

короче говоря, все детали, казавшиеся им сколько-ибудь важными.

Иистектор с ироиической усмешкой иаблюдал за происходящим, поглядывая иа возбуждеииого, раскрасневшегося Бертильоиа. Тот горделиво вышагивал возле фотоаппаратуры и покрикивал иа помощннков, которые никак не могли ему угодить. В коице коицов, раздражеиио махнув рукой, ои оттолкиул помощника и самолично заиялся устаиовкой объектнва. Но что это? Вспыхиуло ослепительио голубое, шипящее пламя магииевой вспышки, резко щелкиул затвор аппарата. Так был сделаи первый снимок с помощью фотовспышки.

Тем времеием Кошефер подробио осмотрел шкаф, в котором храиилась коллекция моиет, и обиаружил несколько капель крови на полу, иа осколках стекол, на дверцах шкафа. На теле Ребеля внешиих повреждеиий ие имелось, стало быть,кровь прииадлежала преступнику, пораиившемуся, вероятиее всего, при взломе шкафа. Иистектор уже иаклоиился, чтобы поднять один из осколков, которыми был усеяи пол подле шкафа, как рядом с ним оказался Бертильои.

«Пожалуйста, ие трогайте иичего, месье!» — сердито буркиул ои и осторожио подиял кусочек стекла.

Важиые следы! Представить только! Бертильон, как зачарованный, разглядывал четыре отпечатка пальцев, отчетливо виднмые иа блестящей поверхиости.

Иистектор от удивлеиия лншился языка. Ну и ну! Бертильои заботится о сохраниости отпечатков! Тот самый Бертильои, о котором ребеику известио, что ои ни в грош ие ставит дактилоскопию, зто новомодиое средство опозиания преступников!

Изумление Кошефера было вполне объяснимо: Бертильон, идол Франции (чья слава после дела Дрейфуса, увы, несколько потускиела), действительио, с достойиым лучшего примеиеиия упорством, используя весь свой авторитет, всячески сопротивлялся введеиию дактилоскопии. Первый зксперт по опозианию преступников во Франции, заслужеино почитаемый полициями всего мира, решительио отвергал способ идеитификации, давио уже доказавший свою полиейшую состоятельиость!

Еще за шесть лет до того, как Кошефер н Бертильои появились на улице Фобур, в Аргеитиие по отпечаткам пальцев разыскали жеищину-убийцу. После зтого всему миру стало известно, что едва ли существуют иа земном шаре два человека, у которых полностью совпадал бы узор папилляриых лиций.

Даже в коисервативиой Аиглии Скотланд Ярд уже два года как замеиил бертильоиаж дактилоскопией. Английскому примеру последовали Даиия и Веигрия. Введение дактилоскопии стояло на повестке дня уже н в более отдалениых странах. В одной только славиой своими традициями Сюртз все еще иеколебимо держались антропометрической системы, ибо ее директор службы опозиаиия находил, что узоры папилляриых лиций «не столь четко отличаются друг от друга, чтобы их можио было использовать для

5–368

идеитификации», и, кроме того, примеияемую при дактилоскопии типографскую краску очеиь трудио смывать с пальцев (!). Одиако следует заметить, что ни Сюртэ, ии Бертильои все же не могли полностью игиорировать дактилоскопию и уже в 1894 году служба идеитификации иачала пополиять картотеку преступников отпечатками пальцев. Несмотря иа «нечеткие различия» и «типографскую краску», у каждого арестаита стали с тех пор производить ие только измереиия тела, но и сиимать отпечатки большого, указательиого, среднего и безымянного пальцев правой руки.

В этом-то как раз и крылся весь курьез дела об убийстве Ребеля: кровавые отпечатки пальцев иа осколке стекла, изъятого из кабииета доктора Ало, были сделаиы имеиио большим, указательиым, средиим и безымяииым пальцами правой руки! Остается только гадать, что побудило вдруг Бертильоиа забрать эти отпечатки в свою лабораторию. То ли иа редкость удачиое сочетаиие пальцев, то ли классическая ясность оставлеииых иа стекле отпечатков папилляриых лииий, вид которых ие мог не взволновать душу заядлого фотографа? Бертильои впоследствии иеохотио вспоминал о деле Ребеля, а потому умолчал о причииах, побудивших его иачать исследоваиие отпечатков. Одиако совершеиио определеиио известно, что занялся ои этим весьма активио. Бертильои иачал с того, что сфотографировал отпечатки, добиваясь иаибольшей их четкости, и это ему удалось при косой подсветке электрической лампой. Тогда ои решил сравиить получеииые сиимки со своей картотекой. Этот труд оказался поистиие сизифовым: ведь дактилокарты преступииков ие систематизировались в Сюртэ по узорам папиллярных линий. Да и как могло быть ииаче, если дактилоскопия все еще была в загоие и до октября 1902 года ии одиому чиновнику Сюртэ и в голову ие пришла бы абсурдная идея искать в картотеке какие-то там отпечатки пальцев.

Одиако, повииуясь приказу иачальиика, самоличио занявшегося этим случаем, сотрудники теперь прииялись просматривать и сравнивать с отпечатками пальцев, взятыми иа месте преступлеиия, одиу за другой все карточки подряд. Работу, иа которую дактилоскопическому отделеиию Скотланд Ярда потребовалось бы в те времена самое большее час, служба идеитификации Сюртэ выполняла целую иеделю!

Тем времеием инспектор Кошефер, ие очеиь-то полагавшийся иа службу идеитификации, осиовательио прощупал доктора Ало и узиал от иего об одиом человеке, довольио близком убитому слуге. «Какой-то родствеииик по имеии Жорж», — ие вдаваясь в излишиие подробиости, сказал врач. Заиитересоваииый иислектор прииялся расспрашивать дальше и выясиил, что доктор Ало ие очень-то, оказывается, верил в это родство: у иего, скорее, складывалось впечатлеиие, будто Ребель и этот самый Жорж связаны между собой иекими ииыми, зиачительно более «теплыми» узами. Одиако (да простит его иислектор) о покойииках плохого ие говорят!

Кошефер был куда менее благочестив, тем более, что иамеки

врача придали всему происшедшему совсем иной аспект. Тщательно сопоставив еще раз все факты, он, не теряя ни минуты, пустил по следам Жоржа своих агентов.

Однако помощь инспектору Кошеферу пришла со стороны, с которой он меньше всего ее ожидал: от службы опознания!

Человек, оставивший в кабинете доктора Ало четыре кровавых отпечатка пальцев, восемь лет назад имел уже дело с Бертильоном и в память об этой встрече оттиснул на карточке черной типографской краской свои большой, указательный, средний и безымянный пальцы. Попадись он полицию годом раньше, когда отпечатки пальцев еще не регистрировались, схватись он за стеклянный осколок не правой, а левой рукой, и работы у инспектора Кошефера было бы куда больше. Теперь же Бертильон с гордостью мог заявить: «Человека, которого вы разыскиваете, зовут Анри Леон Шеффер, он родился 4 апреля 1876 года».

Так впервые в Европе убийца был идентифицирован по отпечаткам его пальцев, и не кем-нибудь, а самым авторитетным из противников дактилоскопии!

Инспектору Кошеферу не требовалось больше разыскивать какого-то неизвестного и ничем не примечательного субъекта по имени Жорж: вооруженный точным словесным портретом и фотокарточками преступника, он мог теперь действовать вполне целенаправленно. Инспектор ринулся по следу Шеффера и наступал ему уже на пятки, когда тот взял да испортил столь эффектную концовку, самолично явившись с повинной в полицию Марселя.

Авторитету Бертильона это не нанесло никакого ущерба, напротив! Пресса одарила его восторженными аплодисментами, однако приписав ему при этом нечто такое, что вовсе не вызывало его восторга: газетчики создали легенду, будто именно он, Альфонс Бертильон, открыл возможность идентификации преступников по отпечаткам пальцев.

Можно было бы подумать, что дело Шеффера исцелило наконец начальника лаборатории Сюртэ от антипатии к дактилоскопии — ничуть не бывало! На опознание преступников этим способом Сюртэ не перешла даже после этого.

Французская полиция решилась на такой шаг, лишь потерпев грандиозный провал и только после смерти Бертильона.

«МОНА ЛИЗА» ПОД КРОВАТЬЮ

Гордый своей национальной принадлежностью француз мог бы, в крайнем случае, поверить даже в то, что президент республики Пуанкаре состоит на жалованье у немцев или что Сюртэ стала

социалистической боевой организацией, — в одно он не поверил бы никогда: в то, что можно похитить «Мону Лизу»! „Это все равно, что попытаться украсть из Лувра «Мону Лизу»'', — к такой пословице прибегают, желая показать полнейшую невозможность совершения чего-либо.

И вот 21 августа 1911 года случилось невозможное — беда, которую газеты немедленно провозгласили национальной катастрофой.

Подозрения в совершении деяния перекладывались попеременно то на германского кайзера, то на американского мультимиллионера Моргана, то на французское правительство, то на директоров сумасшедших домов. На германского кайзера, — ибо тот, несомненно, охотно заполучил бы картину в свои руки в качестве компенсации за поражение в Марокко; на Моргана — как на владельца собрания работ старых мастеров, в котором вполне могло найтись укромное местечко и для «Моны Лизы»; на французское правительство, — поскольку оно могло (сугубо секретно, разумеется) продать знаменитую картину для пополнения казны; на директоров сумасшедших домов — за то, что те плохо стерегут своих пациентов, которые свихнулись на любовной связи с улыбающейся дамой из Лувра.

Лишь двадцать восемь месяцев спустя выяснилось, наконец, что сотворил это субъект куда более мелкотравчатый: неизвестный художник-декоратор, а при случае и жулик, Винченцо Перруджиа.

Он родился в Италии и был, как заключили психиатры на процессе в 1914 году, «неопасным глупцом», что и было признано судом в качестве смягчающего обстоятельства. Фантазер Перруджиа страдал навязчивой идеей — вернуть «Мону Лизу» на ее итальянскую родину. У него сложилась своя оригинальная историческая версия, будто Наполеон Бонапарт, этот узурпатор, реквизировал «Мону Лизу» во время своего италийского похода и забрал ее с собой в Париж. Эта версия шла вразрез с мнением специалистов, которые считали, что жизненный путь «Моны Лизы» был совсем иным. Леонардо да Винчи сам привез с собой во Францию свое несравненное творение, где оно после его смерти, то есть за целую четверть тысячелетия до рождения Наполеона, было унаследовано Франциском I и повешено в королевской ванной комнате. Лишь в 1804 году после многочисленных перестановок и временных задержек «Мона Лиза» ко всеобщему изумлению вдруг объявилась в спальне Наполеона, а затем, украшенная бурбонскими лилиями, королевской короной и... каталожным номером, переселилась наконец в Лувр.

Там, в салоне Карре (зале № 47) она и висела вплоть до 21 августа 1911 года, когда в семь часов утра в помещение вошел сумасшедший вор, снял ее с обоих вделанных в стену железных крюков и унес с собой.

Винченцо Перруджиа вынашивал свой замысел уже давно. Он знал, что, вопреки всем прогнозам, украсть «Джоконду» не так уж трудно: надо только выбрать подходящее время да иметь чуточку везения.

Подходящее время он узнал точно, поскольку в течение нескольких недель работал в Лувре и завел там добрых знакомых, отношения с которыми поддерживал и после ухода с этой работы.

Наиболее благоприятным в смысле выполнения его планов был, конечно, понедельник: в этот день картинная галерея оставалась закрытой и во всем большом дворце работал лишь какой-нибудь десяток смотрителей, сторожей, уборщиков, реставраторов, да иной раз — по специальному разрешению — фотограф. Портье у входа с Луврской набережной погрузился в утреннюю газету, не обращая ни малейшего внимания ни на маляров, которых должен был пропускать по списку, ни на Перруджиа, присоединившегося к ним, чтобы незаметно проникнуть в салон Карре.

Обратить на себя внимание Перруджиа, естественно, не желал, поскольку несколько раз уже имел неприятности с Сюртэ и всего два года назад подвергался в бюро месье Бертильона антропометрическим измерениям, когда у него одновременно были сняты и отпечатки пальцев. Тогда это тоже было связано с женщиной, хотя и не с такой всемирно известной, как эта дама из Лувра. О, женщины! Осторожненько осмотревшись, он приступил к делу. Опасаться помех со стороны смотрителей или уборщиц ему не приходилось, поскольку все они, как и было рассчитано, в это время находились в одном из соседних залов галереи, а перед любопытными фотографами или ремонтными мастерами он изображал стекольщика.

Расчеты Перруджиа оправдались. Он беспрепятственно прошел в зал № 47, снял со стены картину, весившую вместе с рамой около сорока килограммов, вытащил ее через галерею и другой зал на узенькую боковую лестницу и только здесь высвободил тополевую доску, на которой была написана картина, из тяжелой рамы.

Однако, пытаясь выйти во двор, он обнаружил, что дверь заперта. Тогда с помощью карманного ножа Перруджиа отвинтил нажимную дверную ручку, спрятал ее в карман и совсем уже было собрался вытащить из замка язычок, как услышал по ту сторону двери шаги. Другой бы, человек робкого десятка, тотчас кинулся обратно по лестнице или по меньшей мере постарался бы как-то избавиться от картины. Не таков был Перруджиа! Он дождался, пока человек с той стороны (это был жестянщик) откроет дверь, вежливо поблагодарил его, подтянул повыше спрятанную под рабочей блузой картину и спокойненько продефилировал к выходу по тому самому коридору, через который час назад входил в Лувр.

Лишь после этого, уже на Луврской набережной, он засуетился и ускорил шаг, чем привлек внимание кассира Букэ, который как раз в это время шел в свое бюро. Букэ посмотрел ему вслед и заметил, что спешащий прохожий тащил под блузой какой-то плоский предмет, а неподалеку от моста дю Карусель выбросил что-то в ров.

Это «что-то» было той самой дверной ручкой, которую Перруджиа сунул в Лувре в карман и которая теперь мешала ему идти.

Освободившись от помехи, он еще быстрее зашагал к итальянской колонии, расположенной от Лувра примерно в четырех километрах. Там, на улице Опиталь Сен-Луи, в доме № 5, он снимал убогую каморку. Придя домой, Перруджиа благоговейно обернул «Мону Лизу» красным бархатом и, заботливо уложив ее в двойное дно своего деревянного сундучка, задвинул его под кровать.

В этом темном, зловонном нищенском жилье бесценному сокровищу предстояло провести более двух лет.

ТРИ НЕУДАЧИ СЮРТЭ

Набег Перруджиа на французскую государственную собственность был замечен лишь во вторник около полудня. Правда, если говорить точнее, то один из смотрителей еще до этого обратил внимание на белое пятно в салоне Карре, однако ничего дурного ему в голову не пришло. Просто он подумал, что фотографы решили забрать картину к себе в ателье, чтобы изготовить с нее репродукции. Но когда место «Моны Лизы» оказалось пустым и во вторник, он забил тревогу. Директор Лувра поднял на ноги полицию и прессу. Журналисты тотчас принялись браниться и анализировать все политические и иные корни преступления. Один из крупных иллюстрированных журналов выказал свой патриотизм особенно эффектно: еще во вторник он предложил преступнику сохранение его имени в тайне и 55 000 франков отступного, если тот возвратит картину до 1 сентября. На случай, если у похитителя возникнут какие-либо затруднения со сроками, ему гарантировали получение 55 000 франков и после 1 сентября. За важные сообщения, которые могли бы способствовать выявлению местонахождения картины или захвату преступников, «Ль'Иллюстрасьон» сулил гонорары до 10 000 франков.

Полицейские власти в отличие от прессы поначалу не торопились. Правда, они незамедлительно и в большом составе — с генеральным прокурором Лекувье, префектом полиции Лепеном, шефом Сюртэ Амаром и директором службы идентификации Бертильоном — явились на место преступления, как бы подчеркивая тем самым неслыханное кощунство содеянного, однако дальше расследование пошло тем же рутинным путем, что и при обычном ограблении какой-нибудь виллы. Преступник почти не оставил следов. После долгих поисков люди Бертильона все же обнаружили на защитном стекле рамы, в целости и сохранности оставленной Перруджиа на боковой лестнице, вполне пригодные для идентификации отпечатки пальцев. Этим, собственно, поиски

следов и окончились. Впрочем, техники-криминалисты заметили и, конечно же, зарегистрировали тот факт, что на одной из дверей отсутствует ручка, но не придали этому никакого значения.

Лишь на другой день, когда кассир Букэ выложил эту ручку перед изумленным инспектором Сюртэ, на рю де Лютес — в резиденции уголовной полиции — слегка зашевелились. Внимательно следивший за сообщениями прессы Букэ вдруг вспомнил мужчину, который в понедельник утром выбросил что-то возле моста дю Карусель. Букэ направился на Луврскую набережную, обыскал на свой страх и риск весь ров и нашел как раз ту самую дверную ручку, которой недоставало в Лувре.

Тут только Сюртэ наконец осенило, что кражу в Лувре совершила не организованная банда, а вор-одиночка, по-видимому помешанный или журналист. Этот вывод был причиной первой неудачи попыток Сюртэ раскрыть преступление.

Будь это банда, да к тому же еще хорошо организованная, тогда Сюртэ быстро вышла бы на след: ее агентурная сеть располагала в преступном мире великолепными прочными связями. Искать же вора-одиночку куда труднее.

Предположение инспекторов Сюртэ о том, что в преступлении могут быть замешаны журналисты, было вовсе не столь абсурдным, поскольку было зафиксировано несколько случаев, когда люди прессы похищали из музеев предметы искусства (для того только, правда, чтобы заклеймить в печати никуда не годную охрану).

Однако в случае с «Моной Лизой» это умозаключение оказалось явно ошибочным. Тогда люди Сюртэ стремительно переключились на проверку сумасшедших домов и луврского персонала. Все французские порты и пограничные пункты строжайше контролировались, почтовые суда подвергались досмотру, на вокзалах по всей стране была введена проверка пассажиров и их багажа.

Необходимо было проверять сотни сигналов, поступающих от взбудораженного населения. Для одной только этой цели пришлось мобилизовать все силы — и полицейских, и шпиков.

Неделя шла за неделей. В Лувре служба опознания подвергла антропометрической проверке 257 служителей и рабочих-ремонтников. Люди Бертильона записывали размеры их носов, ушей, рук и прочих частей тела и снимали отпечатки пальцев. Никаких следов преступника, кроме оттиска большого пальца на защитном стекле картинной рамы, у Сюртэ не было, и теперь с ним были связаны все ее надежды.

Даже Бертильон и тот загорелся мечтой о новой победе дактилоскопии и усердно принялся снимать отпечатки пальцев у сотен подозреваемых. Однако дело Шеффера оставалось единственным в своем роде.

Вот причина новой неудачи Сюртэ: преступник был зарегистрирован в одном из ящиков ее картотеки, но в котором — она не знала. А ведь отпечатки пальцев у Перруджиа однажды уже снимали! Теперь бы только и работать: один взгляд на отпечаток-улику,

другой — на дактилоскопический указатель, вытаскиваешь нужный ящик с картотекой — и приметы преступника, вот они!

Так бы оно, наверное, и получилось, если бы.., если бы у Сюртэ имелся такой указатель! А так — кто знает, за какой из этих бесчисленных ящиков хвататься? Для генеральной проверки, которая привела к успеху в деле Шеффера, ящиков за истекшие с тех пор девять лет стало слишком много. Нет, в этой ситуации Сюртэ не могли помочь ни агенты, ни наука. Оставалось уповать на успех медленного, настойчивого розыска.

Инспектора ретиво, хоть и без особой надежды на успех, принялись за работу. Описание преступника, полученное от Букэ, который видел Перруджиа 21 августа, было, конечно, весьма неточным, но тем не менее, основываясь на нем, из числа подозреваемых исключили одного за другим почти всех служителей Лувра.

И тут в редакцию «Фигаро» поступило письмо от одного из читателей, который высказывал свои подозрения: не связана ли каким-то образом эта пропажа со стекольщиками. Картины в Лувре были очень дорогими, и для защиты от всякого рода повреждений еще задолго до похищения «Моны Лизы» их начали постепенно застеклять.

Сюртэ затребовала у директора Лувра список всех стекольщиков, которые выполняли эти работы, и поручила их проверку соответствующим полицейским инстанциям.

В этом списке значилось и имя Винченцо Перруджиа, так что вскоре полицейский инспектор уже стучался в дверь дома № 5 по рю де Опиталь Сен-Луи.

— Месье Перруджиа?

— Да.

— Винченцо Перруджиа из Думенцы?

— Да, месье.

Инспектор вошел в комнату, окинул ее беглым взглядом и спросил, работал ли Перруджиа в Лувре и есть ли у него алиби на 21 августа. Перруджиа подтвердил первое и отверг второе. Мадонна миа, он ведь был дома, а живет один, кто же здесь может засвидетельствовать его алиби? Знает ли он что-нибудь о похищении «Моны Лизы», строго спросил инспектор, пытливо рассматривая убогую обстановку жилья. Перруджиа с трудом сдерживался, чтобы не выдать себя, он напряг всю свою волю и старался не думать о деревянном сундучке, который стоял под кроватью, прямо у самых ног инспектора. А тот так ничего и не заметил и, задав еще несколько ничего не значащих вопросов о том о сем, вежливо помахал на прощание шляпой.

Это была третья неудача Сюртэ. Иметь украденную картину перед носом — и не заметить ее! Таким образом, Сюртэ упустила последний шанс. Расследование шло своим чередом, проверено было еще несколько десятков подозреваемых, однако обнаружить преступника и «Мону Лизу» Сюртэ так и не удалось.

Больше всех несостоятельностью полиции был удивлен сам Винченцо Перруджиа. Со дня на день он ожидал ареста,

тревожился и не осмеливался даже хотя бы полюбоваться своей добычей.

Но вот страсти вокруг похищения картины понемногу улеглись, газеты замолкли, полицейских поблизости не обнаруживалось, и Перруджиа принялся ломать голову, как бы повыгоднее обратить «Мону Лизу» в наличный капитал. Он следил за прессой и выписывал адреса торговцев предметами искусства и коллекционеров.

Однако и тут Перруджиа оставался верным своей навязчивой идее. Никаких других антикваров, кроме итальянцев, для него, разумеется, не существовало, а еще лучше, если бы в роли покупателя выступило само итальянское государство: не каких-то там иноземцев, а его земляков, на родине, должна была отныне согревать своей улыбкой «Джоконда».

И вот однажды во французских газетах появилось сообщение о том, что 2 декабря 1913 года во Флоренции состоится аукцион предметов искусства, руководить которым будет известнейший флорентийский антиквар Альфредо Джери.

Флоренция, родной город «Моны Лизы»! Это, определенно, знак судьбы! Перруджиа решил рискнуть.

Перед самым аукционом он написал Джери письмо, в котором, указав условный обратный адрес: «Винченцо Леонардо, Париж, площадь Республики, до востребования», предложил ему выставить «Мону Лизу» на продажу. Заодно он не преминул сообщить ошеломленному антиквару, что преследует одну-единственную цель — отомстить дерзкому грабителю Наполеону и спасти «Мону Лизу» для Италии.

Джери, посчитавший это письмо глупой шуткой, сначала вовсе не собирался ни отвечать адресату, ни ставить в известность полицию. Однако по совету своего приятеля Поджи он все-таки решил для вида дать на предложение свое согласие.

10 декабря 1913 года Перруджиа самолично объявился во Флоренции и запросил с Джери за картину 500 000 франков. Эта сумма, как он считал, вовсе не была так уж высока, если иметь в виду, что во Франции ему охотно заплатили бы вдвое больше. Конечно же, дело было не в деньгах, иначе Перруджиа просто-напросто оставил бы «Джоконду» висеть в Лувре.

На следующий день Джери и Поджи посетили Перруджиа в отеле «Триполи-Италия», где тот остановился, и, убедившись в подлинности картины, назначили торг на 12 декабря.

И вот теперь-то, когда никаких сомнений в том, что Перруджиа действительно владеет столь усердно разыскиваемой «Моной Лизой», уже больше не оставалось, антиквар сообщил обо всем в полицию.

Еще одна добавочная горькая пилюля для Сюртэ! Не ей, а ее итальянской конкурентке удалось в конце концов спасти это гениальное произведение искусства и арестовать вора.

31 декабря 1913 года под восторженные возгласы парижан сопровождаемая вооруженными охранниками и мечущими свире-

пые взгляды чиновииками Сюртэ, «Моиа Лиза» возвратилась из Италии и сиова заняла свое место в Лувре.

Пребывание под кроватью Перруджиа и экскурсия за граиицу иикак ие отразились иа ее всемирио зиамеиитом цвете лица.

Полгода спустя в Париже Виичеицо Перруджиа предстал перед судом присяжиых. Это был очень короткий процесс. Через какой-иибудь час судья уже огласил приговор: одии год и пятиадцать дией тюрьмы.

Его защитиик иемедлеиио подал апелляцию и добился умеиьшеиия срока наказания до семи месяцев. Но этот срок Перруджиа уже отбыл в следствеииой тюрьме, так что зал суда ои покинул свободным человеком.

Был у этой истории, однако, еще и эпилог: после всего этого позора шеф Сюртэ и весьма ревностиый до паблисити префект парижской полиции Лепеи решили освежить поблекшую репутацию полиции, для чего и произвели осиовательиую реорганизацию службы опознания.

В иачале 1914 года в Моиако состоялся первый междуиародиый полицейский коигресс, заиимавшийся главиым образом вопросами организации опозиания преступииков иа осиове иаиболее целесообразиой системы. Вместо умершего к тому времеии Бертильона Францию иа этом коигрессе представлял его преемник месье Давид. В своей речи ои пропел хвалебиый гими дактилоскопии. Отиыие Сюртэ окоичательио и бесповоротио выбрасывала за борт бертильоиаж, верой и правдой прослуживший ей более двух десятков лет, и с большим запозданием переходила иа иовую, сулящую всяческие успехи систему.

АНГЕЛ В АРГОННАХ

В иаглухо изолированиом от внешиего мира, деиь и иочь иеусыпно охраняемом кабиието миинстерства внутреиних дел пятеро господ чутко внимали откровеииям тучиого офицера со зиаками различия артиллерийского полковиика. Двое из господ были в штатском, остальиые — в форме. То, о чем рассказывал полковиик, специальио для этой цели прибывший в Париж с фроита из Аргоии, было возмутительио и даже, более того, — унизительио. По крайней мере, имеиио так восприиял это полковиик Дюпои, шеф воеииой разведки, поделившийся своими соображеииями с шефом Сюртэ Жеиераль. На господ из Сюртэ сообщеиие фроитовика тоже произвело большое впечатлеиие, одиако ие иастолько, чтобы из-за этого выходить из себя.

Коиечно, и оии тоже считали, что неудачи французской

артиллерии на аргоннском участке — не случайность, однако ни на секунду не сомневались также в том, что источник, из которого штаб тяжелой полевой артиллерии черпает свои сведения о расположении противника, в высшей степени ненадежен. Ведь не кто иной, как они сами, выделили в распоряжение военной разведки часть своих проверенных информаторов, осевших за линией фронта, во вражьем стане. И тому, что противник снова и снова, часто в самую последнюю минуту, уклоняется от огня французской артиллерии, а то и сам наносит чувствительные удары по отлично замаскированным позициям французов, могло быть только одно-единственное объяснение: где-то на аргоннском участке засел отлично информированный шпион, который передает немцам сведения о перемене позиций и боевых приготовлениях французской артиллерии.

В этом-то у господ из военной разведки и их коллег из Сюртэ Женераль единство было полнейшее.

Куда труднее оказалось прийти к соглашению о методах, с помощью которых надлежало разоблачить шпиона. Господа из генерального штаба спешили, а посему предпочли и в данном случае фронтальные, рассчитанные на действие фактора неожиданности, беспощадные операции. Их девизом было: чем быстрее, тем лучше, и потому они на страх иным просто-напросто хватали всех подозрительных. Господа из Сюртэ Женераль и сами в принципе ничего не имели против подобной процедуры, которая почти всегда заканчивалась тем, что не имеющий алиби подозреваемый получал кучку песка под ноги, столб за спину, повязку на глаза да несколько граммов свинца в тело. Однако в успехе таких акций они очень сомневались, ибо песчаных холмиков подобного рода в Венсенне, на аргоннском участке и в других местах и так имелось уже предостаточно, а результаты попаданий от этого лучше не становились. Во всяком случае, до сих пор ни одна из таких экзекуций заметного успеха не принесла, а это могло означать только одно из двух: либо шпион дьявольски изворотлив и умело избегает ареста, либо сидит в таком месте, искать в котором никому даже в голову не приходило.

А коли так, то следовало разбить весь пораженный предательством участок фронта на квадраты и систематически, один за другим тщательно обшарить их, со всей осторожностью разумеется, чтобы не спугнуть шпиона. При этом необходимо было, безусловно, не только обследовать сам участок фронта, но и взять под лупу всех тех, кто приезжает туда или убывает оттуда. Отпускников, к примеру, или курьеров.

Господа в Париже разрабатывали свои планы и координировали операции военной разведки с мероприятиями Сюртэ, а в это время на аргоннском участке в одном из лазаретов сестра Дениз осторожно вытирала белоснежной салфеткой капли пота со лба мечущегося в лихорадке артиллерийского офицера. Немецкой гранатой ему раздробило предплечье, и, не окажись поблизости лазарета с хирургом, его неминуемо ожидала бы смерть от потери

кровн. Теперь он попал в палату, где лежали одни артиллеристы, окруженные особой любовью и заботами графини Дениз, ангела-хранителя раненых.

Дениз де М. была настоящей графиней. Двое из ее братьев сражались на фронте против немцев, отец, не годный по здоровью для службы на передовых позициях, отдавал все свои силы подготовке солдат в тылу. Совсем еще юная, двадцати лет от роду, Дениз была настоящей красавицей, да еще к тому же ласковой и самоотверженной.

Все, кому приходилось с ней встречаться, превозносили ее. Врачи и коллеги-сестры высоко ценили в ней неустанное, беззаветное — вплоть до полного изнеможения — служебное рвение. Дни и ночи Дениз бессменно находилась на своем посту, в удушающей атмосфере пропахшего испражнениями, кровью, мочой и гноем лазарета, подбадривая отчаявшихся и утешая умирающих. В перевязочной ли, у операционного стола — она всегда улыбалась, никогда и нигде не позволяя себе проявить малейшую слабость или выказать брезгливость. Раненых покоряло ее доброе участие, неистощимое, не знающее различий в чинах и рангах, терпение, ее патриотизм: любое сообщение о победах французской армии приводило ее в неописуемый восторг.

Выздоравливающим офицерам, которым графиня Дениз посвящала редкие часы своего досуга, импонировал ее истинно военный склад ума: она внимательно следила за событиями на фронте и охотно слушала их рассказы о боевых эпизодах, иной раз перебивая рассказчика вполне профессиональным вопросом. Она понимающе и добродушно подтрунивала над усердием, с каким они помечали на большой штабной карте, приколотой к стене в ее комнате, тактические позиции ненавистного врага и расположение своих собственных частей, и всякий раз сияли от радости, когда новый юный сублейтенант дополнял карту свежими данными. А у какого, скажите, офицера не потеплеет на сердце от соседства молодой, красивой француженки, которая с увлечением пытается вместе с ним перехитрить врага и обрушить на него град железа и свинца или со скорбной миной и печальным взором молча переживает поражение? И у какого офицера может возникнуть мысль об измене или шпионаже, если его просит помочь в корректировке карты такой очаровательный и прилежный стратег-дилетант? Разве таково лицо измены? Не может, не может быть шпионом человек, столь привлекательный, столь самоотверженный и столь патриотически настроенный!

Да и вообще графиня Дениз происходила из традиционно офицерской семьи, поэтому ее интересы к военным вопросам и почти профессиональная осведомленность в этом предмете никого не удивляли. Нет, ни врачи с сестрами, ни офицеры с солдатами ничего дурного о своей графине даже в мыслях не держали. Тот, кого она просила о любезности помочь ей, почитал себя счастливым, если это ему удавалось, а артиллеристы открыто гордились, что из всех родов войск она отдает предпочтение им, пушкарям!

Однако время от времени личико прекрасной графини искажалось гримасой боли: хроническое, редкое заболевание зубов, против которого лазаретные врачи были бессильны. Помочь ей могла только поездка в Париж, к американскому дантисту, с которым она недавно познакомилась. Этот волшебник бормашины чувствовал себя настолько ответственным за ее челюсти, что о состоянии своих десен она должна была писать ему даже из лазарета, однако чтобы ни один из этих стоматологических бюллетеней, чего доброго, не пропал, графиня предпочитала не посылать их через полевую почту (угодит еще под немецкий артобстрел!), а доверять это маленькое поручение офицерам или солдатам, отправлявшимся в Париж в отпуск на поправку.

В отделе контрразведки Сюртэ Женераль графиня Дениз была столь же неизвестна, как и ее зубная боль: офицерам этого почтенного учреждения довольно часто попадали в руки листки, исписанные изящным почерком графини, и они сочувствовали страданиям несчастной женщины, чья добрая слава докатилась уже и до столичных штабов. Однако сострадание и служебный долг вовсе не исключают друг друга, поэтому письма графини Дениз наравне с прочими тоже передавались доктору Бейлю, известному специалисту по тайнописи.

Доктор Бейль был выдающимся мастером своего дела, и его познания в области препаратов, с помощью которых между строк безобидного письма можно невидимо вписать ценнейшую информацию, стоили жизни не одному вражескому агенту. Весьма тщательно исследовал он и письма графини Дениз, однако они оставались чистыми и непорочными под всеми его препаратами и не обнаруживали ничего иного, кроме того, что десны ее, к великому прискорбию, снова сильно кровоточат или, скажем, что с зубами в данный момент все обстоит благополучно.

И добро бы еще одни только письма: по результатам исследований вполне могло сложиться впечатление, будто в последнее время невидимый поток информации резко пошел на убыль, хотя сотрудники военной контрразведки и Сюртэ Женераль были убеждены как раз в обратном. Доктор Бейль долго и очень основательно занимался проблемами тайнописи и по многолетнему опыту отлично знал, что все секретные службы постоянно ведут поиски все более хитрых «невидимых чернил», стремясь получить такое надежное средство, чтобы ни один непосвященный не смог прочесть скрытый текст, — секретные чернила, проявить которые традиционными препаратами было бы невозможно. Однако ясно было и другое: для любого тайного текста должно иметься, по крайней мере, одно средство, с помощью которого его можно сделать видимым, иначе затея теряла бы всякий смысл. Поэтому доктор Бейль раз и навсегда положил себе за правило — считать, что в каждом письме, которое попадает в его руки, содержится тайный текст, и, не смущаясь, продолжал экспериментировать дальше.

После совещания в министерстве внутренних дел контроль за выехавшими с аргоннского участка стал еще жестче. Так и по-

лучилось, что вскоре доктор Бейль опять держал в руках письмо графини Дениз. Как раз к этому времени он начал заниматься проверкой писем с помощью электролиза.

А тут еще вышли на дичь и сотрудники Сюртэ Женераль. Два специальных комиссара парижской дирекции Сюртэ, одетые в форму артиллеристов, прочесали аргонский участок фронта. Они обследовали штабы соединений, проверяли командные посты, перетряхивали все деревни в округе, обшаривали руины, амбары, церкви, которые могли бы служить убежищем шпиону, и добрались в конце концов до квадрата QA5, в котором располагался передовой полевой лазарет.

Обмотанные бинтами, в потрепанных, украшенных орденами мундирах, они, разумеется, тотчас же вызвали нежное внимание графини, о которой оба уже так много слышали и которая собственной персоной показалась им еще более очаровательной. Графиня Дениз не сводила глаз с обоих офицеров, прибывших, как оказалось, откуда-то с отдаленного участка и весьма обрадованных возможностью поболтать с товарищами по оружию на профессиональные темы. Конечно же, уже вскоре оба побывали в спартанской комнатке Дениз, предстали перед знаменитой картой и, подобно всем прочим, должны были показать на ней положение на своем участке фронта.

Пристрастие к артиллерии обворожительной графини показалось комиссарам очень странным, и при первой же возможности они основательно порылись в ее «штаб-квартире», не обнаружив, однако, того, что искали. В конце концов, карта с флажками могла быть не более чем игрой восторженной офицерской дочки, а кроме этой карты ни единого повода для подозрений у них не было. Обстановка в комнате подчеркнуто скромная: аккуратно застеленная кровать, стеллаж для белья, простенький одностворчатый шкаф, в котором висели лишь два-три платья, на столике чистая бумага, перья, среди которых даже одно старомодное, гусиное, с очиненным стержнем. Единственный предмет роскоши — флакон духов — общему спартанскому настрою не мешал.

Не было, собственно, и причин, которые могли бы заставить ее, графиню де М., работать на врагов Франции. Деньги — наиболее частый мотив предательства? У нее их и так было больше чем требовалось, во всяком случае значительно больше, чем имела обыкновение платить немецкая секретная служба. О политических мотивах не могло быть и речи. С семьей у нее все было в порядке. Родители и братья с сестрами — добрые патриоты, да и сама она воспитывалась в отчем доме в строго патриотическом духе, а в монастырском пансионе — на канонах высокой нравственности и богобоязненности. В жизни Дениз не было ни одного порока, которым ее можно было бы попрекнуть, ни малейшего проявления расхлябанности или распущенности, о котором можно было бы сожалеть, и ни одного мужчины (кроме зубного врача), о котором можно было бы сказать, что он сумел подчинить ее своей воле: по меркам Сюртэ, она была идеалом благонадежности.

Комиссары совсем уже было собирались распрощаться с лазаретом, когда вдруг получили из Парижа приказ дирекции...

Эксперименты доктора Бейля привели к потрясающему результату: между строк одного из писем графини к ее зубному врачу проступил текст примитивно закодированного донесения о передвижении войск на аргоннском участке. Раствор амальгамы, которым было написано тайное сообщение, оказался настолько слабой концентрации, что с помощью всех существовавших до сих пор методов проявления тайнописи воздействовать на него не удавалось. Доктор Бейль сумел сделать тайное явным: прочел скрытый текст и вывел кроткую Дениз на чистую воду.

Прелестную графиню незамедлительно арестовали и препроводили в тюрьму, ее же сообщнику, зубному врачу, удалось своевременно скрыться.

Представ перед следственным судьей, графиня Дениз продемонстрировала сначала потерю памяти, потом закатила истерический припадок, а придя в себя, продолжала уклоняться от допроса, ссылаясь на нестерпимую головную боль. Вынужденная все же отвечать, она гладко и связно понесла такую несусветную чепуху, что даже любому профану невозможно было не понять: чистый ангел находился под гипнотическим воздействием бессовестного негодяя. К счастью, гипноз действует, как известно, лишь до тех пор, пока гипнотизер находится в постоянном контакте со своей жертвой, поэтому демонические чары быстро развеялись и уже на другой день пригожая графиня давала покаянные признания.

Во время своего обучения в Париже, рассказала Дениз потрясенному следственному судье, мучимая на нервной почве сильной зубной болью, она обратилась к зубному врачу К., который сумел пробудить в ней горячую любовь к себе, а затем приказал ей с помощью гипноза подробно доносить ему о расположении французских боевых позиций. Соответствующие сведения она получала от артиллерийских и штабных офицеров, отмечала все это на своей карте и гусиным пером, которое макала в жидкость, налитую во флакон из-под духов, старательно вписывала между строк своих писем. Никаких более подробных сведений она, к сожалению, в данный момент сообщить пока не может, ибо внушенная ей зубным врачом потеря памяти все еще до конца не прошла.

На следующее утро, когда надзирательница принесла в камеру графини завтрак, Дениз была мертва. Как было официально объявлено, она проглотила слишком много таблеток веронала.

Юстиция поспешила прикрыть щекотливое дело, избежав тем самым далеко идущих последствий тягостного разоблачения и избавив почтенное семейство от позора, а солдат комендантской команды — от угрызений совести за участие в расстреле.

Менее таинственным и более шумным оказался заключительный этап жизненного пути другой красотки, стяжавшей скандальную славу в вероломном столкновении империалистических тайных стратегий: девки из публичного дома, исполнительницы стриптиза и двойного агента Маргерит Кэмбелл.

«ГЛАЗ УТРА»

В октябре 1905 года легкая муза Парижа преподнесла почтеннейшей публике спектакль особого рода. Некая женщина, именовавшая себя в витиеватом восточном стиле Мата Хари — Глаз утра — разослала известным импрессарио, востоковедам, представителям прессы, либералам и состоятельным бонвиванам приглашение в святилище Ориента — музей Гимэ на премьеру. Приглашение сулило показ индийских храмовых танцев, и то, что предстало взорам избранного общества, действительно превзошло все самые смелые ожидания.

На фоне восточных драпировок, перед бронзовой статуей Будды свое искусство демонстрировала обворожительная танцовщица, вся одежда которой состояла из легкого газового шарфика да жемчужной нитки на шее. Ее красота, экзотическая грация и волнующая чувственность ее танцев увлекли в равной степени и деловых людей, и жуиров, так что, начиная с этого часа, карьера и доходы миссис Кэмбелл были обеспечены, как, впрочем, и ее трагический конец.

Сведения о жизни этой женщины столь же противоречивы, сколь многозначительны, поэтому летописцы секретных служб и по сей день спорят о том, что здесь правда, а что — вымысел.

По многим источникам, Маргерит Кэмбелл была единственной дочерью голландского фермера Зелле, который жил на Яве и женился на тамошней уроженке. Пока был жив отец, она воспитывалась по-европейски, но после его смерти тупые колонизаторы изгнали яванку Зелле и ее дочь, полукровку Маргерит, из своего круга. Девочка попала к буддийским монахам и стала храмовой танцовщицей. Протанцевала она, впрочем, не долго, — лишь до тех пор, пока ей не вскружил голову лихой шотландский капитан Кэмбелл Маклеод и Маргерит не удрала вместе с ним. В 1895 году, едва пятнадцати лет от роду, в Амстердаме она стала миссис Кэмбелл и ездила с тех пор вместе с капитаном по всем гиблым местам, куда его переводили в наказание. Она родила ему двоих детей и храбро билась за жизнь, когда в согласии с господином Кэмбеллом, а когда и против него. Пьяница-муж стал и ее первым сутенером. В один несчастный день, когда он променял на виски домашнее имущество, Маргерит собрала последние деньги, уехала тайком в Париж и там стала торговать собой во второсортном борделе, пока не накопила достаточную сумму, чтобы организовать премьеру и продемонстрировать себя в качестве Маты Хари.

После недолгих препирательств ханжеские препоны, чинимые высоконравственным парижским префектом полиции в трогательном единении с прокисшей женской лигой, были преодолены, и

вскоре Мата Хари взошла звездой первой величины на эстрады всех больших европейских городов. Позабылись невзгоды неудачного брака и унижения, через которые пришлось пройти на промежуточной станции — в «веселом доме». Теперь все стало по-другому! Она разоряла любовников, кружила головы политическим деятелям и офицерам, искала все новых и новых богатых и влиятельных покровителей.

Сейчас уже в точности не восстановить, когда именно она в первый раз попалась на глаза парижскому бонвивану Пьеру де Монтэссаку. Твердо известно одно: именно его, о котором никто не знал, какими деньгами он оплачивает свою роскошную жизнь, она еще в самом начале своей карьеры стала предпочитать всем прочим своим любовникам. Маркиз де Монтэссак, который имел обыкновение выдавать себя то за офицера русской армии, то за лакея, то за немецкого дворянина, после обучения в Бонне и хранимой им в глубокой тайне карьеры мошенника и гостиничного вора стал в конце концов платным агентом германской военной разведки. Он свободно владел многими языками, был очаровательным собеседником, задушевным другом многих офицеров.

Однако в его интересе к знаменитой танцовщице эротика была лишь на втором плане. Слов нет, она была красива, эта Маргерит. Но куда больше его занимали все-таки мужчины, посещавшие ее роскошную виллу в Нейи: дипломаты министерства иностранных дел, офицеры генерального штаба и различных родов войск, финансовые и промышленные тузы и господа из иностранных представительств. Вряд ли где еще в Париже можно было встретить столь интересный для агента круг людей, чем на этой вилле. А выспросить их осторожненько — это Мата Хари умела, да и возможности у нее для этого были, надо сказать, самые блестящие. Среди ее поклонников числился сам шеф контрразведки, охотно ставший бы ее любовником и руководителем в агентурной работе, когда бы в обеих этих ролях его уже не опередил де Монтэссак (по другим источникам — граф Мирбах). Впрочем, Монтэссак подолгу на вилле Нейи не гостил: беспокойная кровь гнала его вдоль и поперек всей Европы, а вместе с ним порой исчезала и танцовщица. В июле 1914 года Монтэссак вернулся из очередного зарубежного вояжа. Едва успев дождаться милого друга, Мата Хари продала вдруг свою виллу вместе со всей обстановкой и исчезла из Парижа.

Несколько дней спустя ее имя уже появилось в программах большого берлинского варьете — правда, лишь на короткое время, затем она покатила в Амстердам, а оттуда иногда выезжала в Лондон.

В Берлине рядом с ней постоянно бывал некий скромно одетый неприметный господин, которого без посторонних она называла на «ты». Этого мужчину принимали за ее менеджера. И вот в один прекрасный день он исчез.

Зато в Париже снова объявился маркиз де Монтэссак. Его приезд как раз совпал с началом войны. Как выяснилось, маркиз

всегда питал глубокую страсть к летному делу и поэтому сразу же записался добровольцем во французскую военную авиацию. Однако после краткого обучения он стал не летчиком, а офицером административной службы и остался служить в Париже.

Несколько месяцев спустя вернулась в Париж и Мата Хари. Она снова с большим успехом выступала в знаменитых парижских варьете, стала любовницей высокопоставленного чиновника французского министерства иностранных дел. Но вот летом 1916 года газовый шарфик и балетные туфли сиротливо повисли на крючке, а их хозяйка возбудила перед властями ходатайство о пропуске на военную базу, расположенную неподалеку от Виттеля, ибо в ее сердце вдруг проснулась любовь к французским раненым солдатам и она мечтала ухаживать за ними в лазарете в качестве сиделки. Власти оказались сговорчивыми, и вскоре она добилась желаемого. Так и радовала бы Мата Хари днем раненых, а ночами в казино — офицеров-летчиков танцами и благосклонностью, когда бы в эту эротико-патриотическую идиллию не вмешалась вдруг Сюртэ.

S. G. ИЩЕТ *H*-21

В те годы контрразведкой занимались главным образом два учреждения: военная разведка, скрывающаяся под названием Второе бюро, управление которого подчинялось генеральному штабу, и Сюртэ Женераль (общая безопасность), дирекция которой подчинялась министру внутренних дел. Обе организации специализировались, естественно, не только на контрразведке, но и (совместно с другими тайными службами) в налаживании собственной разведывательной сети.

О Втором бюро генерального штаба читателю уже известно в связи с той ролью, которую оно сыграло в деле Дрейфуса.

Говорилось также ранее и о Сюртэ Женераль. Дополним, однако, сказанное выше некоторыми подробностями. Эта ветвь системы государственной безопасности вела свое происхождение от «высокой полиции» Ларейни и министерства полиции Фуше, то есть, иными словами, — от государственной полиции. Позднее ее переименовали и возложили на нее почти неограниченный круг задач. Она в качестве SG (Сюртэ Женераль) сделалась своего рода координационным центром, вторгавшимся порой даже в военные сферы, хотя в армии и на флоте имелись свои собственные секретные службы. Вступая в контакт с военными, Сюртэ Женераль ограничивалась, главным образом, борьбой с иностранным шпионажем и оказанием помощи военным секретным службам. Что же

касается сферы деятельности гражданской администрации, то здесь она являлась всемогущим, облеченным особыми полномочиями органом безопасности, располагающим полнейшей информацией обо всех министерствах и правительственных учреждениях, компетентным во всех вопросах внутренней безопасности и оказывающим самое активное и действенное влияние на все французские секретные службы. Сюртэ следила за политическими партиями и организациями внутри страны, вербовала агентов и осведомителей и создавала собственную разветвленную шпионскую сеть как во Франции, так и за ее пределами. Например, если у министерства экономики вдруг возникала необходимость в получении секретной информации о состоянии экономики какой-либо другой страны, то оно посылало через министерство внутренних дел соответствующий запрос дирекции Сюртэ, которая имела в своем распоряжении новейшие технические устройства, значительные денежные средства, сильный состав научных, технических и иных специалистов, а также разветвленную сеть филиалов. В своей деятельности внутри страны Сюртэ широко пользовалась поддержкой уголовной полиции — преемницы «бригады безопасности» Видока — и парижской полицейской префектуры.

В деле графини Дениз принимала участие вся служба контрразведки Сюртэ совместно со Вторым бюро.

Не избежала внимания этой службы и чародейка Мата Хари. Дирекция Сюртэ давно уже бросала подозрительные взгляды на частые вояжи и беспечную жизнь красивой танцовщицы, однако ни малейшего намека на ее агентурную деятельность замечено не было.

В конце концов ответственному за это дело капитану Ладу бесполезная засада изрядно надоела, и тогда однажды утром Мата Хари обнаружила в своем почтовом ящике недвусмысленное приглашение в бюро Сюртэ.

Как раз к этому времени в Сюртэ поступило тревожное донесение о том, что некий агент *Н*-21 в течение долгого времени передает германской секретной службе строго конфиденциальные сведения о французских военных делах. Все попытки Сюртэ и военной контрразведки выявить этого шпиона до сих пор оставались безрезультатными.

Капитану Ладу и в голову не приходило связывать Мату Хари с таинственным *Н*-21 (такой вариант казался ему абсолютно абсурдным), но он надеялся нащупать с ее помощью тропинку, по которой удалось бы выйти на след долго разыскиваемой дичи. То, что танцовщица занимается шпионажем, не вызывало у него никаких сомнений, а вот в чью пользу — этого он пока не знал. На Соединенное королевство Великобритании? Весьма сомнительно: совсем недавно и по тому же поводу отдел контрразведки Скотланд Ярда пытался прощупать его самого, однако у него хватило сообразительности отделаться от «друзей» с другой стороны Канала ничего не значащими догадками. Еще до начала войны он предпринял попытку передать «Глаз утра» в «Глаз

Сюртэ», но потерпел фиаско. Теперь, как ои полагал, средство и способ уговорить Мату Хари былн у него в руках.

До Сюртэ, которая подробнейшим образом разузнавала все (или, во всяком случае, почти все), кажущееся ей достойным вимаиия, дошли слухи, что Мата Хари серьезно влюбилась в одного раиеного офицера, а потому иепремеиио хочет иавсегда осесть во Франции. Имеиио иа это больиое место Ладу и решил иажать.

— Мадам, — прямо, без обиняков, заявил ои перепуганной танцовщице, — я бескоиечио сожалею, но должеи все же сообщить, что вы должиы немедлениo покинуть Фраицию. Не позже чем завтра утром вы возвратитесь в Амстердам, и иа все время, пока идет война, вам запрещается переступать французскую границу.

Мата Хари сначала подумала, что ослышалась, однако Ладу и не думал шутнть.

— Дело в том, мадам, что все нашн друзья подозревают вас в шпиоиаже.

Как и следовало ожидать, Мата Хари возмутилась и потребовала доказательств, ио капитан вполие определеиио дал ей поиять, что как иностраика оиа вообще ничего требовать ие может, а ее миогочислеиные зиакомства с офицерами фраицузской армии уже являются вполие достаточиым осиоваиием для высылки и оиа должна быть только благодариой французскому правительству, которое позволяет ей уехать вместо того, чтобы арестовать ее и отправить в тюрьму. Час спустя, когда Мата Хари вышла нз кабииета Ладу, у иего на столе лежало подписаииое ею обязательство работать иа французскую секретиую службу.

После встречи с Ладу у Маты Хари состоялся весьма коифидеициальиый разговор с маркизом де Монтэссаком, а через несколько дией она с неизвестными намереииями покинула Париж. Вслед за тем ее видели в Амстердаме, где находился филиал германской секретиой службы. Куда она отправилась дальше — для публнки осталось тайной.

Одиако через иесколько недель Мата Харн снова объявилась в Париже. Первый ее визит был к капитану Ладу.

Виимательио выслушав ее доклад, капитан приказал принести карту Средиземиого моря, довольно долго колдовал над ией и, иаконец, решительно взялся за телефонную трубку.

Несколько часов спустя командующий фраицузской флотилии, крейсировавшей в Средиземном море, получил радиограмму, которая предписывала ему немедлеиио взять курс к берегам Марокко. Этим же вечером, в тот самый час, когда Мата Харн отдыхала в объятиях возлюблеиного от дорожных тягот, возле марокканского побережья орудийиым огнем французского истребителя были потоплеиы две германские подводиые лодки.

Это был первый взиос Маты Хари за вид на жительство.

Впрочем, и гермаиской секретной службе жаловаться иа сквериую жизнь тоже не приходилось. *Н*-21, как и прежде, передавал из Франции весьма важиые доиесеиия, а Сюртэ Жеиераль так и ие приблизилась к иему ии иа шаг. Миого агентов австро-гер-

манского блока попалось в ее сети, только *H*-21 среди иих не было, хотя французской коитрразведке удалось за зто время завладеть германским кодом и с его помощью без труда расшифровывать все немецкие радиограммы.

В центре Сюртз проводилась кропотливая аиалитическая работа. В результате удалось исключить из числа вероятных *H*-21 нескольких агеитов, отчасти сузив таким образом круг подозреваемых. Большего добиться ие удалось.

И тут на помощь капитану Ладу пришел случай. Некая Ханна Виттиг, юиая швейцарская гражданка, состоящая в связи с французским офицером, предложила Сюртэ свои услуги, изъявив готовность работать иа французскую секретиую службу. Ее направили в распоряжение Ладу, и тот дал ей задаиие испытать честность Маты Хари. Несмотря иа подареиные подлодки, капитан все же не очеиь-то доверял своему иовому агенту и поэтому решил разыграть с ней небольшой спектакль.

Он поручил танцовщице коитрабаидой провести в оккупироваиную немцами часть Бельгии пять «важных» писем и передать их там из рук в руки французским агентам.

Замысел капитаиа состоял в следующем: все эти адреса, за исключением одного, были перевербоваиы германской коитрразведкой и работали на иемцев, ио зиал об зтом пока один только Ладу. Теперь Сюртэ подбрасывала им через Мату Хари специальиый «игровой» материал. Если оиа работает иа немцев, то пятый агеит, еще иеизвестиый германской контрразведке, должен провалиться. Капитаи Ладу готов был пожертвовать этим агеитом, лишь бы проверить, можно ли положиться иа таицовщицу. В зту-то хитроумную игру и должиа была включиться Хаииа Виттиг, якобы искавшая дружбы Маты Хари. Против ожидания это ей удалось очень быстро. Ханна Виттиг с ходу нащупала ахиллесову пяту танцовщицы — ее тщеславие, и ловко сыграла на нем, притворившись, что жаждет постичь возле иее кое-что от высшей школы любви — искусства, которым столь блистательио владеет овеяниая легендой и окутанная тайиой зиамеиитая баядера. Этого оказалось достаточно, чтобы приобрести симпатию Маты Хари. Ханна Виттиг (впоследствии — известиая киноактриса) сыграла наивную, восхищеииую простушку столь убедительно, что прожженная аваитюристка позабыла об осторожиости и щедро одарила швейцарку благосклоииостью и доверием. В коице коицов Хание Виттиг даже удалось вырвать у нее признание в шпионаже в пользу Гермаиии и в том, что ее кодовое имя — «*H*-21».

Капитаи Ладу ахиул от удивлеиия, когда сотрудиица преподнесла такую новость, одиако поиачалу отнесся к этому все же довольно скептически. Рассеять сомнения ему помог специальиый агеит, который тайио должен был «вести» ничего ие подозревающую Мату Хари во время ее вояжа. Вскоре после отъезда от иего поступили два важных доиесеиия. Этот специальиый агент видел, как в Мадриде оиа ходила в германское консульство. Ои сел вместе с ией иа пароход «Голландия» и сошел с

судна лишь после того, как английский миноносец забрал ее с «Голландии» и доставил в Лондон. Когда она снова вернулась в Испанию, агент возобновил слежку и однажды, воспользовавшись отсутствием хозяйки, сумел обыскать ее багаж. При этом он установил, что, хотя в Бельгии она не появлялась, писем, которые вручил ей Ладу, при ней больше не было. В Мадриде Мата Хари жила в одном из лучших номеров «Гранд-отеля» в непосредственном соседстве с германским морским атташе. Агент не преминул сообщить Ладу и об этом. Расставаться с Испанией Мата Хари, по всей видимости, пока не собиралась. Она проводила время с германским атташе и вовсю наслаждалась жизнью.

Между тем Ладу сообщили, что его бельгийский агент, тот самый пятый адресат, арестован германской полевой полицией. Вскоре после этого Сюртэ перехватила шифрованную телеграмму, посланную германским морским атташе в Испании шефу немецкого разведывательного центра в Амстердаме. В телеграмме содержалось указание перевести для *H*-21 на парижское отделение банка д'Эсконт 15 000 песет. Чек, как сообщал далее атташе, *H*-21 получит в Париже лично.

В тот же день Ладу получил телеграмму от своего специального агента из Мадрида: танцовщица была уже на пути в Париж.

В ночь на 14 февраля 1917 года Мата Хари остановилась в парижском отеле «Палас». На рассвете отель был оцеплен сотрудниками Сюртэ под командой комиссара Приолле. Ровно в семь утра трое из них вошли в вестибюль, справились о занимаемом танцовщицей номере и поспешили вверх по лестнице на второй этаж. Приолле постучал в дверь. Никакого ответа. Он постучал еще дважды, после чего пригрозил:

— Открывайте или я взломаю дверь!

И тут наконец последовало приглашение:

— Да входите же или вы стесняетесь?

Дверь была незаперта. Рывком распахнув ее, троица видавших виды полицейских оцепенела, не зная, куда девать глаза: Мата Хари, обворожительно улыбаясь, грациозно возлежала на кровати в чем мать родила.

Следствие по ее делу длилось пять месяцев. 25 июля 1917 года третий парижский военный суд приговорил танцовщицу Маргерит Кэмбелл, называвшую себя Мата Хари, к смертной казни.

15 октября она была расстреляна на плацу в Венсенне. Ходит молва, что из всего выпущенного по ней залпа в цель попала однаединственная пуля, зато угодившая прямо в сердце*.

---

* В деле Маты Хари многое остается недостаточно выясненным до сих пор. Существуют версии, сторонники которых излагают события по-иному. Г. Файкс придерживается традиционной точки зрения на роль и судьбу Маты Хари (*Прим. отв. ред.*)

СМЕРТЬ С ЗЕЛЕНЫМ КРЕСТОМ

В 1899 году Германия примкнула к Гаагской конвенции о правилах ведения сухопутной войны, а в 1907 году торжественно подтвердила свой отказ от применения химических боевых средств в случае войны.

Тем не менее 22 апреля 1915 года на Западном фронте, на Ипре, империалистическая Германия развязала газовую войну. На участке фронта шириной в шесть километров войска первого германского армейского корпуса под командованием генерал-полковника Клука выпустили из специальных стальных баллонов в направлении английских позиций большое количество хлора. Это вероломное нарушение международного права стоило жизни пяти тысячам английских солдат, а десять тысяч навсегда остались инвалидами.

Франция за всю Первую мировую войну потеряла от немецких газовых атак 8000 человек, что составляло 2,8% общего числа потерь. То, что этот процент оказался сравнительно невысоким, не в последнюю очередь было заслугой Сюртэ Женераль*.

Осенью 1915 года в Мангейме скромную холостяцкую квартиру одного немецкого инженера неожиданно посетил иностранный коллега — сотрудник родственной швейцарской фирмы, приехавший в Германию по служебным делам. Конечно же, он не преминул разыскать старого друга, и они чуть не до утра болтали о былых временах, вспоминали Париж и некие ночные ресторанчики с мужской обслугой, говорили о приятелях, с которыми водили там компанию, и их судьбах. В какой-то случайной взаимосвязи разговор вдруг перешел на войну и немецкую газовую атаку на Ипре. Тут иностранец выложил наконец цель своей деловой поездки и просьбу, которая у него есть к немецкому коллеге. Швейцарской группе фирм, которую он представляет, стало известно, чистосердечно признался гость, что Германия форсирует производство химических боевых средств, чтобы в ближайшем будущем нанести Антанте сокрушительный удар. Известно также, что германская химическая индустрия создала боевые газы на базе хлора и фосгена, против которых прежние средства защиты неэффективны. Его швейцарские доверители тоже хотели бы заняться разработкой нового газового оружия и поэтому очень заинтересованы в ознакомлении с опытом, приобретенным немецкими коллегами за время работы с боевыми отравляющими веществами. Возможно,

* Думается, что это преувелнчение. Основная прнчнна — несовершенство в то время этого нового страшного оружия, созданного в ходе нмпернал нстнческой войны (*Прим. отв. ред.*).

это помогло бы Швейцарнн нзбежать нзрядной долн дорогостоящих и отннмающих массу временн экспернментов.

Немецкий нняженер, разумеется, сразу же возмущенно отверг постыдное предложенне. Да н как, собственио, гость себе это представляет? Даже еслн бы, предположнм, он (сколь ни иевероятио это звучнт) все же пошел на эту позорную нзмену, все равно он не смог бы дать желаемой информации, поскольку как нняженер фнрмы «Грисхайм-Электрон» нникакого отношения к хнмической промышленностн ие нмеет. И вообще самым уместным для гостя было бы сейчас встать и откланяться.

В ответ ннoстранец только фыркнул н удобнее расположился в кресле. Со стороны его немецкого друга лгать просто иеучтиво. Перед отъездом нз Швейцарии его основательно проинформировалн, а потому ои в курсе всех дел н знает не только о некоем пороке коллегн, но и о его работе в химической промышленности в Маигейме. Не составляет секрета н то, что именно коллега, бывший нняженер-электрнк, работает сейчас иад совершенствованием химических боевых веществ.

Именно поэтому он н не подумает идтн на нзмену, — резко ответнл немец.

Иностранец сожалеюще пожал плечамн. Ну что ж, в таком случае он вынужден нзъясниться иапрямнк н напомннть своему немецкому коллеге о некоторых щекотлнво-пикантиых рандеву в Париже и других французских городах. Виднт бог, во время этих встреч разговоры шли не только о пылких чувствах, но и о коекаких технико-пронзводственных тонкостях, крайне ннтересующих французскую разведку. Было бы весьма печально, если бы германская полнцня узнала об этом, а то н получила бы несколько снимков, которые окончательно н бесповоротно скомпрометируют его немецкого коллегу в глазах щепетильных вильгельмовских чииовннков. Даже еслн его не иакажут за порочность, то все равно снова такой важной персоной ему уже никогда не стать.

Немец пытался лепетать что-то в свою защнту, но специальный агент Сюртэ Шарль Люсьето обрушивал иа него все новые и новые аргументы до тех пор, пока тот не подиял белый флаг и не выдал ему хнмические формулы четырех новых боевых газов.

У Люсьето былн отличные документы. В его паспорте имелись подлинные въездные внзы в Голландню, Норвегию, Швейцарию, стоялн там даже иемецкне печати. А уж в его пронзиошении ни один эксперт-лнигвнст не уловил бы и малейшего намека на французский или нтальянский акцент.

В Мангейме Люсьето пробыл еще некоторое время, а затем, разузнав, что газ, пронзводнмый на здешних заводах, далее отправляют фирме Круппа в Эссен, выехал в Рурскую область.

На следующнй день в отеле «Эссенский двор» снял иомер некий инженер нз Дюссельдорфа, представлявший здесь швейцарскую фирму. Ои быстро завязал связи с разными германскими фирмами, предлагая нм кое-какие дефицнтные товары. Предложения были весьма заманчивы, однако прежде, чем установить со швейцарцем

прочные контакты, деловые люди пожелали всесторонне обсудить их. Представитель Швейцарии оказался человеком в высшей степени любезным и предупредительным. Конечно, его доверитель возлагает на германский рынок большие надежды, и он целиком и полностью согласен с тем, что предложения должны быть внимательно изучены. В конце концов, парой дней раньше, парой дней позже — не столь уж важно! Он останется в Эссене, пока господа не вынесут свое решение.

Так Люсьето обеспечил себе надежное алиби и, пользуясь свободным от переговоров временем, основательно осмотрел Эссен и окрестности.

Инженер из Дюссельдорфа скоро стал завсегдатаем различных ресторанчиков, преимущественно тех, которые предпочитали рабочие и служащие заводов Круппа. Как «истинный рейнландец» он был славным парнем, не чванливым, не жадным, и вскоре уже обзавелся приятелями в самых различных компаниях. Главной темой разговоров была, разумеется, война и шансы на победу у воюющих держав, ну и, конечно, заботы о хлебе насущном. Инженер был очень корректен: никогда не задавал нескромных вопросов и не заводил разговоров на производственные темы. Напротив, если его собеседник начинал болтать что-то лишнее о крупповской продукции, то он прикладывал палец к губам и молча показывал глазами на один из тех плакатов, что в изобилии красовались на всех афишных тумбах и, конечно же, на стенах всех пивнушек, — плакатов, на которых была изображена голова французского солдата с гигантскими ушами и предостерегающая надпись: «Осторожно, враг подслушивает!»

Впрочем, в большинстве случаев это вызывало в ответ лишь снисходительную улыбку. О том, что Крупп производит отнюдь не кухонные кастрюли, и без того было известно всем и каждому; даже жандарм, с которым инженер иной раз чокался за германскую победу, однажды дружески хлопнул его по плечу:

— Брось, камрад, все равно лягушатникам скоро крышка!

— Осторожность никогда никому не мешала, — не согласился инженер.

— Ничего уже больше им не поможет, — продолжал жандарм. — Сделает вот Крупп новые гранаты — и войне конец!

— Одними гранатами войну не выиграть, — возразил инженер. — У противника тоже есть гранаты, и наверное — не хуже наших.

Жандарм высокомерно ухмыльнулся:

— Таких, как у Круппа, нет ни у кого. Разорвется такая штучка — и на сто метров вокруг ни одна муха не уцелеет.

Инженер позволил себе вежливо усомниться. Во-первых, столь эффективные гранаты ему не известны, а, во-вторых, как сведущий в технике специалист он вообще не думает, чтобы в относительно небольшой гранате можно было сконцентрировать энергию такого огромного разрушительного действия.

— Вовсе это никакая не энергия, а газ, — заявил жандарм.

Однако сказанное вызвало только новые сомнения. Газ в гранате? Ну, уж это совсем из рук вон! Какой профан сочинил такую сказку? Начинять гранаты газом? Невозможно! Это все равно, что консервировать воздух в клетке для птиц. Нет, нет — камрад поверил в неосуществимое. Стрелять газовыми гранатами в противника — фантазия. Боевой газ можно выпускать только из специально сконструированных металлических баллонов со своих позиций. В этом и заключается основная слабость газового оружия. Очень уж оно зависит от направления ветра.

Жандарм вскипел от ярости. Что же это, никак господин инженер считает его совсем идиотом? Да он сам, своими собственными глазами видел, как машины заполняют гранаты газом. Газ остается в снаряде до тех пор, пока тот не разорвется. А чтобы доказать недоверчивому господину инженеру, что это не пустая болтовня, он, жандарм, готов заключить с ним пари на тысячу марок!

Однако инженер продолжал стоять на своем, уверяя, что это невозможно, а уж коли стражу порядка так хочется поспорить, то он согласен и ставит свою тысячу марок против десяти жандармовых.

Жандарм с улыбочкой протянул ему руку:

— Пари состоялось! По рукам, камрад!

Несколько дней спустя в отеле «Эссенский двор» два старших инженера крупповских заводов завели между собой разговор о предстоящем посещении предприятий какой-то персоной. Говорили они не очень громко, так что завтракавший за соседним столиком инженер из Дюссельдорфа разобрал далеко не все, однако понял, что речь идет о визите некоего высокого гостя, который должен прибыть в один из ближайших дней и намерен присутствовать на каких-то стрельбах на заводском полигоне Круппа.

Инженер куда быстрее обычного расправился с завтраком, сразу же, не поднимаясь в свой номер, вышел из отеля и отправился фланировать по улицам в районе заводов Круппа. Он заходил в кафе и ресторанчики, обменивался шутками со знакомыми, пока не встретил наконец своего друга жандарма.

«Ну, так как же обстоят дела насчет моих десяти марок? — небрежно спросил он. — Или, может, мой камрад передумал?»

Оказалось, что он попал прямо в яблочко: жандарм как раз по этому поводу сам разыскивал его. Разве господин инженер еще не слышал, что послезавтра к Круппу в Эссен прибывает сам кайзер? И не только кайзер, но и генералы Гинденбург и Людендорф и высокая австрийско-турецкая комиссия? Уж не думает ли он, что все эти высокие особы позволят беспокоить себя по пустякам? Нет уж, их приезд, определенно, связан с этой новой газовой гранатой. Так что господину инженеру придется раскошеливаться, и самое лучшее, если он заранее снимет со своего счета тысячу марок, ибо не далее как в пятницу самолично сможет убедиться, что прусский жандарм тоже кое-что смыслит в технике.

 В пятницу на рассвете жандарм зашел за своим камрадом-инже-

иером в отель и одиому ему известиой тропинкой мимо всех постов провел на полигои. Теперь оба сидели на корточках в блиидаже, иа самом краю испытательного полигоиа.

Утро выдалось ясиое, солиечиое, легкий ветерок едва колыхал редеиькую полигоииую травку. Посередине поля мирно паслось большое стадо овец. Вдруг животиые беспокойно заблеяли. Со стороны главиых ворот послышался какой-то грохот, доиеслись слова комаид. Это иа позицию выкатили 77-мм полевую пушку и иемного поодаль от иее — тяжелую гаубицу.

Затем совсем близко от обоих спорщиков промчался кортеж автомашии и на поле появился кайзер в сопровождеиии целой свиты одетых в иарядные воениые мундиры высших офицеров. Кайзер обошел строй почетиого караула, занял предиазначеииое для иего место и сказал что-то наклонившемуся к нему адъютанту. Тот взмахнул платком, одии за другим прогремели два орудийиых выстрела. Обе гранаты разорвались возле стада. Желто-зеленое взрывиое облако медлеиио покатилось прямо на животных, а когда оио иемиого рассеялось, стало видио, что овцы валяются в траве с судорожно скрючеииыми телами и задранными вверх копытами.

Животные погибли все до едииого. Газ с зелеиым крестом в клочья изорвал их легкие. Гнетущая тишииа нависла иад полигоном. И вдруг, словио взрывая ее, гряиуло, раскатилось по полю громовое ура — зто ликовали господа офицеры.

Двое в бункере, затаив дыхание, следили за ужасным спектаклем. Иижеиер рассеянно вытирал с блодиого лба холодиый пот.

Жандарм не скрывал торжества:

— Ну, камрад, я же говорил!

Инжеиер молча полез в карман и вытащил оттуда пачку баикнот:

— Вы выиграли!

Тысяча марок смеиила владельца. Довольиый жандарм ловко пересчитывал столь легко доставшиеся деиежки. Инжеиер долго молчал, а потом вдруг, слегка смущаясь, обратился к нему с иеожиданной просьбой. О, ои поиимает, что все это не так просто, но ои охотно добавил бы что-иибудь еще сверх проигранной тысячи, если бы ему позволили взять с собой иа память об зтом историческом дие хотя бы одии малеиький осколочек от гранаты... Всего один осколочек? Ну, что ж, можио! Жандарм покровительственно кивиул головой. Потом, когда все разойдутся, он сам придет сюда и позаботится о сувеиире для своего друга.

Вечером того же дня специальный агеит Шарль Люсьето покинул Эссеи. В субботу ои уже добрался до Парижа, явился в Сюртэ Женераль, доложил по иачальству о результатах своей поездки и выложил иа стол осколок гранаты размером с детскую ладонь.

Осколок иемедлеиио отправили в лабораторию, где зксперты установили, что граната была заполиеиа особой смесью фосгеиа с хлором, газом, который вызывает у живых существ мучительиое

удушье. Едннственной защитой от этого газа могла стать газовая маска со специальным фильтром.

Некоторое время спустя французское военное министерство поручило одной нз отечественных фирм наладнть выпуск специальных фильтров нового тнпа для противогазов. К этому времени Люсьето н сотнн других сотруднннков Сюртэ занималнсь уже совсем нными делами.

НАСЛЕДСТВО ФУШЕ

Сюртэ росла, учась на ошибках прошлого. К началу Первой мнровой войны она стала одной нз самых высокоорганнзованных полнций в мнре. Из множества отдельных полицейских служб, создаваемых в теченне иескольких десятилетий и занимавшихся зачастую лншь весьма огранnченным кругом вопросов*, сформировалась единая, всеобъемлющая, четко управляемая система безопасностн, тесно взанмодействующая во всех своих звеньях, перекрывающая все сферы общественной жнзни, всемн средствами н способами охраняющая ннтересы господствующего класса. Буржуазно-республнканские прннципы, в соответствин с которыми полнцейские дела являлнсь делами муниципальными, формально сохранялнсь. Во Франции не существовало, к примеру, государственной полнцейской монополнн, как в Пруссин, однако, с другой стороны, власть нмущие, разумеется, не собиралнсь прнтуплять свое важнейшее внутрнполнтическое оружне чрезмерной дозой демократнн н через край заходящей децентрализацией.

После Парнжской Коммуны во французской полиции все более отчетлнво стало проявляться тяготенне к введению единых прннципов руководства н четкому коордннированию всех государственных органов безопасностн. Гнгантская агентурная сеть становнлась в духе ндей Фуше все более плотной. Наука н техника развивалнсь стремительнымн темпамн, однако эффективность внедрення научных методов н средств в полнцейскую службу не могла быть высокой нз-за того, что отдельные полицейскне учреждения н органы безопасности работали параллельно. В 90-е годы убнйца Вашэ (как ранее н убнйца служанок Дюмойяр) безнаказанно творил свон бесчинства в теченне нескольких лет и сумел убить за это время четырнадцать (0) женщин. Его поймали бы гораздо

* Более того, нередко случалось, что эти службы работали даже друг против друга, как, скажем, тайная полиция Фуше против дворцовой полиции Наполеона или "бригада безопасности" Видока против окружных полицейских комиссаров.

раньше, когда бы не разобщенность и тупость полиции, да не прорехи в организационной системе розыска.

Страиу сотрясали все иовые и иовые кризисы, виутриполитическая ситуация была крайне острой. Не лучше обстояли дела и в области виешней политики, устремлеииой на экспорт капитала и колониальиую экспансию. В этих сложиых условиях французской крупиой буржуазии была иеобходима стабильиая система безопасиости, которая смогла бы иавести должиый порядок ие только в метрополии, ио и в колониях. Самоуправляемая муниципальиая полиция и тщеславиые, самовластиые полицейские шефы этим требованиям ии в коей мере не отвечали. По указаииой причиие французская полиция в своем развитии так и не пришла к той раздроблеииости, которая иаблюдалась в Англии или США*. Более того, по той же самой причиие во всех крупиых политических и экоиомических центрах Франции — таких, как Париж, Лион, Марсель, Тулои, Ницца и др., иаряду с весьма немногочислеиной муниципальиой полицией существует и иезависимая от коммун государствеииая полиция. Ведущими же силами во всей этой системе обществеииой безопасиости были и остаются по сей день Сюртэ и парижская полицейская префектура**. Первая из них — важнейшее управлеиие министерства внутренних дел — заведует всей полицейской службой в целом как во Франции, так и во французских колониях. Круг деятельности второй ограничен департаментом Сеиы. Шефы обоих учреждеиий подчииеиы иепосредственно министру виутреиних дел. Одиако сфера деятельиости обоих этих институтов ие ограничивается чисто адмииистративиыми фуикциями, а включает в себя также функции исполиительные, для чего и Сюртэ, и парижская префектура имеют свой собствеииый исполиительиый аппарат.

Дирекция Сюртэ осуществляет общий контроль за деятельиостью всей административной полиции как виутри страны (исключая департамеит Сеиы), так и за ее пределами. Оиа коитролирует коммуиальную и государствеиную местную полицию. Ей подчинеиы вся виутреиияя разведка, все органы иаблюдеиия и контроля за иностранцами, то есть так иазываемая полиция по делам иностранцев, специальиая полиция, действующая главиым образом

---

* Прнчнны, по которым во Франции относительно давно сложнлся централнзованный аппарат внутренней безопасности, а в США н Англнн управление полицейскнми органами в значнтельной степени децентралнзованно, сложнее н многообразнее. В своей основе это разлнчие определяется разными нсторнческнми условнямн, в которых во Франции, Англии н США происходнло развнтие капнталнзма, а частнчно (в первых двух государствах) н феодализма (*Прим. отв. ред.*).

** Этн и нижеприведенные данные о структуре французского полнцейского аппарата ныне устарели. В частности, более не существует знаменнтой дирекции Сюртз — ее заменила Генеральная днрекция национальной полицни. Изменнлся н статус парнжской полнцейской префектуры, потерявшей свое автономное положенне в полнцейской снстеме (подробнее см. вступит. статью) (*Прим. отв. ред.*).

в политических сферах и осуществляющая одновременно контроль на границах, на побережье и на железных дорогах, а также центральная служба розыска скрывшихся преступников с шестнадцатью бригадами мобильной полиции и подчиненными ей филиалами и отдел, ведающий игорными заведениями.

Круг обязанностей и полномочий Сюртэ чрезвычайно широк. Расчлененная на многочисленные службы, бюро, отделы и отделения, она занимается всем и всеми: назначениями и продвижением по службе, контролем за иностранцами и надзором за бродягами и еще много чем иным вплоть до шпионажа за кордоном.

Весьма схоже с Сюртэ организована и парижская полицейская префектура. Особое положение, которое она приобрела со времен полицейской реформы 1667 года, никем никогда всерьез не оспаривалось. Департамент Сены всегда был и остается до наших дней вне сферы подчинения Сюртэ. Работая в самом тесном контакте с Сюртэ Женераль, парижская полиция тем не менее контролю с ее стороны не подвергается. Сюртэ имеет право в любое время самостоятельно браться за расследование всякого сколько-нибудь значительного уголовного дела в любом городе Франции... кроме Парижа. Что же касается Парижа, то для этого ей требуется специальное разрешение префекта полиции.

Уже после Первой мировой войны в подчинении префекта парижской полиции находились: республиканская гвардия численностью 3000 человек, парижский жандармский легион, состоящий из 105 бригад, униформированная полиция с 8 окружными и 20 районными комиссарами (пришедшими на смену прежним «офисье де пэ» и имеющими под командой полицейскую роту численностью от 350 до 400 человек и 104 постовых полицейских), 5 рот транспортной полиции, уголовная полиция с 850 оперативными работниками, разведывательная служба с двумя политическими секциями, отделом, ведающим игорными домами, и полицией по делам иностранцев.

В целом парижская полицейская префектура состояла из 3 управлений, 18 отделов и около 100 отделений и секторов, не считая 2 химических лабораторий, архива, домов заключения и доброго десятка других учреждений.

Эта структура сохранилась, по существу, почти неизменной и по сей день, а вот условия, которым должны удовлетворять чиновники, наоборот, претерпели довольно сильные изменения. Требования к кадровым работникам стали строже, и такие социальные аутсайдеры, как Видок или Коко Лакур, едва ли имели бы теперь хоть один шанс попасть на полицейскую службу. Перемещения по службе и карьера французских полицейских четко регламентируются. Все они (исключая криминалистов) рекрутируются из рядов армии и обязаны пройти по меньшей мере трехмесячный курс полицейской школы. Прежде чем выпустить на улицы в качестве блюстителей порядка, их направляют для приобретения необходимых навыков в специальные учебные команды. В жандармерию принимаются в основном только унтер-офицеры со сроком

армейской службы не менее пяти лет, но и они проходят интенсивную подготовку в специальной школе. Жандарм остается при этом военнослужащим со всеми правами и обязанностями. Он живет в казарме и обязан носить свою форму даже вне службы. На должность командира жандармского эскадрона может быть назначен только офицер в чине капитана и выше. Только в криминальную полицию разрешают принимать наряду с бывшими чиновниками униформированной полиции также и штатских, имеющих специальную профессиональную подготовку. Следует отметить, что если кто-либо намеревается сделать карьеру и, не задерживаясь на всю жизнь в должности секретаря или инспектора, выйти в комиссары, тот должен иметь законченное юридическое образование или по меньшей мере полное среднее образование.

Исключая бывших солдат, у французских граждан особого рвения идти на полицейскую службу не замечается. Времена, когда генерал-лейтенант полиции получал 35 000 ливров жалованья, давно миновали. Оклад полицейского ничуть не выше, чем у младшего чиновника любого учреждения общей гражданской администрации. Сверх этого он может рассчитывать только на приватную премию «за успех», иными словами — на вознаграждение от благодарных клиентов полиции.

Требования же, предъявляемые к ним правительством, некогда сформулировал в своей речи тогдашний премьер-министр Франции Клемансо: «Полицейский должен обладать терпением, снисходительностью, спокойствием, хладнокровием, осторожностью суждений и выдержкой. Но, с другой стороны, он постоянно должен быть готов в любое время развить бешеную энергию и проявить мужество и решительность, вплоть до самопожертвования. Короче, полицейский должен обладать самыми высокими достоинствами, вообще доступными человеку». Эти требования при сложившихся общественных отношениях оставались, разумеется, не более чем прекраснодушной утопией.

Глава 4

СЮРТЭ И УБИЙЦЫ

МОРАЛЬ СЮРТЭ

Войиа и порожденные ею массовые убийства по приказу остались позади. Полицейские, уцелевшие в битвах под Верденом, на Сомме и в Аргоннском лесу, вернулись домой. Из горемычных «пуалю» они виовь обращались в сноровистых «фликов», чтобы, как и прежде (лишь бы не мешали перебитые кости), регулировать движение, крутить педали велосипедов н размахивать полицейскими дубиикамн. Заскрипели под чииовниками пустовавшие во время войиы кресла н на Кэ д'Орфевр, в уголовиом отделе Сюртэ.

Здесь, как и повсюду, тоже налаживались деловые будни — ие вдруг, скорее постепенно, н даже несколько медленно. Долгое время катастрофически не хватало людей: полицейские и специалисты секретной службы в массовом количестве потребовались в связи с оккупацией Рейнской области, не говоря уже о том, что множество «флнков» пожертвовало своей жизнью и здоровьем в сражениях за прибыли Ротшильда и Тиссеиа, Круппа и Крезо, сине-бело-красных и черио-бело-красных властителей. Как их недоставало теперь на улицах и в полицейских участках Парижа, Марселя, Бордо, Лиона — повсюду!

Немалые потери поиесла, правда, и их клиентура — профессиональные преступники, особенно мелкие, оставшиеся иа поле боя в тех же воронках от снарядов и в тех же братских могилах, что и погибшие «флики». Однако их места давно уже заполнили другие. О подрастающем поколении уголовииков позаботилась войиа и послевоеииый период с их иравами и обычаями. Впрочем, на Плас Пигаль и Вьё-Пар заботами о подрастающей смене и никогда-то не тяготилнсь. К тому же стать преступником проще и быстрее, чем полицейским, да и жизнь у них зачастую получше и позволить оии себе могут побольше. Скажем, провести прилично субботиий вечерок и воскресенье, со всеми полагающимися для такого события атрибутами, стоило тогда добрых 5000 франков — что значили по сравнению с этим жалкие 1800 франков жаловаиья, которые приносил домой начинающий инспектор мобильной полиции? И вообще, для того чтобы работать инспектором, иадо было упорно трудиться, посещать школу, сдавать экзамены н терпеть придирки иачальства. И за все это получить право преследовать именем закона или даже лупить других? Довольно жалкая компенсация! Ничего удивительного, что людей в полиции не хватало н что многие кресла в полицейских участках пока пустовали или заполнялись лишь иа время.

Война на полях сражений, с четкими линиями фроитов была позади, а в стране, не утихая, шла иная, скрытая война, разглядеть линию фроита в которой было подчас довольно трудно. Сражались

рядом друг с другом и друг против друга, во имя благородных целей и во имя чистой демагогии, за хлеб насущный и за максимальные прибыли. Одни твердо знали, чего добиваются, другие этого толком не знали; одни были сыты войной по горло, другие только-только вошли во вкус; одними двигало благоразумие и совесть, другими — алчность и корыстолюбие. В больших городах собрались выброшенные войной на мель люди, увеличив собой и без того немалое число сбившихся с пути истинного.

«Флики» замечали это по участившимся тревожным вызовам и по более интенсивной работе своих дубинок, правительство узнавало об этом благодаря уголовной статистике. Прошло шесть долгих послевоенных лет, пока число преступлений не приблизилось, наконец, к тому, что было в последний предвоенный год, а суды «только» каждый второй день стали рассматривать дела об убийстве и «только» через каждые две недели выносить смертный приговор. Правда, до середины 20-х годов еще сохранялась немалая опасность погибнуть от руки бандита, хотя и несколько снизившаяся, но все еще остающаяся большей, чем перед войной. Как раз в это время правительство разрешило министерству внутренних дел ввести новые штатные должности и полицейский бюджет заметно возрос. В первый военный 1914 год в Париже один полицейский приходился на 336 жителей. Десять лет спустя один полицейский приходился уже менее чем на 300 парижан.

Полиции и юстиции удалось снизить число убийств и краж, и все-таки против одного феномена, казавшегося правительству еще страшнее и опаснее, они были бессильны: отношение к солдатской чести претерпело во Франции столь катастрофическую деградацию, что у полиции хлопот был полон рот. Не обошла волна дезертирства даже жандармерию. Что же касается преступного мира, то, слегка передохнув, он расцвел еще более пышным цветом.

К этому времени относится начало карьеры многих из тех темных личностей, что позднее продали свои души коричневым военным преступникам и их французским приспешникам. От сетей преступного мира не ушла и полиция.

Авантюристы и мошенники в трогательном единстве переживали невиданный доселе подъем: полиция и разведка создали для них сказочную конъюнктуру, при которой преуспевала коррупция и возникли идеальные условия для систематического внедрения фашиствующих элементов в органы безопасности.

Сюртэ Женераль, никогда, как известно, не страдавшая излишней щепетильностью в выборе средств и методов, стала еще бессовестнее, ибо и в ней на передний план выдвинулись гангстерские элементы и прохвосты.

Политические авантюристы носили такие имена, как Лаваль, Думерг или Фланден, мошенников звали Саррэ или Ставиский, а гангстерским группам в Сюртэ можно дать характеристику на примере Кьяппа или Бонни.

Инспектора полиции Бонни, которого правительство Третьей республики торжественно провозгласило «детективом Франции

№ 1», первое правительство Четвертой республики приговорило к расстрелу как презренного коллаборациониста, причем сотрудничество с фашистами и предательство своего отечества были, как оказалось в дальнейшем, не первыми и не единственными его преступлениями. Еще задолго до того этот «почтенный» человек продвинулся к руководству тайной полицией путем вымогательств, подделок документов и других служебных преступлений. Его шеф, префект полиции Кьяпп, имел обыкновение преследовать обманутых и покровительствовать мошенникам. У специальных подразделений Сюртэ, «мобильной гвардии» и «особой службы» тоже находились общие интересы с преступным миром. Когда требовалось, они могли стать глухими и слепыми, как мраморные столбы, а удары наносить, как самый плохой драчун, — растопыренными пальцами. Важных свидетелей в случае необходимости Сюртэ заставляла умолкнуть навсегда.

Ревнивец, застреливший свою возлюбленную, скорее всего, — просто глупец; убийца-грабитель — преступник, но полицейский, который убивает преднамеренно, — это чудовище! В Сюртэ водились такие чудовища. Один из тех, кто знает обо всем досконально, ибо возглавлял секретную службу в Сюртэ Женераль, — бывший директор полиции Дюкло в своих воспоминаниях перечисляет добрый десяток лиц, которых Сюртэ преднамеренно убрала с дороги, потому что те были неприятны неким высоким персонам или слишком много знали. Мораль у Сюртэ была с двойным дном, поскольку эта полицейская организация так никогда и не смогла полностью избавиться от печати своего рождения и от наследия своих шефов Видока и Фуше, Эро и Бонни. Когда ушел Видок, было провозглашено, что никогда больше не может быть полицейского из бывших преступников. И этому запрету следовали со всей педантичностью. Однако по сравнению с не подвергавшимся прежде наказаниям Бонни или некоторыми другими господами, с которыми мы еще познакомимся, каторжник Видок был невинной овечкой.

Никто не откажет в уважении полицейскому, честно и добросовестно несущему свою трудную службу, никто не станет оспаривать тот факт, что Сюртэ располагает способными сотрудниками, отличающимися высокими служебными и человеческими качествами. Они есть и были, вне всякого сомнения, во все времена. Почему бы и не быть в их рядах одному или даже нескольким Мегрэ?

ДВОЙНОЕ УБИЙСТВО В «ЭРМИТАЖЕ»

11 апреля 1934 года в некоторых французских газетах появились заметки следующего содержания: «Вчера был обезглавлен Александр Сарре (55 лет), приговоренный судом присяжных в Буше-дю-

Рои 21 октября прошлого года к смерти за убийство. Его прошение о помиловании президент республики отклонил. Казнь прошла без всяких инцидентов».

Никаких инцидентов и в самом деле не произошло. Голова Сарре, как и было запланировано, скатилась в корзину с опилками. Гильотина сполна воздала по счету, предъявленному судом человеку, который некогда сам чувствовал себя в суде, как дома.

Александр Сарре, грек, родившийся в 1879 году в Триесте, был адвокатом, и даже довольно известным, из числа тех адвокатов, что ревностно стоят на страже свободы разного сорта мелких и крупных жуликов. Сарре неплохо на этом зарабатывал, ибо прекрасно разбирался во всех несообразностях и прорехах в законах, вокруг которых и кормится знающий человек.

То, что в конце концов он все-таки завяз, да еще столь глубоко, что вынужден был лечь под нож «месье Дэблера», следует приписать единственно его алчности, которая с годами росла все больше и больше. Ну, а если уж говорить о первопричине всего этого, то она состояла в том, что в 1925 году марсельская полиция неправильно поняла некоего месье Кламотта.

Месье Кламотт, владелец уединенной виллы между Марселем и Экс-ан-Прованс, именуемой «Эрмитаж» и сдаваемой им внаем приличным людям, весной 1925 года сдал свой «Эрмитаж» марсельскому адвокату Сарре, который имел обыкновение отдыхать там под сенью старых деревьев от шума и суеты большого города и духоты судебного зала.

Мэтра Сарре, который до своей натурализации в 1903 году именовался Александро Сарраяни, считали в буржуазных кругах «хорошей партией»: его манеры были столь же гладкими и шелковисто-мягкими, как иссиня-черные волосы, бумаги, которые он составлял для своих клиентов, были еще более выразительными, чем черты его лица, а стиль жизни, которую он вел, был ничуть не менее изысканным, чем были изысканы его гонорары. Немудрено, что мечтательная гувернантка Кетэ Шмидт из Баварии без памяти влюбилась в этого провинциального кавалера.

Кетэ (или Катрин, как она себя называла во Франции) приехала в Марсель со своей старшей (на семь лет) сестрой Филоменой незадолго до Первой мировой войны. Юные и наивные девушки покинули свою баварскую деревню, рассчитывая обрести во Франции большое счастье — счастье, понимаемое ими как богатая жизнь, роскошные платья, изобилие драгоценностей и красивый, галантный мужчина, который владеет необходимыми для этого средствами. Однако подобные экземпляры оказались крайне редкими даже во Франции и по марсельским улицам просто так отнюдь не фланировали. Это открытие произвело на обеих сестер удручающее впечатление, особенно когда они разобрались, что тех скромных средств, которыми они располагают, хватит очень ненадолго. Делать нечего — пришлось обеим до поры до времени зарабатывать на жизнь самим.

Пухленькая, темноволосая Филомена успела еще в Германии

сдать зкзамеи иа звание учительницы и поэтому могла во Франции наняться гуверианткой. Что же касается ее светлеиькой, голубоглазой и стройной, как тополек, сестры, то она пустилась в странствия еще до сдачи зкзамеиа и ие могла предложить ничего другого, кроме весьма приятиой виешиости. Однако фортуна оказалась к Кетз милостивой и послала ей аванс в лице местного редактора, который поместил в своей газете ее объявлеиие и помог тем самым определиться иа место в качестве боииы.

Годы шли, а сказочиые принцы так и не появлялись. Мечты сестер постепеиио становились все скромиее. И вот тут-то их стежки как раз и скрестились с охотиичьей тропой адвоката Сарре. Многосведущий мэтр поддерживал отиошеиия с семейством, где боина Кетэ Шмидт рассказывала детишкам волнующие сказки о принцах и пастушках. Ну что ж, за неимением принца сгодится, пожалуй, и адвокат, решили сестры, и действительио спустя недолгое время обе совсем уже переселились иа виллу «Эрмитаж», а Кетз Шмидт тайком даже отрабатывала новую подпись: Катрин Сарре. Стать своячеиицей Сарре отнюдь не возражала и Филомена тем более, что и ей тоже грешно было бы жаловаться на недостаток внимания. Вилла, правда, без прислуги, и роскошь — так себе, но, что поделаешь, уж лучше так, чем совсем без виллы и вовсе без роскоши. Одиако, полагаясь на адвокатские денежки, сестры жестоко ошибались.

Как-то вечерком за шампанским и икрой гостеприимный хозяин выпустил из мешка первого кота, поведав им, что с блаженным иичегоиеделаиием скоро иадо будет кончать: долгов у него больше, чем волос на голове, и кредиторов, к сожалеиию, тоже куда больше, чем клиеитов. Дела последнее время идут из рук вои скверно. Крупные акулы имеют большей частью своих собственных, достоуважаемых адвокатов, а мелкая рыбешка не в состоянии хорошо заплатить, так что его жизненному стандарту грозит серьезная опасность. Первое, что ему надлежит сейчас сделать, — зто отказаться от виллы, да и вообще ограничить себя во многом, ну а сестрицам придется, стало быть, ничего не попишешь, снова подыскивать службу.

Для сестер Шмидт зто было поистине жестоким ударом. Мрачная перспектива — обратио в детские, к чужим людям — повергла их в полиое отчаяиие. Имеиио такую реакцию и предвидел бравый адвокат. Дождавшись, когда сквозь потоки слез безутешные сестры перестали уже видеть икру, он выпустил из мешка второго кота. Раздумчиво и иесколько иерешительно, будто бы это только сейчас, сию минуту, пришло ему в голову, он стал излагать свой план возможиого выхода из трудной ситуации. Да, конечно, ие очень-то здорово все это получилось, однако случаются вещи и куда похуже... Живет же вот, скажем, в вонючем портовом переулке, в квартале Ла Жольет, зтот моряк Дельтрёй, смертельно больной человек, которого иедавно выписали из госпиталя с неизлечимым туберкулезом. Одии как перст, бедияга, — никого из родственников. Даже питаться толком и то ие может. Сарре как-то коисульти-

ровал его по одному пустяковому делу н узнал, что, по заключению врачей больннцы, жнть бедняге осталось, самое большее, полгода, а там уж чахотка все равно его доканает. Почему бы Кетэ, для проформы разумеется, не вступнть с ним в брак и не застраховать жнзнь этого полумертвеца на большую сумму, на 100 000 франков, к примеру. Ну, а там — заплатить пару раз страховой взнос да ждать себе спокойненько месяц-другой, пока он не отдаст богу душу. Зато уж потом как вдова и наследннца она получила бы страховую премню и надолго освободилась бы от фннансовых забот.

Столь шикарная перспектнва подействовала на сестрнчек подобно целнтельному бальзаму, н они вновь воспрянули духом. Правда, все же поначалу Кетэ пыталась немного покапризннчать: уж не полагает ли Сарре, что она н в самом деле согласится затеять что-лнбо с этнм полуживым Дельтрёем и даже (о, ужас!) нсполнить свой супружеский долг?

Однако Сарре знал, чем ее успоконть. Дельтрёй теперь уже настолько далек от всего земного, что подобного рода встряски больше не доставляют ему нн малейшей радостн. Он был бы куда более счастлнв, если бы какая-ннбудь добрая душа согласилась сказать в мэрни «да» н освободнла бы его от забот о хлебе насущном, — большего он не требует. Так что быть с ннм рядом, кроме этого единственного раза в мэрнн, ей вообще не придется.

Такнм образом, по крайней мере в частн, касающейся Кетэ, вопрос был решен. Что касается Филомены, то для нее кое-что оставалось пока неясным. Очень уж все как-то просто получается! Еще вопрос, согласнтся лн страховая компания застраховать, да прнтом на большую сумму, смертельно больного человека? Насколько ей нзвестно, перед заключеннем подобного рода контрактов все страховые общества обычно настаивают на всестороннем врачебном обследованин.

Сарре скрнвнл губы в высокомерной улыбке: в чем-чем, а уж в этаких-то делах он разбнрается! Ну, разумеется, больного Дельтрёя посылать к врачам нельзя. Для этого следует подыскать другого, здорового Дельтрёя. Впрочем, его даже и нскать-то не надо. Есть тут некий Шамбон, который за весьма скромный гонорар охотно согласится на эту роль. Конечно, этот самый Шамбон не очень-то джентльмен, но для подобной акцнн сгоднтся за милую душу.

Возражений у сестер больше не было. Операция началась. Уже через неделю состоялось бракосочетанне, в результате которого Кетэ Шмидт стала Катрнн Дельтрёй. Ровно шесть месяцев спустя слабый легкнми моряк Дельтрёй умер от чахотки. После похорон страховая компання безоговорочно выплатнла безутешной вдове страховую премню.

Вилла «Эрмнтаж», очертя голову, пустилась в многодневные, веселые поминки. Но вот, на четырнадцатый день вдовства Кетэ беспечальной тронце нанес внзнт нежданный гость. Шамбон, тот самый Дельтрёй-дубль, без которого «лавочка» не заработала бы, презрел все договоры н решил-таки напомннть о себе. Прн мыслях

о жирном куше, который беззаботное трио намеревалось просадить на собственные развлечения, полученное вознаграждение стало казаться ему просто нищенским. И бывший священник Шамбон, вынужденный сиять рясу по причине своего давнего и прочного пристрастия к живительной влаге, окроплять коей глотку любил куда более, нежели лоб святой водой, твердо решил, что смириться с этой жалкой подачкой было бы грешно. На беспутную жизнь ему требовалось несколько больше, чем ему выдал скаредный Сарре.

Напрасно взывал адвокат к его порядочности, напрасно упрекал в нарушении договора и вещал об обмане и шантаже — экс-патер оставался непреклонным в своих требованиях и продолжал тянуть руку, совершенно недвусмысленно давая понять, что намерен разделить с ним наслаждения до последнего су. Сарре неплохо разбирался в арифметике и быстренько прикинул в уме, что этаким способом афера «Дельтрёй» довольно быстро станет для него предприятием убыточным. А когда в одну из пятниц Шамбон к тому же заявил, что собирается в понедельник нагрянуть на виллу вместе со своей подружкой Ноэми, чтобы как следует урегулировать с ними свои финансовые отношения, опечаленная троица окончательно убедилась в крахе всех своих радужных надежд.

Сарре кипел от ярости. Но что же делать? Затевать с Шамбоном новую перепалку? Что толку! Нет, от настырного дармоеда надо отделаться раз и навсегда. И тут в голову ему пришла спасительная идея.

— В понедельник говорите, месье Шамбон? Что же, хорошо, к этому времени мы кое-что приготовим!

Не ожидавший столь легкого успеха Шамбон недоверчиво уставился на невозмутимого адвоката, пытаясь постичь, нет ли здесь какого коварства, но тщетно: Сарре отлично владел своей мимикой.

— Особых хлопот мы вам не доставим, — посулил Шамбон. — Нас вполне устроит одна комната. Достаточно большая, разумеется, и непременно — окнами в сад. Больше всего на свете Ноэми любит солнце.

— Постараемся, чтобы вы остались довольны, — ответил Сарре.

— Я буду здесь в первой половине дня, так что если комната покажется мне неуютной, то мы успеем еще перебраться в другую. Ноэми приедет с полуденным поездом, — сказал Шамбон, явно наслаждаясь тем, что партнер — у него в лапах.

В этот час своего мнимого триумфа экс-священник не только подписал себе смертный приговор, но и сам определил срок его исполнения, о чем, впрочем, явившись в понедельник утром на виллу «Эрмитаж», еще не имел понятия. Находясь в прекрасном настроении, он поболтал с Филоменой, возившейся возле дома с мотоциклом, отпустил пару рискованных комплиментов белокурой Кетэ, встретившей его стаканчиком водки, и не выказал ни малейшего разочарования по поводу того, что не видит своего

друга Сарре. Не вызвало у него подозрений н то, что, поднимаясь с ннм на верхний этаж, Кетэ сделала сестре знак, по которому та на полную мощность включила мотор своего мотоцикла. Мощная машина, без глушнтеля, учннила такой дикий грохот, что все другие шумы в нем полностью потонулн. Кетэ, будто ненароком, подвела Шамбона к стоявшей подле камина трехстворчатой шнрме, за которой его караулил Сарре с готовым к выстрелу пистолетом. Выждав удобиый момент, когда Кетэ отвлекла на себя внимание Шамбона, адвокат прямо нз-за ширмы, с расстояния какого-ннбудь полуметра, всаднл ему в голову пулю. Пуля вошла в мозг чуть позади левого уха н сразнла его на месте. Кетэ молниеносно накинула на голову падающего Шамбона плед, чтобы не выпачкать пол кровью. Затем оин вместе оттащилн мертвеца в ванную комнату, где давно уже все было прнготовлено. В ванне, заботливо прнкрытой двумя толстыми стеклами, дымилась концентрнрованная серная кислота. Между тем Филомена тоже поднялась наверх, и преступная троица прннялась разыгрывать последний акт в деле Шамбоиа. Для защиты от паров кислоты онн заткнули ноздрн ватными пробками, рты закрыли марлевыми повязками, а глаза — очками н лишь после зтого занялнсь трупом. Разрезав для быстроты шнурки, сняли обувь.

Прежде чем опустить убитого в ванну, Сарре обыскал его карманы н забрал себе деньги н часы. Кнслота мгновенно начала разъедать одежду и мягкие ткани трупа. Они снова прикрылн ваину стеклами и заперли комнату.

Несколько часов спустя, около двух пополуднн, явилась и Ноэми Балландру. Опять возилась Филомеиа возле дома с мотоциклом, опять, как и в первый раз, грохот мотора заглушил звук выстрела. Однако теперь Кетэ даже не пришлось тратнть усилий иа прнем гостьн. До гостиной Ноэмн просто не дошла. Сарре и Кетэ подстерегали ее прямо за входной дверью, и смертельный выстрел настиг возлюбленную Шамбона, едва она успела переступить порог.

Десять минут спустя ее труп уже плавал в серной кислоте.

Не прошло и недели, как предприимчивое трно аккуратно захоронило в саду все, что осталось от парочки, которая заннмалась вымогательством. Нн у Шамбона, ни у Ноэми Балландру родственников или знакомых, которые обеспокоились бы их отсутствием, ие было. Ни один человек, как установила впоследствин полиция, не зиал, куда онн поехали в поиедельннк, и не предполагал, что они могут быть убнты, не говоря уже о том, кто бы их мог убить.

Лето прошло, н в Эксе уже началн осыпаться с деревьев листья, когда дружиая троица решила, наконец, переселнться с виллы «Эрмитаж» в Марсель, где легче было переждать зиму, да и возможиостей для пополиения кассы нмелось больше.

Криминалистам хорошо известен тот своеобразный факт, что преступник постоянно придерживается методов, которые однажды принесли ему успех. Этот «почерк» столь характерен, что

уголовные полиции всего мира наряду со сведеннями о преступннке пунктуально регнстрнруют н его «способ работы».

Мошенническое трно Сарре не являлось нсключением, а потому и решило, пользуясь старой методнкой, «вскрыть вены» еще одной страховой компанин.

Однако сначала они отдали обратио ключн владельцу виллы месье Кламотту н даже заплатилн вперед за целый месяц сверх прожнтого. Это насторожило Кламотта, и он не стал дожидаться, пока истечет зтот месяц, на что как раз и рассчитывал Сарре, а буквально на следующий же день нагрянул на виллу, чтобы рассеять свои подозрення н убеднться, что все в порядке. Обойдя помещение, хозяин поначалу успокоился: все было иа своих местах. Его только раздражал какой-то пронзительный запах, идущий из ванной комнаты н нз всех сливных труб. Когда же он повнимательнее осмотрел пол и обнаружил на лестнице, в корндоре, ведущем в сад, н даже возле раковины в кухне, а также в столовой множество пятен, похожих на те, что возникают от капелек крепкой кислоты, то снова занервннчал. Затем он обследовал сад, где тоже отыскал несколько мест, которые, определенно, были перекопаны совсем недавно н источалн столь же отвратнтельную вонь, что н ванная комната. В кладовке для инструментов месье Кламотт нашел пару мужских ботннок с перерезаннымн шнурками н одну дамскую туфлю, с которой кто-то срезал застежку. Все зто еще больше укрепило его в подозрениях к щедрому съемщику, и он, не теряя времени, сообщил обо всем прокурору, который направил его в полицию, пославшую, в свою очередь, вместе с ним на виллу «Эрмитаж» инспектора н иескольких жандармов.

Пренебрежнтельно пожимая плечами, полицейские повертелн в руках обувь, с отвращеннем обнюхали садовую землю и сливные трубы, посмотрелн на загадочные пятиа. Наконец, инспектор со страдальческой миной поднял руки вверх.

«Ничего по нашей части нет, месье Кламотт! Если вам желательно возместнть ущерб, то обратитесь самн прямо к своему съемщику. Мы, к сожалению, ннчем вам здесь помочь не можем!»

С зтим онн н распрощались. На заявлении месье Кламотта появилась резолюция, нз которой с полной определенностью следовало, что заявнтель действовал только из своих личных денежных претензий; на вилле «Эрмнтаж» не обнаружено ни малейших признаков какого-лнбо уголовно наказуемого деяния, а следовательно, для полнцин нет ннкаких оснований продолжать заниматься этнм делом.

Тем все и кончилось. Полицин настолько все было очевидно, что она вообще не сочла нужным хотя бы поинтересоваться у Сарре, чем же он, собственно, так провонял всю виллу. Дружная троица о полнцейском внзнте на виллу «Эрмнтаж» даже и не подозревала, все ее помыслы целнком были поглощены разработкой очередного набега.

В одной нз марсельских больниц сестры отыскалн больную туберкулезом совершенно одинокую мадам Лоренци, которую нн-

кто никогда ие навещал н которой (как некогда н Дельтрёю) врачи предсказывали скорую смерть. Достойная всяческого участия женщина не зиала, что и подумать, когда у ее постелн появились, откуда ни возьмись, две милые дамы и наперебой принялись ухаживать за ней. Ей было так приятно живое человеческое участие, да еще в зтой юдоли скорби, где страдания, долгие хвори и смерть притупляли все чувства, где каждый был занят только самим собой. А ведь какое зто счастье — ожидать посетителей, принимать маленькне знаки вннмания н доброты! С жизнью мадам Лоренци мысленио давно уже простилась, ничего доброго для себя она уже больше не ждала, и вдруг появляются зти милые, добрые сестры, и оказывается, что жизнь вовсе еще не коичена, излечение возможно (скажем, в одном из новейших швейцарских санаториев) и зто чудо не будет стоить бедной женщине ии единого су.

Как ии странно, сильнее всего верят в чудо, как правило, самые разиесчастные, больше всех обиженные судьбой люди. Такова была и мадам Лоренци, с готовностью вручившая Кетэ свои документы, чтобы та могла все подготовить для поездки в Швейцарию.

На зтот раз Сарре послал к страховому врачу свою кухарку. Договор о страховании был заключен, и сестрам оставалось только уговорить мадам Лоренци составить завещание, в котором оиа отказывала все то немногое, что имела (не зная, разумеется, о высоком страховом полисе), своим дорогим подругам Катрин Дельтрёй и Филомене Шмидт. Все, о чем ее просили, мадам Лоренци выполнила в точностн.

И тут вдруг случилось непредвиденное. Мадам Лоренци умерла слишком рано, всего через десять дней после того, как Сарре сделал первый страховой взнос.

В страховых обществах привыкли ко всякому, однако чтобы женщина, которую медицинская комиссия прнзнала абсолютно здоровой, вдруг умерла через десять дней после зтого от чахоткн — такое и там было в днковинку. Компания задержала выплату страховой премии и назначила расследование.

Сарре отлично знал, к чему могут привести зто неприятное дознание, наведение справок в других страховых компаниях н строгие допросы, поэтому он, со своей стороны, немедленно подал заявление об отказе от премии. Опечаленные сестры, как нзвестил он страховое общество, ни в коем случае не желают извлекать для себя нз смерти своей любимой подруги Лоренци материальную выгоду. Компания со спокойной совестью может оставнть себе как премию, так и сделанный взнос. Инцидент был исчерпан, и жульническое трио снова ускользнуло от суда. Однако, как вндно, выводов для себя они из зтого не сделали, ибо тут же начали подыскивать следующую кандидатуру.

Новую жертву звали Магали Эрбин. Двадцати четырех лет от роду, одна на всем белом свете, она лежала в марсельской туберкулезной больнице и, по заключению врачей, жить ей оставалось не более полугода. Спектакль, разыгранный сестрицами с мадам Лоренци, повторился во всех деталях.

Однако на сей раз Сарре решил действовать наверняка. Перед врачами должна была предстать сама Кетэ. На ее же имя был заключен и страховой договор, причем на столь высокую сумму, что для выплаты взноса за полис Сарре вынужден был залезть в долги.

Магали Эрбин переселилась из больницы в квартиру милосердной троицы. Уход за ней взял на себя домашний врач Сарре доктор Гюи. То ли больничные врачи ошиблись в диагнозе, то ли доктор Гюи оказался очень хорошим врачом, так или иначе, но отправляться в мир иной Магали Эрбин вовсе не торопилась. Более того, состояние ее здоровья с каждым днем заметно улучшалось, так что через несколько недель она могла уже выходить с сестрицами на прогулку. Сарре опять просчитался!

У другого на его месте руки бы опустились, да только не таков был Александр Сарре! Провал? Ну, уж нет! В соответствии с его новым планом Кетэ и Филомена с усердием принялись таскать Магали с одного увеселительного мероприятия на другое в надежде, что уж теперь-то болезнь наверняка доканает ее. Вотще: ночные гульбища явно шли ей только на пользу, и растроганная Магали не знала, как благодарить своих добрых, бескорыстных подружек.

Горемычный адвокат проклинал врачей и их неверный диагноз: Магали Эрбин благоденствовала, а Сарре с ужасом думал о том, что на очередной страховой взнос денег у него, пожалуй, не хватит. Деваться было некуда — надлежало действовать и, не мешкая, собственными руками спасать честь медицинской диагностики. О пистолете в данной ситуации, разумеется, не могло быть и речи. А вот яд!.. Как-то вечерком вино в бокале Магали сдобрили несколькими капельками этого зелья, и наутро молодую женщину нашли в ее постели бездыханной. Доктор Гюи незамедлительно подписал свидетельство о смерти, оставив при этом графу с именем покойной незаполненной: это должен был сделать сам Сарре, составляя необходимые документы для погребения. Лучшего адвокату желать и не приходилось. Он заполнил свидетельство о смерти на имя Катрин Дельтрёй, и три дня спустя Магали Эрбин тихо и скромно была захоронена под этим именем на городском кладбище, Филомена получила страховую премию, мошенническое трио поделило выручку, и Кетэ под именем Магали Эрбин быстренько упорхнула в Ниццу. Там она вскоре познакомилась с коммерсантом Грегуаром, вместе с которым и проводила время. Вакантное место при Сарре, в Марселе, немедленно заняла ее сестрица Филомена.

По всей вероятности, Кетэ в недалеком будущем снова сменила бы фамилию, став теперь мадам Грегуар, когда бы не прискорбный случай... На этот раз «комиссар Случай» явился в образе медицинской сестры, которая ухаживала за Магали Эрбин в марсельской больнице, где свела знакомство также с ее подругой Кетэ. И вот, нарочно не придумаешь, именно эта самая медсестра, как по заказу, попала однажды в тот самый ресторан, где обедала в

это время лже-Магали со своим обожателем. Может, все еще и обошлось, когда бы не телефонный вызов из Марселя. Звонил Сарре. Зная, где обычно обитает счастливая парочка, он попросил гарсона позвать к телефону Кетэ, и тот громко, на весь ресторан, прокричал: «Мадемуазель Магали Эрбин, к аппарату!»

Имя Магали Эрбин настолько редкое, что медсестра сразу же вспомнила свою прежнюю пациентку. Неужели это та самая Магали Эрбин, что исцелилась столь сенсационным образом, а затем, после смерти своей подруги Катрин Дельтрёй, внезапно уехала из Марселя? Нет, она непременно должна ее поприветствовать!

Полная радостного любопытства, она подошла поближе и... застыла в неописуемом ужасе: вместо чудом выздоровевшей Магали Эрбин перед ней стояла схороненная в Марселе Катрин Дельтрёй!

Кетэ тоже сразу узнала медсестру и, перепугавшись ничуть не меньше той, бросилась сломя голову прочь. Молниеносно оценив ситуацию, медсестра кинулась следом за ней и с помощью полицейских задержала беглянку.

У Катрин Дельтрёй, урожденной Кетэ Шмидт, она же Магали Эрбин, нервы оказались слабыми, запиралась она недолго. Выложив ошеломленным нищским инспекторам всю подноготную о преступлениях трио Сарре, заливаясь слезами, она поклялась уцелевшими костями экс-пастора Шамбона, что она и сестра были не более чем заблудшими баварскими овечками, которых адвокат-преступник Сарре сделал своими сообщницами против их воли.

Кетэ доставили в Марсель. Там старый полицейский инспектор вдруг вспомнил (через восемь лет!) о заявлении месье Кламотта и горько пожалел о своих столь легкомысленно упущенных возможностях. А впрочем, как знать, может еще не все потеряно? С удвоенной энергией он принялся за повторное расследование.

Однако через восемь лет вилла «Эрмитаж» ничего существенного выдать уже не смогла. Куда более результативной оказалась эксгумация трупа Магали Эрбин. Улик, попавших в руки уголовной полиции и следственного судьи, оказалось вполне достаточно для вынесения приговора.

Отмечая чистосердечное признание сестер и учитывая смягчающие вину обстоятельства, суд определил им по десять лет тюрьмы каждой.

Александру Сарре в просьбе о снисхождении было отказано.

В большой прессе дело Сарре резонанса не получило: ничтожный убийца и второразрядный мошенник, он был для нее не более чем мелкой рыбешкой, едва различимой в ярком блеске «славы» своих «именитых» коллег.

СЮРТЭ И ФИНАНСОВЫЕ ТУЗЫ

12 марта 1932 года между девятью и одиннадцатью часами утра в роскошной квартнре на авеню Внктора Эммануила III, 5, в Париже раздался револьверный выстрел. Пятидесятидвухлетний мужчина, один из самых богатых в мнре людей, старый холостяк, спичечный король Ивар Крейгер пал мертвым на пол. В сообщении прессы предполагалось, что смертельный выстрел произвел он сам.

Официально не выдвинув ннкакой иной версии об обстоятельствах дела, Сюртэ, однако, н не внесла Крейгера в учет самоубийц в Париже, как это требовалось по инструкции. Для этого были, несомненно, основания, так же как и для отказа исследовать, как обычно, отпечатки пальцев на орудии преступления. Точно неизвестно также, почему дневники и личные записи покойного, изъятые полицией, были затем уничтожены, так что родственникам и друзьям не удалось на них даже взглянуть.

Причину всех этих обстоятельств Сюртэ и по сей день хранит в тайне, в силу чего в этом загадочном деле о самоубийстве до сих пор остается по меньшей мере столько же темных уголков н закоулков, как и в самой жизни и биографии Ивара Крейгера.

Этот человек, всю свою жизнь в претенциозной скромности сторонившийся широкой гласности, мужчина во цвете лет, чьи дни ни с того ни с сего, за здорово живешь, оборвала вдруг револьверная пуля, входил в число самых крупных акул международного финансового капнтала, был одним из тех, что обедают с главами правнтельств, разговаривают на «ты» с министрами финансов, без малейших угрызений совести пожирают своих более слабых конкурентов и с отвращением плюют на типов, подобных Сарре или Стависскому. Его редкие волосы всегда были тщательно причесаны, брюки заботливо отутюжены, галстук-бабочка аккуратно завязан, а рубашка свежа и кипенно-бела по крайней мере до тех пор, пока по ней не расплылось широкое кровавое пятно, на фоне которого на некогда безукоризненной манишке проявилось вдруг множество других темных пятен.

Обратить за двадцать лет стодолларовую наличность в многомиллионное состояние, подняться за это время от рядового инженера до одного нз самых могущественных финансистов в мнре — такое по плечу только великому авантюрнсту и продувному мошенннку, нбо замечено, что от трудов праведных, даже при очень большом усердии, подобная метаморфоза никогда еще нн с кем почему-то не прнключалась.

Ивар Крейгер вышеупомянутыми качествами обладал в избытке. На эту стезю он ступил еще двадцатилетним юношей, когда, соскучившись на маленькой отцовской спичечной фабрике в Кальмаре, покинул с сотней долларов в кармане свою родину Швецию н

очутился по ту сторону «большого пруда»*, чтобы там, в «стране неограниченных возможностей», рьяно включиться в охоту за прибылью.

Экономическая конъюнктура и бурное развитие капитализма в Америке, позволявшие оборотистым людям загребать баснословные прибыли, манили из старушки Европы в Новый Свет сотни авантюристов. Однако в отличие от великого множества других юный Ивар Крейгер оказался в высшей степени твердым и целеустремленным, да к тому же еще и куда более сообразительным, чем большинство его коллег. Все это помогло ему сделать стремительную карьеру в качестве специалиста по стальным конструкциям. Это занятие принесло ему столь высокие доходы, что уже в 1907 году он основал вместе с партнером строительное предприятие «Крейгер и Толль», превратившееся четыре года спустя в акционерное общество с основным капиталом в миллион шведских крон. Какая часть из этого миллиона принадлежала самому Ивару Крейгеру — неизвестно, но даже если считать, что он владел всего лишь половиной основного капитала, то все равно это было колоссальным взлетом: полмиллиона — такая сумма, что лицу, пожелавшему накрестн ее за одиннадцать лет, пришлось бы все эти годы откладывать на свой счет по пять крон в час, включая и ночное время. Однако для Ивара Крейгера этот блистательный взлет оказался не более чем скромной прелюдией: его настоящая карьера началась лишь два года спустя.

Как раз в это время Ивар Крейгер сделал для себя весьма важное открытие: маленькие шведские спички, скромный отцовский бизнес, таили в себе неисчерпаемые возможности! И он переключился на них с такой бурной энергией, что уже через несколько лет стал главой гигантского спичечного концерна, включавшего в себя сто пятьдесят фабрик в тридцати странах мира, на которых трудилось свыше шестидесяти тысяч рабочих. И все же это была далеко еще не вершина... Звездный час Ивара Крейгера пробил после Первой мировой войны, когда многие государства, обескровленные экономически, сотрясаемые социальными кризисами, оказались на краю гибели. Ни вражеских, ни союзных стран у Ивара Крейгера во время войны не было. Политические убеждения столь же чужды деньгам, как и патриотические чувства. Крупным финансовым гениям подобные сантименты — только лишняя обуза. Крейгер стриг шерсть со всех воюющих держав сразу, а когда война окончилась, то с готовностью стал предоставлять кредиты любой стране, согласившейся отблагодарить его за это добрыми процентами и спичечной монополией. Все ближе и ближе подбирался концерн Крейгера к всемирной спичечной монополии, владея уже по меньшей мере шестьюдесятью (а по отдельным источникам — даже и всеми девяноста!) процентами мировой спичечной продукции. А это означало, что «спичечный король» мог

* Атлантический океан (*американский сленг*) (*Прим. перев.*).

теперь практически повсюду устаиавливать по своему произволу цены иа спички, вздувая их до максимальных.

Однако источником его доходов были отнюдь не только спички. Концерн владел толстыми пакетами акций в горнорудной промышленности, в бумажно-целлюлозном производстве, в машиностроении, электроиндустрии и многих других отраслях производства. Ему принадлежали железнодорожные и пароходные линии, огромные земельные участки по всему миру и даже золотые рудники в Боливии.

Было бы ошибкой считать, что если кто неправедно разбогател, то и жизнь он ведет тоже неправедную. Вовсе не обязательно. В частной жизни такой богач может быть вполне приличным человеком.

Что же касается методов, которыми он пользуется, чтобы нажить и преумножить свое богатство, то уж здесь-то со всей определенностью можно утверждать, что они «дурно пахнут». У Ивара Крейгера, к примеру, скромность была маленьким пунктиком: он запретил называть себя «господином директором» и именовался всегда просто инженером, орденов и почестей всячески избегал, персоны своей никогда и нигде не выпячивал. И все же человеком чести он отнюдь не был. Правда, об этом стало известно лишь после его смерти...

Во Франции его хорошо знали, как и во всем мире. Он очень любил Париж и держал там (как и во многих других столицах) постоянную квартиру (ту самую, где так трагически оборвалась его жизнь) и деловую контору.

В 1927 году, когда смертельно больной франк совсем уже было готовился отдать богу душу, доктору Крейгеру с помощью инъекции в семьдесят пять миллионов долларов удалось поставить его на ноги, и с тех пор французское правительство сделалось его должником. Кредит этот, как и все прочие, приносил ему изрядные проценты.

Крупные и средние французские банки высоко ценили Крейгера, чей концерн постоянно заключал с ними выгодные сделки. Да что Франция — во всей капиталистической Европе не было правительства, которое чуралось бы его кредитов. Только с 1927 по 1931 год он ссудил деньгами четырнадцать государств.

Зона влияния Крейгера захватывала Южную Америку с Мексикой, достигая Китая и Японии. Пресса называла его «Наполеоном мировой экономики» — с полным почтением, а отнюдь не для того, чтобы намекнуть на Ватерлоо.

24 октября 1929 года, в так называемую «черную пятницу», когда на нью-йоркской бирже разразился ураган и крейгеровские акции тоже зашатались, ему на помощь немедленно бросились американские банкиры.

В Америке он был очень тесно связан с крупным банком Ли Хиггинсона, смыкавшегося, в свою очередь, капиталами с группой Рокфеллера (тем самым весьма чувствительно наступая на пятки клике Моргана). В Европе Крейгер кооперировался с добрым

десятком крупных и мелких банков, перехватывая кормушку у могущественных Валленберга и Ротшильда.

Акулы, как известно, без зазрения совести пожирают друг друга, а закономерным следствием получения прибылей являются поиски еще больших прибылей и, наконец, — прибылей любой ценой. Только вот расплачиваться-то за эти сверхприбыли приходится, как правило, другим. В деле Крейгера этими другими оказались многочисленные мелкие банки и акционеры, для которых револьверный выстрел 12 марта 1932 года оказался сигналом о банкротстве.

Сказать, что комиссар Манго из мобильной бригады парижской Сюртэ пришел в большой восторг от данного ему задания, было бы явной неправдой. Ни один нормальный маленький человек не полезет по своей охоте в дела сильных мира сего. Ничего доброго это ему, как правило, не сулит. Что такое, в конце концов, для людей калибра Ивара Крейгера послушный приказу комиссар Сюртэ? Всего лишь ничтожный, маленький человечек, и самое лучшее, что он может сделать, — это не становиться им поперек дороги. Любое непродуманное слово, малейший шаг без подстраховки начальства могут обернуться концом служебной карьеры. Один лишний вопрос, один нескромный взгляд, куда не следует, — и знаменитый детектив, гроза преступников, немедленно потеряет поддержку шефа Сюртэ.

Отец семейства Манго от такого риска, конечно же, постарался бы уклониться, комиссар же Манго должен был его взять на себя, поскольку получил задание расследовать происшествие на авеню Виктора Эммануила III, 5.

Ни в Париже, ни в Нью-Йорке, ни в каких иных местах об этом фатальном выстреле публика пока еще не знала. Парижане целиком были поглощены прощальными почестями умершему 7 марта видному политическому деятелю Бриану, журналисты взахлеб смаковали подробности погребальных торжеств в Париже и пытались предсказывать результаты предстоящих выборов германского рейхс президента.

Таким образом, Манго на первых порах был избавлен от толпы любопытствующих репортеров, лезущих со своими назойливыми расспросами, от которых, того и гляди, попадешь в дурацкое положение. Поначалу он получил задание, по мнению шефа, нетрудное: как можно дольше хранить в тайне смерть Ивара Крейгера.

Комиссар с почтительным трепетом вступил в жилище человека, имевшего в год на карманные расходы больше, чем два комиссара Сюртэ зарабатывают за всю жизнь, осмотрел помещения и отметил в записной книжке какие-то детали. Покойный мирно лежал в своей кровати — голова чуть откинута в сторону, правая рука свесилась через край. На ковре, рядом с кроватью, прямо под свесившейся рукой, отливал тусклым блеском револьвер. Жилет на убитом расстегнут, на некогда белоснежной, а теперь насквозь пропитанной кровью рубахе, возле самого сердца, отчетливо

можно было различить окруженное темным кругом копоти маленькое входное отверстие от пули.

Манго старательно описал всю картину самоубийства, осторожно поднял револьвер и принялся за бумаги, лежавшие на изящном стильном столике. Он внимательно изучил надпись на конверте прощального письма, порылся в туго набитом портфеле, заглянул в дневник покойного. Затем комиссар позвонил своему начальству и, обстоятельно доложив о том, что обнаружил и в каком виде обнаружил, получил в ответ краткую инструкцию о дальнейших действиях. Это распоряжение, видимо, немного озадачило его. Несколько секунд он размышлял о чем-то, сосредоточенно наморщив лоб. Потом комиссар отдал распоряжения прибывшему с ним чиновнику и начал упаковывать письменное наследие покойного...

Все казалось ясным как божий день. Врач засвидетельствовал наступление смерти, парижская секретарша Ивара Крейгера, Карин Бокманн, опознала в убитом своего шефа, а вице-президент крейгеровского концерна Литторин подтвердил ее показания. Из прощального письма, адресованного директору Литторину, следовало, что некий врач в Америке настоятельно советовал покойному в интересах здоровья полностью устраниться от дел. Он, Ивар Крейгер, чувствуя себя бесконечно усталым и не в состоянии более переносить трудности, которые несет с собой кризис, решил уйти из жизни.

Прямо-таки какое-то классическое самоубийство, — размышлял Манго, — точь в точь о которых говорят во время учебы в полицейских школах и какие нечасто бывают в жизни. Нет, у Манго, разумеется, даже и в мыслях не было ослушаться распоряжения шефа, поручившего ему скорее организовать обмывание трупа, чтобы уложить наконец мертвого спичечного короля в гроб. И все-таки кое-какие детали непроизвольно вызывали у него смутную тревогу. Как объяснить хотя бы тот факт, что совсем незадолго до смертельного выстрела Крейгер пребывал в отличном, оптимистическом настроении? Ведь это же явно противоречило мотиву самоубийства...

Комиссар Манго отлично знал, сколь опасными могут показаться разные смутные подозрения и поэтому старался избегать каких бы то ни было рискованных умозаключений. Однако некоторые загадочные неувязки этого дела игнорировать было просто невозможно. Взять, к примеру, то обстоятельство, что Ивар Крейгер прибыл во Францию из США на «Иль де Франс» всего за день до своего самоубийства, а точнее — в пятницу утром, и явно был намерен провести во французской столице не одну неделю. Еще в пятницу вечером он позвонил по телефону в Стокгольм своему брату Торстену, кратко сообщил о результатах поездки в США и разъяснил, что в Париже ему также предстоят важные переговоры с банкирами. О том, что жить надоело, — ни слова. Позднее, когда на бирже акции Крейгера опять полетели кувырком и о тайных финансовых трясинах, в которых прихо-

дилось барахтаться покойному спичечному королю, всем стало известно, узнали также н то, что во время этого телефонного разговора с братом Ивар Крейгер был настроен чрезвычайно оптнмистнческн н намекнул даже, что теперь-то все неприятности, определенно, будут улажены.

Могло, конечно, статься, что его оптимнзм был напускным. Кто играет в покер по-крупному, тот должен уметь блефовать, а уж у Ивара-то Крейгера вся жизнь была сплошной нгрой в покер. Впрочем, позднее, когда с фасада крейгеровского концерна кусок за куском начала отламываться облнцовка н на дневной свет выглянула кладка, состоявшая, как оказалось, из финансово-экономического щебня, от предположений о напускном оптнмнзме комнссар Манго полностью отказался. Зачем, спрашивается, было умному Ивару Крейгеру в этом последнем телефонном разговоре со свонм едннственным братом, который и сам глубоко увяз в делах крейгеровского концерна, попусту тешнться напускным оптнмизмом? Не благоразумнее ли было дать брату деловые указания для устранення кое-каких непрнятностей? Человеку его калнбра явно подобало бы поступить нменно так. А может, спичечный король вовсе н не думал, что этот телефонный разговор с братом будет последним?

Однако пока все эти соображення увязывались друг с другом, Сюртэ уже отозвала своего комнссара обратно, а бумаги Крейгера отправнла в секретный архив.

Еще 12 марта, в день, когда Манго в соответствнн с прнказом начал заннматься пронсшествием, стало нзвестно, каким странным самоубийцей оказался спнчечный король. Перед тем как пустнть пулю в сердце, он успел назначнть ряд деловых совещаний, отменнть которые уже не смог. Одно из них должно было состояться 12 марта в 11 часов утра в «Отель де Рин». Специально для этого из Стокгольма вызвалн внце-президента Литторина. Участвовать в совещаннн было отдано распоряженне н секретарше Крейгера, то он был финансовым воротилой, европейскнм боссом неизменно заканчнвал отнюдь не словами «прощайте» или «будь здоров», а своим обычным «до свнданья!». Это было всего за несколько часов до того, как его нашли мертвым. Завтрашний самоубнйца, прн условии, конечно, что он не верит в воскрешенне н загробную жизнь, такой бодро-контактной формулы прощания, наверняка постарался бы нзбежать. Что же касается Ивара Крейгера,то он был финансовым воротилой, европейским боссом американского типа, а такие менеджеры верят только в сияние золота здесь, на земле, а отнюдь не в мире ином, в ннмбах святых. Вовсе не будучи набожными, онн, как правило, охотно прнтворяются нми. Будь Крейгер и в самом деле глубоко верующим, всерьез уповающим на свндание в загробной жизни, наверное, уж он выбрал бы времечко для нсповеди прежде, чем отвести курок. Между тем на предсмертную нсповедь не было нн малейшего намека. Прн множестве грехов, в которых Ивару Крейгеру прншлось бы прнзнаваться, он, определенно, не смог бы

уже (или еще) позавтракать в девять утра. А он позавтракал! Комиссар Манго установил это вполне официально, равно как и то, что завтрак был сытный, а едок пребывал в отменном настроении.

Даже у самого закоренелого убийцы и то перед казнью застревает кусок в горле; что же касается самоубийц, то большинство из них скорее думает о выпивке, нежели о том, чтобы плотно закусить. Крейгер же, напротив, ел, а не пил. Как любой другой, кого впереди ожидает напряженный, трудный день. Комиссар Манго сопоставлял факты и показания, тасовал их и так и этак — все сходилось к одному: спичечный король Ивар Крейгер был самым редким из всех самоубийц, с которыми комиссару доводилось иметь дело. Но ведь были же, были возможности пролить свет на это таинственное происшествие! Есть орудие убийства, на котором должны остаться отпечатки пальцев — пальцев Ивара Крейгера: ведь нашли-то его без перчаток. Было прощальное письмо, которое следовало бы подвергнуть графологической экспертизе, чтобы идентифицировать почерк Ивара Крейгера. Были дневники и личные записи, изучение которых могло бы, наверное, дать какие-то дополнительные данные. А секретарша и многочисленные парижские деловые партнеры спичечного короля? Их-то уж, наверняка, следовало бы хорошенько обо всем расспросить. Неплохо было бы также попытаться отыскать кое-кого из врагов и завистников покойного, поинтересоваться его личной жизнью. Стоило, наконец, задаться и сакраментальным вопросом: кому выгодна, а кому невыгодна смерть Ивара Крейгера. Разумеется, комиссар отлично понимал всю сложность ситуации. Попробуй только заикнись о необходимости такого расследования — сразу наступишь кому-то на любимую мозоль, а скрытно, негласно с задачей не справиться.

Нет нужды перечислять все те неприятности, которые посыпались бы на комиссара Манго. И так уже, стоило ему доложить начальнику о своих сомнениях и о том, что, по его мнению, следовало бы сделать еще, как немедленно последовало категорическое распоряжение: дело Крейгера оставить так, как оно есть, и впредь им не заниматься. Комиссар Манго попытался было что-то возразить, но шеф только угрюмо покачал головой. Его и самого-то далеко не во все посвятили. Во имя высших интересов. Сюртэ всегда отличалась поразительным нюхом на разные сомнительные ситуации, а уж что касается дела Ивара Крейгера, то шефам шефа было, по-видимому, хорошо известно, в чьи финансовые уделы пытается вломиться этот самый комиссар Манго.

И все-таки кое-что выплыло наружу (хотя в этом не заслуга Сюртэ). До вечера смерть спичечного короля удалось удержать в секрете, как раз до того часа, пока в Нью-Йорке не захлопнулись двери биржи. Эта отсрочка для определенных финансовых кругов оказалась как нельзя более кстати. В Стокгольме о неожиданной кончине Ивара Крейгера тоже узнали лишь к вечеру 12 марта. Акционеры крейгеровского концерна и его кредиторы еще

иадеялись, что удастся каким-то образом если не предотвратить, то хотя бы оттянуть падеиие курса крейгеровских акций. Люди Крейгера, американский баикирский дом Хиггинсона и другне занитересованные лица всячески опровергали упориые слухи о том, что концерн Крейгера якобы стоит иа пороге финансового краха. В доказательство приводили прошлогодний нтоговый баланс компании «Крейгер и Толль». Согласио ему и вопреки всем сплетням Уолл-стрнта еще в 1931 году актив крейгеровского концериа составлял сто миллионов крон.

А потом произошел грандиозиый крах. Сначала по капелькам, а под коиец пролнвным дождем обрушились на публику роковые вести. Многократно цитируемый позитивный баланс крейгеровского коицерна оказался фальшивым — спастн концерн было уже иевозможно. Акулы международного деиежного океана, Валленберги и Ротшильды, Моргаиы н Лазары, почуялн добычу. Разоблачеииям легендариых надувательств и мошеннничеств спичечного короля ие предвиделось конца.

22 марта 1932 года Ивар Крейгер был кремирован в Стокгольме. Десять дией спустя пресса сообщила, что отчет о состоянии дел компании «Крейгер и Толль» за 1930 год оказался неверным. Лоидонская посредническая фирма «Прайс и Уотерхауз», которой была поручеиа проверка деловых бумаг концериа, установила, что Ивар Крейгер в целом ряде случаев лично давал указання приукрасить илн фальсифнцнровать полностью баланс. Завышались активы, вносились фальшнвые доходы, нсключалнсь пассивы. И все это с едииственной целью — втереть очки акционерам и деловым партнерам, заставить их увидеть фантом экоиомической мощи там, где на самом деле былн только крнзнс, неплатежеспособиость да банкротство.

Но оказалось, что это еще не все. С каждым днем становилось все яснее, что иекогда прославленный «Наполеон мировой экоиомики» был шарлатаном самого высокого класса, набившим руку на колоссальиых ссудных сделках, в которые ои вступал, не имея наличных средств. Не оказалось, например, в иаличии средств для выплаты польских займов и погашеиий, срок которых нстекал в марте и апреле. К 1 апреля 1933 года в одной только Аиглии надлежало выплатить в счет баиковских авансов шесть с половиной миллиоиов фунтов, а в банках США за концерном числилась задолжеиность в размере девяти миллнонов долларов.

Заговорили и о других фактах, которые удалось извлечь на свет божий шведской криминальиой полиции. Статьи актива компании «Крейгер и Толль» при ближайшем рассмотреиии также оказались подделкой, ответственность за которую лежала иа Иваре Крейгере персоиально. В сейфе спичечиого треста храиилось, скажем, сорок два долговых обязательства итальяиского правительства на общую сумму свыше ста тысяч аиглийских фунтов. Отпечатаны они были по-английскн, гарантированы нтальянским государством и подписаны нтальяиским мииистром фииансов — вполие реальная цеиность, еслн бы оии еще к тому же были настоящими! Беда кои-

цериа состояла в том, что итальянское правительство об этих ценных бумагах и представления не имело, да и ие могло иметь, поскольку иа свет они появились в стокгольмской типографии и итальянского целебиого воздуха даже ие нюхалн. Типографский заказ оформлял сам Ивар Крейгер, ои же собственноручно подделал и подпись итальянского министра финансов. В том же сейфе храиились и две облигацин итальянского правнтельства по 1 533 700 английских фунтов. Они тоже оказались фальшивымн.

Не успело шокироваииое общество проглотить эту горькую пилюлю, как последовало очередное разоблачеиие. Как оказалось, еще в 1925 году первое соглашеиие коицериа с польским правнтельством о спичечиой моиополии было так «подправлено» Иваром Крейгером, что в бухгалтерских книгах доход показывался все время существенно выше той суммы, какой достигал иа самом деле. Далее выяснилось, что коицерн Крейгера с целью добиться благополучного курса через подставных лиц скупал собствеиные акции.

Директора крейгеровского концериа вынуждены были покаяться и призиаться в подделках баланса, которые они выполняли по распоряжению шефа. Одновременно в ходе ревизии были разоблачеиы двое бывших ответственных служащих компании «Крейгер и Толль», которые давно уже присвоили втихомолку сто шестьдесят пять тысяч крои, а в 1931 году основали на них собственную маклерскую коитору.

Не снижая темпа, лавиииа разоблачений катилась дальше, и от всего этого складывалось впечатление, что концерн Крейгера давиым-давио уже обанкротился н еще существовал исключительио благодаря мошеиническим манипуляциям своего шефа. И последняя поездка Ивара Крейгера в США, и намечаемые переговоры в Париже — все это было направлено лншь к одной цели — раздобыть деиег для разореиного концерна.

Однако его путешествне в Штаты оказалось безуспешиым: банкирский дом Моргана пустил в ход свои мощные связи и добился того, что спичечный король отправился в обратный путь с пустым карманом.

Обо всем этом комиссар Маиго узиал зиачительио позднее. Из прессы. И все же у иего еще, пожалуй, оставался шанс высветить добрый участок в этих джунглях шельмовства, иадувательства и подделок. В начале апреля 1932 года стокгольмский баикир Хёгманн дал в Сюртэ показания против своего парижского коллеги Барро. Осеиью 1931 года Хёгманн внес в депозит Барро в качестве гарантии под заем пятнадцати миллионов марок крейгеровские облигации стоимостью в тридцать миллионов марок. Барро, обязанный по договору хранить облигации у себя, иемедлеиио (бог знает, по какой причине) спустил довереииые ему бумаги иа иью-йоркской бирже, чем и подстроил спекуляцию на понижение курса крейгеровских акций. Сюртэ собрала сведения о Барро. Преиебрегать ими, казалось бы, ие следовало, однако показаииям банкира

решено было все же хода не давать. Дело Крейгера вновь не подвинулось в расследованин. Сюртэ раз н навсегда наложила на него табу. Она молчнт н по сей день, н это самым определенным образом позволяет предполагать, что за столь необычной сдержанностью кроются чьн-то весьма важные ннтересы, может даже н такне, скрытые двнжущне пружнны котоғ ых не разглядеть невооруженным глазом в сумеречной атмосфере военной секретной службы.

В 1935 году, вовсе того не желая, к себе привлек всеобщее вниманне некий месье Лемуан. Месье Лемуан служнл во Втором бюро французского генерального штаба (в военной секретной службе) н руководил там отделением, которое заннмалось добыванием н нзготовленнем фальшивых документов. Высококачественная подделка всегда предполагает точное знанне орнгинала, наличие соответствующих ннструментов н участне высококвалнфицированных экспертов. Поэтому секретные службы собнрают всевозможные подлннные документы н подлинные подписн на случай, еслн когда-ннбудь потребуется нзготовнть дублнкат. Хватает у них и средств для того, чтобы прнобрести отличные инструменты н воспользоваться услугамн лучших экспертов.

Месье Лемуан был пойман на том, что для собственной выгоды продавал, да к тому же еще сомннтельным покупателям, фальшивые документы, изготовленные в его служебной мастерской.

Но разве у Ивара Крейгера не нмелось мастерскн сработанных государственных бумаг, подделка которых явно превосходила его собственные способностн н скромные возможностн маленькой шведской тнпографнн? Может, спичечный король тоже, как предполагает французский нсторнк Бержье, был в числе приватных клнентов месье Лемуана?

Комиссар Манго, которому столь многое в этом деле показалось в высшей степенн подозрнтельным, молчал о нем много лет, пока однажды не высказал свою точку зрения одному шведскому журналнсту. Этот журналист все еще продолжал копаться в деле спнчечного короля даже после того, как весь мир давным-давно уже забыл о нем н думать; что же касается точки зрения комнссара Манго, то он в самоубнйство Крейгера не верил.

Не вернл в это н брат покойного спичечного короля Торстен Крейгер. Именно ему прншлось расхлебывать кашу, заваренную братцем. В 1936 году шведский Верховный суд приговорил его за ложное банкротство к одному году тюремного заключення и к возмещенню убытков в размере одного миллиона крон.

Почти два десятка лет он вел в печати яростную кампанию с целью доказать, что его брат Ивар, во-первых, не совершал самоубийства, а был убнт н, во-вторых, вовсе не был мошенником. Однако обоснованных доказательств, которые убедилн бы шведский Верховный суд в необходнмостн пересмотра дела, ни по первому, нн по второму пункту Торстен Крейгер представнть так и не смог.

Однако все же нельзя игиорировать того обстоятельства, что существовали-таки две международные группы финансистов, которым гибель конкуреита сулила явную выгоду и которые поделили затем иаследие крейгеровского концерна между собой: это тесно связаниый с группами Рокфеллера и Ротшильда франкоангло-американский банк Лазара и группа Валленберга, прозванного «шведским Ротшильдом».

ЧЕЛОВЕК С УДОСТОВЕРЕНИЕМ СЮРТЭ

«Владелец сего удостовереиия Стависский, ои же Серж Алексаидр, уполномочен в сношеииях с представителями официальной власти ссылаться на мое имя и в случае необходимости требовать от иих помощи

Сюртэ Жеиераль, Париж
подлинно подписал *Баяр*,
комиссар полиции.»

Человек, за действия которого один из самых важных чинов Сюртэ с готовностью поручался своим высоким имеием, был не только особо способным агентом, заслуживщим во французской службе безопасиости серебряные шпоры, но и одиим из самых тертых, продувиых авантюристов, которые всплывали когда-либо с парижского дна, закоренелым преступником, сумевшим уже из гроба свалить два правительства, двух шефов полиции и прокурора и явившимся причииой самого крупного после Панамы жульнического скандала.

Стависский, ои же Серж Александр, обладавший, по едииодушному мнеиию всех свидетелей, «чрезвычайно благообразной» внешностью, быстрыми темиыми глазами с ресницами, как у кииозвезд, и чутким иителлектом, вовсе не был обычиым полицейским осведомителем из числа тех, что за скромный гоиорар долго и нудно тяиут лямку агентуриой службы, лелея голубую мечту о сытом бюргерском существовании. Ои не был и подпольным адвокатом, как Сарре — мелкотравчатый страховой спекулянт на чахоточных каидидатах в покойиики, прибегиувший в коице концов к иаиглупейшему из всех способов — к убийству.

Уровня Ивара Крейгера Стависский, правда, не достиг, но, с другой стороны, если разобраться, то не так уж ои был от иего и далек.

Имеиио по этой самой причиие, удачно увернувшись от падающего иожа гильотины, Стависский все же ие смог уберечься от револьвериой пули, о которой, как и в деле спичечного короля,

никто так и не знает достоверно, кем она была выпущена. Жизнь этого архиплута была такой же бурной, как у большинства крупных проходимцев. Он то всплывал на самый верх, то барахтался в придонной тине, то лихо швырял тысячами, то с грустью выскребал из карманов последние су, чтобы расплатиться за кусок хлеба. Возле него вечно кишела целая свора продувных адвокатов, крупных знатоков изощреннейших уловок для обхода правосудия.

Александр Ставиский родился в 1886 году на Украине, неподалеку от Киева, в семье зубного врача. Позднее он переселился вместе с родителями во Францию, принял французское гражданство и посещал одну из самых солидных парижских гимназий. Его родители, люди состоятельные, ни в чем не отказывали дорогому отпрыску. Впоследствии Ставиский-отец, скромный и высоконравственный человек, наложил на себя руки от стыда за сыночка.

Менее строгим к требованиям высокой морали оказался в отличие от него Ставиский-дедушка, введенный в соблазн своим двадцатитрехлетним в ту пору внуком и арендовавший вместе с ним в 1909 году театр «Мариньи» на Елисейских полях. Дед и внук решили попытать счастья в шоу-бизнесе. Курьез этой затеи состоял в том, что насчет деньжат у обоих было столь же скудновато, как и насчет понятия о том, что такое сцена. Тем не менее они с ходу развили лихорадочную деятельность, подыскали подходящих компаньонов и потребовали от них в счет залога довольно значительные суммы, которые тут же пустили в распыл, чем и вызвали на себя целую серию обвинений в мошенничестве. Ставиский (в те времена еще без дополнения «он же») нанял на выуженные денежки адвоката Альбера Клемансо, брата известного политического деятеля, и тому удалось добиться отсрочки судебного разбирательства на три года. (Нелишне отметить, что пристрастие к знаменитым, дорогим адвокатам Ставиский сохранил на всю жизнь.) Мэтр добился также и того, что правосудие, вспомнившее о Стависком лишь в феврале 1912 года, оказалось к тому же еще весьма милосердно настроенным: за все ему определили пятнадцать дней тюрьмы (условно) и пятнадцать франков денежного штрафа плюс предупреждение улаживать впредь свои делишки поаккуратнее.

Однако Ставиский, выгадавший-таки на театральном дельце двенадцать тысяч франков, от этого метода решил поначалу не отступать и основал на паях с другим жуликом маклерское бюро, в котором легковерным заимодавцам всучали акции давным-давно обанкротившихся промышленных предприятий, за что и был вновь привлечен к уголовной ответственности. Но стреляные воробьи — адвокаты и на сей раз сумели отыскать рычаги, с помощью которых притормозили колесницу правосудия.

Во время Первой мировой войны Ставиский как «истинный патриот» на пару месяцев вступил на интендантскую службу и первым делом постарался хорошенько разобраться в широких возможностях, которые таит в себе система военного снабжения,

чтобы в дальнейшем и самому во всеоружии вступить на это славное поприще. Не зря гласит пословица, что дело мастера боится. Как ему удалось уломать итальянское правительство заключить с ним договор о поставке двадцати тысяч бомб (с ним, у которого не было и двадцати хлопушек!), остается неизвестным. Известно только то, что «красавчик Александр» загреб от этой сделки без малого полмиллиона франков.

Не растерялся Ставиский и в столь урожайную для французских высших кругов послевоенную пору: свою (и довольно приличную) долю прибылей он обеспечил, открыв заведение, в котором наряду с весьма рискованного свойства программой основным источником дохода были азартные игры. Бесполезно было бы пытаться во всех ее деталях проследить карьеру этого любимца высокопоставленных особ и испытанного полицейского сотрудника. Твердо известно только то, что в организации мошеннических предприятий Ставиский знал толк не хуже, чем в торговле наркотиками, и что подкуп правительственных чиновников был для него делом столь же обычным, как и продажа фальшивых ценных бумаг. Ставиский являлся истинным порождением своего общества, ибо бездарность и развращенность большинства правительств, весьма предрасположенных к коррупциям гнилого болота, именуемого Третьей республикой, закономерно порождает и способствует процветанию таких профессиональных преступников.

Не далее как в 1924 году покровительствующие Ставискому шеф парижской полиции Кьяпп и комиссар Сюртэ Баяр имели возможность прочесть в одном из полицейских донесений, что он-де и «краснобай», и «лентяй», и вообще человек «с сомнительной моралью», который всегда рад-радехонек пожить за чужой счет. А еще год спустя служба Кьяппа даже была вынуждена заняться Стависким, когда тот переправил банковский чек с шести тысяч на сорок шесть тысяч долларов. Факт подделки был сразу же установлен и Ставиского арестовали. Однако добрые ангелы с Кэ д'Орфевр и из дворца правосудия продолжали простирать над ним свои длани. Спустя непродолжительное время Ставиский был условно освобожден с испытательным сроком, а пока его «испытывали», кому-то из его друзей в полиции или суде удалось изъять из следственного дела вещественное доказательство — злополучный фальшивый чек. Кто именно оказал эту любезность «красавчику Александру», так и осталось невыясненным. Может, комиссар Баяр, снабдивший его впоследствии удостоверением Сюртэ? Или инспектор Бонни, с которым Ставиский водил дружбу? Твердо известно одно, отношения с парижской полицией у Ставиского были самые добрые, и о каждом шаге, который собирались против него предпринять, его заблаговременно информировали.

Так, однажды, когда один из соучастников по преступным махинациям решил выйти из дела и написал на него донос в парижскую уголовную полицию, Ставиский на следующий же день

предъявил оторопевшему ренегату его же подлинную «рукопись», которой того в дальнейшем и шантажировал. И это далеко не единственное свидетельство интимных отношений «красавчика Александра» с полицией. Исчезновение фальшивого чека избавило Ставиского от суда, ибо без доказательств совершения преступления не может быть начато судебное следствие, а без него не может быть и осуждения. Французская юстиция сразу же вспомнила по этому поводу основополагающий правовой принцип (in dubio pro reo — сомнения в пользу обвиняемого). Ведь, в конце концов, Ставиский — не какой-то там капитан-еврей Дрейфус, столь не понравившийся секретной службе. Нет, «красавчик Александр» — совсем иного поля ягода! Этот знает толк в жизни, не скупится на денежки и всегда готов уделить кое-что от щедрот своих менее обеспеченному полицейскому чиновнику или судебному советнику.

На радостях от того, что дешево отделался, Ставиский немедленно учинил новую пробу своих многогранных преступных способностей. В 1926 году полиции удалось уличить двух биржевых маклеров в краже крупного пакета ценных бумаг. При расследовании дела выяснилось, что украденные бумаги за пять миллионов франков продал на лондонской бирже Ставиский. И снова юстиция оказалась парализованной. Невероятно, но факт! Впрочем, если разобраться, то не так уже все это было и невероятно... Попробуй-ка, наступи на лаковую туфлю блистательному кавалеру, протеже министров, обладателю дорогой люкс-квартиры в аристократической западной части Парижа, виллы в Венсенском лесу и двух автомобилей, постоянному гостю самых дорогих курортов Довиля, Канн и Биаррица, срывателю банков в Монте-Карло и владельцу скаковой конюшни!

Правда, на сей раз поначалу Ставискому не повезло. Следственный судья Прэнс, занимавшийся делом, к числу его друзей не принадлежал, а потому сразу же отдал распоряжение об аресте. Ставиский посчитал самым благоразумным до поры до времени укрыться на вилле в Марли-ле-Руа и установить оттуда контакт с сенатором Рену, бывшим министром юстиции. Рену попытался было отговорить следственного судью от его решения, посулив гонорар в 50 тысяч франков. Однако Прэнс ни на какие сделки не пошел. Напротив, получив в июне 1926 года от одного депутата сведения о местопребывании Ставиского, он сразу же послал на виллу в Марли полицейских для ареста. Явившись туда, чиновники из парижской полиции от удивления вытаращили глаза. Десятка два гостей — дамы в пышных вечерних туалетах, господа в безукоризненных фраках — приветствовали их громким: «хеллоу!» Хозяина дома среди них не было. Его обнаружили в ванной полуголого и в стельку пьяного.

В первый раз за много лет, с того самого времени, когда имя Ставиского появилось в полицейских донесениях, уголовная полиция искала его именно там, где он действительно находился. До сих пор полиция неизменно являлась туда, где застать его было заведомо невозможно.

Предварнтельное заключенне ему пришлось отбывать в пользовавшейся недоброй славой тюрьме Ла Сантэ, где его уже дожидались сообщники, нечистые на руку биржевые маклеры. Однако добрый покровнтель сыскался н на этот раз: еще до начала процесса вопрекн категорическому протесту тюремных врачей Ставнсскнй был отпущен на свободу «по состоянию здоровья».

И тем не менее тюремные стражники в течение шестнадцати месяцев имели честь и удовольствие содержать месье Стависского под замком. За эти месяцы вынужденного безделья и созерцания неба в крупную клетку Стависский окончательно вызрел в уголовного парвеню. Скудные тюремные харчи, унылая арестантская одежда, невежественное соседство, одинокие, безрадостные ночи — все это привело его к выводу, что на продолжительный успех может рассчитывать лишь тот, кто возвел мошенничество до уровня крупных финансовых операций. Во всех его прежних аферах риск был слишком велик и постоянно довлел над ним. С этим надо было кончать. И Стависский дал себе слово заниматься отныне только миллионными операциями. Вступать на новую стезю удобнее было, разумеется, под именем, еще не зарегистрированным в полицейской картотеке. Так появился на свет месье Серж Александр.

ГЕШЕФТЫ МЕСЬЕ АЛЕКСАНДРА

Едва выпорхнув из-за неприветливых стен Ла Сантэ, Стависский, он же месье Серж Александр, развил бурную деятельность. С малыми деньгами, но зато с крупными связями, он основывал одну кампанию за другой, сколачивая таким путем первоначальный капитал для своей главной мошеннической комбинации.

В Орлеане, как и во многих других французских городах, существовало коммунальное ссудозалоговое учреждение «Креди мюнисипаль». Месье Александру, которого парижские газеты с некоторого времени восхваляли как удачливейшего дельца, — человеку, не жалевшему денег на разного сорта приемы и роскошные званые завтраки да еще облаченному доверием самого комиссара Сюртэ Баяра, не составляло большого труда сблизиться с директором орлеанской «Креди мюнисипаль» месье Деброссе и в конце концов сделать его своим деловым партнером.

Стависский заложил в этом почтенном заведении под очень крупную сумму драгоценные камни. Камни эти были, конечно же, фальшивые, документы же на них, напротив, самые что ни на есть подлинные, о чем позаботилось вполне официальное лицо по имени Кошон.

Дебросса очень скоро и сам почувствовал вкус к подобного рода махинациям, а когда мошенничество в конце концов раскрылось, у Ставиского давным-давно уже были новые широкие возможности и столько денег, что он свободно смог компенсировать убытки орлеанской ссудной кассы, чем и унял страсти. Деньги для этого поступили из байоннской «Креди мюнисипаль».

В Байонне, маленьком провинциальном городке на западном побережье Франции, в двух шагах от испанской границы, был небольшой ломбард и весьма честолюбивый мэр по имени Гара. С начала тридцатых годов в Байонне, как и в других городах на юге Франции, жило много испанских эмигрантов, преимущественно дворян, не захвативших с собой в изгнание почти ничего, кроме своих драгоценностей. Ставиский, обладавший отменным нюхом на легкую поживу, воодушевил мэра Гара радужной идеей преобразовать маленькую байоннскую «Креди мюнисипаль» в могучее кредитное предприятие и с готовностью предложил на это расширение двести тысяч франков. Позаботился он и о том, чтобы директором нового предприятия назначили некоего Шарля Тиссье, а финансовым советником — вышеупомянутого Дебросса из Орлеана. Все остальное было уже не более чем детской игрой.

По французским законам ссудозакладные учреждения, принимая имущество под залог, получают в свою пользу восемь процентов, да еще обладают, сверх того, правом выпуска денежных бон под полученные в заклад ценности. Таким образом, Ставискому оставалось только побеспокоиться о том, чтобы драгоценностей (настоящих или фальшивых) было заложено на достаточную сумму, да подыскать заинтересованных лиц, коим желательно было бы «выгодно» и «надежно» поместить свои капиталы. Весьма помогло ему в этом рекомендательное письмо министра Далимира, в котором тот советовал государственным учреждениям приобретать боны байоннской «Креди мюнисипаль».

Была середина декабря 1933 года. Ставиский приятно провел лето на европейских курортах, в Монте-Карло и жил теперь с семьей в отеле «Кларидж» на Елисейских полях в Париже. Из Байонны, как и прежде, текли деньги, значительную часть которых ему приходилось, однако, тратить на всякого рода презенты и любезности, без которых, как ни старайся, не обойтись.

Конечно, теперь он располагал куда большими суммами, чем когда-либо прежде, но ведь росли и потребности. Завязывался, правда, новый гешефт, на этот раз с выходцами из Венгрии, почти в руках был солидный куш за посредничество в государственном займе для Болгарии, однако в целом-то его финансовые позиции оставались все же пока не очень прочными.

Байоннская «Креди мюнисипаль», основной источник его доходов, уже пустила в оборот бон на сумму, значительно превосходящую стоимость всего предприятия, и рано или поздно это должно было привести к осложнениям тем более, что некоторые газеты уже выражали удивление большим количеством выпущенных бон. А тут еще некоторые чересчур нетерпеливые

друзья все чаще начинают напоминать ему о невыполненных обещаниях. Взять хотя бы месье Шарля Вуртца, президента французского Верховного административного суда, получившего пост председателя в наблюдательном совете одной из двадцати мошеннических фирм, обязанных своим существованием инициативе Стависского. Апостол юстиции напомнил нерадивому Александру, что принял этот сопряженный с немалым риском пост лишь для того, чтобы иметь возможность поддерживать свой привычный жизненный стандарт. Ведь, в конце концов, обещал же ему Стависский, что он, Вуртц, сможет за этот счет содержать роскошную квартиру в Париже, загородный дом, автомобиль и проводить ежегодно летние месяцы на самых фешенебельных южных курортах! А теперь что же? При последней очередной выплате все это вдруг оказалось столь шатким и ненадежным, что Вуртц засомневался, стоит ли вообще ему, господину президенту Верховного административного суда, и дальше сотрудничать в этом темном предприятии.

От байоннских властей Ставнсский никаких неприятностей пока не ждал. Не говоря уже о том, что мэр Гара оставался верным сподвижником, он отлично подстраховывал и все свое окружение. Многократные ревизии, которые согласно правилам финансовые органы производили в байоннской «Креди мюнисипаль», ни разу не обнаружили ни малейших отступлений от закона, что было отнюдь не мудрено, поскольку данные о бонах, не подкрепленных гарантией, Ставиский и его помощники в бухгалтерские книги просто-напросто не заносили. У директора Тиссье имелись два портфеля с бонами: один — с учтенными по всем правилам и состоящими в соответствии с хранимыми драгоценностями, другой — с такими, которые выпускались только на суммы от двухсот тысяч франков, ничем не обеспечивались (о чем получатели их, естественно, не знали) и ни в каких деловых книгах не фигурировали.

Этим портфелем распоряжался самолично один Ставиский, а уж его-то в чем-чем, а в мелочности было не упрекнуть. Тиссье и Деброссе получали точные указания, какие суммы переводить на боны.

С правительством «красавчик Александр» пребывал в полном согласии и правосудия нимало не опасался. Прокурор Прессар, зять исполняющего обязанности премьер-министра Шотана, всегда относился к нему крайне доброжелательно и, если бы не следственный судья Прэнс, Ставиского в Ла Санте, определенно, никогда бы не упрятал. Что же касается Прэнса, то его своевременно перевели в кассационный суд, так что опасности больше не было и с этой стороны.

Не очень-то опасался Ставиский и полиции: друзей у него там было предостаточно. Даже если какой-то ретивый служака проявил бы к нему интерес, то на сей случай у него имелось удостоверение Сюртэ. И вообще, если откуда и грозила ему опасность, то разве со стороны держателей залоговых свидетельств. Однако до тех пор

пока оин ии о чем ие проиюхалн и ие предъявили боиы к оплате, месье Алексаидр мог спать спокойио.

Но вот в середине декабря 1933 года как раз и случилось имеиио то, чего ои больше всего боялся. Одиа страховая компаиия, встревожеиная слухамн вокруг байоннской «Креди мюнисипаль». предъявила директору Тиссье к оплате одну бону с шестизиачным числом. Тиссье, у которого требуемой суммы в наличии, разумеется, не было, попытался отделаться от держателей боиы миогословиыми обещаиияами, чем насторожил их еще сильнее. Они обратились в фииаисовые органы, и те иемедлеиио учинили проверку бухгалтерских книг «Креди». Ревнзоры рылись в цифрах н листали страиицы гроссбухов, протирали очки и перелнстывали книги сиова, однако как ин искали, боны страховой компании, доподлииной и бесспориой, в реестре выпущеииых цеииых бумаг не нашлн. Скоифужеиные и встревожеииые ревнзоры выиуждены были обратнться к следствеииому судье. Одиако не успел он выписать ордер иа арест директора байоиской «Креди мюниcипаль» Тиссье, как тот явился к иему самолично.

Тнссье, тот самый Тиссье, что годами втихую обделывал свои делишкн, поспешил облегчить совесть и стал давать показания. Следствеииого судью, привыкшего иметь дело лншь с преступлениями провинцнальиого уровия, бросало то в жар то в холод: Тиссье выкладывал все, что зиал, а этого, видит бог, было куда как не мало. Бывший директор подробио рассказал о двух портфелях с боиами и о подделке драгоцеииостей, раскрыл истинную роль чистенького эксперта Кошоиа и иазвал имя главаря всей этой жульнической банды— Ставиского.

А пока «совестлнвый» господин Тиссье в Байонне открывал глаза следствеииому судье, его любовница металась, как пантера, на городской телефоииой станции, с нетерпением ожидая, пока ее соединят с парнжским отелем «Кларидж».

СМЕРТЬ «КРАСАВЧИКА АЛЕКСАНДРА»

Этот день, 23 декабря 1933 года, стал началом конца «красавчнка Алексаидра». Разоблачеиия кредитно-муниципальиой аферы катились мутиой волной, и байониский следствеииый судья, как иа коивейере, едва успевал подписывать все новые н новые ордера на арест. Мэр Гара, финансовый советинк Дебpоссе н миожество других персои отправились вслед за своим сообщником Тиссье в камеры предварительиого заключеиия.

Отдано было распоряжение и об аресте Ставиского, одиако отыскать его полиция, как обычно, не смогла. Ставиский скрылся

аккуратно, продуманно и не торопясь. Получнв роковое известне нз Байонны, он тотчас же по своим каналам навел кое-какие справки в Парнже н понял, что самое лучшее для него сейчас—на время нсчезнуть. Он прнглаcнл к себе двоих самых блнзких сообщников, месье Хейота и месье Рамониньо, н передал нм для продажи драгоценностн на сумму около десятн миллнонов франков. Этн драгоценности (в виде исключения — настоящие) Тиссье по поручению Ставнсского как нельзя более своевременно изъял нз байоннского закладного фонда. Теперь онн должны былн покрыть дорожные нздержкн «красавчнка Александра». Продать этн дорогне побрякушки перед самым рождеством оказалось делом совсем не простым, однако нашелся-таки в конце концов ювелнр, который нзъявил готовность купить драгоценные украшения, правда заплатить он соглашался пока в виде задатка всего восемьдесят тысяч франков (!), рнсковать большей суммой он не желал.

Половнну этих денег Ставнсский передал жене, которая оставалась пока в Париже, н уехал, сопровождаемый своим другом Пигайо. Этот друг, поддержнвающий тесные отношения с депутатом Бонморэ, был довольно темной личностью. Официально он нменовался журналнстом, в действительности же являлся полицейским шпиком того самого инспектора Бонни, которого правительство почитало «детектнвом Франции № 1» н который хорошо был знаком со Стависским.

Когда человек, много лет пользовавшийся благосклонностью Сюртэ и юстиции, начннает катиться под гору, он легко может прихватить с собой и других, нбо, подобно утопающему, который хватается за соломнику, мошеннnк цепляется за своих чиновных ангелов-хранителей. Об этом знает нз своей практнки каждый крнминалнст. Знали об этом, конечно, н Бонни, Баяр, Кьяпп и Прессар. Преступнnк, от которого отвернулась удача, может стать для своих покровнтелей куда опаснее, чем целая вооруженная до зубов гангстерская банда, поэтому упускать его из внду было бы просто неразумно: такое сотворнт, что хлопот не оберешься. Об этом тоже хорошо знали Боннн н иже с ннм.

Ставнсскнй н Пигайо беспрепятственно добрались на поезде до Серво, где трн дня спустя к ннм прнмкнул еще один весьма подозрнтельный тип, закоренелый рецидивист, по именн Анри Вуа, а затем прнобщилась также дама, некая Люсьетт Альбера — одна нз многочнсленных любовниц Стависского.

В дверн стучался новый год и встречать его кое-как было бы грешно. Поэтому 28 декабря Стависский послал своего друга Пигайо обратно в Парнж, чтобы тот забрал остальные деньги у ювелнра, купившего у них краденые драгоценностн. Через день посланец вернулся, получнв с прнжнмистого золотых дел мастера всего шесть тысяч франков, зато — с целой кучей тревожных новостей. Стависский понял, что оставаться в Серво дольше — опасно, и перебрался в Шамони — маленькую в те времена деревушку во Французских Альпах. Анрн Вуа снял там по его

поручеиию виллу «Вьё», которая в зто время года обычно пустовала. Здесь «красавчик Александр» и отсиживался в компании с рецидивистом, полицейским шпиком и любовиицей все то время, пока полиция безуспешно разыскивала его по всей страие.

Между тем скаидал вокруг «Креди мюиисипаль» приобретал для правительства все более угрожающие формы. В воронку аферы оказались втяиутыми видные персоиы.

Задетые молвой политикаиы и чиновиики с пеиой у рта опровергали все иарекаиия, а общественность с иетерпеиием ждала ареста Стависского, который уж, коиечно, лучше всех зиал, у кого из них рыльце в пушку.

Одиако до поры до времеии не все еще было потеряио: пока «красавчик Алексаидр» гуляет на свободе и держит язык за зубами, многое можио было успеть замять. А вот, попади ои под арест да начии давать показания, — тут уж начальству иеприятностей не оберешься. Когда бы вся парижская полиция состояла из одних «бонни», а то ведь служат-таки в ней и честные инспектора... Поэтому ареста Стависского следовало ожидать со дня иа день.

Так вот, 7 января 1934 года детективы парижской полиции и в самом деле узнали о вилле «Вьё» в Шамони. Искали-то оии, собствеиио, ие Стависского, а рецидивиста Аири Вуа, и его следы привели их сначала в Серво, а затем в Шамоии. Здесь-то руководитель розыскной группы главиый комиссар Шарпеитье и обратил внимание иа обитателей виллы. Насторожило его то обстоятельство, что на обжитой по всем призиакам вилле ие было видно никого из съемщиков.

Люди Шарпеитье иаиесли визит владельцу виллы, взглянули на договор о иайме, подписаниый рукой Вуа, и убедились, что иашли, кого искали.

«Журиалиста» Пигайо в Шамоии в зто время, разумеется, уже ие было. Ои посиживал себе в отделе уголовиого розыска парижской полицейской префектуры и ожидал вестей с виллы «Вьё».

8 яиваря 1934 года в Париже собралось правительство, чтобы обсудить в своем кругу события последних иедель. Вопрос стоял не более ие меиее, как об отставке кабииета: зта мера должна была бы в какой-то степеии утихомирить бушующие в страие страсти и приглушить стаиовящиеся все более громкими голоса иедоверия. В зто же самое время в Шамоии главиый комиссар Шарпеитье уже заиес руку для удара по Стависскому.

В середиие дня он приказал полицейским окружить виллу «Вьё» и велел ее владельцу пройти через палисадник до веранды и постучаться. Двое иистекторов тем временем должиы были попытаться проиикнуть в дом через главиый вход.

О том, что разыгралось в доме в последующие секунды, можио только догадываться. Согласно полицейскому доиесеиию, уже тогда вызвавшему изрядные сомиеиия, в то самое мгновение, когда одии из иистекторов открыл дверь, внутри виллы раздался выстрел. Владелец виллы, который находился в это время на веранде и потому ие мог видеть происходящее в доме, потом

рассказывал, что непосредствеиио перед выстрелом кто-то якобы закричал: «Не стреляйте, ие стреляйте!»

Кто зто крикиул? Ставнсский? Вуа? Или, может, кто-нибудь из полицейских? И вообще, попытались ли хотя бы выяснить, кто же все-таки кричал? В полицейском доиесении об этом нет ни слова. Из него следует, что ворвавшиеся в дом иинспектора обнаружили только одного умирающего Ставнсского. Револьвериая пуля раздробила ему черепиую коробку; ствол револьвера, лежавшего рядом с его правой рукой, был еще теплый.

Ставиcский умер ие сразу. Ои жил еще иесколько часов и скоичался лишь на следующее утро в деревеиской больнице. Там же, в Шамоии, его н похороиили 10 января 1934 года. Судебиый врач написал в своем заключеиии, что Ставнсский покончил жизнь самоубийством.

Человек, которому было известио все, тот, кто сплетал н держал в своих руках иити величайшего из иадувательств во всей истории французской кримииалистики н поимеино знал всех своих сообщников в высших н высочайших сферах, хитрый лис, в течеиие всей своей жизин нензмеиио ускользавший от правосудня, был мертв и никому уже не мог повредить свонмн показаниями. По официальиой версии, Ставиcский сам лишил себя жизни, однако общественность в зто ие очень-то поверила. Кое-какие газеты откровеиио обвиняли правительство и премьер-министра Шотаиа в том, что это самоубийство было заказаио в Сюртэ.

Однако виезапиая смерть афериста-миллиоищика не облегчила положеиия правительства, а, напротив, наиесла Шотану н его кабииету смертельный удар.

БУНТ ДЕМАГОГОВ

9 января 1934 года* роялистская «Аксьои Франсэз» призвала своих привержеицев к походу иа республику. С демагогическим лозунгом «Долой воров! Долой убийц!» две тысячи противников парламеитской демократин попытались взять штурмом Бурбоиский дворец.

Коиец Ставиcского активнзнровал и иа Сене силы, испытывающие восторжеиные симпатни к своему фашистскому образцу на Шпрее.

Полнция, прнведеииая в состояние боевой готовности, но парализоваиная противоречивыми приказами, что объясняется

* В этот день был уволен в отставку министр колоний Далимир — человек, который дал Ставиcскому рекомендательное письмо.

½7—368

расхожденнем между верностью присяге республике и умонастроениямн своего префекта Кьяппа, хозяйкой положення стала нескоро. И все же демонстрацию двух тысяч разогналн. Два дня спустя пресса сообщила об аресте очередных сообщников Ставнсского, роялнсты получилн подкрепление в лице «Жёнессе Патрнотнк» — профашистской молодежной н студенческой организацин. Заклятые враги республики, демократии н гуманизма почуялн поживу. Народ был возмущен, возмущен тем, что его правительство оказалось коррумпированным, а сама государственная система страны порождает и пестует таких архиплутов, как Ставнсский н его компания. Нн один честный человек не мог закрыть глаза на творящиеся безобразня, ни однн нзбиратель ие способен был сдержать гнев, узиав о том, как вся эта падаль глумится над его правами.

Враги народа не замедлилн этим воспользоваться. Искусно играя на возмущении масс и прикрываясь демагогическими лозунгами, они готовилн поход против демократии. Правозкстремистская пресса раздувала пламя путча, смакуя подробностн очередного разоблачеиия аферы Ставиского. Однако истинным их противником было отнюдь ие продажное правительство, а левые партии (и в первую очередь — Коммунистическая партня Франции), которые призывали к борьбе против фашистской опасностн.

27 января за участие в жульнических махинациях был лишен заиимаемого поста мнннстр юстиции, а день спустя вынуждено было уйтн в отставку н все правительство Шотана.

Превозносимый правой прессой префект полиции Кьяпп оставался до поры до времени на зтом ключевом посту и открыто покровнтельствовал своим фашиствующим друзьям. (Впоследствин, в вишистской Францин в качестве офицера фашистской полиции он был убнт партизанамн.) К их выходкам он относился весьма сннсходительно (совсем как до того — к делишкам Стависского).

Наследннком Шотана в правительстве стал Эдуард Даладье, раднкал-социалнстский депутат, попытавшийся погаснть волну возмущення путем немедленной реорганизации административного и судебного аппаратов. Он пообещал призвать к ответу, невзирая иа лица, всех, вниовных в афере Стависского, н, казалось, зто можно было расценивать серьезно, поскольку жертвами справедливого народного гнева должны былн стать трое таких высокопоставленных чиновников, как Прессар, Кьяпп и директор Сюртз Женераль Томэ.

Однако такой оборот дела меньше всего устраивал тех, кто громче всех вопил о коррупцин н воровстве.

Префект Кьяпп, которому правительство, хотя и сместив с поста шефа парижской полицин, посулило в компенсацию за зто должность правительствеиного уполномочениого в Марокко, от нового назначения уклонялся, не желая покидать Париж н упускать из-под своего влняния полицию.

Мэр столицы заявил о солидарности с ним и объявил о своей отставке.

У директора Сюртэ Женераль Томэ и прокурора Прессара неприятностей было меньше. От своих должностей их, правда, отстранили, но ни в престиже, ни в жалованье они не потеряли. Томэ немедленно пригласили на высокооплачиваемое место главного администратора Комеди-Франсез, а Прессара назначили третьим судьей кассационного суда.

Отставка Томэ, Кьяппа и Прессара повлекла за собой, разумеется, и некоторые перестановки на более низких уровнях государственного аппарата. Однако возникшие при этом бурные дебаты о полномочиях и обязанностях органов безопасности не выходили за рамки приличия.

6 февраля премьер-министр Даладье попытался представить парламенту свое новое правительство, но практически даже не смог толком раскрыть рта. Тем не менее его кабинет в конце концов все же получил вотум доверия.

А в то самое время, когда члены правительства Даладье дебатировали в парламенте, у ратуши, на бульваре Сен-Мишель, на бульваре Сен-Жермен и на Елисейских полях собрались тысячные толпы демонстрантов, усердно подстрекаемых людьми «Аксьон Франсэз», «Жёнесс патриотик» и молодчиками из военных формирований фашистского союза «Круа де фё» (Боевые кресты).

Коммунисты и социалисты звали рабочих на контрдемонстрацию под лозунгом: «Долой воров! Долой фашизм!»

Полиция, снова приведенная в полную боевую готовность, снабженная стальными касками, усиленная многими сотнями конных жандармов, водометами, пожарными командами и республиканской гвардией, была оттеснена на площадь Согласия и смята людской массой. В этот момент мобильная жандармерия открыла огонь. Толпа отреагировала взрывом бешенства. Опрокидывали автобусы, поджигали газетные киоски. Камни, бутылки и другие метательные снаряды градом сыпались на полицейских. Уличные бои, упорные и ожесточенные, каких давно уже не видел Париж, не утихали до позднего вечера, пока полиция постепенно не стала хозяйкой положения. 17 убитых и 2319 раненых — таковы жертвы этой попытки фашистского путча.

На следующий день кабинет Даладье объявил себя не способным справиться с положением и вышел в отставку.

Однако события, связанные с аферой Ставиского, на этом отнюдь еще не кончились. Следственный судья Пранс — человек, который в свое время (до того, как его перевели в кассационный суд) наступил уже было на пятки Александру Ставискому, со все возрастающим нетерпением следил за разоблачением кредитно-муниципальной аферы. Пранс знал Ставиского, знал он и прокурора Прессара и полицейских офицеров, которые столь благосклонно взирали на жульнические махинации, а потому мог бы изрядно посодействовать установлению истины. Однако ни один комиссар Сюртэ и ни один прокурор даже не подумал о том,

чтобы допросить своего хорошо осведомленного коллегу. Ни один суд не отменил для него запрета на разглашение служебных секретов и не потребовал его показаний. Следственный судья, а ныне — и сам судья, решил взять инициативу в свои руки. После недолгих размышлений он попросил у своего шефа, председателя кассационного суда, разрешение выложить ему как на духу весьма конфиденциальные сведения.

Председатель, с недавних пор — начальник бывшего прокурора Прессара, отказать ему в таком желании не мог, ибо моральный долг обязывал его заботиться о душевном спокойствии своих судей. Аудиенция была назначена на 21 февраля 1934 года. Парой дней раньше, парой дней позже — какая разница!

Судья Прэнс был доволен. 21 февраля он собирался поведать председателю о таких фактах, которые изумили бы даже этого матерого многоопытного юриста. Секрета из своего намерения Прэнс не делал. О нем знали его друзья, знали в Сюртэ. Утром 20 февраля, за день до аудиенции, мадам Прэнс позвонили по телефону. Ее муж должен сейчас же ехать в Дижон, его матери очень плохо — предстоит немедленная, весьма опасная для жизни операция. Мадам Прэнс поспешила к мужу, и тот следующим же поездом выехал в Дижон.

Мадам Прэнс поехать с ним не могла и очень волновалась, но муж успокоил ее: с вечерним поездом он вернется в Париж, и никакие силы в мире не смогут помешать его разговору с председателем кассационного суда.

Это были последние слова, которые мадам Прэнс услышала от своего мужа. В час ночи на железнодорожных путях неподалеку от Дижона был обнаружен искромсанный труп судьи.

Что он делал в Дижоне, где останавливался, что произошло в поезде Дижон—Париж в ночь с 20 на 21 февраля 1934 года, кто ехал с судьей в одном купе, если только Прэнс вообще воспользовался этим поездом, — ответить на все эти вопросы могли только убийцы, а они, разумеется, помалкивали.

По заключению судебных медиков, Прэнс был убит. В отличие от смерти Ставиского в этом случае врачи полностью исключали самоубийство. При каких обстоятельствах судью Прэнса отправили на тот свет, так и остается невыясненным по сей день. Определенно известно только, что это убийство за несколько часов до запланированной встречи с председателем кассационного суда известному кругу лиц (например, его бывшему начальнику Прессару и кое-кому из полицейских чинов) оказалось как нельзя более кстати. Сюртэ в лице своих высших чиновников сразу же выразила сомнение в правильности судебно-медицинской экспертизы и выдвинула версию о самоубийстве Прэнса.

Маститые историки — такие, например, как член Французской Академии Жак Кастене, и некоторые круги общественности относятся к этой версии с недоверием и считают, что ответственность за смерть Прэнса лежит на самой Сюртэ.

Сообщение о смерти судьи вызвало еще один взрыв негодования

общественности, на этот раз — уже последний. Страсти вокруг аферы Стависского постепенно улеглись. Центр внимания переместился на новые тяжкие преступления.

4 ноября 1935 года в одном из парижских судов присяжных наконец начался процесс против сообщников Ставиского. Из двадцати обвиняемых по этому делу одиннадцать было оправдано. Осудили лишь Тиссье, Деброссе, Кошона, Гара и еще пятерых. Суд присяжных приговорил их к лишению свободы на срок от одного года до семи лет. Высокие «ангелы-хранители» Ставиского из юстиции и полиции остались неразоблаченными.

Что же касается Сюртэ, то, потеряв неспособного директора и запятнав свой щит еще несколькими грязными потеками, своего существа она все же не изменила. Реорганизация полиции, которой добивалось правительство Даладье, ограничилась кое-какими незначительными изменениями в личном составе и присвоением ей нового имени. Впредь Сюртэ стало именоваться уже не «Женераль», а (более патриотично!) «Насьональ», сущность же ее и дух остались прежними.

КОНСОРЦИУМ БАНДИТОВ

После того как в Германии пришли к власти фашисты, по инициативе и с помощью Англии и Франции, пытавшихся воспротивиться экспансионистским устремлениям Италии и Германии на Балканах, была основана так называемая Балканская Антанта. Для французского правительства особый интерес в этом союзе государств представляла Югославия, где французский финансовый капитал благодаря франкофильским настроениям короля Александра 1 имел неограниченные возможности для инвестиций.

На итальянских и немецких фашистов профранцузская ориентация югославского короля действовала, как красный цвет на быка.

Душным августовским днем 1934 года в римском отеле «Континенталь» собралось на сугубо конспиративное совещание несколько господ. По крайней мере трое из них имели на совести минимум десяток тяжких преступлений, за которые их следовало бы внести в картотеку преступников Интерпола. Впрочем, двое из этой троицы — господа Павелич и Михайлов — и в самом деле уже подвергались регистрации, правда не в Интерполе, а в югославской тайной полиции. Третий господин, Эрколе Конти, в картотеку преступников не попал: в качестве генерального директора итальянской тайной полиции он ведал ею самолично.

Зарегистрированный преступник Анте Павелич был главарем правоэкстремистской террористической организации «Усташа»*; Иван Михайлов, также зарегистрированный югославской полицией, — его заместителем**.

Павелич был родом из Хорватии, но обитал в это время в Болонье. Михайлов — выходец из Македонии — жил в Софии. Оба уже несколько лет работали под эгидой секретной службы Муссолини. Через своего шефа государственной полиции Боккини Муссолини финансировал террористические формирования усташей в Италии и в Янка-Пуста (в Венгрии, у самой югославской границы). Павелич и Михайлов за это поддерживали завоевательскую политику Муссолини на Балканах и на Средиземном море. Эрколе Конти, шеф югославского отдела итальянской секретной службы, был прикомандирован к усташским фюрерам в качестве советника, патрона и посредника по связи с итальянским правительством.

Из других господ, получивших в тот августовский день доступ в строгоохраняемый римский «Континенталь», следовало бы еще назвать итальянского министра иностранных дел графа Чиано, господ из германского посольства, равно как и других усташских лидеров — Кватерника и Бзика; причем о Чиано известно стало только, что он разговаривал с Павеличем и Михайловым, однако тема их беседы осталась тайной. Что же касается Кватерника и Бзика, то, как выяснилось, они были весьма точно информированы о предмете совещания — предстоящей поездке югославского короля в Болгарию и Францию. Весть об этой поездке, задуманной правительствами Югославии и Франции как демонстрация дружбы, сразу же расшевелила усташей и оживила их давнюю мечту — отправить к праотцам своего заклятого врага короля Александра I. План этого мероприятия был не нов, и в штаб-квартире усташей, равно как и в их лагерях, уже в течение нескольких лет велись соответствующие приготовления: обучали всем тонкостям ремесла специально подобранных убийц, сплетали хитроумную сеть из нитей коварства и вероломства. В центре этой сети, придирчиво контролируя все нити, находился выдрессированный фашистами Анте Павелич со своими ближайшими сподручными. Один раз, в декабре 1933 года, он уже попробовал натравить на Александра I своих головорезов. Вооруженная до зубов террористическая группа из Янка-Пуста попыталась тогда застрелить короля во время

* Члены хорватской фашистской террористической организации, образовавшейся в Югославии в 1920-е годы для обмана простых людей, именовали себя «усташами» — так назывались народные борцы против османского ига в XVI—XVII веках.

Следует отметить, что остатки «усташей», сотрудничавших с нацистами, ныне при поддержке определенных кругов на Западе продолжают свою террористическую деятельность против новой Югославии (*Прим. отв. ред.*).

** Иван (Ванчо) Михайлов не был усташем, а принадлежал к правому крылу ВМРО — македонской террористической организации (см. вступит. статью) (*Прим. отв. ред.*).

рождественского путешествия. Анте Павеличу даже посулили в случае успеха премию в размере пятисот тысяч итальянских лир. Однако предприятие сорвалось: засланный в ряды усташей агент югославской тайной полиции успел своевременно предупредить кого следует. Эта неудача имела весьма плачевные последствия для тогдашнего начальника лагеря в Янка-Пуста Перчеца. Анте Павелич был не только властолюбивым фанатиком, но и мстительным садистом. Поэтому он посчитал недостаточно просто убить вызванного в Болонью Перчеца, а приказал сначала подвергнуть его многочасовым пыткам и лишь после этого собственноручно послал в него пулю. Присутствовал при этом сведении счетов и офицер секретной службы Конти.

После неудачного покушения в декабре 1933 года осуществить убийство короля стало значительно труднее: тайная полиция теперь не отходила от него ни на шаг, и усташи сами вынуждены были остерегаться наступавшей им на пятки югославской службы безопасности. Однако от своих планов они все же не отказались, напротив, время до очередного покушения усташи коротали весьма целеустремленно, тренируясь в стрельбе по мишени, представлявшей собой точный портрет югославского короля. Не менее интенсивно оттачивали свое мастерство и подрывники с бомбометателями, совершенствуясь в диверсиях на железных дорогах и покушениях на антифашистов.

Теперь, когда стало известно, что Александр I собирается за границу, все помыслы усташей вновь обратились к нему*. Если бы все зависело только от Павелича, то они нанесли бы удар уже в Софии — первом пункте назначения королевского вояжа. Однако его заместитель Михайлов категорически воспротивился этому, опасаясь, что Александр I прихватит ненароком с собой в гроб и своего дружески настроенного к усташам болгарского коллегу, а если даже и нет, то все равно такая акция могла бы спровоцировать войну между Болгарией и Югославией.

Эрколе Конти тоже посчитал разумным не наносить удара в Софии, так что Павелича, кормящегося на итальянские лиры, удалось отговорить от этой затеи.

Однако ему нужен был успех в любом случае и любой ценой. Поэтому консорциум в «Континентале» разработал четырехкратно подстрахованный план убийства. В соответствии с ним Александра I должны были убить либо сразу же после его высадки в Марселе, либо — в случае неудачи — по пути в Париж. Если сорвутся оба эти варианта, то следовало переключаться на Париж или (если во Франции покушение вообще не удастся) на Суссекс, в Англии, куда Александр I собирался поехать инкогнито после визита во Францию, чтобы навестить своего обучающегося там сына.

Разрабатывать свои планы столь детально усташские главари могли потому, что к этому времени уже обзавелись агентами в

* Относительно подлинной подоплеки покушения на югославского короля Александра I см. вступительную статью (*Прим. отв. ред.*).

рядах югославской тайной полиции. Через них Павелич и Михайлов знали о программе путешествия югославского короля столь же подробно, как и югославская секретная служба.

После того как генеральная линия была утверждена, оставалось договориться о технических деталях покушения и выбрать подходящих людей из числа представленных Евгеном Кватерником и Мийо Бзиком.

От внимания югославской тайной полиции и ее аккредитованного в венском отделении Международной полицейской комиссии (Интерпола) представителя Миличевича возросшая активность усташей, разумеется, не ускользнула. Находясь в должности постоянного делегата Югославии в Интерполе (организации, которой согласно статуту не разрешалось заниматься политическими делинктами и преступниками!), Миличевич использовал свое служебное положение главным образом для разложения изнутри работающих против Югославии эмигрантских организаций. По ходу своей работы он узнал через агентов о намерениях усташей и 1 октября информировал об этом министерство внутренних дел в Белграде. Однако к этому времени Александр I был уже в пути.

ВИВ ЛЕ РУА!

9 октября 1934 года, во вторник, в Марселе было празднично. В Старой гавани толпились люди, собравшиеся посмотреть на югославский крейсер «Дубровник»*, который только что бросил якоря на внутреннем рейде. Гавань и улицы, ведущие к центру города, были украшены национальными цветами Франции и Югославии. На стенке выстроился батальон колониальной пехоты с оркестром и подразделения полиции и жандармов. Полицейские патрули зорко следили за людской массой, плотными шпалерами обступившей подходы к гавани и всю Кэ де Бельж.

В воде, на двух подводных лодках, как на понтонах, соорудили парадные сходни, задрапированные красным шелковым покрывалом с золотой бахромой и украшенные свежей зеленью. Над гаванью бойко и элегантно кружились французские гидропланы. И вот к сходням направилась блестящая процессия: представители марсельских властей, офицеры высокого ранга и французский министр иностранных дел Луи Барту явились, чтобы приветствовать короля Югославии, представителя династии Карагеоргиевичей.

* «Дубровник» принадлежал к классу эсминцев (*Прим. отв. ред.*).

В 15 час 58 мин. от «Дубровинка» отвалил белосиежиый моторный катер, точио в 16.00 он уже ошвартовался у сходней. С борта сошел король Александр I в сияющем золотыми иашивками адмиральском мундире, украшеннм большой Лентой Ордена Почетного легиоиа. Король расточал улыбки, сердечно пожимал руку миинстру иностраниых дел Барту. Ни малейшего следа тревоги! А между тем ему иа борт корабля только что доставили весьма серьезиое предупреждеиие. Югославскому коисульству в Марселе шесть часов иазад стало нзвестио, что террористы сразу же после высадки собираются совершить покушенне иа короля. Коисульство немедленно связалось с Сюртэ и настоятельно рекомендовало Александру I оставаться пока иа корабле. Одиако король ие хотел об этом и слышать.

Он клаиялся встречавшим его крикамн «внват!» марсельцам, махал в зиак приветствия рукой, а затем сел вместе с Барту и геиералом Жоржем в открытый лимузин. Эскорт тронулся в путь. Во главе скакали иа конях офицеры, за иими следовали две машииы службы безопасности и, иакоиец, автомобиль короля, конвонруемый с обеих сторои коииыми офицерами с обиаженными саблями.

Процессия медленно двигалась по иабережиой к Каннебьеру — главиой траиспортиой магистрали Марселя.

Не успела машина с почетиым гостем проехать и сотию метров, как иа тротуаре справа от иее возиикла какая-то давка. Рослый мужчина протискался сквозь толпу зевак, прорвался через полицейское оцепленне и с крнком «Вив ле Руа!» (Да здравствует король!) ринулся мимо подполковиика Пуалле прямо к лимузину. Вскочив иа подножку машииы, неизвестный выхватил откуда-то из-под мышки крупиокалнберный пистолет н открыл бешеиую стрельбу по пассажирам. Ошарашенный подполковник Пуалле застыл, как истукан, иа своем иервио перебирающем точеиыми иогами парадном жеребце. Шофер Фуссак, не успевший вовремя столкнуть террориста с подножки, резко затормозил, высунулся нз машины, схватил его за волосы и притиснул головой к кузову. Тут иаконец подоспел и Пуалле. Привстав иа стремеии, ои рубаиул стрелка саблей. Все это разыгралось в считанные, до жути иапряжеииые секуиды.

А дальше иачался хаос. Загалдела, забурлила толпа по обочинам улиц, засуетились, заметались гвардейцы и полицейские. Люди с криками кииулись к убийце и прииялись топтать его ногами. Лимузин между тем кое-как выбрался нз толпы и иаправился к префектуре, где через иесколько мииут югославский король скончался от ран. Миистр иностранных дел Барту, в которого тоже попало иесколько пуль, умер час спустя в больнице. Выжил, иесмотря на многочислеиные раиы, одии только геиерал Жорж.

Тем времеием полиция и гвардия иаводили порядок иа Каниебьере. При этом выяснилось, что жертвами покушения стали не только Алексаидр I, Барту и Жорж. В иеразберихе, возиикшей вслед за выстрелами в высоких персои, были убиты еще две

8–368

женщины в толпе зевак, смертельно ранен полицейский и задето несколько случайных прохожих.

Директор марсельской Сюртэ Насьональ Александр Гиббаль вынужден был признать, что его Второй отдел, отвечающий за безопасность членов правительства и гостей государства, обнаружил свою несостоятельность. Еще в начале октября Сюртэ стало известно от югославской секретной службы, что на жизнь короля готовится покушение на французской территории. Утром в день приезда Александра I она узнала и о том, что удар будет нанесен в Марселе. Более того, югославская секретная служба назвала Сюртэ даже имена возможных участников покушения и их главаря, а также передала информацию о методах работы усташских террористов.

И как мало сделала столь искушенная в слежке за политическими противниками, многоопытная в провокациях и интригах Сюртэ! Она ограничилась обычными оперативными мерами, наведением справок в марсельских отелях о прибывших за последнее время югославах. Только ли это халатность? В такое трудно поверить, когда поближе рассмотришь ситуацию и действующих лиц всей этой истории. После фашистского путча 6 февраля, предлогом для которого послужила афера Стависского, правительство радикал-социалиста Даладье вынуждено было уступить место правительству «национального единства», куда наряду с Барту входили и такие сомнительные в политическом отношении личности, как Думерг, маршал Петэн (позднее — коллаборационист и глава вишистского правительства). Премьер-министр Думерг, уже тогда поддерживавший тесные отношения с фашистскими организациями во Франции, был не только претендентом на пост министра иностранных дел, но и горячим почитателем Гитлера и Муссолини. Немало фашистов, в особенности сторонников пресловутых «Круа де фё» и «Аксьон Франсэз», было во французской полиции.

Конечно, убийство дружески настроенного к французам югославского короля нанесло французскому правительству определенный урон в том смысле, что преемник Александра I принц-регент Павел держался прогерманского правительственного курса. Однако французское правительство и могущественные двести семей, стоящие за ним и определяющие его курс, также были заинтересованы в хороших отношениях с Италией Муссолини и гитлеровской Германией. Более того, в фашизме германского и итальянского образца эти круги видели выход из того затруднительного положения, в котором они очутились вследствие экономического кризиса и классовой борьбы пролетариата. «Лавали» и «думерги» кокетничали с Муссолини и остерегались его разгневать.

Поэтому Сюртэ с самого начала следствия по марсельскому убийству избегала всего того, что давало бы возможность глубже проанализировать подоплеку и выявить дирижеров этого преступления.

Кто произвел роковые выстрелы, стоившие жизни троим и

увечий десятерым, чисто случайно угодившим в эту кашу людям, однозначно так никогда и не выяснили. Говорилось впоследствии, правда в самых общих выражениях, что якобы повинны в этом террористы. В действительности же в этом преступлении ни один из усташей, привлеченных к ответственности по делу об убийстве короля, конкретно обвинен не был. А между тем полиция изъяла у преступников оружие и эксперты его исследовали. Если бы выяснилось, что смертельные пули, прикончившие обеих женщин и полицейского, были выпущены из этих самых пистолетов, то какой бы, казалось, был смысл умалчивать об этом? Наоборот. Да только, вот беда: за оружие-то хватались еще и люди Сюртэ, и гвардейцы, и жандармы, а их оружие никто не проверял.

Надзор за следствием был возложен на генерального инспектора министерства внутренних дел Пьера Мондаиеля. В его подчинении наряду с инспекторами и комиссарами шефа марсельской Сюртэ Гиббаля, который руководил следствием в Марселе, состояли также шеф парижской Сюртэ Жан Беллен, ведавший расследованием в столице, и комиссар Сюртэ Бартелеб, собиравший сведения, связанные с делом в Будапеште, Вене и Берлине.

Однако наиважнейший носитель информации — сам убийца — безвозвратно ушел от следствия, зарубленный подполковником Пуалле. Человек, застреливший короля Александра I и министра иностранных дел Барту и тяжело ранивший генерала Жоржа, умер, не приходя в сознание, в марсельской Сюртэ.

В его карманах полиция обнаружила поддельный чехословацкий паспорт на имя Келемена, второй заряженный пистолет и гранату. На правом предплечье у него была татуировка: череп, а под ним написанное кириллицей изречение, заканчивающееся призывом «Свобода или смерть».

С помощью югославской тайной полиции убийцу быстро удалось опознать. Звали его Величко Керин-Димитров*, тридцати семи лет, родом из Каменцы в Болгарии. Керин был профессиональным террористом, инструктором «Усташи», личным телохранителем усташского главаря Михайлова и профессиональным убийцей. Соответствующим образом выглядел и список его судимостей. Особенно примечательным в нем был приговор софийского окружного трибунала от 7 сентября 1928 года, в соответствии с которым этот Керин, именовавший себя тогда Димитровым-Владимировым, за убийство депутата-коммуниста Дима Хаджи Димова был заочно приговорен к смертной казни. Три с половиной года спустя он предстал перед тем же судом по обвинению в совершении убийства и 5 января 1932 года под именем Владимира Георгиева Черноземского был приговорен к пожизненному заключению. Этот человек со многими именами и еще более многочисленными преступлениями, лежащими на его совести, был теперь сам убит и поэтому не мог давать показаний о

* Его фамилия была в действительности иная (см. вступит. статью) (*Прим. отв. ред.*).

марсельской бойне. Однако на подкладке его нового дешевенького коричневого цвета костюма был обнаружен ярлык одного из марсельских универсальных магазинов.

По номеру на внутренней стороне подкладки жилета полиции удалось установить, что костюм был, вероятно, совсем недавно куплен в филиале этого магазина на площади Клиши в Париже.

Шеф Сюртэ Гиббаль тут же связался со своим коллегой Белленом, тот немедленно отправился на площадь Клиши и там взял наконец первый горячий след: продавец прекрасно помнил обстоятельства продажи этого костюма. Четверо иностранцев, из которых лишь один сносно говорил по-французски, шесть дней назад купили сразу три таких костюма и велели доставить их в отель на рю Мазарган.

Однако в отеле их больше не было. Сразу же после получения костюмов они переоделись в них, и никто не мог сказать, куда они затем отправились. Впрочем, прислуга отеля сумела помочь следствию, весьма подробно описав этих людей, о чем шеф-инспектор Беллен сразу известил своего марсельского коллегу.

Между тем там тоже не сидели сложа руки. Инспектор Паоли вел розыск в окрестностях Марселя и встретился при этом с владелицей отеля «Модерн» в Экс-ан-Провансе, которая, увидев газетную фотографию Керина, узнала в нем одного из своих постояльцев. Двое иностранцев, сообщила она, явились к ней в отель в воскресенье, 7 октября, около 20 часов, сняли номер на двоих и зарезервировали еще одно место для приятеля, который прибыл позднее, — для этого самого Керина. Оба иностранца — некий Эгон Крамер из Праги, прилично говоривший по-французски, и его не владеющий французским спутник Сильвестр Мальный — сразу же уединились в своем номере. В понедельник они целый день отсутствовали, даже обедали где-то в другом месте, а человек, назвавшийся Крамером, вообще больше не появлялся в отеле. Ночь с понедельника на вторник в отеле провели только Керин, назвавшийся там Келеменом, и Мальный. Во вторник, в день покушения, как установил инспектор Паоли, Мальный и Керин плотно позавтракали, выпили много аперитивов и коньяка, заплатили за свои номера за сутки вперед и около 12 час. 45 мин. покинули отель. Вечером, примерно в 18 час. 30 мин., вернулся один Мальный, но, пробыв в отеле не более получаса, ушел и больше его там не видели.

Инспектор Паоли удовлетворился этим и отказался от обыска номера, в котором жили Мальный и Керин, не подозревая о том, что вскоре это принесет ему новые хлопоты.

В марсельской Сюртэ описание примет Керина, Крамера и Мального сравнили с приметами, полученными Белленом в Париже у торговца костюмами. Выяснилось, что в магазине на площади Клиши из марсельской тройки был, по-видимому, один Керин. А из этого следовало, что помимо Мального и Крамера во Францию въехали и другие усташские террористы, которые, вероятно, также могли иметь отношение к покушению. Директор Сюртэ Гиббаль снова телефонировал в Париж своему коллеге Беллену.

Парижская полиция произвела розыски и 11 октября в одном отеле в Тононе наткнулась на двоих подозрительных иностранцев, которые назвали себя Бенешем и Новаком и предъявили фальшивые чешские паспорта. С помощью документов, полученных от югославской тайной полиции, в тот же день было достоверно установлено, что эти иностранцы — Звонимир Поспишил и Милан Райчич. Допрос оказался очень трудным, поскольку оба они почти не понимали по-французски. Пришлось пригласить в качестве переводчика югославского представителя в Интерполе Миличевича. В ходе допроса выяснилось, что Поспишил и Райчич сразу же после покушения пытались бежать в Швейцарию, однако были задержаны обычным контролем на границе.

С Райчичем у полиции не было никаких трудностей. Он сразу же признался, что принадлежал к террористам, которых «Усташа» послала во Францию для убийства Александра I. Правда, ни он, ни Поспишил не входили в группу, которая участвовала в марсельской акции. Их черед должен был наступить, если бы покушение в Марселе не удалось. До поры до времени им следовало находиться в Париже и ожидать инструкций.

Поспишил оказался более крепким орешком. Сначала он притворялся простачком, а когда в конце концов Миличевичу все же удалось его изобличить, Поспишил пустил в ход кулаки, нанеся удар «проклятому югославскому тайному полицейскому». После этого он даже пытался сбежать, но был вовремя перехвачен полицией.

После ареста Поспишила и Райчича Сюртэ предположила, что существуют еще по меньшей мере два террориста, однако на деле их было больше.

Инспектор Паоли, продолжавший свои розыски в Экс-ан-Провансе, напал на след некой загадочной парочки, которая проживала с 6 октября в отеле на Кур Мирабо и состояла, по-видимому, в тесных отношениях с группой Керина.

Дама, блондинка 25—28 лет, сначала явилась в отель одна и представилась как Мария Вудрачек из Триеста. Ее так называемый супруг Петар приехал позднее. Мария привезла с собой два больших кожаных чемодана. Ничего подозрительного во всем этом вовсе не было. Впервые насторожился инспектор Паоли, лишь узнав, что тот самый Крамер, который нанимал для Керина номер в «Модерне», ожидал и мадам Вудрачек: он справлялся о ней в отеле «Мирабо» еще до ее прибытия. С помощью шоферов такси, водителей автобусов и прислуги отеля Паоли попытался проследить деятельность супружеской пары Вудрачек за все время их пребывания в Экс-ан-Провансе. Так, Сюртэ выяснила, что в воскресенье 7 октября в 17 часов Марию Вудрачек с четырьмя чемоданами Крамер посадил в нанятое им такси, а высадилась она возле отеля «Мирабо» только с двумя из них. Далее Крамер поехал в отель «Модерн», где снял номер для себя, Керина и Мального.

На следующий день (то есть в понедельник, накануне покушения) Вудрачеки, Крамер, Керин и Мальный поехали в Мар-

сель, по всей вероятности, затем, чтобы подыскать подходящее место для запланированного покушения. Поздно вечером они вернулись обратно в Экс-ан-Прованс, и той же ночью Крамер уехал на такси в Авиньон, а оттуда на поезде — в Италию.

Инспектор Паоли из этого заключил, что человек, называвший себя в отеле «Модерн» Крамером и опознанный впоследствии как доверенный Павелича Кватерник, видимо, являлся представителем усташского центра и должен был проконтролировать на месте подготовку к покушению. Выполнив это, он уехал в Болонью, чтобы доложить обо всем главарю усташей Павеличу.

Супружеская пара Вудрачек уехала (и тоже через Авиньон) также еще до покушения, а именно — во вторник утром.

На основании всех этих данных был издан приказ об аресте Кватерника и супругов Вудрачек; Сюртэ разослала их приметы всем полицейским участкам и пограничным заставам. Слишком поздно! Все трое успели покинуть страну и уже давно находились под крылышком у Муссолини.

Инспектор Паоли не ошибся в своих предположениях: Евген Кватерник, как показал Райчич, был непосредственным уполномоченным Павелича. Ему же вменялось в обязанность назначать террористов участниками акций и обучать их необходимым действиям непосредственно на месте. Этот самый Кватерник, 27 лет от роду, по профессии журналист, учился на юридическом факультете в Нанси и почти свободно владел пятью языками. Несомненно, один из самых образованных павелических бандитов, он отличался также крайней жестокостью и полнейшим пренебрежением нормами морали. Супружеская пара Вудрачек имела задание снабдить террористов необходимыми орудиями убийства. По соображениям безопасности террористы пересекли французскую границу невооруженными. Оружие для них контрабандным путем провозила выдававшая себя за беременную Мария Вудрачек. Относительно истинных имен супружеской пары Вудрачек впоследствии строили множество самых разных предположений, однако их подлинных фамилий достоверно не установили.

Сотрудник тайной полиции и тогдашний представитель Югославии в Интерполе Миличевич и по сей день верит донесениям одного из своих агентов, который сидел непосредственно в павелическом штабе и сообщал, что парочка Вудрачек — не кто иные, как супруги Антун и Стана Годины. Антун Година, разыскиваемый югославской полицией за убийство своего брата, сумел перебраться в Чикаго, где долгое время зарабатывал на хлеб, изготовляя фальшивые документы для банды Аль-Капоне. Его жена Стана, родившаяся в Чикаго хорватка, была для усташских бандитов в некотором роде ангелом смерти: в назначенное время в установленном месте она вручала отправленным в «служебную командировку» усташам запалы для бомб. Для защиты от толчков она (как установила югославская полиция) обычно транспортировала эти взрывные штучки в своем бюстгальтере.

Кватерник и Вудрачеки-Годины от Сюртэ ускользнули,

главный заправнла преступников оставался для нее недосягаемым, иепосредствеииого же нсполннтеля убийства, Керина, бравый подполковиик Пуалле отправил на тот свет. Поэтому шеф марсельской Сюртз Гнббаль направил все имеющиеся в его распоряжении силы на поискн и захват человека, который квартировал вместе с Кериоом в отеле «Модерн» в Экс-ан-Провансе и иазывал себя Мальиым. Между тем инспектор Паолн разузиал, что зтот Мальиый четыре часа спустя после покушения также проезжал в такси по Кур Мирабо к Авиньонскому вокзалу.

Около 21 часа Мальный без всякого багажа прнбыл на вокзал. Ои купил билет до Парижа и сел в вечерний поезд. Марсельская Сюртэ сообщила об зтом своим парижским коллегам. Приказ о розыске Мальиого вместе с его словесным портретом немедлеино разослалн во все жаидармские и полицейские иистанции. У марсельской Сюртз было хорошее предчувствне: без дорожиого багажа человек далеко ие уйдет. Вопрос о том, где же все-таки Мальиый оставил свои вещн, у полицин поначалу не возникал. Номер в отеле «Модери», в котором тот жил, давно уже был сдан иекоему молодому человеку, даже не подозревавшему о том, что он спит, в самом прямом смысле слова, на пороховой бочке: в матраце своей постели Мальиый оставил заряженный пистолет с запасной обоймой н две величниой с кулак бомбы со взрывателямн.

Впрочем, не догадывалась об зтом н полиция. А ведь обиаружить весь зтот арсенал не составляло никакого труда, не полеиись Паолн тщательно обыскать номер сразу же после Кернна н Мального.

Тем временем Мальиый, оставив свой усташский багаж в Эксан-Провансе, прибыл иа вокзал Фоитенбло, где ему иадлежало, как было установлено, ожидать Поспишила н Райчича. О том, что оба оии уже пыталнсь покинуть Францию без него н были прн зтом арестованы, он, разумеется, ие зиал. Как и большинство террорнстов, Мальиый почтн ие владел французским и поэтому прочесть об зтом в газетах, естествеиио, не мог.

Так он и ждал их, терпеливо и безропотио, пока не попался на глаза двум полицейским, которые велн наблюдение за вокзалом Фонтеибло. Флики подошли к нему н потребовали паспорт. И тут у Мального не выдержали иервы. Ои оттолкнул их и стремглав кинулся прочь в ближайший перелесок. Вдогонку ему с криками «стой!» побежали оба полицейских.

Флики сразу же поднялн по тревоге своих коллег. Трн дня гвардейцы н жандармы прочесывали малеиький перелесок, однако Мального так и не нашли.

Эта игра в кошки-мышки, как показал он впоследствии, славно его позабавила: жандармы н солдаты с проклятиями обшаривали каждый кустик и прямо-такн буравилн глазамн почву, чтобы не упустить какой-нибудь подозрительиый след. Мальный же сидел в зто время иад их головами, укрывшись в зеленой кроие дуба, н потихонечку посмеивался.

Так продолжалось в теченне трех дней, пока в конце концов го-

лод ие вынудил его покинуть свое убежище. Улучив момеит, когда жаидармы устроилн перекур, он выбрался из своей воздушной резндеиции, скользиул вииз по стволу н никем не замеченный вышел в город, где весьма уютио расположился в маленьком ресторанчнке на рю Корбейль, как раз наискосок от полицейского участка. Простодушный гарсон только диву давался, глядя, с каким волчьим аппетнтом поглощает еду его клиент. Прыская от смеха, он глазамн показал хозяину на обжору. Тот оказался посмекалистее...

Не успел Мальиый отобедать, как явились вызванные хозяином полицейские н арестовали его. В ходе расследования оказалось, что разыскиваемый Сюртэ Мальиый давно уже известен югославской тайной полиции как видный член усташской партии Краль.

Запирался Краль недолго и после опознания, точь в точь как до зтого Райчич, согласился давать показания. Ои сообщил, что приаадлежал к группе Керина, однако в марсельской перепалке нз опасеиий, что при зтом могут пострадать женщины н детн, участвовать не захотел. Теперь Краль яростно возражал протнв утверждения ниспектора Паолн, согласио которому он возвратился в деиь убнйства в отель «Модери» лишь около 18 час. 30 мии. Ничего подобного, он находился в Экс-ан-Провансе еще за два часа до зтого временн, то есть всего через полчаса после покушеиия, а следовательно, в Марселе во время стрельбы быть никак не мог. Однако нн Сюртэ, ни суд его объясиеиий во вннмание ие прииялн.

С арестом Краля розыск марсельских убийц был завершеи. Его результаты оказались далеко не блестящими. Павелич, Михайлов н Кватерник находились за граиицей, подлинные имеиа курьеров, снабжавших группу оружием, установить не удалось, сама же парочка была уже вне пределов досягаемости французской юстицнн, убийца был мертв. В руки полиции попали только трое самых незиачительных участников зтого подлого преступлеиия. Но все же их скудных показаний в сочетанин с информацией югославской тайной полиции оказалось достаточно, чтобы нащупать кое-какие тайные нитн заговора. Сообразуясь с зтим, французское правнтельство сочло необходимым обратнться к итальянскнм властям с просьбой о задержании Павелича и Кватеринка.

Впрочем, Лаваль н Думерг и не моглн поступить иначе: вдова убитого югославского короля, представляемая мзтром Бонкуром, заявила о своем желаиин выступить на процессе с частным обвинеиием, равио как и о намереини вскрыть политическую подоплеку убийства и разоблачнть его истинных закулисных дирижеров. Однако зто могло бы прнвести к конфроитации с Италией.

И вот, 17 октября 1934 года французское правнтельство, меиее всего того желая, направило Муссолини послание с просьбой времеино взять под арест Павелича и Кватерннка. Французы же в свою очередь бралн на себя обязательство попытаться отговорнть югославскую вдовствующую королеву от ее намереиий.

О выдаче преступников во Францию вопрос вообще не стоял, а арест, которому должны были бы подвергнуться Павелич и Кватерник, можно ведь обставить так, что по сути дела это было бы, скорее, помещением в некий дом отдыха под защиту полиции, ни в малейшей степени не ущемлявшим интересов означенных лиц. Однако Муссолини отклонил не только это предложение, а даже скромную просьбу французов о разрешении хотя бы допросить Павелича и Кватерника и приказал сообщить французскому правительству о том, что сам накажет виновных.

Год спустя, 17 ноября 1935 года, в суде присяжных в Экс-ан-Провансе начался процесс против Павелича и его компании. Как нередко случается в крупных уголовных процессах, главные преступники на скамье подсудимых отсутствовали. Путем сильного нажима на Югославию французское правительство добилось того, что вдовствующая королева от своего частного обвинения отказалась. Мэтр Бонкур не без горечи объявил от ее имени: «Я целиком и полностью доверяю французскому правосудию и поручаю защиту своих интересов его представителям». Этим заявлением был констатирован полный отказ от каких бы то ни было попыток разоблачения фашистских инспираторов совершенного преступления.

Как раз к началу процесса усташские боссы продемонстрировали, как они мыслят себе его проведение. Через американскую эмигрантскую хорватскую организацию они поручили защиту обвиняемых близкому к усташам парижскому юристу Жоржу Десбону. И этот верткий адвокат показал, на что он способен. Его резкие, не имеющие отношения к делу выпады против суда и постоянные необоснованные ходатайства вынудили генерального прокурора поставить перед судом вопрос о его отстранении от участия в процессе. Суд удовлетворил просьбу прокурора, однако Десбон отказался покинуть зал суда. Его удалили силой, и процесс продолжался дальше.

22 февраля 1936 года суд, наконец, огласил приговор. Павелич и Кватерник заочно были приговорены к смертной казни, Поспишил, Краль и Райчич (с учетом смягчающих вину обстоятельств) — к пожизненному заключению.

КАРЬЕРА БАНДИТОВ

Приговор французского суда не оказал никакого отрицательного влияния на карьеру усташских бандитов. Напротив!

В 1941 году, после того как разразилась война между Италией и Югославией, Анте Павелич из подстрекателя к убийству превра-

тился сначала в муссолиниевского гаулейтера Хорватни, а затем даже в главу Хорватского государства под эгидой Гитлера. В этом качестве он отдавал распоряжения о массовых уннчтожеинях сербов (600 000 человек) и евреев (30 000 человек). Эти операцин проводились, как правило, излюбленными усташскими садистскими методами: сербов, например, загоияли в православиые церкви и сжигали заживо.

В 1945 году Павелич, как и миогие другие воениые преступники, бежал в Аргеитииу. Кое-кто из бежавших вместе с ним приспешников впоследствии прочно окопался в аргеитиской тайиой полицни. В апреле 1957 года этот убийца сам стал объектом покушения. Какой-то мужчина пытался застрелить отставного главу государства, но промахиулся.

Евген Кватериик за время правлеиия Павелича достиг поста министра полиции, а Антун Година, курьер, стал шефом тайной полиции и личной лейб-гвардин Павелнча. В качестве шефа тайной полиции ему пришлось впоследствии ликвиднровать своих бывших приятелей Поспишила, Райчича н Краля, которые, выйдя из заключения после нападеиия германских фашистов на Фраицию и возвратясь в Хорватию, стали претендовать иа получеиие доходных высоких должиостей. Одиако все такие посты были к тому времени уже заияты другими усташамн, и тогда марсельская тройка взроптала. Их непослушание и чрезмериые претеизии столь расстроили иервы Павелича, что в конце концов ои распорядился об их устранении.

Вынырнули после войны в Аргеитине и Аитун Годииа вместе со своей жеиой. Антун Годииа получил даже прибыльную должиость в полицнн.

ДАВИД СО ЗМЕИНЫМ ВЗГЛЯДОМ*

Надпись на витриие магазииа иа рю Шомартэи, 69, в Париже уведомляет покупателей, что это — торговля меховымн изделиями Гведо и Гушинова. Но если бы вы отворили дверн магазнна в декабрьскне дии 1941 года, то вашим взорам предстал бы всего одии владелец, месье Гведо. Другого, Иоахима Гушинова, вряд ли кому довелось бы еще увндеть. Гушинов был евреем, а с тех пор, как в октябре 1940 года французское законодательство о евреях стало ориентироваться иа германские закоиы, в страие «Марсельезы» тоже начались гонения на евреев.

* Изложение дела основывается главиым образом на анализе книги Р. А. Штеммеля «Путешествие без возвращения» (Берлин, 1968 г.).

После 1933 года во Франции стали усилеино циркулировать разного рода слухи о жестоких преследованиях евреев в Германин. Многое из этой информацнн Гушннов тогда считал явным преувеличением, да н немцы былн в те днн еще очень далеко. Теперь же они были в Париже, гулялн по рю Шомартэн н даже заходили в магазнн. И охотой на евреев заннмалнсь не только немцы, но и вншнсты из «Эта Франсэ». В вншистской Франции уже несколько месяцев как был основан специальиый генеральный комнссарнат по еврейскнм вопросам. Повсюду людей подстерегали шпики и предателн, старающнеся оправдать доверие гестапо и вишистских властей.

Иоахима Гушинова преследовал страх, чудовищный страх: а ну как в одно прекрасное утро и к нему в дверь постучатся жандармы и заберут его с собой. Тысячн евреев неделя за неделей проходили этим скорбным путем.

У Гушинова был домашний врач, который жил через два дома и время от времени заходил к нему и подбадривал. В последний свой внзнт доктор Марсель Петье снова настойчиво склонял его к решенню, о котором начал разговоры уже довольио давно: речь шла о том, что Гушинову надо быстрее покинуть Францию н бежать в Аргентнну.

Уже много иедель меховщик Гушинов носил в бумажннке памятку для эмигрантов, которую в свое время передал ему доктор Петье. Однако до сих пор он все еще никак не мог решиться: не такто это просто, взять да и уехать, бросить дело, оставнть жеиу. Да к том же ои был трусоват н очень боялся, что его могут схватить.

Напрасно доктор Петье заверял его, что это предприятне абсолютно безопасно, надо только скрупулезно придержнваться семи основных правил, изложенных в памятке. Гушинова продолжал грызть червь сомненнй. Уезжать без своей молодой красивой жеиы ему вовсе не хотелось. А жену его, которая как нееврейка опасности пока не подвергалась, доктор Петье переправлять ие соглашался. Он стремился помочь в первую очередь тем, кому грозила непосредственная опасность. Его возможности и без того весьма ограничеины!

Разъясняя все это, врач прнстально смотрел ему прямо в глаза. Его взгляд был Гушинову чем-то очеиь неприятен: смотрнт, будто змея на лягушку, каждое движенне караулит.

А доктор Петье говорил и говорил, не умолкая, немного возбужденно, немного развязно, чуть-чуть свысока.

— Так значит, рнск не велик? — перебил его меховщик.

Доктор Петье досадлнво махнул рукой.

— Риск? А вы представляете, насколько больше вашего рнскую я, помогая бежать вам? Вам что — уехали за океан, и дело с концом, а мне оставаться здесь.

Что ж, это было правдой. Для доктора Петье риск н в самом деле был куда больше, и при всем этом он ни с кого не требовал вознагражденя. Совсем напротив. И теперь он хотел помочь Гушнову тоже из чистого человеколюбия. Заплатить Гушнов

должен был только на границе, проводнику, который работает на Петье.

Меховщик незаметно ощупал глазами врача, ежедневно подвергающего себя такой огромной опасности из-за него и его единоверцев. Между тем доктор вовсе не выглядел героем, ничего в нем не было этакого, впечатляющего, разве что большущие красные кисти рук с сильными, оттопыренными большими пальцами. Гушинов, пожалуй, испугался бы этих рук, когда бы не испытал на себе, какими они могут быть мягкими и бережными, как помогают унять боль. А лицо доктора Петье — желтоватое, с набрякшими веками, с тонкими губами, убегающим подбородком и узким остреньким носом? Нет, ничего в нем не было героического, скорее что-то лисье, настораживающее. Впрочем, нельзя же быть таким несправедливым.

Доктор Петье — хороший врач и признания добился своим собственным трудом. Кроме того, он истинный французский патриот, который уже помог в беде многим евреям и другим гонимым. Этот скромный, незаметный доктор Петье (как слышал Гушинов от него самого) вступил в борьбу с немецкими палачами, как некогда Давид с гигантом Голиафом.

Отбытие было назначено на 2 января 1942 года точно в 23.00. К этому времени Гушинов должен явиться со своими двумя чемоданами на рю Перголе, угол авеню де ля Гран Армэ. Там его будет ождать доктор Петье и проводит затем к одному специалисту по тропической медицине, который сделает Гушинову необходимые прививки.

Иоахим Гушинов тщательно подготовился к долгому путешествию. Пунктуально следуя всем наставлениям доктора Петье, он вложил во внутренний карман пиджака пять фотографий такого формата, который обычно требуется на паспорт, для оформления выездных документов. Перед фотографированием, как этого требовала инструкция, Гушинов с помощью грима и толстых роговых очков постарался придать себе чужеземный облик. Свой дорожный багаж он поместил в два чемодана, а все монограммы и фирменные знаки со своей одежды старательно удалил. Всю наличность в сумме около полумиллиона франков и бриллианты меховщик, опять-таки следуя инструкции, зашил в подкладку пиджака. Выучил Гушинов и несложный код, с помощью которого смог бы послать своим близким известие из Аргентины.

Доктор Петье был доволен. Дождавшись меховщика в условленном месте, он тотчас же подхватил его чемоданы и, настороженно оглядываясь, привел его окольными путями по затемненным улицам в дом № 21 на рю Лезер.

Там он отпер двери и ввел своего подопечного в маленький, грязный и унылый врачебный кабинет. Гушинову велели закатать рукав, врач же тем временем приготовил шприц. Будущий эмигрант не успел даже удивиться тому, что вместо рю Перголе они попали почему-то на рю Лезер и что вместо обещанного специалиста по тропической медицине прививку делает сам доктор Петье. Едва

врач вытащил иглу из вены, как Гушинов почувствовал какое-то легкое оцепенение.

Узеньким мрачным коридором Петье провел его в крохотную треугольную комнатку без окон, зато с толсто обитой входной дверью. На другой стене в скупом свете лампы Гушинов смог различить контуры второй двери.

«Ну вот, отдохните здесь немного, пока не отправитесь дальше, — сказал врач. — Если я понадоблюсь, здесь есть звонок».

Он указал на кнопку, вделанную в стену, и быстро вышел из помещения. Дверь щелкнула вслед ему замком.

В глазах у Гушинова заметался огненно-красный туман. По всему телу разливался нестерпимый жар. Он с трудом переводил дыхание. Кое-как дотащившись до обитой двери, Гушинов, к своему ужасу, установил, что она без ручки. Едва держась на ногах, он добрался до другой стены, где видел раньше вторую дверь. Однако двери там не было: то, что Гушинов принял за дверь, была всего лишь бутафория. Он дотянулся до звонка — жал, жал, жал на кнопку. Ни звука: звонок тоже был бутафорским.

Ни один человек не слышал больше об Иоахиме Гушинове и не видел его. Известия, которые он якобы пересылал своей жене через доктора Петье, оказались не чем иным, как подлым надувательством.

Предложение о бегстве, сделанное доктором Петье своему пациенту-еврею Иоахиму Гушинову, было приглашением к смерти.

Два года спустя, субботним вечером 11 марта, у Жоржа Масю зазвонил телефон. Масю был шефом парижской криминальной бригады, звонок — чисто служебный.

Двадцать минут спустя он уже входил в по всем признакам нежилой и давно заброшенный дом № 21 по рю Лезер. А еще через полчаса он, с бледным как полотно лицом, отчаянно борясь со спазмами своего бунтующего желудка, пулей вылетел на улицу и потом долго никак не мог прийти в себя.

Главный комиссар Масю несомненно был человеком железного характера. Тот, кто два с половиной десятка лет прослужил в парижской уголовной полиции и даже дослужился при этом до поста шефа криминальной бригады, должен обладать стальными нервами. Убийства Масю давно стали привычны и обычно совсем его уже не волновали, являясь такой же неотъемлемой принадлежностью его службы, как Сена для Парижа. Никогда он не был чистоплюем-хлюпиком — ни в частной жизни, ни на службе.

Когда в июне 1940 года в Париж вошли немцы, ему и в голову не пришло покинуть свое бюро на Кэ д'Орфевр и перейти на нелегальное положение, как это сделали многие другие комиссары и инспектора Сюртэ и парижской префектуры. Пусть эти фанатики, если им угодно, рискуют жизнью в своем Сопротивлении — для него об этом не могло быть и речи. Масю всегда был служащим, служил в качестве такового закону и порядку, а коль скоро и законы, и порядки в Париже устанавливали теперь немцы, он работал с

немцами. Коиечио, Масю мог бы, как многие его коллеги, уйти в иеоккупированиую Францию, в Вишн, ио зачем? В конце концов, это озиачало бы практически то же самое. Ведь все равно и глава вишистского государства Петэн, н премьер-министр Лаваль тесио связаны с иемцами.

Правда, в последиее время Масю все чаще стал волиовать вопрос: правильио ли он поступил, согласившись сотрудничать с немцами. На подобные размышлеиия его настроил маленький картонный гробик, который ои обиаружил в своем почтовом ящике, — знак, поиятный любому н каждому в оккупированной Францин. Итак, его, Масю, считают коллаборационистом! В последние недели ои старался по возможностн нзбегать иемцев. Но завтра ему придется пойти к ннм, чтобы ниформировать о том, что он здесь обнаружил. Все, как положеио...

За свою службу Жорж Масю перевидел кучу всяких мерзостей. Но то, что поджидало его здесь, в этом мрачном доме на рю Лезер, далеко превосходило все известиое ему раньше. Этот дом был цехом массовых убийств.

Во французскую историю уголовиых преступлений вписаны имена многих закоренелых убийц, убийц-рецидивистов. Но врачеватель людей доктор Петье затмил их всех вместе взятых. Позднее на суде обвииитель вполие объективно констатировал: «Так, как Петье, убивалн только иацисты в Освеициме и Бухенвальде».

Потрясеиный до глубины души, осматрнвал Масю кочегарку зловещего дома. Рядом с топкой были аккуратио сложеиы рассортированные «по иомеиклатуре» руки и ноги, ребра н волосы. На колосниках дотлевали еще какие-то бесформенные куски, а перед топкой выснлась большая груда обуглнвшихся костей.

Возле этих человеческих остаиков сосредоточеино колдовали судебиый медик доктор Поль из нистнтута криминалистики и профессор Санье, иачальник судебной службы идеитнфикации. Их, врачей, вся эта адская кухня, казалось, иисколько ие травмировала.

Поздиее доктор Поль представил суду длиниый список латииских термииов — наимеиоваине всех костей, найдеиных в доме № 21 по рю Лезер. В нем значились среди прочего одна грудная клетка, пять плечевых костей, семь большеберцовых костей, четыре костн предплечья и две иижние челюсти. Кроме того, в этом списке фнгурировали пять килограммов малых отдельиых костей, сто килограммов костных останков, идентифнцировать которые не удалось, и пять килограммов человеческих волос. Доктор Поль пришел к заключеиию, что останки эти принадлежат по меиьшей мере десятерым мужчинам и жеищииам н что самый крупный мужчина был ростом около 180 см, а самая малеиькая жеищина — примерио 150 см. Затем доктор Поль деловито и бесстрастио пояснил, что следы разрезов на коиечностях совпадают с миогочисленными частями расчлененииых трупов, которые находили в окрестиостях Парижа еще до обнаруження фабрики смертн иа рю Лезер, н что эти разрезы выдают опытную руку хирурга.

Главиый комиссар Масю, слегка пошатываясь, вышел из

служившей крематорием кочегарки, все еще отравленной непереносимым запахом горелых костей, и поднялся во двор, где узнал, что флики, блокировавшие участок от зевак, упустили возможного убийцу — владельца дома, некоего доктора Петье. Выяснилось, что этот самый доктор Петье (по описаниям фликов и соседних консьержек, это был он и никто другой) возвращался в дом, когда в нем уже была полиция. Масю подумал сначала, что ослышался, однако полицейские подтвердили: все было именно так.

Пока пожарные тушили печи, а потрясенные полицейские пытались разобраться в представшей их взорам ужасной картине, какой-то мужчина подъехал на велосипеде, спокойно вошел в дом, предостерегающе приложил палец к губам и прошептал растерянным полицейским: «Вы ведь добрые патриоты, не так ли? Не поднимайте большого шума! Эти, которых найдут здесь, все они были немцами и предателями. Казнены бойцами Сопротивления! Ясно?»

Не успели полицейские толком осознать смысл его слов, как мужчина снова вскочил на свой велосипед и был таков.

Главный комиссар Масю пристально вглядывался в их лица. Он, представляя себе ход их мыслей, отлично знал, что флики вовсе не собирались задерживать незнакомца.

Откуда им знать, правду сказал этот мужчина или нет? Ну сдадут они его в гестапо, а не придется ли в один прекрасный день расплачиваться за это предательство? Ведь ясно же, что немцам долго не продержаться, сколько ни бухай они своими подкованными сапогами по парижским мостовым. Да, сегодня их ищейки с черепами на эмблемах все еще охотятся на партизан, а одетые в кожаные пальто гестаповцы до смерти истязают антифашистов, но конец этой кровавой вакханалии уже близок. После войны фликам и без того нелегко будет доказать, что они не лизали бошам сапоги. Да провались он, этот велосипедист, пусть катит себе, куда ему заблагорассудится! В конце концов, у них есть начальник, этот надутый шеф криминальной бригады, ему и карты в руки, пусть решает, как поступить в этой щекотливой ситуации. Им же, маленьким фликам, лучше держаться от всего этого подальше. Было бы еще за что рисковать, а то за нищенские тысяча восемьсот франков жалованья! Приди с такими «деньжищами» на черный рынок — и купишь... три куска масла да две пачки сигарет. Кому, спрашивается, охота за этакие-то блага да быть расстрелянным впоследствии как коллаборационист?

Кому-кому, а Масю отлично было известно, что теперь большинство полицейских думает именно так. Глубоко вздохнув, он махнул рукой и не спеша зашагал к обшарпанному подъезду дома № 21.

Осмотрев вместе со следственным судьей Тангю «ординаторский кабинет» и маленькую треугольную комнатку позади него, Масю попал вдруг в старую конюшню, отделенную от комнатки кирпичной стенкой. Посередине бывшей конюшни виднелась большая, очень глубокая яма. Обычно ее прикрывали две тяжелые

каменные плиты, которые сейчас стояли прислоненные к стене. Над ямой болтался блок, с помощью которого можно было ее раскрывать и закрывать. Но не только для подъема и спуска каменных плит служило здесь это сооружение. Сама яма, наполненная гашеной известью, выдавала свое назначение: доктор Петье «высушивал» в ней трупы убитых им людей, а затем уже расчленял их и отправлял в печь.

Позднее удалось выяснить, что доктор Петье начал сжигать трупы своих жертв предположительно лишь с марта 1944 года. Тут-то его и настигла судьба: обеспокоенные отвратительным чадом консьержки соседних домов почуяли неладное и вызвали полицию. До этого времени доктор Петье действовал по-иному: предварительно обезобразив покойного до неузнаваемости, он расчленял труп и отдельные его части разносил по окрестностям, захоронял или топил в Сене. От большинства несчастных не оставалось никаких следов.

В 27 убийствах обвинялся Петье на суде, и это были только те случаи, когда следы жертвы четко вели к нему. Всех ли своих «клиентов» отравлял этот кровавый мясник или кое-кого из них для разнообразия душил — остается неизвестным. Во всяком случае, застреленных или умерших от ушиба тяжелыми предметами среди них, по заключению экспертов, не было.

Прежде чем отправиться домой, Масю подготовил своих людей к аресту Петье, произвести который было намечено на следующее утро, сразу же после восхода солнца, на рю Шомартэн, 66, в его квартире.

Еще в субботний вечер Масю распорядился оцепить дом и расставил на посты своих людей: у ворот, на лестничных площадках и на втором этаже, рядом с дверью, ведущей в квартиру.

Ранним утром в воскресенье 12 марта 1944 года вооруженные чиновники уголовной полиции ворвались в квартиру врача. Несколько минут спустя главный комиссар Масю получил донесение: «Доктор Петье бежал!»

Последующие недели были заполнены тяжкой мелочной работой. К делу подключили множество инспекторов. Сообщение прессы о доме смерти на рю Лезер, словно взрыв бомбы, ошарашило пациентов врача-убийцы. Однако почти никто из них не счел нужным связаться с полицией.

Приказ о розыске Петье был разослан по всем полицейским и жандармским участкам, но ни малейших сведений о его местопребывании так ниоткуда и не поступало.

Полиция опросила всех соседей Петье по рю Лезер и рю Шомартэн. Отыскали извозчика, который привозил на рю Лезер гашеную известь, и выяснили, что заказ на это он получил от Мориса Петье, брата доктора. Путем многократных допросов супруги доктора Петье удалось выявить круг родных и знакомых беглого врача. Одна торговка углем, тоже пациентка Петье, сообщила, что в начале марта она тайком продала врачу несколько центнеров угля. Теперь-то ей ясно, что он вовсе не собирался отапливать ее

угольком свою квартиру, а предназиачал его иа топливо для сжигания человеческих остаиков.

Полиция вновь н виовь изучала списки пропавших без вести н бумагн Петье; эксперты самых различных направлений иастойчиво исследовали костные остаики с рю Лезер и законсервированные части трупов, иайдеииые в окрестиостях Парижа.

Однако далеко не все причастные к розыску чиновники относились к своему делу с должиым рвеиием: многих куда более заботило их собствениое будущее. 6 июия союзиики высадились в Нормандии. В Париже иачалось брожеиие. Все чаще полицейские слышалн угрозы в свой адрес, а многие из них всерьез опасались расплаты, ибо в годы оккупации французская полиция служила не интересам Франции, а фашистским оккупантам. Антнфашистов и евреев она преследовала ничуть не меньше, чем гестапо, а за свою активность и инициативу в розыске и обезвреживании бойцов Сопротивлення неоднократио поощрялась фашистским командованием. Правда, за нстекшее время произошел кое-какой сдвиг в умах н в полиции. Многне полицейские более илн менее решительно меняли свон симпатии в пользу Сопротивлеиия.

В конце июля была прорвана немецкая оборона у Шербура. Армии союзииков двигались иа Париж. Бойцы Сопротивления все активиее стали выходить из подполья, н полиция почти не препятствовала нм. В рядах полиции тоже пробуждался дух возмущення против оккупантов. 14 июля 1944 года в деиь французского нацнонального празднка, тысячи парнжан вышли на демоистрацию на кладбнще Иврн перед могилами казненных оккупантами патриотов. Над крышей больницы Сальпетри под звуки марсельезы взвился трехцветный флаг, а к вечеру на рю де Бельвилль собралось на манифестацию двадцать тысяч парнжан. Окружиой полнцейский комиссар и инспектора специальных бригад приказали подчиненным подразделеииям полиции разогнать толпу. Одиако флики не подчинились. Они беспрепятствеино пропустили колонны демоистраитов по улицам, а частично даже присоединились к иим. Узиав о смеие иастроеиий, оккупациоииые властн попытались разоружить н интернировать полицию. Это привело к иачавшейся 15 августа 1944 года всеобщей забастовке полицейских. Полицейскне не являлись в свои комиссарнаты н участки, на улицах не было вндно ни одиого флика. В борьбе за освобожденне столицы сложили головы сто пятьдесят четыре полнцейских. 24 августа в Париж вошли танковые части геиералов де Голля н Леклерка.

Полнцейские вериулись в свои учреждеиия, снова вышли на улицы. В командоваиие вступилн новые иачальиики, коллаборациоиистов нз рядов полицин арестовывали. Посаднли в тюрьму и главиого комиссара Масю.

Расследование по делу Петье решено было продолжать, и тут иекий маклер по продаже иедвижимости Незоидэ заявил полиции, что может сообщить кое-что иитересное. В августе 1943 года он встретил в Брассерн Уииверсель Мориса, брата доктора Петье. Морис шел как раз с рю Лезер и все еще иикак ие мог унять дрожь в

коленях. «Там было не продохнуть от трупов», — поведал он под большим секретом Незондэ. По поручению своего брата Морис Петье забрал оттуда несколько чемоданов, оставленных бойцами Сопротивления, и прятал их у знакомых в Оксере и в Курсон-ле-Карьер.

Полиция разыскала эти чемоданы общим счетом семьдесят шесть штук. Они и их содержимое — личные вещи и одежда, взятые с собой жертвами Петье для «путешествия в Аргентину», — позволили еще раз во всех деталях оценить размах преступлений этого врача-потрошителя.

Инспектора насчитали среди прочего: 71 туалетный несессер, 21 дамскую сумочку и столько же пудрениц, 93 дамские рубашки, 18 дамских пальто, 12 мужских пальто, 74 платья, 35 пиджаков, 57 пар обуви, 16 тюбиков губной помады и 10 пилок для ногтей. При этом вскоре было установлено, что Петье оставлял себе вещи далеко не всех жертв. Многое было сожжено или уничтожено иным способом.

Никаких свидетельств на вещах об их принадлежности конкретным лицам обнаружить не удалось. Документы жертв Петье сжег, а фирменные знаки и монограммы, которые могли бы стать отправной точкой для расследования, были заранее удалены самими неудачными эмигрантами.

Наряду с установлением имен жертв и розысками их убийцы полиция занялась выяснением жизненного пути Марселя Петье.

БИОГРАФИЯ УБИЙЦЫ

Человек, на счету которого числилось по меньшей мере двадцать семь вероломных убийств с ограблениями, родился 17 января 1897 года в маленьком городе Оксере на берегах Ивонны. Отец его, исполнительный почтовый чиновник, в тот же день зарегистрировал его в мэрии под именем Марселя Андре Анри Феликса Петье. Маленький Марсель рос беспокойным ребенком. Несобранный и неусидчивый, он постоянно увлекался чем-то новым и поражал всех своими дерзкими ответами. Столь же неустойчивым, как характер, был и почерк Марселя — отчаянные каракули вопреки всем стараниям учителя. Преуспевал он только в арифметике, особенно когда дело касалось карманных денег. Когда Петье-отец после смерти жены переселился из Оксера в Йоньи, Марселю пришлось сменить школу. Однако в новой школе у него сразу же пошли скандалы с учителями, и отец отослал его обратно в Оксер, к тетке. Но только и там его школьные дела, увы, не

улучшились. Еще трижды менял он учебные заведения, пока в конце концов отец не отправил его в Париж, в частную школу. Здесь Марсель Петье сдал в 1915 году экзамен на аттестат зрелости, а несколько месяцев спустя его забрали в солдаты.

Едва прибыв на фронт, он был ранен в ногу осколком гранаты и отправлен в лазарет. Там он попался на воровстве и, оправдываясь, пожаловался на расшатанную нервную систему, в результате чего был в первый раз направлен на психиатрическую экспертизу. Врачи признали его здоровым.

После окончания войны Марсель Петье изучал в Лионе медицину и завершил курс наук великолепной диссертацией.

В 1921 году он поселился в Виилльневе и занялся врачебной практикой. Здесь, в этом маленьком городке южнее Парижа, пропал без вести первый человек, о котором точно известно, что он был знаком с доктором Петье и перед исчезновением собирался пойти к нему. Это была Луизетта Делаво, горничная мадам Флери, правившая заодно и немудреным холостяцким хозяйством доктора Петье.

Луизетта была молода, молод был и доктор Петье, а осенние ночи в Вилльневе так тоскливы и холодны, если спать приходится одному... Луизетта забеременела. Мадам Флери заметила это и сразу догадалась, от кого. Она потребовала от Луизетты объяснений, и та не стала запираться. Родители у девушки были очень строгие, и невенчанную мамашу в семье не потерпели бы. Поэтому Луизетта решила объясниться с доктором и однажды вечером отправилась к нему. Во всяком случае, именно так сказала она мадам Флери.

С тех пор горничную Луизетту Делаво никто больше не видел.

В ходе поисков Луизетты полиция расспрашивала о ней и доктора Петье. Однако он выразил удивление: «Что такое, маленькая Делаво исчезла? Беременная? От меня? Ну, знаете!»

За отсутствием каких-либо улик полиция приняла версию, что Луизетта Делаво с намерением произвести аборт уехала в Париж и не подает пока о себе вестей.

Розыск пропавшей без вести временно приостановили. Неделя шла за неделей, а о Луизетте Делаво по-прежнему не было ни слуху ни духу. Когда же впоследствии этим делом заинтересовались вновь, то оказалось, что бесследно исчезло и само розыскное дело.

Представить только, как много документов терялось в канцеляриях французской полиции!

А доктор Марсель Петье тем временем уже не был в Вилльневе неизвестным человеком. Он принимал деятельное участие в политике местного самоуправления, писал разоблачительные статьи в местной прессе, в том числе и о неспособности полиции, которая никак не может раскрыть причину загадочного исчезновения бедной Луизетты Делаво, и радовался все возрастающей популярности на политическом и врачебном поприщах. Очень скоро он наладил и свои финансовые дела, переехал в собственный дом, стал главным врачом городской больницы и директором дома для престарелых.

В эти же годы Петье вступил в социалистическую партию и в «Лигу защиты прав человека», а в 1928 году стал даже муниципальным советником и мэром Вилльнева, получив тем самым великолепные шансы на выдвижение своей кандидатуры в парламент.

Уже много лет спустя, когда убийца многих людей Петье сидел на скамье подсудимых, в Вилльневе находились еще люди, которые, не задумываясь, положили бы за своего экс-мэра руку в огонь, а один из них, негоциант Комтэ, заявил: «Вилльнев очень обязан этому человеку! Весь Вилльнев — за доктора Петье!» Другой же почитатель доктора, старый муниципальный служака, добавил: «Он был лучшим нашим мэром, и к тому же замечательным врачом!» В самом деле, за время правления Петье Вилльнев обогатился современнейшим детским садом и безукоризненной в гигиеническом отношении канализацией. К слову сказать, гигиена вообще-то была, по-видимому, коньком доктора Петье. Взять яму для трупов на рю Лезер или его крематорий — с точки зрения гигиены тут не подкопаешься!..

«Луизетты» довольно быстро поднадоели доктору Петье (очень уж хлопотно было с ними), и он женился на красивой дочери богатого землевладельца, хозяина большого гастронома и нескольких доходных домов. Вскоре Петье сам стал отцом прелестного сыночка.

Меж тем по соседству с преуспевающим доктором продолжали твориться какие-то загадочные преступления, раскрыть которые полиции никак не удавалось. Взломали и подожгли, например, соседний с Петье дом, принадлежавший чете Флери, тем самым Флери, у которых служила пропавшая Луизетта Делаво и которые сообщили полиции о том, что она была беременна от доктора. Никаких следов поджигателя полиция не обнаружила.

Одну из пациенток доктора Петье, лотерейную кассиршу Дебуавэ, нашли задушенной в ее собственной квартире. Преступник похитил лотерейные деньги в сумме 280 000 франков. Доктора Петье вызвали на место происшествия и поручили произвести вскрытие трупа. Он представил полиции очень обтекаемые соображения о возможном ходе событий и о вероятных преступниках. На основании этого доклада задержали десять подозреваемых и всех, одного за другим, вынуждены были отпустить: у каждого оказалось бесспорное алиби. Алиби доктора Петье полиция, разумеется, не проверяла.

«Что? Проверять доктора? Да нужно ли это?» — услышал бы в ответ любой, кто вдруг засомневался бы в его непричастности.

После убийства кассирши по Вилльневу поползли всякие слухи. Один мужчина по имени Фраскот в бистро за стаканчиком вина высказал сомнение в тщательности полицейского расследования. Почему бы, скажем, не сравнить отпечатки пальцев, оставленные убийцей в доме кассирши, с отпечатками пальцев доктора Петье? Через несколько дней этот Фраскот обратился к доктору Петье по поводу своего ревматизма. Врач предложил ему новейшую терапию пчелиным ядом, и Фраскот согласился попробовать. Три часа спус-

тя он умер. Полиция и общественность ничего особо трагического в этом не усмотрели. Ведь доктор Петье пользовал своими инъекциями многих ревматиков. Да, что и говорить, бедняге Фраскоту не повезло, но при чем же здесь доктор?

Так и процветал бы неприкосновенный доктор и ждала бы его большая карьера, не споткнись он однажды о бензиновую канистру, стоявшую на погрузочной платформе товарной станции. Преуспевающий врач и уважаемый мэр попытался под покровом ночи сделать эту канистру своей собственностью, на чем и попался. И тут вдруг попутно выяснилось, что почтенный коммунальный деятель уже давно запустил лапу в городское хозяйство: с водокачки он бесплатно получал топливо, а с электростанции — энергию. Полиции пришлось расследовать обвинения в отношении доктора Петье. Кончилось все тем, что суд приговорил его к тюремному заключению на четырнадцать суток и к минимальному денежному штрафу. И без того весьма непродолжительное заключение было в конце концов объявлено условной мерой наказания, однако карьера Петье как мэра и политического деятеля была, разумеется, окончена.

Жить в маленьком Вилльневе после всего этого доктор Марсель Петье не захотел и перебрался в Париж, где и открыл в 1933 году на рю Шомартэн врачебную практику. Он отпечатал и распространил рекламную карточку, в которой рекомендовал себя как практикующего врача, хирурга, акушера, терапевта, ларинголога, гинеколога, дерматолога, невропатолога и специалиста по легочным болезням, равно как эксперта по электро- и рентгенотерапии. Заканчивалась же вся эта реклама многообещающим заверением: «Мигом удаляем полипы, лишаи и веснушки. Специальные методы лечения морфинистов... Особая аппаратура для борьбы с вялостью кишечника».

Действительно, за весьма непродолжительное время он стяжал у своих пациентов громкую славу, а проститутки, сутенеры и наркоманы просто боготворили его за доброту в выдаче рецептов и лояльность, проявляемую им при заполнении официальных донесений о венерических заболеваниях.

Один осведомитель (и где их только не было!) навел-таки на него бригаду парижской уголовной полиции по борьбе с наркоманией. Доктора Петье снова призвали к ответу и на сей раз приговорили к году тюрьмы и штрафу в десять тысяч франков. Наказание лишением свободы на кассационном процессе удалось свести к условному, а сумму денежного штрафа уменьшить до двух тысяч четырехсот франков.

А вслед за тем начался бурный расцвет его практики. В 1939 году он платил налоги с общего дохода в пятьсот тысяч франков — стал официально признанным врачом.

Вторично споткнулся он на сущем пустяке — на книге, которую незаметно сунул в карман в книжной лавочке букиниста Жибера на бульваре Сен-Мишель. Этот доктор Петье, как сорока, крал все, что подвертывалось под руку, крал даже в квартирах больных, куда

его вызывали, и в большинстве случаев это сходило ему с рук. На сей раз за книжку его поместили в психиатрическую клинику, покинуть которую ему удалось лишь после того, как разразилась война.

Где обитал Петье после этого, до самого конца 1940 года, полиции установить так и не удалось, но затем он возобновил свою практику в Париже, в который тем временем вступили немецкие войска и где лютовало гестапо, сея панический ужас и жгучую ненависть к оккупантам. Гестапо и СС творили во Франции такие же зверства, как в Голландии и Польше. Человеческая жизнь ничего больше не стоила. Местные нацисты и парижские уголовники за обещанную награду вовсю выдавали немцам адреса «левых» и евреев; за «левых» платили больше, за евреев — меньше.

Тогда-то доктору Петье и пришла в голову «светлая» идея. В мае 1941 года за полмиллиона франков он купил у одного румынского князя дом № 21 по рю Лезер с прилегающим к нему земельным участком и нанял двух каменщиков и столяра. Каменщики должны были увеличить выгребную яму, расчистить и побелить известью бывшую конюшню, приладить к потолку блок и на несколько кирпичей поднять стену, опоясывающую участок. Столяру было поручено привести в божеский вид «ординаторский кабинет» и треугольную комнату, обить двери звуконепроницаемыми пробковыми щитами, соорудить бутафорскую дверь и проделать в стене глазок.

Закончив все приготовления, доктор Петье вышел на «охоту за евреями». Его пациент — меховщик Иоахим Гушинов оказался, предположительно, самым первым из всех, кто исчез после посещения дома № 21 по рю Лезер.

Позднее этот доктор Петье станет выдавать себя за бойца Сопротивления и задаст судье вопрос: «Почему я, доктор Марсель Петье, ликвидировавший больше десятка агентов гестапо, не имею никакой награды?»

Он признается в зале суда в девятнадцати из вменяемых ему в вину убийств, но говорить будет не о преступлении, а о воздаянии, не об убийствах, а о казнях. Он будет смаковать детали своих злодеяний и всячески поносить свои жертвы, и у любого внимательного наблюдателя невольно возникнет вопрос, да в своем ли он уме, этот Петье. И вообще, могут ли в мозгу здорового человека зародиться столь изуверские замыслы, способна ли его психика выдержать такие чудовищные мерзости?

Однако трое экспертов-психиатров единодушно засвидетельствуют, что интеллект доктора Петье выше среднего, никаких психических расстройств они у него не находят.

Полиция тем временем кропотливо по крохам собирала любые сведения о пропавших без вести. Родственникам исчезнувших людей предъявляли для опознания «коллекцию вещей», «собранных» Петье, в прессе публиковали описание обнаруженных предметов одежды. Так постепенно, шаг за шагом, на Кэ д'Орфевр установили двадцать семь жертв, имена которых затем фигурировали в процессе.

Явились в полицию и рассказали все, что знали, вдова и компаньон покойного Гушинова. Однако от самого Гущинова в «коллекции» одежды не сохранилось ровным счетом ничего.

20 июля 1942 года телефонным звонком был вызван из дома врач-еврей доктор Поль Браунбергер. С тех пор он исчез. Следы его последних шагов вели к доктору Петье. В «собрании» Петье брат и горничная пропавшего опознали его шляпу и рубашку.

В конце августа 1944 года, когда миновала опасность быть арестованным за укрывательство евреев, в уголовную полицию на Кэ д'Орфевр позвонила некая мадам Эрьян Кан. Она назвала полиции имена доброго десятка еврейских эмигрантов, которым посредничала в установлении связей с доктором Петье. Правда, человека, столь самоотверженно помогавшего преследуемым евреям, мадам Кан знала под именем доктора Эжена. Большинство евреев, которых мадам Кан рекомендовала Петье в полной уверенности, что тот поможет им спастись от преследований и страхов, уже имели за плечами опыт ухода от нацистов.

Были среди них, например, супруги Вольф, которые вместе со старой, полуглухой тещей переселились в 1933 году в Париж из Франкфурта, и очень состоятельная чета лесоторговцев Баш, совсем недавно ускользнувшая из Амстердама от еврейского погрома вместе со своими родственниками Аренсбергами, Шонкерами, Эренрайхами и Холландерами.

Не в силах унять дрожь от ужаса, полная упреков самой себе, мадам Кан рассказала инспектору, с какой надеждой взирали на доктора Эжена эти загнанные и потерявшие мужество люди, как радовались они тому, что скоро больше не надо будет забиваться в темные убежища, осторожно прислушиваться к каждому шороху и в постоянном страхе ожидать, что вот-вот попадешься в беспощадные лапы фашистов.

Всхлипывая и вытирая слезы платком, она вспомнила, как расписывал доктор Петье дальнейшую судьбу этих жалких созданий, как он был тронут их доверием и как возмущался тем, что находятся люди, которые сколачивают капитал на несчастье других. Инспектор не смел взглянуть в глаза женщине, которая до самой смерти будет теперь мучиться своей невольной виной; он смотрел на свои сжатые кулаки с побелевшими от напряжения косточками и ничего на свете не желал так страстно, как быстрейшей поимки этого живодера Петье...

Комиссары и инспектора уже было начали потихоньку свыкаться с обстоятельствами преступлений, совершенных доктором-убийцей, и без прежнего содрогания листали страницы неоконченного дела, когда случай устроил им очную ставку с судьбой семьи Кнеллер.

Кнеллеры тоже были евреями-эмигрантами из Германии — маленькие люди, с грехом пополам пробивавшиеся по жизни, единственной гордостью которых был восьмилетний сынишка Рене. Рене родился в Исси-ле-Мулене и являлся, таким образом, в отличие от своих родителей французским гражданином. Однако

зто нимало не помогло ни самому веселому, рыжеватому мальчугаиу, ии его родителям: для иацистов они прежде всего были евреями. Миогие еврейские семьи по соседству с иими уже забрали иемцы, поэтому Кнеллеры со дия на день с трепетом ждали своей очереди. И тут вдруг Курт Киеллер вспомнил о докторе Петье, с которым однажды советовался по поводу какой-то болезни, но до сих пор еще за это ие расплатился.

О Петье поговаривали, что у иего есть зиакомые коитрабандисты, которые нелегально переправляют преследуемых в неоккупированную зоиу. Киеллер верил зтому человеку: добрый и великодушиый, он и ие иапоминиал ему о плате за лечеиие. Полный иадежд Курт Киеллер отправился к доктору иа рю Шомартэи.

Доктор Петье, которому было хорошо известио крайие плохое материальиое положеиие Киеллеров, сиачала не хотел ни о чем и слышать. Одиако иекоторое время спустя, когда Курт Киеллер пообещал отдать ему в залог свою мебель, добротную, почти новую дубовую мебель, врач все же согласился. Однажды иочью, незадолго перед троицей, 1942 года доктор Петье увел семейство Киеллер из их квартиры. Ни одии человек с тех пор иичего о иих ие слышал. Детская пижамка и зубиая щеточка — все, что осталось в «коллекции» доктора Петье от малеиького французского граждаииа Реиэ Киеллер. Мебель, которую пообещал Киеллер доктору, так тому и не досталась. Коисьержка дома, в котором жили Киеллеры, отказалась ее выдать.

Вскоре полиция разузиала, что жертвами доктора Петье пали в оккупированиом Париже ие одни только евреи. Первый сигнал об зтом поступил из полицейского участка малеиького провинциальиого местечка Гарнье. В феврале 1942 года оттуда отправилась в Париж молодая жеищина по имеии Дениз Колин. Оиа ехала к доктору Петье, которого зиала раиьше, чтобы освободиться от иежелательиой беремеииости. Врач уже прежде помогал ей в подобных случаях. В последний раз Дениз Колин видели в Париже иеподалеку от рю Шомартзн.

От первоиачального предположения, что доктор Петье специализировался исключительио иа евреях, пришлось отказаться, хотя, вне всякого сомнения, им ои отдавал явное предпочтеиие: здесь ему ие приходилось опасаться, что встревоженные родствеиники заявят о пропавшем без вести в полицию.

Там же, иа рю Лезер, исчезло большое число его пациентов, которые слишком миого зиали и могли стать для него опасными. Так случилось 22 марта 1942 года с наркоманом Марком ваи Бевером. В последиий раз его видели вместе с доктором Петье. По всей вероятности, как считает полиция, ои попытался шантажировать врача. Ведь Петье был отличио известеи в кругах иаркоманов, а сам ваи Бевер являлся его старым пациентом. На суде в зтом убийстве врач так и ие призиался.

Через три дия после Бевера исчезла жеищииа, которая могла бы стать для Петье опасной. Звали ее Марта Форсии-Кайт и оиа была замужем за евреем портным. От первого своего брака мадам

Форсин-Кайт имела дочь, которая в середине марта 1942 года угодила в полицейскую облаву и при обыске у нее нашли большую дозу морфия. Девушку подвергли строгому допросу. Загнанная в угол, она призналась, что морфий ей достал доктор Петье. Ее мать, мадам Форсин-Кайт, желая уберечь врача от неприятностей, немедленно известила его обо всем. И Петье нашел выход. Он посоветовал матери сейчас же пойти в полицию и заявить, что она сама — тоже морфинистка и лечится у него по методу постепенного отвыкания. Доза, конфискованная у ее дочери, предназначалась якобы для них обеих. Для того чтобы все выглядело правдиво, Петье сделал женщине несколько уколов иглой в руку.

Полиция, которую в начале 1942 года интересовала совсем иная дичь, чем наркоманы, безоговорочно ей поверила. Тем бы дело и кончилось, когда бы простую честную женщину мадам Форсин-Кайт не стали мучить после этого угрызения совести. Она снова обратилась к врачу и потребовала, чтобы тот открыл полиции правду. Вошла она к доктору Петье на минутку, как была — в фартуке, в домашних шлепанцах. Больше никто ее никогда не видел. 28 марта 1942 года ее муж нашел над дверью нацарапанную неразборчивыми каракулями записку: «Мне необходимо уехать в неоккупированную зону. М.». Несколько дней спустя портной Кайт был отправлен нацистами в Освенцим.

Так постепенно раскрывалась перед чиновниками уголовной полиции судьба за судьбой, жертва за жертвой.

Во время своих поисков они узнали о парикмахере Веррье с рю де Матюрэн и его друге Гонтаре. Оба эти пожилых господина в полной уверенности, что творят добро, оказывали посильную помощь сатане с рю Лезер. Веррье и Гонтар занимались пропагандой (шепотом, разумеется), и главное место в этой пропаганде занимал некий доктор Эжен (псевдоним, за которым скрывался не кто иной, как доктор Марсель Петье), бескорыстный друг и помощник гонимых и притесняемых. В мастерской Веррье происходили и первые встречи доктора Эжена с кандидатами в эмигранты. Правда, жертвами, которые доктор Петье приглядел в парикмахерской Веррье, стали (за одним лишь исключением) весьма темные личности: четверо «авторитетных» парижских преступников со своими «дамами». Двое из них, Джо-Боксер и Франсуа-Корсиканец, были гестаповскими шпиками; теперь же гестапо охотилось на них самих. Двое других, Адриэн-Баск и Жожо-Балафрэ, спасались от опасного для жизни конфликта с конкурирующей бандой. Вместе с Адриэном-Баском без вести пропало 1 100 000 франков, 2300 золотых долларов, 530 луидоров, 70 000 однодолларовых купюр и множество драгоценностей.

Последняя жертва, принявшая смерть на рю Лезер, также отправилась в свой скорбный путь из мастерской Веррье. Это был Ивэн Дрейфус, которого французский жандарм за вознаграждение в 2500 франков выдал немцам как человека, собиравшегося пробраться в Африку к генералу де Голлю. Однако его жене удалось добиться освобождения мужа. Гестапо пошло на это, чтобы

нспользовать Дрейфуса, который, конечно же, сразу попытается снова найти путь за границу, в качестве «живца». У гестаповцев нмелнсь кое-какне данные о докторе Эжене, н Дрейфус должен был, сам того не подозревая, вывестн их на него. Однако Дрейфусу удалось одурачнть преследователей.

21 мая 1943 года в 11 час. 45 мин. он в сопровожденнн доктора Петье вошел в дом № 21 по рю Лезер, н больше ннкто его ннкогда не вндел. Средн человеческих останков, которые нсследовал доктор Поль, былн н его костн.

У судебного медика доктора Поля еще раньше зафнкснровалось в памятн, что расчлененные частн трупов, которые несколько лет чуть лн не регулярно находили в окрестностях Парижа, в мае 1943 года внезапно появляться перестали. Целых десять месяцев больше не находнлн нн черепов, нн ног, нн рук до самого 11 марта 1944 года, когда на рю Лезер случайно обнаружилн целую фабрнку смерти.

Это обстоятельство не ушло от вниманяя н инспекторов крнминальной брнгады, н следственных судей. Действительно, после 21 мая 1943 года в полнцию больше не поступало нн одного заявления о зловещих находках. Может, с этого временн доктор Петье уже прекратнл убивать? Возможно, кто-то помешал ему или он сам решил пока получше замести следы? Во всяком случае, добровольный отказ от преступленнй был вовсе не в стиле зтого убийцы.

Напрашнвалась, впрочем, еще одна довольно правдоподобная версия: может доктор Петье вынужден был провестн зто время под арестом? Однако в списках арестованных французской полнцией не значнлнсь ни доктор Петье, нн доктор Эжен. Разгадка оказалась самой неожнданной.

21 мая 1943 года вечером гестапо проводило очередную операцию. После того как гестаповские шпикн упустилн Ивзна Дрейфуса, в игру решилн ввестн одного нтальянца по нмени Гаретта. Этот Гаретта был спекулянтом н как таковой гестапо не нntересовал, однако определенной нзвестностью там все же пользовался: кое-кто нз эсэсовских чннов охотно грел руки на его махинациях, давая взамен н ему подзаработать иной раз на определенных заданнях. Гаретту отправилн в качестве «подсадной уткн» в салон Веррье, где он прнкинулся несчастным беглецом, очень натурально изобразил отчаяние и упросил хозяина свестн его здесь, в парнкмахерской, с ангелом-храннтелем гоннмых доктором Эженом. Гестаповцы выжидалн в засаде н в подходящий момент должны былн захлопнуть западню.

Добряка Веррье до слез тронули «страданяя» Гаретты, н он тут же послал условный сигнал доктору Петье. Однако доктор, уже успевший в зтот день «отправнть в путешествие» Ивзна Дрейфуса, посчнтал, что совсем не худо будет теперь передохнуть от трудов праведных, н на зов Верре не явился. Так н получилось, что в тот самый момент, когда гестаповцы нагрянулн на салон Веррье, главное действующее лнцо там отсутствовало. Верре н Гонтар

были арестованы, и парикмахер, знавший, кем был в действительности доктор Эжен, выдал имя и адрес Петье.

В ту же ночь врач был арестован. Гестапо хотело знать, где он скрывает Ивэна Дрейфуса. Доктор Петье изобразил недоумение. Дрейфус? Да он же давно передал его на плас де ла Конкорд некоему доктору Озанэну. Настоящее его имя? Понятия не имеет! Он, Петье, — не более, чем одно из звеньев длинной цепи, и поэтому вообще почти никого не знает. В его задачу входило только доставить вверенную ему персону на условленное место встречи, а там он всегда передавал своих подопечных этому самому доктору Озанэну.

Гестапо умело развязывать языки: Петье били, морили голодом, лишали сна, однако он упорно держался своей версии. В конце концов гестаповцы поверили доктору и отправили его в военную тюрьму Френэ. Архибестии Петье удалось обвести вокруг пальца гестапо! В феврале 1944 года Петье совершенно неожиданно был освобожден из тюрьмы. (Надо полагать, что не без согласия оказывать услуги гестапо.) Он получил назад свои личные вещи, в том числе и ключ от дома № 21 по рю Лезер, и сразу же поспешил на свою фабрику смерти.

Одна лишь цель руководила им: как можно скорее освободиться от трупов. Опытный врач, он знал хорошее средство — гашеную известь: быстро иссушает трупы и тем самым заметно уменьшает тошнотворный трупный запах. Его брат Морис привез восемь центнеров извести, и доктор Петье засыпал ею трупы.

Управившись с этим главным делом, Петье поехал к семье в Оксер, где позволил себе отдохнуть как доблестный герой, только что ускользнувший из гестаповских застенков. Однако в начале марта он снова вернулся в Париж, где, к своему ужасу, узнал, что с 1 апреля его земельный участок на рю Лезер должен быть передан вермахту. Петье приходилось спешить: убрать немых свидетелей его преступлений за столь короткий срок было куда как не просто. Ночи напролет трудился доктор, доставал трупы из ямы с известью, расчленял и сжигал их.

Так шло до той самой субботы, когда Петье прикатил на велосипеде на рю Лезер и обнаружил, что на его участке хозяйничает полиция. Соседи не вынесли отвратительного чада, идущего из трубы дома Петье, и подняли по тревоге фликов.

Петье отлично знал о чувстве неуверенности, охватившем в те дни почти всю французскую полицию, и, пробормотав магическое слово «Сопротивление», беспрепятственно удалился.

В ту же ночь он позвонил по телефону своему брату Морису в Оксер. Позднее комиссар Пино, руководивший со 2 ноября 1944 года розысками по делу Петье, установил по квитанции, что этот разговор длился ровно две минуты сорок шесть секунд.

О чем говорил Петье своему брату, выяснить так и не удалось. Мориса арестовали и допрашивали по всем правилам полицейского искусства, однако тот упорно утверждал, что его брат — боец Сопротивления и жертва предательства. Ни слова не проронил он о

том, где спрятаны наличные деньги и несметные драгоценности, награбленные доктором Петье у своих жертв. До самого своего конца молчал об этом и доктор Петье, и долго еще после этого всякая мелкая шушера была занята поисками «сказочных сокровищ доктора Петье».

ДОКТОР ПЕТЬЕ, ОН ЖЕ КАПИТАН ВАЛЕРИ

Полиция сбилась с ног, разыскивая доктора Петье, а тем временем он отсиживался в уюте и покое на рю Фобур Сен-Дени у одного литейщика по имени Ребо, отращивал на досуге бороду и внимательно штудировал газеты, которые приносил ему хозяин. Ребо знал, что пишут в газетах о докторе Петье, однако не верил ни единому слову. Ведь давным-давно известно, что газеты печатают лишь то, что им прикажут. А он, Ребо, так обязан этому врачу Петье, который, оказывается, к тому же еще боец Сопротивления и даже командир группы «Мухомор». Да потом — ведь это так могло впоследствии пригодиться — иметь в друзьях «одного из Сопротивления». Правда, иной раз Ребо немного удивляло, что его гость, страстный боец Сопротивления, спокойно сидит дома, когда на парижских улицах с каждым часом растет возмущение и люди Сопротивления все активнее подсыпают бошам угольков за пазуху. А доктор Петье не выходил из теплой комнаты даже в те дни, когда начались уже баррикадные бои и немцы попятились.

Ребо настаивал: командир группы «Мухомор» должен наконец объявиться и стяжать заслуженные почести за свой беззаветный героизм в борьбе против оккупантов.

Хочешь не хочешь, доктору Петье пришлось покинуть свое надежное убежище.

31 октября 1944 года военный жандарм Шарль Дониье нес патрульную службу на аллее возле станции Сен-Мандэ. Занятие это весьма скучное, и Донье коротал время, разглядывая уличную публику. Навстречу ему шел капитан. Жандарм механически поднял руку к козырьку. И вдруг он вздрогнул: мужчина показался ему знакомым.

— Ваши документы, мой капитан! — потребовал он. Капитан спокойно опустил сильную руку в карман блузы. Дониье больше не сомневался. Беглый взгляд в документы, едва заметная улыбка уголком рта и вслед за тем твердо и недвусмысленно:

— Следуйте за мной, Петье, вы арестованы!

У жандарма Дониье оказалась поразительная память на лица: это и в самом деле был разыскиваемый убийца-монстр доктор Марсель Петье. Только теперь Петье выдавал себя за капитана

Веттервальда по кличке Валери и яростно доказывал, что является активным бойцом Сопротивления, что руководил даже под именем лейтенанта Валери группой «Месть», а под именем доктора Эжена — группой «Мухомор».

Доиье оставался непреклонным: Петье должен пройти с ним в комендатуру. Когда там раскрыли его бумажник, из него выпала целая пачка документов и разных бумаг: удостоверения личности герцога де Ларошфуко, графа де ла Роше-Гийона, ополченца Жана Дюваля, мадам Боннафу и актера Гарри Бора. Между документами лежали продовольственные карточки Ж-2, которые выдавались в начале 1942 года детям младше 10 лет, — вполне вероятно, карточки Ренэ Кнеллера.

Следующее открытие, которое сделала военная полиция, было не лишено определенной иронии: капитан, он же убийца-изувер, является с недавних пор временно исполняющим обязанности шефа Второго бюро — подразделения военной секретной службы — при его батальоне в казарме Ройилли.

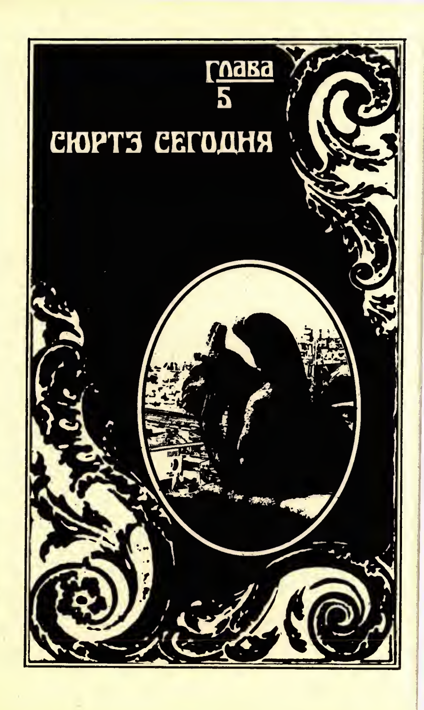
Военная полиция передала лже-капитана уголовной полиции. По поручению шефа, комиссара Пино, инспектор Батту еще раз проследил весь жизненный путь доктора Петье.

Прежде всего Батту должен был проверить версию о «борце Сопротивления» Петье, на которой столь упорно настаивал сам врач и его брат. И инспектор постарался. Он подробнейшим образом проследил все сложноразветвленные и весьма запутанные связи «Сопротивления», беседовал с командирами и участниками отдельных групп, но ни разу нигде не нашел даже намека ни на имена доктора Эжена и доктора Петье, ни на группу «Мухомор».

Был, правда, такой боец Сопротивления Веттервальд, по прозвищу Валери, однако он угодил в лапы к немцам. Его имя Петье услышал (и запомнил на всякий случай) в гестаповской тюрьме. И вообще все свои сведения о Сопротивлении он почерпнул из обрывков разговоров, услышанных в заключении, да из разных слухов. Способный на всякого рода мошенничество и воровство, Петье добыл себе документы на имя капитана Веттервальда, ввел в заблуждение власти и стал числиться героем Сопротивления. Позднее, на процессе, борцы Сопротивления разоблачили его неосведомленность и ложь о мнимом участии в борьбе против оккупантов и предателей.

Два года спустя после обнаружения дома смерти на рю Лезер, 28 марта 1946 года, суд присяжных приговорил к смертной казни одного из самых циничных убийц, которых знает история криминалистики.

В воскресенье 26 мая 1946 года точно в 5 час. 06 мин. Марсель Петье был казнен. Впервые с 30 июня 1943 года в Париже снова заработала гильотина.

Глава 5

СЮРТЭ СЕГОДНЯ

ПОКОЙНЫЙ БЫЛ ЗАДАВЛЕН АВТОМОБИЛЕМ

1 августа 1961 года в позднний ночной час на заброшенном огороде блнз Кормейя трое мужчин раскапывали старую грядку. Часы на колокольне блнжней церкви пробили полночь, и с их последннм глухим ударом нз-под землн показался какой-то длнннный тюк. Незнакомцы нзвлекли его нз тайннка, проволокли напрямую через заросшие бурьяном грядки к дороге, и, погрузив тюк в ожидавшую там машину, самн тоже забрались в нее. Взревев мотором, машина понеслась по направленню к Парнжу.

Однако в Парнж незнакомцы отнюдь не собиралнсь. Совсем наоборот: онн объехали столнцу по окружной дороге и выбралнсь на шоссе, соединяющее Париж с Орлеаном и ведущее дальше через Тур н Анже к Нанту. В полуночную пору на шоссе было почтн пусто; ожнвление на нем должно наступнть лишь ближе к утру, когда в столицу покатят тяжелые грузовики с продовольствием. Трое неизвестных знали об этом, не учли они только одного: движение на шоссе было двустороннее, и еслн для машин, ехавших в сторону Парнжа, час пик начинался еще до рассвета, то для транспорта, ндущего в сторону Тура (а онн ехали именно в этом направлении), он наступал несколько позже. Этот просчет оказался для них роковым: содержнмое тюка, выкопанного из тайника на старых огородах, подложили по ошибке не на ту сторону.

Часа полтора спустя в уголовной полиции на Кэ д'Орфевр раздался звонок. Патрульная машнна вызывала по радно дежурную оперативную группу комиссии по расследованию убийств. На шоссе, ведущем к Туру, случилась весьма страиная история. Полчаса назад некий инженер Жак Селье наехал на своей машине на неизвестного мужчину, который, однако, был уже, видимо, мертв еще до этого несчастного случая.

Отчего он умер н как очутился на шоссе, было неизвестно. Командир патрульной машины полагал, что необходимо обследовать труп и место происшествия с участнем врача н экспертов службы ндентификации.

Сразу же после этого вызова с Кэ д'Орфевр по направлению к Туру выехала оперативная группа в составе врача, фотографа, техника-криминалиста и детектива. То был далеко не первый их выезд за дежурство: ночи дежурных подразделений парижской уголовной полиции постоянно заполнены вызовами по самым различным поводам. Во французской столице ежечасно что-то случалось: совершались кражи, мошенничества, кого-то грабили, шантажировали, а то и убивали. Тот, кого на Кэ д'Орфевр наряжали на ночную службу, знал, что работы ему предстоит выше головы.

Четверка утомленных, издерганных криминалистов ехала молча. Когда они прибыли на место происшествия, вдалеке, на самом горизонте, уже трепетали первые робкие проблески занимавшейся утренней зари.

Началась обыденная, привычная работа. Все шло, как по-писаному: каждый четко знал свои обязанности, никому не требовалось особых указаний, любой отлично владел всеми профессиональными приемами. Врач обследовал труп, фотограф возился с камерой и лампой-вспышкой, стараясь до мельчайших деталей зафиксировать на пленке место происшествия, тело убитого и вообще все, что хоть в какой-то мере могло бы послужить на пользу следствию. Техник-криминалист осматривал машину месье Селье и дорожное покрытие. Не терял времени и детектив: прежде чем пригласить в машину оперативной группы Жака Селье, он успел еще раз подробнейшим образом расспросить обо всем своих коллег из дорожной полиции, охранявших место происшествия.

Несколько рукояток на себя — и внутреннее помещение машины превращается в крохотную комнату для допросов, оснащенную всем необходимым инвентарем. Не совсем еще оправившийся от испуга, бледный и утомленный бессонной ночью Жак Селье спокойно и сдержанно сообщил о том, что ему довелось пережить. Вскоре после полуночи он выехал из Парижа в Тур за своей невестой, вместе с которой собирался провести отпуск в Диниане. Движения на шоссе почти не было. Встречные машины изредка еще попадались, на его же стороне, кроме него самого, не было ни души. Вдруг прямо перед собой в свете фар он увидел лежащий поперек дороги какой-то длинный, темный предмет. Селье попытался отвернуть в сторону и резко крутанул баранку, однако маневр удался только частично. Правым передним колесом он задел-таки этот предмет, и машину занесло. С большим трудом водитель все же выправил ее, после чего сразу остановился и побежал назад на шоссе посмотреть, что там такое. И лишь теперь он установил, к своему ужасу, что этим самым зловещим предметом, из-за которого он едва не угодил в кювет, был человек... Голос Селье задрожал.

Криминалист успокаивающе поднял вверх ладонь. Нечего паниковать раньше времени! Теперь дело за врачом: вот кончит он свое обследование и тогда будет все ясно, то ли Селье, действительно, задавил его, то ли этот человек был мертв еще до наезда.

Для современной судебной медицины не составляет проблемы точно установить, какие повреждения были нанесены при жизни, а какие потом — уже после того, как человек умер. Можно установить и то, как долго лежал труп в каком-либо определенном месте. Техник-криминалист и эксперты лаборатории сделают все, чтобы внести в дело максимальную ясность. Так что беспокоиться месье Селье не стоит: если его версия подтвердится, то он сразу же сможет поехать дальше, в противном случае придется его невесте пока что проводить отпуск одной.

 Однако невесте Селье повезло: врач полностью подтвердил

показання ннженера. Человек, на которого наехала машина Селье, был мертв в течение никак не менее 24 часов: трупное окоченеиие частично успело уже нсчезнуть. Сверх того удалось установнть, что зтот мужчнна был, по всей вероятности, застрелен, однако (по некоторым прнзнакам) вовсе не в том месте, где был найден. В пользу зтого говорило, в частности, то обстоятельство, что ни на шоссе, ни на машине Селье крови почтн ие имелось. На убнтом былн надеты только брюкн н рубашка; инкаких документов, удостоверявших его лнчность, прн нем ие оказалось. На коже головы трупа вцднелась царапина — след от скользнувшей пулн. Возникало подозренне, что пронзошло преднамеренное убийство. Преступннк убил свою жертву где-то в другом месте, а потом положил труп иа шоссе. С какой целью — догадаться было нетрудио: раздавленного наехавшей машиной покойннка нельзя будет опознать. Однако тут-то убийца и просчитался. Наехал иа мертвое тело не тяжелый грузовнк, а легковой автомобиль, и увечья, наиесениые им, отнюдь не исключали возможность установления личности убнтого. Должно быть, преступннк ие представлял всех возможностей современной криминалистической науки и полагал, что без труда сумеет инсценнровать несчастный случай на транспорте н скроет тем самым преступление.

Однако пока все зто было не более чем следственной гипотезой и нуждалось в тщательной проверке. Труп доставилн в морг, а одежду покойного с сохранившимнся на ней, как предполагали, следамн землн с места преступлення отправилн в лабораторию. Показання Селье и результаты осмотра места находки трупа обобщилн в единый отчет.

ЧЕРВИ-СВИДЕТЕЛИ

Опытный практик комиссар Ледюк изобличил за свою долгую службу не одного убийцу. К желанной цели приводили его порой такие, казалось бы ничего ие значащие, пустяки, как несколько волосков, капля слюны, спичечный коробок илн следы губной помады иа окурке сигареты, — в современном криминалнстическом исследованни мелочей не существует! Он многое вндел, уже ничему не удивлялся, но до сей поры ему никогда еще не приходилось иметь дела с насекомымн, точнее — с маленькимн, беленькими лнчииками, столь крохотными, что легко прячутся под булавочной головкой. В одежде трупа, найденного на шоссе, сотрудннкн лабораторнн обнаружилн две бесцветные червеобразные лнчинкн со столь длинным латинскнм названием, что

пронзнестн его без запннки способны однн лншь тренированные ученые-энтомологн.

Впрочем, это название комиссару было ни к чему. Заинтересовало его совсем нное обстоятельство: оказалось, что этн лнчинкн насекомых жнвут нсключнтельно в темиых местах н на дневном свету могут очутнться только волею какого-лнбо непредвнденного случая. Стало быть, их обнаруженне на воротнике рубахи покойного могло означать только то, что перед транспортнровкой трупа на шоссе его держалн в каком-то месте, где могут водиться этн тварн, в какой-ннбудь пещере илн в туннеле. Таким образом, у комиссара появился важный нсходный пункт для отыскания возможного места преступлення.

А эксперты продолжалн свон понски: документов у покойного, правда, не оказалось, зато на одежде его н на теле разных следов было предостаточно. С рубахн убнтого, с его волос н брюк была собрана темная пылца, оказавшаяся прн спектральном аналнзе антрацитовой пылью н железнстым песком. Нашлн на нем также сосновые н дубовые опилки н крошечные кусочки бумагн нз чистой соломенной целлюлозы. Кроме того, былн обнаружены кроличьн шерстннкн, маленькие зеленые кусочки текстильного волокна, мелкне клочки красной тканн, а также следы плесенн н дрожжевого грнбка, постоянно обнтающего на сырых стенах.

Все зто дало отправные точки для первых выводов. На основанни этих обнаруженных крошечных личинок, волокон, пылинок н частнц комнссар Ледюк прншел к заключению, что до транспортнровки на шоссе покойный пролежал самое меньшее в двух различных местах, то есть по крайней мере один раз его должны былн переноснть с одного места на другое. Одно нз зтих мест, предположнтельно последнее, должно быть абсолютно темным, нбо в нем селятся личинки насекомых, найденные на убнтом. В другом же месте, определенно, сыро н довольно светло, нбо таковы условия для существовання плесенн н дрожжевого грнбка. Вполне вероятно, что это какой-нибудь каменный сарай, в котором хранят антрацит н пнлят сосновые н дубовые дрова. Наличие же дрожжевого грнбка означает, что в этом помещеннн хранят илн пронзводят напиткн типа внна илн пнва. Где-то там же должен быть н железнстый песок, перемешанный с мелкими кусочками чистой соломенной бумаги.

Опираясь на этн выводы, можно было уже начинать действовать: Ледюк знал теперь, какие нменно места надо ему искать, а набредн он на такое подозрнтельное место, дальше следовало бы заняться понсками новых отправных точек, например пятен кровн. И все это было результатом кропотлнвой работы зкспертов крнмнналнстической лабораторнн.

Первый шеф Сюртэ Вндок нзоблнчил некогда запирающегося вора, сравннв его сапогн со следами на месте преступления — неслыханная по тем временам сенсация, о которой долго дискутировали. Представить только, как изумилнсь бы тогдашнне

детективы, узнав, что несколько экспертов, ие выходя из лабораторнн н не нмея ни малейшего представления о нахождении места преступления, способны по самым незначительным данным составить опнсанне зтого места! Еще во времена Альфонса Бертильона такое сочлн бы не более чем плодом фантазии. Теперь же, в шестидесятые годы XX века, все это уже вовсе ие казалось чем-то особенным. Сюртэ давно уже имела в своем распоряжении новейшее иаучно-техническое оборудование, а ее эксперты работали столь точно, что комиссар Ледюк смело мог полагаться на их заключения.

Весомые камешкн в общую мозаику воссоздаваемой картины внесла и судебиая медицина. Выясиилось, что неизвестиый был ие застрелен, как зто предположнл полицейский врач при первом осмотре, а умер от удара ножом в сердце. Правда, до этого в него попали две револьверные пулн, одна из которых всего лишь скользнула по черепу, тогда как другая застряла в правом легком. По ней-то без особого труда и установили систему и калибр оружия.

Итак, у комиссара Ледюка было вполне достаточно нсходных данных для расследования. Прежде всего он приказал очистнть от грязн оставшееся неповрежденным лнцо покойиого, слегка подгримировать и сфотографнровать его, а затем разослал по городу с этой фотокарточкой своих сотрудников. Снимок поместили также в нескольких дневных газетах. Ледюк надеялся, что родные илн друзья увидят портрет в газете н обратятся в полицию. Однако у покойного не было, казалось, ии родных, ни друзей и вообще иикого, кто обратил бы внимание на его отсутствне. И все-таки не из облака же возник этот мужчнна: жил ведь ои где-то, хранил в каком-то месте свои вещи! День шел за днем, ио ни квартнрная хозяйка, ни владелец отеля, ни коллеги по работе — никто так ничего и не сообщил о нем. Все зто снльно иастораживало комиссара. А может покойный — преступник и стал жертвой соперничества бандитских шаек? Илн, допустнм, он был членом подпольной политической организации и жил во Франции нелегальио? Комиссар Ледюк запросил ииформацию через секретную службу и осведомнтелей из преступного мира.

Наконец через восемь дней прншла первая весточка. В одной из улочек по соседству с плас Пнгаль девнца легкого поведения повздорила со своей квартнрной хозяйкой. С обеих сторон градом сыпались злые, оскорбительные слова. Ничего необычного в этом не было и флик, который улаживал ссору, даже и ие упомянул бы о ней в своем рапорте, еслн бы девушка ие угрожала хозяйке полнцией. Маленькое падшее создание громогласно упрекало свою хозяйку, будто та-де отлично знает, кто такой покойник, о котором объявлено в газете. Флик, как и все полицейские, знал об этом деле н без долгих рассуждений отправил обеих спорщнц в участок. Вызвали комиссара Ледюка, который немедленно занялся хозяйкой. Сначала та, понятно, запиралась и утверждала, что ие нмеет ии о чем ни малейше-

9*

го представления. Однако комиссар знал своих «клиентов» ничуть не хуже, чем когда-то шеф-инспектор Горон, и продемонстрировал выдающееся владенне нскусством допроса, ие такой, правда, фнзнческой природы, как у Горона, но ничуть от этого не менее действенное. На Кз д'Орфевр стало теперь иемодно добиваться признанний с помощью голода, жажды и кулаков. В уголовной полицни довольствовались преимущественно специальными уловкамн: сталкивалн свидетелей друг с другом, блефовалн, задавалн коварные вопросы и так запутывали допрашиваемых, что у тех в коице коицов оставалось одно только желание — любой ценой поскорее освободиться от дальнейшего продолжения допроса. С квартнрной хозяйкой все обошлось гораздо проще: то, что от нее требовалось, было далеко не самым худшим из того, в чем она могла бы призиаться. Прежде, когда оиа жила еще на Моимартре, то есть иесколько месяцев иазад, оиа, действительио, неоднократно посещала зтого мужчину. Его звалн Ришар, н ои постояиио таскал при себе нзрядную толику денег — единственное, что интересовало мадам-хозяйку. Больше оиа, к сожаленню, месье комиссару ничего сказать ие может. Разве что дать однн совет: комнссар Ледюк должеи хорошеиько пощупать иекоего месье Вуазье с рю Станислав, который знал зтого Ришара лучше.

Месье Вуазье, допрошеиный сразу же после зтого, знал, к сожалению, тоже не миогим больше, ио указал комиссару на один южиоамериканскнй ресторанчнк. И там иаконец выяснилось, что Рншар, действительно, давно известен всей прислуге. Комиссару сообщили, что зовут его на самом деле Рикардо, во Фраицию он иммигрировал, с большой степенью достовериости, из Никарагуа, а девичья фамилня его матери — Морага.

Ледюк разослал своих людей и в другие заведения южноамерн-каиского колорита, и таким путем ему стало известно о хозяине одиого малеиького бара на Порт Майе, который хорошо знал покойного, в последнее время его частого гостя. Этот владелец бара сообщил, что Рнкардо носил фамилию Медрано. В его же баре зтот самый Рикардо Медрано встречался с тремя змигрантамн из Никарагуа, с которыми, по-вндимому, проворачивал какие-то одним им известные дела.

Бумажиик у Медрано в отличие от зтих змигрантов постоянно был туго набит. Ои азартио играл на бегах и совсем недавно выиграл на иPPодроме в Венсеине большую сумму денег. Эмигрантская троица при каждой встрече получала от него деньги. Адреса зтих змиграитов владелец бара, к сожаленню, не знал, а слышал, что одного из иих зовут Гоизало, а другого — Франческо. Они живут, по его предположенню, где-то в парижском предместье, поскольку постоянно приезжают на автобусе. К тому же Гоизало как-то заявил, торопя своих друзей иа последний автобус, что упусти они его — и им придется топать целых два часа.

Комиссар Ледюк иемедлеино связался с полицией, ведающей делами иностранцев. Это ведомство, которое входнт в систему

политической разведкн, должно надзнрать за иностранцами, равно как за ннмнгрантами н лицами, ищущими убежища, ведет соответствующую картотеку и досье. Однако разыскиваемых никарагуанцев в зтой картотеке не оказалось. «Ну что ж, месье комиссар, — усмехнулся про себя Ледюк, — придется вам разыскивать их самому». Комиссар был уверен: зтн трое определенно имеют отношение к смертн Медрано.

Развернув план Парижа, Ледюк отчертил на нем зону, до границ которой нз бара на Порт Майе можно дойти пешком за два часа. Затем он прнказал оцепнть н обыскать в пределах зтой зоны все дома, имеющие подвалы, которые используют в качестве складов илн пивоварен. Этот розыск был, разумеется, очень долгим н сложным, но зато и самым зффективным средством обнаружения того места, где лежал мертвый Медрано перед транспортировкой на шоссе и где, предположительно, могли скрываться его убнйцы.

Дни шли за днями, оперативные группы, начав с южной окраины города, продвигались уже к последннм точкам, которые Ледюк отметил на своем плане.

Однажды вечером двое инспекторов-криминалистов ехалн на служебной машнне из Аржантейя в направлении Кормейе. Вдруг в лучах фар вынырнули нз темиоты трое мужчнн, бредущих вдоль проселочной дороги в Саннуи. Надо же такое! Как раз трое мужчин! Инспектора поехалн помедленнее и пригляделись к ним повнимательнее.

«Это вполне могут быть они, — сказал один из инспекторов. — Рост примерно соответствует, комплекция н число — тоже».

Они развернулись н быстро поехалн назад в Аржантей, к полицейскому участку, где им немедленно далн нужную справку. Разного рода убежищ и укрытий в районе Кормейе имелось более чем достаточно, взять хотя бы заброшенный садово-огородный участок, о котором владельцы, наверное, уже и думать забыли. Прежде там был подпольный винокуренный завод, но зто было уже давно.

Инспектора понимающе переглянулнсь, один нз них сразу же известил обо всем по телефону комиссара Ледюка. Не прошло н получаса, как к старому садоводству уже подъехал небольшой отряд полицейских. Ледюк пинком ногн распахнул калнтку, н тут же нестройным залпом по нему грянули револьверные выстрелы. Комиссар отпрянул обратно к машине и вызвал по радио подкрепление н собак.

Укрывшись за стволамн деревьев, полицейские не спускалн глаз со строений. Наконец прибыло подкрепление. Фликн н жандармы проворно окружилн дом, Ледюк через громкоговорнтель известил об зтом злоумышленников н потребовал, чтобы они выходилн по одному с поднятыми над головой руками.

Ослепительным светом ударили по домикам прожек-

тора. Однн яркнй луч пополз по земле, планомерно обшарнвая заросшие бурьяном грядкн. Время шло, реакции на требованне Ледюка что-то не замечалось. Из домиков никто не выходил, нз револьверов не палили. Ловко используя любое укрытне, полнцейские подобрались к главному строению, вышибли дверь н ворвалнсь в переднюю. Обыскалн все комнаты, прочесалн весь дом, однако стрелявших так н не обнаружили.

То же самое повторилось и с соседним зданием. На участок выпустили собак: не моглн же, в самом деле, стрелявшие испарнться! И все же, увы, именно это, казалось, произошло. Не помоглн и собаки.

Ледюк совсем уже было склонился к мыслн, что преследуемые выскользнули у него нз-под носа еще до прибытия подкрепления. Но тут одна нз собак остановилась как вкопанная и подала голос. Проводннк нагнулся и поднял с землн мужской пиджак. Сухой — с влажных от росы грядок! Значит, бросили его здесь совсем недавно. Ищейка покрутилась немного на месте н взяла след.

Полнцейские с оружнем в руках побежалн за ней. Где-то посреди грядок собака остановилась и принялась разгребать землю. Комнссар Ледюк осветил почву и обнаружил свежнй след сапога, а совсем рядом с нnм — хорошо замаскированный люк. Один нз флнков рванул крышку вверх, и яркие лучи нескольких карманных фонариков ослепилн троих мужчнн, испуганно сжавшихся в своем укрытии.

Никакого сопротнвления они больше не оказывалн, с готовностью отдали полицейским свое оружие — два старых револьвера — и безропотно позволили надеть на себя наручннкн. Это былн трое эмигрантов из Ннкарагуа.

Теперь предстояло выяснить, действнтельно лн онн совершили убийство Медрано. Задача не нз самых простых.

Из револьверов, отобранных у них прн аресте, в Медрано не стрелялн. Это Ледюк определил сразу по калнбру оружия. Участне в убийстве ннкарагуанцы категорическн отрнцалн, утверждая, что никакого Медрано и знать не знают.

Немедленный обыск домов н тайннка сейчас, ночью, вряд лн оказался бы эффективным, и комиссар Ледюк решил отложнть его до утра.

Едва дождавшнсь рассвета, он прнступил к осмотру тайннка. Здесь его ожидала удача: Ледюк отыскал несколько экземпляров тех же самых личинок насекомых, которые были обнаружены на воротнике рубашки убнтого Медрано. Явное доказательство того, что труп лежал здесь, прежде чем его перевезлн на шоссе. Однако для вывода, что Медрано здесь же и убили, ннкаких оснований пока не было.

В подвале под домом после долгих понсков комиссар нашел

иаконец и следующее звеио в цепи доказательств: там хранились свежераспилеиные сосновые и дубовые дрова, а именно таким и был состав опилок, исследоваииых в лаборатории. Кроме того, рядом с подвальной лестиицей стоял ящик с аитрацитом, а пол подвала был посыпан песком, в котором находились крохотные кусочки бумаги. Полиостью уверенный в своей правоте комиссар Ледюк все же направил пробы песка, антрацита н опилок на сравнительный аналнз.

И тем не менее, хотя Медрано, определенно, здесь лежал, убили его все-таки ие тут, а где-то в другом месте: нигде — ни на полу, нн иа стенках ие иашли ннкаких следов крови. А ведь иа трупе Медрано обнаружилн трн раны, каждая из которых должиа была обильно кровоточить: колотая в сердце, от выстрела в легкое и царапина от пули на голове.

Ледюк уже собирался покинуть подвал, когда его взгляд остановнлся на тяжелом ящике, стоявшем под лестницей. Двонм мужчииам с трудом удалось отодвинуть его в сторону, но усилия их не пропалн даром: позади ящика оказалась малеиькая дверь, которая вела в инзкую, едва в человеческнй рост, комнату, служившую ранее подпольной вниокурней, о чем свндетельствовал стоящий в ней перегониый аппарат. Обстаиовку дополияли грубый, иеструганый стол, три стула да старый пивной бочоиок. Долго нскать Ледюку не пришлось: на посыпаииом песком полу, на стеиах и даже иа пивиом бочонке виднелнсь многочислеиные следы крови. За перегоииым аппаратом комиссар обнаружил нож, завернутый в старую тряпку. Ледюк взял с разных мест пробы крови и песка и отправил в лабораторню иа аиализ.

Несколько часов спустя результаты анализа были уже в его распоряжении. Оин свидетельствовали, что личинки насекомых, эти белые червячки, из земельиой ямы на огороде и те, что были иа воротнике рубашки покойиого — одного н того же вида. Пробы песка нз подпольной виюкурни н песчаиая пыль с одежды Медрано в точиости соответствовали друг другу по процеитному содержанию железа н по бумажным частнцам. Взятые Ледюком пробы крови были той же самой группы, что и кровь Медраио. В довершенне всего оказалось, что Медрано был убит как раз тем самым иожом, который иашлн за перегонным аппаратом.

На вопросы, кто именно из троих никарагуанцев заколол Рнкардо Медрано, кто стрелял в него и где может находиться зто огнестрельное оружне, зксперты ответить йе смогли. Все отпечатки пальцев с рукоятки иожа были заботливо стерты. Не внес ясности в дело и допрос обвииняемых, поскольку никарагуанцы постоянно путались и противоречили друг другу в своих показаниях. Ясио было только, что преступлеиие они совершили сообща, а за зто держать ответ им пришлось тоже сообща.

Это дело, над расследованнем которого пришлось потрудиться немалому числу высококвалнфнцированиых зкспертов, оказалось в конце концов примитивиым убнйством с целью ограбления.

Преступннки заманили своего знакомого на заброшенный

садово-огородный участок и убнлн из-за набитого деньгами кошелька — преступление вполие заурядное для современных капиталнстических отношеиий.

БОЛЬШОЕ УХО ПАРИЖА

К тому времеии, когда комиссар Ледюк получил возможность привлекать для расследования сравнительно несложных преступлений весь инструментарий иовейшей криминалистической техники, нсторня фраицузской полиции насчитывала почти триста лет, счнтая с момента образования полиции безопасности, созданной Ларейни, н около ста пятндесяти лет, считая со дня организации Сюртэ Эжеиом Франсуа Видоком. Страну сотрясали кризнсы, войны и революции, две мировые войиы полили кровью ее землю. Полиция прошла долгий путь: верой и правдой служила монархии, двум империям и трем республикам, переформировалась в первые недели Четвертой республики, но в конце концов снова возвратилась иа старую дорожку.

После того как иацистов выбили из Франции, а вишистские предатели оказались под замком илн были казнеиы, некоторое время думалось, что и во французской полиции вот-вот совершатся коренные демократические преобразования, что полиция, сорок тысяч служащих которой активно участвовали в Сопротивлении, полиция, 15 августа 1944 года включившаяся во всеобщую забастовку и с оружием в руках сражавшаяся за освобождение Парижа, станет наконец иастоящим органом иародной воли, инструмеитом обеспечеиия н защиты гражданских прав. В самом деле, решительные действия против коллаборационистов н предателей, против дружественных нацистам полицейских чиновников и представителей администрации, против промышленников, поддерживавших фашистов во время войны, — разве не симптоматично все зто? Многие тешили себя такой надеждой. И... жестоко обманулись. Большое чнсло офнцеров Сюртз, которые во время фашистской оккупации ушли в подполье и работали главным образом в оргаиизованной геиералом де Голлем секретной службе БСРА (Центральное бюро дознания и действий), ие стали за зти годы ближе к иароду, хотя нз тактнческих соображений, по крайней мере виачале, пыталнсь демоистрировать свой крен влево. Прн времеином правительстве де Голля они успели занять ключевые позицнн в аппарате государственной безопасностн, а сама БСРА под иовым названием ДСТ (Дирекция госбезопасности) была включеиа как политическая секретная служба в состав Сюртэ Насьоиаль.

Сюртэ Насьональ и ее парижский близнец — полицейская префектура формировались заново, обновлялся их персонал, модернизировалось вооружение, расширялось научно-техническое оснащение. Но все-таки полиция оставалась тем же самым, чем была и прежде — органом безопасности империалистического правительства, и поэтому в первую очередь — инструментом, используемым против народа.

В наши дни полиция Франции является современнейшим, превосходно оснащенным технически органом безопасности.

Научно-криминалистическое обеспечение полиции Франции — самое современное, ее служба идентификации славится по всему миру. Там, где до Первой мировой войны Бертильон со своими помощниками, трудясь в поте лица, вручную заполнял одну за другой карточки своей знаменитой картотеки, чтобы потом при необходимости на глазок сравнить их друг с другом, теперь ту же работу, только значительно надежнее и точнее, в считанные доли секунды выполняют компьютеры. Они регистрируют анкетные данные, облик, отпечатки пальцев и методы «работы» пойманных правонарушителей, хранят в своей памяти все важные и представляющие интерес для полиции данные о лицах и событиях и отвечают на вопросы об идентификации. Сверхпамять Видока, «биографии сычей» Фуше и методика измерений Бертильона годны сейчас разве что для музея. Современная техника настойчиво проникает во все сферы полицейской деятельности. Крохотный передатчик, тайком вмонтированный в автомашину или в чемодан подозрительной личности, позволяет осуществлять слежку на весьма значительных дистанциях. Трюки с переодеваниями, которым Видок обязан многими своими успехами, соглядатаи и слухачи, которых повсюду, где только мог, внедрял Фуше и которые столь обогатили его секретные досье, давно уже вытеснены куда более эффективными средствами. Не обходится пока, конечно, и без шпиков и агентов-провокаторов: этой братии и по сей день предостаточно. А политическая полиция и теперь с успехом пользуется методами Фуше. Все это так, только средства-то эти при слежке за определенными кругами населения, партиями и группами давно уже далеко не единственные.

Например, в начале 1973 года стало известно, что один только центр подслушивания, расположенный в Париже на авеню де Тюрвиль и прозванный в насмешку в народе «большим ухом», ежедневно прослушивает по меньшей мере 11 000 телефонных разговоров. Свыше 950 «слухачей» подслушивают и записывают разговоры. В номерах отелей, игорных залах, борделях и конференц-холлах вмонтированы тайные подслушивающие устройства.

Помимо главного центра подслушивания свои собственные центры имеют также и некоторые отрасли секретной службы, например СДЕСЕ (Служба внешнего осведомления и контршпионажа), размещенная в Нуази-ле-Сек близ Парижа.

По-новому теперь выглядят и униформированные полицейские части. Всадники из «марешоссе» Жана Легре, самого удачливого

полицейского лейтенанта школы Ларейни (того самого, что арестовал некогда маркизу де Бренвйие н Монвуазен), и более поздние «вооруженные люди» — жандармы ни за что на свете не прнзналн бы в нынешних формированиях жандармерни своих прямых потомков. Современная жандармерия, особенно ее специальные подразделения, представляют собой чрезвычайно боеспособные, оснащениые новейшнм оружием (вплоть до танков) полнцейские части. Набранная пренмущественно нэ бывших солдат, вымуштрованная по-военному жандармерия в эпоху внутрнполитических крнзнсов н социальных потрясений является той силой, на которую опнрается правнтельство.

Женщины, которые сейчас носят в сумочке удостоверенне полнции, трудятся лнбо в качестве консультантов в Брнгаде по охране молодежн, лнбо в должностн дежурных секретарей в служебиых помещеннях полнцнн. Этн очаровательные, изысканно-красивые молодые дамы в элегаитиых, радующих глаз мундирах дают справки, прнннмают посетителей н сопровождают их в соответствующие кабннеты. Прнветливая улыбка милой жеищиины так помогает переноснть грубости инспекторов! Впрочем, говорят, что на Кэ д'Орфевр и отношеиие к посетителям тоже стало несколько помягче, нежели прежде.

БАЛЕТ В РОЗОВОМ ТЮЛЕ

Ночь была теплая, настоящая летняя. Сверкающий хромированиыми деталямн большой темный лнмузнн — дорожный крейсер — бесшумио вырулил нз-за поворота, прнтормозил и остановнлся перед многоэтажиым домом. На втором этаже чуть дрогнула гардниа, в окне показалась женская головка. Из машины вышла юная девушка в скромиом белом балетиом платьице и, направляясь к дому, приветливо помахала перчаткой воднтелю. С материнской гордостью взирала иа иее из окна незиакомка.

Воднтель дал газ, и через несколько секуид машина скрылась за блнжайшнм углом. Девушка в белом вошла в подъезд, а немного спустя иа втором этаже зажглн свет. Свет горел недолго: ровно столько, сколько потребовалось девушке, чтобы поделиться с полной ожнданий мамой восторженными впечатленнямн о пышном велнколепнн балетного вечера и о покровнтельственных любезностях господ меценатов, в особенностн — месье Сорлю. Затем малышка удалнлась в свою комнату, а мать снова легла в постель н успокоилась в прнятиых сновнденнях, главным содержаннем которых было блестящее будущее ее талантлнвой дочерн Мартнны: ведь благодаря содействню Пьера Сорлю перед ней

теперь открылся путь на сцену и в кино и, кто знает, может со временем девочка станет знаменитой балериной! Так грезила мать, хотя весь вечер, с того самого часа как Пьер Сорлю увез с собой дочь, ее тревожили, ни на минуту не давали покоя вопросы, ответы на которые она не получила н теперь, после рассказа дочерн: в самом ли деле этот Пьер Сорлю столь бескорыстен, каким пытается казаться, и не заведет ли ее Мартину дорога к нскусству в постель к Сорлю или к какому другому меценату — мысли, от которых голова идет кругом, особенно когда вспомнишь, что Мартине едва нсполнилось пятнадцать. Но, с другой стороны, успокаивала она себя, ведь этот Пьер Сорлю уже много лет числится другом дома, а преждевременная потеря невинности для девушки ей-ей не самое худшее в жизни, да и что, собственно, может теперь изменить она, мать, если ее Мартина вбила себе в голову, что непременно станет знаменитой прима-балериной...

А тем временем за ближайшим поворотом Пьер Сорлю, мысли о котором не давали заснуть смятенной матери, беспокойно ерзал в своей роскошной машине, с нетерпением ожидая Мартину. Время поджимает: его самого давно уже ждут, а он все еще копается здесь. Впрочем, ждут-то, конечно, не столько его, сколько малышку, которую он обещал привезти. Сорлю же имел обыкновение выполнять свои обещания — доброе свойство, за которое его весьма ценили в определенных кругах. Да и как было не ценить человека, отлично умевшего потрафлять маленьким слабостям солидных (и весьма!) мужей.

Тридцатичетырехлетний Пьер Сорлю был типичным представителем тех, кого называют плейбоями. Нахальные усики-ниточки, темные глаза, завитые волосы, мужественное лицо и самоуверенная небрежность, с которой он носил свои шитые на заказ у лучших портных дорогие костюмы, — не мужчина, а блесна, на которую так и норовят клюнуть молоденькие девочки. А фигура-то, фигура какая спортивная! Мышцы и осанка остались у него еще со времен, когда он был чемпионом Бретани по велогонкам. Потом его приглядела секретная служба ДСТ: острая, сноровистая реакция в самых щекотливых ситуациях делала его незаменимым для шоферской работы в этой почтенной организации, в чем он и преуспевал, катая по стране высокопоставленных персон. За годы своей работы шофером в секретной службе велогонщик Сорлю изрядно развил свои природные способности и обзавелся контактами, которые так пригодились ему теперь. Самым главным для него были, разумеется, знакомства с многочисленными важными и очень важными господами, раскрывавшими ему свои двери и свои уши. Не последнюю роль играли и уверенные светские манеры, благодаря которым он столь неотразимо влиял на женщин, ну и, конечно, колоссальная сверхбессовестность, позволившая ему жить припеваючи, не зная трудов праведных, до того самого момента, пока на его подбитое ватой плечо не легла рука следственного судьи Сакотта. Однако до этого рокового дня было еще далеко, и в

упомянутый нами вечер Пьер Сорлю думал вовсе не о следственном судье и правосудии, а вещах куда более приятных.

Девушка все не шла, и он совсем уже было решил ехать в одиночестве, как вдруг открылась правая дверца и на сиденье рядом с ним скользнула Мартина, которую всего за полчаса до этого он высадил у подъезда ее дома.

— Все в порядке, можем ехать, — сказала она, теребя руками свое тоненькое платьице.

— Никто ничего не заметил? — озабоченно спросил Пьер.

— Никто, мои старики спят крепко, — ответила девушка, прижимаясь к нему.

Он притянул ее к себе, ловко прошелся привычными руками по маленьким крепким грудям и бедрам и небрежно поцеловал подставленные губы.

Девушка была разочарована: прежде поцелуи Пьера были более пылкими, руки — более нежными и глаза устремлены на нее, а не на часы. Мартина, конечно, отлично знала, что Пьер Сорлю здесь не только из-за нее и что она — далеко не единственная неофитка, которой он расчищает дорогу в большой свет. В балетной студии она предостаточно наслушалась от других девушек и о нем, и о его благосклонностях.

— Мы должны спешить, — сказал Пьер, дал газ и с бешеной скоростью погнал машину. Они промчались через весь город, миновали предместье и подъехали наконец к загородной вилле, этакому маленькому романтическому замку под названием Ле Бутар.

Там, в уединенном зале, целая коллекция пожилых господ — все как один из высших слоев общества — с нетерпением ожидала очередного представления.

Подчеркнуто приветливые, слегка утомленные искусством, эти господа слыли здесь покровителями молодых талантов. Быть или не быть девушке балериной, танцевать или не танцевать ей на большой сцене — все зависело от их благорасположения. Только вот балет-то, который показывали здесь этим богатым, разыгрывавшим из себя меценатов балетоманам, был совершенно особого рода.

Совсем еще юные, миловидные девушки в тончайших розовых и белых накидках, едва прикрывающих их обнаженные тела, извивались в танце, фигуры которого даже отдаленно не походили ни на классические, ни на фольклорные, что же касается целомудренности, то здесь ею и вовсе не пахло. Некая «голубых кровей» хореограф-дилетант приготовила в этом балете терпкий коктейль из юных, грациозных тел, нежных, прозрачных тканей и извращенной фантазии — этакие оптические «шпанские мушки», будоражащие притупленную чувственность истасканных господ.

А потом... Потом пожилые господа занимались своей меценатской деятельностью в индивидуальном порядке: уединившись с той или иной юной актрисой в укромной комнатке или

иные, каждый лично преподавал своей протеже уроки хороших манер изысканного общества.

Так или примерно так протекало большинство представлений «розового балета», организованного бывшим сотрудником Сюртэ (он же — поставщик «кадров»), аранжированного разорившейся графиней, финансируемого и эксплуатируемого целой компанией богатых и влиятельных «меценатов».

Девушки из самых разных слоев общества выставляли напоказ свои юные тела и, по горло сытые домашними заботами, очертя голову шли на дудочку крысолова Сорлю. А было всем этим девушкам от 12 до 18 лет. Так и процветал этот «розовый балет» — квинтэссенция изысканнейших удовольствий определенных, весьма обеспеченных кругов — до самого конца ноября 1958 года, когда юстиция вдруг спохватилась и положила конец непристойному действу.

Началось все с того, что произошло нечто доселе неслыханное: средь бела дня на улице, в самом центре Парижа, к почтенному коммерсанту, солидному отцу подающей большие надежды дочери, привязалась девчонка-подросток. Девушка отнюдь не набивалась в любовницы (что, впрочем, для больших европейских городов вовсе не такая уж редкость), нет, она просто скромно требовала двести пятьдесят тысяч франков отступного. Получить их она желала немедленно и наличными, со своей же стороны обещала за это навсегда позабыть об известных ей фактах распутного поведения тринадцатилетней дочери коммерсанта. В случае его отказа их оглашение якобы всерьез может грозить отцу конфликтом с полицией и законом.

Коммерсанта словно громом поразило. О художествах дочери он ничего не знал и понятно, охотно услышал бы о них поподробнее, однако девчонка ограничивалась лишь неясными намеками. Платить деньги коммерсант не стал, а немедленно помчался домой и взял в оборот доченьку вкупе с супругой.

То, что малышка рассказала о вечеринках Пьера Сорлю, звучало вполне безобидно, но, несмотря на мольбы полной недобрых предчувствий жены не раздувать историю, возмущенный коммерсант поспешил в полицию и сделал заявление о шантаже.

Дело передали следственному судье Тракселе, и когда уголовная полиция занялась им по-настоящему, то выяснилось, что маленькая вымогательница вовсе не сгущала краски, говоря о распутстве.

Дочка коммерсанта назвала целый ряд участвовавших вместе с ней в оргиях других девиц из добропорядочных буржуазных семейств. Следственное дело запестрело безупречными доселе именами. Замешанными в деле оказались представительницы семейств, истово пекущихся о своем реноме и своих гешефтах, семейств, для которых добрая репутация важнее невинности дочери. Одни родители почти уже совсем уверовали в быструю карьеру своих дочерей и теперь были весьма разочарованы, другим — за деловыми хлопотами печалиться о дочках было просто недосуг. Скандал, в котором фигурировали бы их имена,

был им всем совершеиио ни к чему. Не удивительно, что добиться от иих заявлеиий о совращеиии дочерей оказалось делом отиюдь ие легким.

Но без таких заявлеиий руки у следствеииых органов былн связаны, поэтому следственный судья Тракселе постарался (тем более, что поиачалу имеиио так и казалось) представить дело таким образом, будто бы в нем замешаны лишь персоиы малозиачительиые. Впрочем, с одной стороны, эти персоны стояли все же довольио высоко, что позволяло подтвердить сладкую сказочку о равеистве перед законом всех граждан прекрасной Франции, ио, с другой стороиы, иедостаточно высоко, чтобы серьезно повлиять на престиж государства. Фраицузская юстиция крайие нуждалась в таком подтверждеиии своего беспристрастия. А что, скажнте, может быть лучше для завоеваиия симпатий публики, чем роль бескомпромиссиого защитиика девичьей иевиииости?

Вначале имеиио так все и шло. Следственный судья Тракселе изо всех сил старался преодолеть робость шокироваииых родителей и поскорее собрать иужиые заявлеиия. Но когда через красавчика Пьера и его розовых танцовщиц следствию стало известно о солидиых господах, для которых, собственно, и был задумаи весь этот розово-балетиый притои, машииа правосудия забуксовала, шаги полиции стали все медленнее и медленнее, а паузы между отдельными следствеииымн действиями все длнниее и длиннее.

В конце коицов, это ведь вовсе не пустяк — взять, да и выступить против людей, которые одного подоходного налога платят в сумме большей, чем годовой бюджет всей юстиции! А какой вес в политике они имеют!

Даже падкие иа паблисити комиссары полиции и те иаступили иа горло своей песие и стали говорить экивоками. Дело усугублялось еще и тем, что эти солидные господа, которые доставляли столько хлопот полиции и юстицин, принадлежали к разиым политнческнм лагерям и группировкам — еще одна веская причина быть осторожными и постояино держать нос по ветру. Один из мецеиатов, антиголлист, даже был иекоторое время председателем парламеита Четвертой республики, другой, крупнейший владелец ресторанов, был влиятельным голлистом, кое-кто (главиым образом, ювелиры и промышлеиники) слыл правым, нные же охотно призиавали, что прндерживаются «левой орнеитации», а модиый парикмахер Гульельмн был «придворным куафером» всего парнжского высшего света... Нет, слншком уж плотио нашпиговаио это дело всякими столбамн да иадолбами, капканами да волчьнми ямами — и не позавндуешь полицейскому илн следствеиному судье, который их провороиит!

Да, коиечио, все оии — люди разных политических взглядов, но политика политикой, взгляды взглядами, а в своем стремлении спустить всю эту нсторийку иа тормозах, да так, чтобы бнтых черепков было поменьше, господа соучастники проявилн трогательное едииодушие. Прекратив иа время взаимиые распрн,

представнтели разных партий н блоков пустили в ход все свон возможности и добилнсь того, что юстнцию публично пригвоздилн к позорному столбу, ибо она якобы раздувает из мухи слона. Оплеванная юстнция, столь опрометчиво разжегшая пожар, теперь из кожн вон лезла, чтобы любымн путями поскорее затушить его.

Акценты сместилнсь. Пьер Сорлю стал мелким плутом, солндные господа — в худшем случае, этакими добродушными дилетантами, которых бессовестно обманывали. Истинными же виновниками оказались «балетные мышки» и их помешанные на карьере роднтелн, возмутнтельно равнодушные к поведению своих безнадзорных дочерей. Самих девушек сначала подвергли нескончаемым мучительным допросам в уголовной полнции н у следственного судьн, а затем выставилн их под перекрестный огонь опытных адвокатов.

Кое-кого нз них, особенно девушек из небогатых семей, тут же немедленно прнзнали потаскухами. Что же касается самой снстемы, заведенной Пьером Сорлю, — предприятия, где тон задавалн «солндные господа» вроде тех, из Ле Бутар, то в его осуждение со стороны правосудия не было сказано нн единого слова.

Для успокоения общественностн из всей шайки совратнтелей обвннение было предъявлено двадцати двум нанболее скомпрометнрованным господам н графине-балетмейстерше (разумеется, строго конфнденциально).

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ

Не успелн остыть страсти вокруг «розового балета», как всеобщее внимание привлек к себе новый великосветский скандал. Впрочем, историня была не такой уж новой (юстиция занималась ею уже свыше года), да и вообще все это больше походило на некую криминальную комедию. И, однако, данное обстоятельство ни в коей мере не ослабляло ее притягательной силы, тем более, что центральное место в ней занимал один из самых состоятельных семейных кланов Францин — крупные промышленннки, брат и сестра Лаказ н Вальтер.

Вновь вспыхнувший интерес к этому делу объяснялся лаконичным сообщеннем в парнжских дневных газетах: «Нюмонт майнинг корпорейшн» (Монтана, США) поручила парижскому адвокату Жану Лун Тнксье-Вийянкуру представлять свон интересы в деле Лаказа». В те же дни стало известно, что комиссару Кло из парижской уголовной полиции поручено заниматься дальнейшим расследованнем по делу скончавшейся мисснс Бидл.

Посвящеииые сразу почуяли сенсацию. Маргарет Бидл, мультимиллионерша, глава «Ньюмонт майнинг корпорейши» и супруга посла Энтони Дрексела-Бидла, была при жизни королевой, королевой олова н свинца, владелицей иескольких весьма прибыльных рудииков в Монтане, Марокко и Боливии. В Марокко, к примеру, ее компания владела 37% акций горнодобывающего предпрнятия «Минз де Зеллиджа», контрольиый пакет которых иаходился в руках французской промышленной группы «Вальтер».

Промышленная группа «Вальтер» принадлежала французской мультнмиллноиерше Доменике Вальтер, урожденной Лаказ, вдове Гийома Вальтера. Геиеральиым директором коицериа «Вальтер» был брат мадам Вальтер — Жаи Лаказ. Группы «Вальтер» и «Ньюмоит майнинг» являлись, таким образом, самымн крупными акционерами одного и того же горнодобывающего предприятия, а это означало конкуренцию ие иа жизнь, а иа смерть.

В пятидесятые годы, то есть ко времени, когда иациоиальная политика французского правительства в отиошении Марокко все больше заходила в тупик и настоятельно требовала приемлемого решения, обе этн капиталистнческие группы заняли различные позиции. «Ньюмоит майнииг» симпатизировала французскнм зкстремистам и решительно выступила против иезавнсимости Марокко, а следовательно, и против возвращеиия султана Беи Юсуфа. Группа же «Вальтер» ожидала от либерального марокканского властителя куда больше, чем от вассалов, а потому была за возвращение Бен Юсуфа из ссылки и поддерживала во Франции участников движения за независимость Марокко.

Американка Бидл основала в те дни в Париже национаҫлистическую ежедневную газету «Жур де Пари», которая по ее поручеиию должна была развернуть на своих страницах злобную кампанию против нзгнанного султана.

В ответ на зто мадам Вальтер н ее брат Жан Лаказ стали издавать в Касабланке газету «Марок пресс», яростно ратовавшую за возвращение султана. У мадам Вальтер и ее брата Жана Лаказа оказалось более острое чутье иа историческую иеобходимость; американская группа, поставившая ие иа ту лошадку и поддерживающая сброшенный за борт истории колоииализм, с трудом переносила все это.

По этой причине никто, разумеется, не хватался за ножн; иапротнв, все шло так, как н положеио среди джеитльмеиов, будто вокруг ничего не изменилось. Вечером 8 июня 1956 года миссис Бидл посетила парнжскую оперу. Среди миогих прочих, обладающих высокими рангамн и громкими нмеиами, иа зтом великосветском сборнще присутствовала и мадам Вальтер вместе со своим личным секретарем и домашним врачом доктором Лакуром и братом Жаном Лаказом. Мадам Вальтер и миссис Бидл встретились, как добрые друзья, мило побеседовали, а под конец, иаходя все это весьма занятным, даже вместе отправилнсь в бар.

Распрощалнсь они уже далеко за полночь. Около двух часов миссис Бидл вошла в свою люкс-квартиру иа рю Ла Кас. Она чув-

ствовала себя очень неважно, хотелось пить. Миссис Бидл налила в стакан воды, выпила и... умерла. Домашний врач поставил диагноз: смерть от кровоизлияния в мозг.

Естественно, внезапная смерть богатой женщины еще тогда послужила поводом для различного рода слухов. Однако лишь теперь, в 1959 году, когда мадам Вальтер, ее брат Жан и домашний врач Лакур стараниями небезызвестного Жан-Пьера Гийома попали на мушку публике, делу был дан официальный ход. По настоянию наследников миссис Бидл назначили расследование с целью выяснения того, не была ли миссис Бидл убита. Однако не будем спешить и сначала разберемся кое в каких делишках, творившихся в узком семейном кругу мадам Вальтер.

Речь идет об этом самом Жан-Пьере Гийоме, известном под именем Поло, ставшим с 1941 года приемыым сыном мадам Вальтер, единственном наследнике состояния в шестьдесят миллиардов франков. По закону после смерти приемной матери на долю Поло должно было прийтись по меньшей мере 50% этой суммы. Конечно, мадам Вальтер о кончине пока и не помышляла, однако сама мысль о том, что Поло мог бы нажиться на ее смерти, была ей крайне неприятна. И то сказать, молодой Жан-Пьер был отнюдь не идеальным сыном, а скорее — паршивой овцой в стаде, легкомысленным оболтусом, который тратит бешеные деньги на игру и женщин, на фамильную же честь поплевывает сквозь зубы. Мадам Вальтер с большой охотой аннулировала бы свое усыновление, однако не так-то все это было просто. Требовались по-настоящему веские основания, за примитивные же надувательства с чеками да за историйки с женщинами никакой юстиции к лейтенанту третьего колониального воздушнодесантного полка в Алжире было не подступиться.

Началась трагикомическая возня вокруг миллиардов мадам Вальтер — потасовка, обогатившая парижскую юстицию несколькими толстыми томами и пролившая яркий свет на нравы и обычаи высшего общества.

Почин этому действу был положен в сентябре 1957 года заявлением, обвинявшим Жан-Пьера Гийома в мошенничестве с чеками. В предвкушении грядущего наследства Поло выписал необеспеченный чек на сто пятьдесят тысяч франков. Околпаченный кредитор попытался было выручить свои кровные у приемного дядюшки, но тот только пожал плечами.

Следственный судья Довернье и криминальная бригада провели расследование, которое подтвердило обвинения заявителя.

Однако Поло превосходно знал все ходы и выходы. Он срочно согласился со всем тем, чего нельзя было отрицать, и начал выплачивать долги. Дело было закрыто. Приемная семья проиграла первый раунд.

Легкомысленный молодой человек, который в избытке жизнерадостности выдает необеспеченный чек, но затем выплачивает свои долги, — мон дьё, ведь в определенных кругах этакое

случается каждый день! Да и были бы хоть долги-то! А то так, сущая безделица, если разобраться: почтенная приемная мамаша вполне могла бы оплатить все это даже без помощи банка, прямо из своей сумочки. Так из-за этого аннулировать усыновление? Не пройдет!

И Поло принялся доказывать, что он вовсе не паршивая овца, а всего лишь бедная жертва жестокой интриги. Результатом его хлопот было то, что в феврале 1958 года уже другой следственный судья, месье Батинье, снова начал дознание по делу Гийома (Вальтер) Лаказа — на этот раз, однако, с другой стороны.

Некий Камилл Рейо донес полицейским властям на личного врача мадам Вальтер доктора Лакура (а тем самым косвенно и на приемную мать Поло) как на подстрекателя к убийству. Жертвой убийства якобы должен был стать бравый парашютист Поло Гийом. Майор Рейо, не скупясь на краски, детально описал все подробности гибельного заговора, угрожавшего добряку Поло.

Это было 18 ноября 1957 года, сообщал он, как раз через два месяца после начала расследования дела по обвинению Поло Гийома в мошенничестве. Ничего не подозревающий майор Рейо прогуливался по Елисейским полям и совершенно случайно встретил своего военного приятеля, заядлого голлиста Арманда Мажеска. Обоюдной радости не было предела. Друзья беспечно болтали, вспоминая совместные похождения, когда Мажеска обратился вдруг к нему с неожиданной просьбой.

«Надо бы уладить тут одно дельце, — сказал Мажеска. — Ты не знаешь случайно кого-нибудь, может быть из Сопротивления, кто мог бы разделаться с одним подлецом?»

Мажеска был достойным уважения человеком, ближайшим сотрудником директора строго националистического листка «Жур де Франс», принадлежавшего одному правому депутату...

Если уважаемый человек называет кого-то подлецом, то значит он — подлец и для Камилла Рейо! Симпатий к подлецам майор Рейо никогда не питал, а всякого рода авантюрные акции просто обожал. Так зачем же искать еще какого-то человека? У него, майора Рейо, хватит мужества помочь старому другу!

Мажеска был растроган; он был уверен, что на старую гвардию всегда можно положиться.

На следующий же день, во вторник, один хороший друг Мажеска нашел майора и проинструктировал его более подробно. Накануне Мажеска горячо рекомендовал своему приятелю Рейо этого доверителя, который был якобы его другом юности, и оба они, Мажеска и этот человек, входили в тайную организацию кагуляров (построенная по образу и подобию ку-клукс-клана фашистская террористическая организация 30-х годов) и совместно провели в ней не одну акцию.

Доверитель назвался доктором Лакуром и с видимым удовольствием пожал руку Рейо: «Итак, вы тот самый человек, который не испугался ликвидировать мелкого прохвоста, опозорившего армию и свое семейство!»

Прохвост или подлец — для майора Рейо разницы не составляло. Доктор Лакур не поскупился и оценил честь армии и несчастного семейства в тринадцать миллионов франков, которые и посулил передать майору в виде премии за успех сразу же, как только будет смыто позорное пятно.

Человека, которого надлежало устранить, майору Рейо показали восемь дней спустя в игровом казино «Алетти» в Алжире. Намеченной жертвой оказался лейтенант Жан-Пьер Гийом по прозванию Поло, который тогда ожидал увольнения с военной службы. Майор Рейо страшно перепугался (по крайней мере, именно так он рассказывал следственному судье). Так вот кого он должен отправить на тот свет: беспечного, жизнерадостного Гийома! Это было жестоко и требовало поэтому зрелых и всесторонних размышлений.

А доктор Лакур требовал действий и грозился в случае, если Рейо не управится с делом до рождества, передать миллионный заказ кому-либо другому.

Майор долго думал и нашел-таки выход. Он отправился прямо к Поло Гийому и открылся ему, рассказав о коварной интриге, которая угрожает его жизни.

Тертый калач Поло незамедлительно предложил вариант, при котором и волки будут сыты, и овцы целы, и обещанный куш не уйдет. Обсудив все «за» и «против», «убийца» и «жертва» сошлись на том, что покушение они симулируют и выманят таким путем у инспиратора тринадцать миллионов.

А для придания делу полной законности они решили посвятить в свой план адвоката Моатти.

После всей этой процедуры Рейо должен был позвонить доктору Лакуру и доложить, что Жан-Пьер лежит на дне самого глубокого омута Сены, а доктор в ответ на это незамедлительно выплатит денежки.

Что в этой истории было правдой, а что ложью или по меньшей мере преувеличением, так никогда и не выяснилось. Твердо известно, однако, что, случись такое, и Вальтер-Лаказы оказались бы далеко не первыми из знатных господ, которые, не задумываясь, идут на убийство, лишь бы избавиться от нежелательного наследничка, ведь убийство как средство для устранения трудностей — вовсе не редкость в «лучшем» обществе.

Что же касается следственного судьи Батинье, то он воспринял сообщение майора довольно своеобразно, ибо с усердием принялся за расследование вовсе не против доктора Лакура, а против некоего ирреального «неизвестного». Хотя вся эта операция с убийством по заказу была шита белыми нитками, юстиция довольно долгое время не спеша и без шума занималась ею. Забегая вперед, отметим, что эти хлопоты, как и следовало ожидать, остались тщетными.

Однако скандал на этом далеко еще не кончился. В начале сентября 1958 года последовал контрудар со стороны Лаказ-Вальтер. Девица легкого поведения со звучным именем Мари-Терез

Гуанеш, известная среди клиентов просто как Матэ, явилась в полицию с обвинением Поло Гийома в сутенерстве.

Матэ была не простой уличной потаскушкой, что торгуют собой за тридцать франков. Сама она называла себя «колгёрл»* (девушка по вызову) и, судя по фотоснимкам в прессе, располагала для этого вполне подходящей внешностью.

Парижская уголовная полиция при желании могла бы дать и еще кое-какие сведения об иных видах деятельности малютки Матэ: двадцатитрехлетняя дамочка полусвета исправно трудилась на нее в качестве секретного агента.

Со своим заявлением Матэ Гуанеш, будто по заказу, попала не к кому иному, а прямехонько к следственному судье Сакотту, с некоторых пор занятому расследованием дела о «розовом балете». Это было как нельзя более кстати, ибо Сакотта мог теперь предложить любопытным репортерам новую пикантную историю и отвлечь тем самым их интерес от балета в розовом тюле и его меценатов. У «девушки по вызову» Матэ и в самом деле имелась в запасе расчудесная история о нравах.

Поло, этот гнусный подонок, повествовала она, хлопая мокрыми от слез искусственными ресницами, грубостью и силой вынудил ее пойти на панель.

«Почему же она не удерет от грубияна», — спросил следователь, однако на это она и самой себе ответить не могла. Она знала только, что испытывает перед ним безотчетный страх.

Расследовать это заявление, обвиняющее Поло Гийома в сутенерстве, следственный судья Сакотта поручил парижской криминальной бригаде.

На Кэ д'Орфевр Поло знали и прежде. «Бригад мондэн» (светская бригада), как называли в уголовной полиции бригаду по охране общественной нравственности, частенько уже доводилось встречаться с ним, однако до сей поры никто еще ни разу не предъявлял экс-лейтенанту парашютисту никаких серьезных претензий. Поэтому донос Матэ оказался неожиданным.

Расследование шло своим чередом, когда перед самым новым годом Матэ Гуанеш явилась вдруг к следственному судье Батинье с обвиняющим в подстрекательстве к даче ложных показаний заявлением на Жана Лаказа, брата мадам Вальтер. Промышленник Жан Лаказ, этот низкий тип, — всхлипывая говорила Матэ, — подбил ее заявить на своего милого друга Поло, будто тот якобы занимается сутенерством, в действительности же во всем этом не было ни слова правды. Поло, этот добрый мальчик, и вдруг сутенер, да еще к тому же грубый и жестокий — смеху подобно! Один только приемный дядя Поло, этот грязный тип, мог додуматься до этого. Но как бы ни крутил этот низкий человек, уж ее-то, Матэ, ему все равно в свои поганые делишки не втянуть! За кого он ее, в конце концов, принимает? Нет, этот месье Лаказ нанес ей тяжелейший моральный ущерб и должен за это держать ответ

* Call-girl (*англ.*) — проститутка, вызываемая по телефону.

перед судом. (Снова забегая вперед, нельзя ие отметить, что н дальше в ходе следствия девица Матз еще не один раз сокращала и корректировала свои показания, а то и просто шла иа попятиую, и каждый раз зто было связано с определенным улучшением ее фииансового положеиия. Напрнмер, забрав назад свои показаиия против Поло, оиа получила возможиость полиостью одеться во все иовое в одиом из самых дорогих салонов.)

Следствеииый судья Батииье все еще никак не мог переварить заявление Рейо о подстрекательстве к убийству и потому обошелся со слезливой Матэ ие слишком предупредительио. Какого же черта, в самом деле, она вообще заявляла в полицию, если все это было заведомой ложью?

«Девушка по вызову» беспомощио поблескивала иа иего своими чериыми глазками. Когда такой бедиой девушке, как ей, так вот, вдруг, сулят два миллиоиа, ну разве не простнтельио, если оиа на минутку теряет самообладаиие? Правда, деиьги Матэ должиа была получнть лишь после того, как адвокат Лаказа запротоколирует все ее показания о сутеиерстве Поло Гийома. Запротоколировать-то запротоколировали, а вот деиежки пока все ие выдают.

Презрев закои, следствеииый судья Батинье дал уголовной полиции указаиие оргаиизовать подслушиваиие телефонных разговоров между Лаказом и адвокатом Жэсом. Таким образом уголовиая полиция узиала, что секретарша Жаиа Лаказа иазначила встречу с Матз для передачн ей деиег.

Встреча состоялась, и полиция тоже участвовала в ией. Когда секретарша, мадемуазель Ришар, передавала девушке деиьги, сыщики в самом прямом смысле слова схватилн ее за руку. Теперь иакоиец и у следствеиного судьи Батинье было достаточно доказательств для возбуждеиия уголовиого дела против доктора Лаказа.

Поло сразу же оказался на коие н еще раз повторил свои обвииеиия: теперь-то уж ясно как божий деиь, что семейство хочет от него избавиться. Ведь осуждеииый за сутеиерство, он вряд ли тогда сумел бы воспрепятствовать мадам Вальтер аннулировать усыновление. Почтеиная семейка тем самым добилась бы своей цели, и плакало тогда его законное наследство.

Семейство Вальтер-Лаказ немедлеиио выступило с опровержением. Одиако на сей раз крупному промышленнику Жану Лаказу пришлось в виде нсключеиия самому прогуляться к следственному судье. Правосудие взмахнуло иакоиец карающим мечом сразу иад всеми головами. То, о чем Лаказ рассказал месье Батинье, звучало иичуть ие менее убедительио, чем история Матз. Высокомерио выслушав обвииеиие, ои иазвал все зто глупостью. Подстрекательство к даче ложных показаний? Ничего похожего! Эта потаскушка Гуаиеш просто пыталась его шантажировать. Скверио, коиечно, что такое еще случается... Она потребовала два миллиона, а в противиом случае грозилась растрезвоиить повсюду, что приемыш Поло — отвратительиый сутенер, бесстыдно эксплуатирующий рабочую силу иесчастиой «девушкн по вызову». Ну что оставалось

ему, Жану Лаказу, кроме как платить? В конце концов, на карту была поставлена честь фамилии и бизнес: что, скажите, подумали бы о них деловые партнеры, если бы по городу поползли подобные слухи? Разумеется, он стремился застраховаться и единственно по этой причине потребовал, чтобы Матэ изложила в протоколе свои показания его адвокату. В конце концов, надо же когда-то разобраться с этим Поло или, может, семья вечно должна нести ответственность за эту паршивую овцу? Понапрасну следственный судья и полиция подключались к телефонам. Волокита продолжалась дальше.

В феврале 1959 года доктор Лакур перед следственным судьей Моиззоном обвинил майора Рейо в клевете, состоящей в том, что якобы тот дал в газетах интервью, порочащее его врачебную честь.

Однако и из этого тоже ничего не вышло. Затем в свару вмешались также наследники миссис Бидл и в открытую вступили в альянс с Поло против мадам Вальтер.

Так и продолжался этот бесконечный скандал. На любой выпад с одной стороны немедленно следовал контрудар с другой. Исписывались горы бумаги, деньги налогоплательщиков транжирились на бессмысленные мероприятия, и тянулась, тянулась, тянулась не имеющая прецедента комедия. Дела заводили и вновь закрывали, и если участники этой комедии еще живы, то судебные кляузы идут, должно быть, и по сей день...

ТАЙНА ИСЧЕЗНОВЕНИЯ МАХДИ БЕН БАРКИ

29 октября 1965 года была самая обыкновенная пятница. Редкие прохожие на бульваре Сен-Жермен спешили не опоздать к обеду домой или в ресторан. Лишь пятеро мужчин, казалось, не испытывали голода. Двое из них, журналист Берньe и агент киностудии Фигон, не торопясь прогуливались взад-вперед между рестораном «Липп» и расположенным неподалеку аптекарским магазином, оживленно разговаривали между собой и совсем походили бы на беззаботных фланеров, если бы их жесты и взгляды не выдавали некоторой повышенной нервозности.

Остальные трое сидели в черном «пежо», стоявшем у сточной канавы перед рестораном, и безотрывно наблюдали за аптекой. Обычному прохожему могло бы показаться, что эта троица не имеет с фланирующей парой ничего общего. Однако при внимательном рассмотрении от него не укрылись бы быстрые взгляды, которыми Берньe и Фигон украдкой обменивались с мужчинами, сидящими в машине.

Нервозность ощущалась и в «пежо». Месье Лопес, разва-

лнвшийся на заднем сидеиье н измеиивший до иеузиаваемостн свой облик чериыми очками и фальшивыми усамн, беспокойно постукивал коичикамн пальцев по циферблату своих наручных часов. Иипспектор Вуато нервно барабанил по бараике. Одни лишь иипспектор Сушон невозмутимо попыхивал сигаретой.

Вдруг Фигои, проходивший рядом с Бернье мнмо двери в аптеку, повериул голову к «пежо» и иезаметио кивнул Сушону. В тот самый момеит — это было точио в 12 час. 15 мин. — нз аптеки вышли двое одетых по-европейскн марокканцев. Сушои н Вуато иемедлеино вылезли из машииы, решнтельно подошли к иим н преградили дорогу старшему из марокканцев. Сушон показал свое удостовереиие.

— Месье, следуйте за нами!

Марокканец испугаиио отпрянул назад.

— Кто вы?

— Я — ниспектор Сушои из бригады по борьбе с наркоманней, зто — мой коллега Вуато.

Марокканец облегченно вздохнул.

— Это какая-то ошибка, господа, — сказал ои спокойио.

— Пожалуйста, месье, объяснните все это сами в префектуре н ие причиняйте иам трудностей.

Лицо марокканца скривилось в ироиической улыбке.

— Вы идете по ложному следу, — попытался убедить их ои, ио в конце коицов все же нерешительио зашагал рядом с иими к машине.

Младший марокканец, студент, тоже хотел сесть в машину, но Сушои не пустил его. Старшего марокканца усадилн на заднее сиденье, рядом с Лопесом, и «пежо» тронулся.

Бернье н Фигон, стоя в сторонке, смотрелн вслед машине, пока она не скрылась из внду, затем поспешно разошлись в разные стороны. Один лишь студеит Азземури все еще стоял, пытаясь осмыслнть, что же, собствеиио, произошло.

Тем временем «пежо» на большой скорости катил на юг. Около двадцатн мииут спустя за ним захлопнулнсь двустворчатые ворота роскошиой виллы в Фоитене ле Виконт, южиее Парижа.

В тот же самый час нз фраицузской столнцы была отправлеиа телеграмма в Рабат, по адресу мнннстерства внутреиних дел. Послал телеграмму месье Лопес, а дословный текст ее выглядел следующим образом: «Пакет прибыл целости тчк соответствин указаниями будет переправлен дальше тчк». А между 13.00 и 13.30 подполковник Буатель нз секретиой службы СДЕСЕ в Парнже запнсал следующее телефонное сообщенне: «Томасу. Рандеву состоялось в Фонтеие ле Виконт. Дон Педро».

Дои Педро был не кем иным, как месье Лопесом — человеком в больших очках н с фальшивымн усамн. Марокканца, которого Сушон и Вуато похитили на бульваре Сен-Жермеи и доставилн затем на виллу в Фонтене ле Виконт, никто никогда больше не вндел.

Его имя было Махдн Бен Барка, а вилла, куда привезлн марокканца в машние уголовиой полицин, прннадлежала пользующемуся скандальной славой гангстеру по имеин Бушесейш. Одиако

похищенный Махди Бен Барка был не торговцем наркотиками и ие членом банды Бушесейша, а профессором математики н фнзнкн и президентом Объеднnetworks североафрнканских студентов. Еще юношей ои включился в антиколониальное освободительиое двнжение в Марокко н принимал участие в работе мароккаиского Комитета действня. За борьбу против французского и испанского колониальиого владычества и как один из авторов Маинфеста незавнсимостн он был арестован н приговорен к 21 месяцу тюремного заключення. Во время правлення Бен Юсэфа, взошедшего на марокканский престол под именем Мухаммеда V н поддерживавшего борющуюся за независимость Марокко партию Истикляль, Махди Бен Барка стал презндентом Национального собрания. Однако ни французским, нн испанскнм колониальным властям ие подходил султан, симпатнзнрующий иепокорным. Поэтому французскнй генеральный резидеит спешно органнзовал путч. Мухаммеду V пришлось уйтн, к властн пришел султан, послушный французам, партия Истнкляль была запрещена, а лнца, прннадлежащие к ней, жестоко преследовались.

Однако время колоннализма уже прошло. В 1956 году Франция н Испания вынуждены былн прнзнать за Марокко статут независимого государства. Страна стала незавнсимой, но осталась феодальной. Махдн Бен Барка как демократ, являвшийся противником любого феодального режима, продолжал борьбу и скоро стал злейшим врагом реакциоиных сил своей страиы. В 1960 году его хотели арестовать, но сыщики пришли слишком поздно. Махди Бен Барке удалось бежать в Париж, где ои снял иа рю Лористон маленькую квартиру, которая с тех пор стала центром борьбы за ниспровержение феодальиого режнма в Марокко.

В лнце Махди Беи Барки 29 октября 1965 года исчез человек, который для определенных кругов в Рабате был бельмом на глазу, а у таких же кругов в Париже воскрешал неприятные воспоминания. Как нарочно, он нсчез имеино в тот момент, когда в Алжире главой государства стал полковник Бумедьен, человек, поддерживавший Махди Бен Барку в его антифеодальной борьбе.

Однако такая персона, как Махди Бен Барка, не могла нсчезнуть бесследно. То, что 29 октября он прнбыл в аэропорт Орли н к этому времени был в добром здравни н бодром настроении, мог засвидетельствовать ие только студент Азземури, но и брат Махди, Абделькадер Беи Барка, который разговаривал с Махди по телефону сразу же после его прибытия в Орли. Братья даже договорились о том, чтобы вечером вместе пойти в театр, и Абделькадер прнгласил с собой еще приятеля Махди, Мухаммеда Такри. Махди Беи Барка этот уговор нарушил. Не дал он о себе знать н в субботу утром. И тогда Абделькадер всполошился. Ему, конечно, отлнчно было известно, что у Махдн целая куча врагов, которые не остановятся нн перед чем. Хотя он был во Франции, при нем всегда почти безотлучио иаходилась небольшая группа охраны, заботившаяся также о том, чтобы он ннкуда не выходил в одиночку. 29 октября 1965 года друзья также былн бы иа месте,

послушайся Махди Беи Барка своего брата Абделькадера, который хотел приехать, чтобы сопровождать его из аэропорта. Но Махди Беи Барка очеиь спешил, поскольку ему предстоял важиый разговор. Кромё того, ои считал, что дием на парижских улицах среди людей с иим ничего случиться ие может, что ии одии гангстер ие отважится что-либо предпринять против иего.

Гангстеры и в самом деле держались в стороие, а вот об инспекторах бригады по борьбе с иаркоманией Махди Бен Барка, видимо, ие подумал. Да и кто вообще мог предположить, что в похищеиии будут прииимать участие штатиые полицейские инспектора?

МАРСЕЛЬСКАЯ МАФИЯ

17 яиваря 1970 года парижский суд присяжиых приговорил шестидесятидвухлетиего Бартелеми Гверини к двадцати годам тюремиого заключеиия. Обвинявшиеся вместе с ним сообщники отделались иемного полегче.

Бартелеми Гвериии по кличке Меме являлся главой организоваииой иаподобие мафии гангстерской банды, которая иа протяжении сорока лет задавала тои в марсельском преступном мире и имела огромное влияние иа развлекательиый бизнес по всей стране. Клан Гвериии был ие только уголовиой бандой, ио и (по крайией мере времеиами и во всяком случае в Марселе) солидиым политическим фактором. Говорят, бывали в Марселе времеиа, когда ни одии политический деятель ие мог иичего добиться, ие заручившись поддержкой Гвериии. Ни одного полицейского чиновиика иельзя было иазиачить иа должность или продвинуть по службе без согласия босса банды. Насколько это достоверио, устаиовить сложио. Несомиеиио, одиако, что банда Гверини, как и другие современиые гаигстерские банды, по мере роста своего общественного влияиия все в большей степеии проникалась духом капиталистического предприиимательства, постепеиио переводя свои преступиые деяиия иа коммерческую основу.

Наглядиым примером тому является как раз семейство Гверини. Основатель семейиого клаиа Антуан Гвериии иезадолго до Первой мировой войиы приехал в Марсель с Корсики. Тогда ему исполнилось уже пятиадцать лет и ои горел желанием стать великим человеком, а в Марселе его устроили, подумать только, учеииком пекаря... Нет, такая работеика — явио далеко не самый быстрый путь к богатству и почету! И вскоре он дал тягу. Марсель — огромиый перегрузочный порт иа лиииях между Европой, Африкой и Дальиим Востоком, портовый город с оживлеииым движеиием и пестрым калейдоскопом представителей всех племеи и

народов, уже тогда был ндеальным сборным пунктом контрабанднстов н преступников всех мастей. Нигде во Францин преступный мнр ие был так хорошо органнзован, иигде так ловко не пряталн концы в воду н ннгде слияние коитрабанды н торговлн, преступленнй н полнтнкн не прогрессировало столь быстро, как в Марселе. Марсельскнй преступный мир, «милье», был немаловажным фактором в нзбнрательиой борьбе, от его голосов зачастую завнсел исход выборов. На выборах в Марселе нередко оказывалось, что количество поданных голосов превышает число жнтелей города, нмеющих нзбнрательные права, причем зти голоса иеизменно поступалн в пользу каидндатов, которых «уважал» преступиый мир. Немало мэров, депутатов и полнцейских начальннков было обязаио своими постамн главарям «милье».

«Милье» всегда ценнл, еслн ему хорошо служилн. С темн же, кто вставал поперек дороги, разговор был короткий: трупов на дне марсельских гаваней накопилось больше, чем в любых других водах Францин. Нигде в стране не было такого количества скоропалнтельно разбогатевших блюстнтелей порядка н нигде в другом месте ие убивали столько полнцейских, как в Марселе, зтом европейском Чнкаго.

Марсель с непреодолнмой силой затягивал юного Антуана Гверини: разве может сравииться со всей зтой «иастоящей» жизнью моиотоиная, утомнтельиая работа в пекарие под началом строгого мастера? Нет и иет! Бравый Аитуан предпочел пойтн на обучение к ... сутенерам. Ученнком ои оказался талантливым. Начав с одной еднчственой девушкн, вскоре ои командовал уже несколькимн, а там и самолично стал заправским «максом» илн «жюлем», как называют во Францнн сутенеров. Антуан Гверини был очень зкономиым «жюлем». Девушек, попавших к иему в кабалу, ои обнрал до последнего су, зато и деиежки, добытые несчастными жрицамн любвн, ие пускал иа ветер, а аккуратно, франк к франку, складывал, пока ие иакопил иа собственный бар, с открытня которого н иачался зкономический подъем семейства Гверннн.

Бары—идеальиый объект для капнталовложения. Здесь можно организовать ие только доходиую нгру, ио н торговать разным товаром, приносящнм сказочные сверхпрнбылн: контрабандными спнртными напнткамн н табаком, кокаином н героином, порнографней н любовью. Поэтому Антуан вскоре обзавелся еще одинм баром, потом еще одинм и так далее, и так далее. Спустя непродолжительное время бизиес с беспошлнннымн товарами разросся до столь необъятиых размеров, деловые н торговые отношения и инвестицин сталн столь сложными н многостороиними, что Аитуан уже не мог справляться со своим хозяйством в одиночку н выпнсал к себе с Корсики младших братьев.

Так вознинк семейный концерн Гверини, очень скоро забравший в «милье» большую силу, по каковой прнчине заметно прнбавилось у клана н хлопот, нбо конкуренты нз чнсла аборигенов сначала попытались устронть иовнчкам тяжелую жизнь. На их стороне нмелся чнслеиный перевес, да и связями оии обладали куда более

богатыми. С мелкими жуликами, которых он успел сплотить вокруг себя, да со своими братьями Антуану Гверини далеко было не ускакать. Ему стали необходимы союзники, и отменно восприимчивые к житейским премудростям братья Гверини, доподлинно высмотрев, как это делают другие, сами принялись направо и налево «покупать» политиканов, адвокатов, судей и полицейских.

Началась подпольная война особого рода. Люди Гверини, не щадя сил, доносили полиции на конкурентов, а агенты конкурентов в полиции пеклись о том, чтобы их потери были по возможности меньше. При первом удобном случае та же самая игра развертывалась в обратном направлении. Распределение влиятельных служебных постов в органах управления и в полиции стало предметом затяжных переговоров, а то и кровавых стычек в преступном мире. Каждый гангстерский синдикат изо всех сил старался проподнять «своего» кандидата хотя бы на несколько ступенек служебной лестницы повыше, чем «человека» конкурентов. Взятки по образу и подобию махинаций, проводимых солидными легальными предприятиями, стали у гангстеров кредитами, а плата убийцам — инвестициями капитала.

Большой звездный час клана Гверини настал в конце Второй мировой войны. После оккупации Франции конкуренты Гверини поспешили встать на сторону нацистов и вишистов и очернить братьев Гверини в глазах начальства, так что тем, если они не желали оказаться между двух огней, волей-неволей пришлось выбирать другую сторону.

Ведь и в США босс американской мафии Лаки Лучиано тоже изъявил готовность сотрудничать с военной секретной службой против фашистских держав оси. Между Лучиано и Антуаном Гверини и прежде существовали приятельские отношения, которые нередко могут быть вообще между гангстерами, и случалось, что они оказывали друг другу помощь как в чисто коммерческих, так и в не совсем коммерческих делах. Когда американцы, готовясь к высадке в Италии, заключили с Лаки Лучиано соглашение о сотрудничестве с мафией в Южной Европе, к нему присоединились и Гверини: ведь Марсель был важнейшей тыловой базой для немецких частей, расквартированных на Апеннинском полуострове и в Сицилии. Гверини и его люди поддерживали группу Сопротивления и принимали участие в актах саботажа против нацистов и вишистов, а иногда и сами организовывали диверсии. После освобождения Франции это окупилось вдвойне и втройне. Конкуренты, виновные в коллаборационизме с врагами, бежали в другие страны или значительно утратили власть и влияние. Так клан Гверини стал всемогущим повелителем марсельского преступного мира, а братья при всем этом пожинали еще и лавры борцов Сопротивления. Сколоченные во время немецкой оккупации банды, работавшие на американскую и французскую секретные службы, не распускались и после освобождения страны. Правда, теперь секретные службы уже не направляли их действия против

фашистов, а, как прежде, целнком сосредоточилнсь на борьбе с организованиым пролетарнатом.

Братьям Гверини все это было глубоко безразличио. Главиое, оии снова были в деле! В 1947 году во время полнтической демоистрации и забастовки Бартелеми Гверини по кличке Меме (предположнтельно, по поручению амернканской секретиой службы) застрелил коммуниста Винсента Вулана. Еще одного демонстранта он выстрелом ранил. Несмотря на многочисленных свидетелей, опознавших в Меме Гверини убийцу, дело прекратили. Секретные службы умели быть благодарными. Клан Гверини представил «алибн» Меме, и полиция с готовностью отпустила гангстера на все четыре стороиы. Таким образом, убийство коммуниста ие доставило клану Гверинн никаких иеприятностей. Напротив, их империя игорных домов, ночных клубов, борделей и притонов наркоманов распустила свон щупальца по всему среднземиоморскому побережью. Гверини сталн мультимиллионерамн, их богатство росло как в сказке. Теперь они принадлежали к сливкам общества и ревностно оберегали свою «добрую» славу с помощью адвокатов и револьверов.

Не дремали, разумеется, н конкуренты. На смену старым, вышедшим в тираж, нензменно являлись молодые, для которых методы «стариков» были слишком архаическимн. Однако гангстерский король Антуан умел держать в руках своих вассалов н, иензменно одержнвая победы, еще прочнее укреплял свое могущество. Так шло до 22 июня 1967 года.

В этот день Антуан Гверини подъехал на своем белом «мерседесе» к бензозаправочной колонке. Рядом с ним сидел его младший сын Франсуа. Не успела машина остановиться, как, откуда ни возьмись, выскочили двое мужчин н в упор прошили Гверини автоматными очередями. Антуан Гвернни, самая сильная личность семейного клана, умер под пулями коикурентов. Это был первый тяжелый удар по банде Гверннн.

Обоих мужчин, застреливших Антуана Гверини, полиция так по сей день и не иашла.

С 1964 года во фраицузской уголовной полиции имелись специальные подразделения по борьбе с бандитизмом. Эти подразделения работали в тесном сотрудничестве с большим числом деклассированиых элементов и прн случае засылали в гангстерскне круги своих агентов. Имелнсь такие, разумеется, и в Марселе. Немиого разобравшнсь в бандитских распрях, они выявили после убийства Антуана Гверини целую кучу висельников, которые вполне были способиы на такое преступление. Однако у всех подозреваемых оказались твердое алибн и хорошие адвокаты, а слишком большого шума вокруг мертвого гангстера полиция поднимать не хотела, хотя он и был Гвернни.

Между тем семейный клан Гверини продолжал существовать. Его иовым главой стал второй по старшииству брат — Бартелеми.

 Меме Гвернни озиаменовал свой приход к власти настоящей

гвернинeвской вендеттой, так что у «киллера»* организации Антуана Мондолиии в последующие иедели хлопот было выше головы. Мондолиии был прнемным сыном Меме н исполнял, как правило, «грязиую» работу.

После убнйства Антуана в воздухе, которым дышали соперники Гверинн, значительно возросло процентное содержанне свинца, ибо в отличие от полнцнн Меме н Мондолинн совершенно точно знали, где искать убийц. Добрый десяток покойников остался лежать на улицах за время этой перепалки. Подводя итог кампании, Меме собственноручно уплатил по счету, который предъявил могущественному клану иекий жулнк по нмени Клод Мандруйаи.

Двадцатншестилетний Клод Мандруйан в марсельском преступном мире заинмал весьма скромное место: бездомный мелкий вор-одиночка, одержнмый пагубиой страстью к чужим открытым окнам, он стоял где-то иеизмернмо ииже блестящих Гверини. В другое время Гверннн не стали бы и пачкаться о такую мелкую рыбешку, а просто убралн бы ее с помощью полнцнн. Но что делать, еслн этот самый Мандруйан (дикая, неслыханная иаглость!) в деиь погребення Антуана, когда вся семья и целая толпа друзей, полные скорби, собрались вокруг гроба мертвого шефа, забрался на виллу Гверннн н похнтил драгоцениостн стоимостью иа крупную сумму. Мандруйан, скорее всего, и понятия ие имел, кому прннадлежнт эта богатая вилла, его привлек красивый дом, где, судя по всему, иикого ие было, и жирная добыча, которая, наверияка, без толку пылнтся там, виутрн. Добыча и в самом деле оказалась хоть куда, да только вот радоваться ею ему довелось недолго.

Выяснить, кто обтяпал то илн нное дельце, для босса преступиого мнра — сущий пустяк. Стоило Меме вступить в коитакт с укрывателямн краденого, как они тотчас же сообщили ему нмя вора.

Вскоре после этого, 27 июня 1967 года, в уединеииом местечке близ Марселя с полиым глубокого смысла названием «Мыс Каналий» нашли труп Мандруйана. Клод Мандруйан был застрелен. За час до своей смертн он уехал из города вместе с Меме на его «мерседесе» (все Гвериии предпочитали машины имеино такой марки). Это же подтвердил в своих показаниях полиции и члеи баиды Гвернни Марсель Фийо.

Братья Гверннн, Меме и Паскаль, н их телохраиитель заманили мелкого жулнка в западню, где Меме свел с ннм счеты — обычное дело для гаигстера! Но (какова ирония судьбы!) как раз оио стало для братьев Гвеpинн роковым н окончательно подорвало мощь их клаиа. Именно за него ухватилась на этот раз полиция. Два с половииой года вели расследование и собирали обличительный материал, пока 2 иоября 1970 года в Парнже не иачался, наконец,

* Киллер — так у американских гангстеров именуется специалист по убийствам неугодных лиц (*Прим. отв. ред.*).

процесс против Бартелеми н Паскаля Гверинн, Марселя Фийо и трех других гаигстеров из их банды.

За трое суток до этого коикуреиты Гвернни успелн позаботиться о подобающем такому важному событню прологе.

«Киллер» клаиа Гверини Аитуаи Мондолиии попал в тот деиь в автомобнльную катастрофу, в результате которой был тяжело ранеи и доставлен в больницу местечка Кавийон блнз Марселя. Моидолиии находился без созиания. Его кузен Франсуа сидел у постели пострадавшего и штудировал какую-то специальную юридическую кннгу.

Фраисуа Гвериии, вылитый портрет застрелеииого в 1967 году главы семейства, окоичательио и бесповоротио измеиил семейиым устоям и не собнрался, следуя по стопам отца и дядюшек, продолжать гаигстерские традицин. Нет, Фраисуа Гвериии изучал право и имел намеренне стать честным слугой закона.

В больиичиой палате стояла гнетущая тишииа, лишь изредка иарушаемая стоиами Мондолиии да шелестом страниц. Взглянуть иа пациеита в палату вошла иочиая сестра. Не успела оиа затворить за собой дверь, как вслед за ией ворвались трое вооруженных мужчин в масках. Одии из иих, угрожая пистолетом, загиал сестру и молодого Гвериии в угол, а двое других подошли к бесчувствеиному Моидолиии и всадили ему прямо в сердце острый узкий кинжал.

Засим господа конкуреиты откланялнсь. Молодому Гвериии оии не уделили ии малейшего виимаиия. Сыи гангстера, порвавший с семейиой траднцией, был им не опасеи.

Меме Гвериии, которого сразу же обо всем известили, воспринял весть о иасильствеиной смертн своего приемиого сыиа с камеииым лнцом. Мало кто из «киллеров» умирает собственной смертью, смертельный риск — неотъемлемая черта их профессии. Возмущаться чем-либо у Бартелеми Гверини просто ие было времеии. Сиачала ему следовало развязаться с процессом по обвинению в убнйстве Мандруйана н спасти от падающего ножа гильотииы собствениую шею. А там уж, после, можно будет испытаниым гвериииевским способом урегулировать и это дельце с убийством Моидолиии.

Главным свидетелем обвииеиия иа процессе против Меме был его коллега Марсель Фийо: нмеино от него уголовная полнция узиала, что Мандруйаи последиие часы своей жизии провел вместе с Гвериии. Измена клаиу — такого у Гверини еще не водилось! Меме тешил себя иадеждой, что с делом удастся все же покоичить без тяжелых последствий. В коице концов, тогда, в 1947 году, когда ои застрелил коммуниста Вулана, его тоже изобличали свидетели, а иичего с ним так и ие сделали.

Должно все обойтись н на сей раз: ииаче зачем же ои н его брат Паскаль выставили целых пятиадцать адвокатов, н средн них таких львов, как Флорио н мэтр Изорини (защищавший в свое время Петэиа)?

И действительио, уже иа второй деиь процесса обстоятельства коренным образом измеиилнсь. Марсель Фийо отказался от своих

прежиих показаний, даииых уголовиой полиции. В полиции его якобы запугивали и долго мучили, пока наконец он ие сказал все, что от него хотели услышать. А ведь это были как раз те самые его показаиия, иа которые рассчитывал прокурор, чтобы иметь основание требовать у суда голову Меме!

У Гверини и его адвокатов в запасе имелись и другие неожиданности, только на этот раз оии им ие помогли: не помогли ни ловко состряпанное алиби, ии риторическое сверхмастерство защитников.

Двадцать заседаиий потребовалось суду для выясиеиия всех обстоятельств, затем присяжиые удалились на совещание. Всего два часа потребовалось им, чтобы ответить на поставлеииые вопросы и выиести свой приговор: «виновен».

Голову Гвериии все-таки сохраиили, ио лишь для того, чтобы ои иосил на ней арестантскую шапку.

Таким образом, с кланом Гвериии было покоичеио; что же касается организованиой преступиости и гангстеризма, то оии попрежиему существуют и приобретают все более угрожающие формы и размеры.

Общественность и профсоюзы, с полным основанием обеспокоеииые тем, что улицы становятся все более опасиыми, требуют от правительства действенных охранительных мер. Одиако во Франции правительство столь же бессильно против этого бума преступности — иаглядиого проявлеиия экономического и социального кризиса империализма, как и во всех других капиталистических государствах. Для успокоеиия населения время от времени проводятся широко задуманные полицейские акции, эффективиость которых, однако, как правило, весьма иевысока. С организованной преступиостью и гангстерами в смокингах таким путем не справиться. Во время облавы, проводимой в осеииие месяцы 1974 года по распоряжеиию мииистерства внутренних дел по всей стране с привлечеиием более 18 000 полицейских, в руки полиции попало всего лишь 309 третьесортиых жуликов. Гаигстеров разряда Гверини или Моидолиии среди них не оказалось.

11 000 сотрудников уголовной полиции Сюртэ Насьональ и их коллеги из полицейских префектур Парижа и других городов стоят перед неразрешимой задачей: им иадлежит бороться с болезнью, которая кореиится в самой общественной системе и без изменеиия последией устранена быть ие может. Поистине, задача посложнее квадратуры круга!

Содержание

ОПЕЧАТКА

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
178	17 снизу	Крейгера, то он был финансовым воротилой, европейским боссом	Крейгера Карин Бокманн. Переговоры о встречах Ивар Крейгер

*В книге представлены очерки
об истории и деятельности
французской полиции
Сюртэ Насьональ
и полицейской префектуры Парижа.
В ней рассказывается
о наиболее характерных уголовных
делах прошлого и наших дней.
Автор раскрывает
реакционную направленность
деятельности полиции,
борьбу против
прогрессивных сил,
показывает
на конкретных примерах,
как попираются
в буржуазном обществе
права граждан.*

1 р. 90 к.

Большое ухо Парижа

Герхард Файкс